

Алтайский государственный педагогический университет
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Павлодарский государственный педагогический институт
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного
наследия им. Д. С. Лихачева

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРИИРТЫШЬЕ,
ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ И НА АЛТАЕ
В 2016 ГОДУ**

Археология, этнография, устная история

Выпуск 12

Материалы XII международной научно-практической конференции
Омск, 24–25 марта 2017 г.

Омск
Издатель-Полиграфист
2017

УДК 902+39+93(063)

ББК 63.4+63.5+63.3

П49

Редакционная коллегия:

доц., канд. ист. наук *М. Л. Бережнова* (отв. ред.); доц., канд. ист. наук *С. Н. Корусенко* (отв. ред.);
канд. ист. наук *И. В. Толпеко* (отв. ред.); проф., д-р ист. наук *М. А. Демин*;
проф., д-р ист. наук *Н. А. Томилов*; проф., д-р ист. наук *Т. К. Щеглова*; *К. Ю. Гизиева* (секретарь)

П49 **Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году:** археология, этнография, устная история. Вып. 12 : материалы XII междунар. науч.-практ. конф., Омск, 24–25 марта 2017 г. / отв. ред. М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко, И. В. Толпеко. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2017. – 236 с.

ISBN 978-5-98236-083-0

В сборнике публикуются материалы XII международной научно-практической конференции. В издании представлены результаты исследований научных, образовательных, музейных и других центров в области археологии, этнографии и устной истории на территории юга Западной Сибири, Северного и Восточного Казахстана в 2016 г.

Сборник рассчитан на специалистов в области истории, археологии, этнографии, музееведения, краеведов и всех интересующихся региональной историей и культурой.

УДК 902+39+93(063)

ББК 63.4+63.5+63.3

ISBN 978-5-98236-083-0

© Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, 2017
© Оформление. ООО «Издатель-Полиграфист», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Борисов В. А., Илюшин А. М.</i> К вопросу о датировке ирменского поселения на комплексе археологических памятников Торопово-7.....	6
<i>Бородаев В. Б., Щербинин В. В.</i> Горная выработка предположительно древнего возраста в бассейне реки Казинихи (Чарышский район Алтайского края).....	9
<i>Герасимов Ю. В.</i> Некоторые итоги изучения комплекса археологических памятников у д. Льнозавод на Средней Таре.....	12
<i>Горбунова Т. А., Толпеко И. В., Шмидт И. В.</i> Предварительные результаты полевого исследования многослойного памятника Черноозерье VI–VIa в 2016 году.....	16
<i>Дашковский П. К.</i> Исследование курганов № 4 и № 9 эпохи энеолита на могильнике Инской Дол (Алтай).....	19
<i>Дашковский П. К., Ожиганов А. Н.</i> Раскопки кургана № 21 на могильнике Чинета-II в Алтайском крае.....	22
<i>Демин М. А., Мамадаков Ю. Т., Головченко Н. Н., Белоусов Р. В.</i> Результаты полевых исследований поселения Бехтемир-Козлачиха.....	26
<i>Кассал Б. Ю.</i> Возможности зоологической интерпретации арт-объектов археологии.....	34
<i>Константинов Н. А., Соенов В. И., Трифанова С. В., Эбель А. В., Урбушев А. У.</i> Полевые исследования в Кош-Агачском районе Республики Алтай.....	37
<i>Лампартер Э. Э.</i> Изучение антропологических материалов из погребений с помощью метода компьютерной томографии.....	38
<i>Молодин В. И., Мыльникова Л. Н.</i> Работы на памятнике Венгеро-2 (Барабинская лесостепь) в 2016 году.....	42
<i>Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С.</i> Исследование памятника Тартас-1 (Бараба) в 2016 году.....	44
<i>Онищенко С. С., Сидельникова А. Н., Черниченко А. Д., Илюшин А. М.</i> Зооархеологические материалы из сборов и зачисток на комплексе ритуальных площадок развитого средневековья в Кузнецкой котловине.....	46
<i>Павлов Д. Н.</i> Результаты и перспективы разведки в Горьковском районе Омской области в 2016 году.....	50
<i>Татауров С. Ф.</i> Археологические работы в городе Таре в 2016 году.....	52
<i>Тихомиров К. Н.</i> Новые исследования комплексов тюркизированного населения Омского Прииртышья.....	54
<i>Турова Н. П.</i> Коллекция костяных изделий с городища Тобол-Тура 1 (по результатам археологических исследований 2016 года).....	57
<i>Тушева Е. К.</i> К изучению лучших костяных накладок из средневекового погребения у с. Жанакала (технологический аспект).....	60
<i>Федорук А. С., Редников А. А., Федорук О. А.</i> Новые данные к археологической карте с. Ребриха.....	64
<i>Шалахов Е. Г.</i> Предметы неутилитарного назначения в эпоху раннего металла (о находке керамической подвески на Юринской стоянке средневожской чирковской культуры).....	67

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Абеуова Е. К.</i> К изучению культовых комплексов «Аулие» Павлодарского Прииртышья.....	70
<i>Ахметова Ш. К.</i> Отдельные аспекты этнокультурных процессов у казахов Новосибирской области.....	73
<i>Бойко В. С.</i> «Поле» геополитических исследований по проблематике Большой Центральной Азии второй половины 2010-х годов.....	76

<i>Гизиева К. Ю., Межевикин И. В.</i> От традиции к технологии: современный обряд погребения русских (по материалам Омска и Омской области)	80
<i>Джалдоксимова Г. Т.</i> К изучению этапов формирования казахских некрополей степного Прииртышья	83
<i>Динкелакер З. А.</i> Волчок и сорока-ворона в поэзии пестования	87
<i>Досмурзинов Р. К.</i> Проблемы этнографии города на страницах журнала «Советская этнография»	89
<i>Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А.</i> Этносоциальные процессы в Республике Алтай (по материалам экспедиции 2014 года)	92
<i>Жигунова М. А.</i> Дни Сибири – возрождающийся праздник	96
<i>Золотова Т. Н.</i> Празднование дня святых равноапостольных Константина и Елены у крымских греков	98
<i>Ильина А. А.</i> Некоторые аспекты изучения национально-культурных объединений малых городов и сел (на примере Омского Прииртышья)	102
<i>Кабакова Н. В.</i> Переселенцы Тарского округа Тобольской губернии (1840–1850-е годы)	106
<i>Кассал Б. Ю.</i> Ловушки для рыбы – объекты традиционной культуры народов Сибири	108
<i>Кимеев В. М.</i> Опыт стационарной полевой экспедиции в Горную Шорию: 1976–2016 гг.	111
<i>Крих А. А.</i> Групповые прозвища потомков южнорусских переселенцев в Омском Прииртышье	114
<i>Мамонтова О. С.</i> Традиционные черты в культуре питания татар с. Беленькое Угловского района Алтайского края	117
<i>Молдагазинова Ж. М.</i> Программа трехязычия в Восточном Казахстане по опросам жителей региона в 2016 году	121
<i>Москвина В. А.</i> Фольклорные традиции с. Серебряное Горьковского района Омской области (по записям 2016 года)	124
<i>Селезнев А. Г., Селезнева И. А.</i> Этнографическое изучение новых экопоселений на территории Омской области в 2016 году	127
<i>Сураганова З. К., Сарманова С. Р.</i> Саукеле: от предмета до обряда (реинтерпретация традиции в современной свадебной обрядности казахов Омского Прииртышья)	130
<i>Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С.</i> О родовых «камнях» алтайцев	133
<i>Тихомирова М. Н.</i> Рыночная торговля татар из пригородных населенных пунктов Томска в XX – начале XXI века	136
<i>Томилов Н. А.</i> Этнографические экспедиции Омского государственного университета и дискуссии о полевых исследованиях 1970-х – 1980-х годов	140
<i>Ушницкий В. В.</i> Легенды об Эрельдее – алтайском зайсане	142
<i>Цыряпкина Ю. Н.</i> Культурное и религиозное взаимовлияние коренного и русскоязычного населения Узбекистана (по материалам полевых исследований в городах Ташкентской области в 2014–2015 годах)	144
<i>Чарина О. И.</i> Бытование русского фольклора в с. Синск Хангаласского района Якутии: экспедиция 2016 года	148
<i>Чернова И. В.</i> Хозяйство южнорусских переселенцев юга Западной Сибири первой половины XX века	151
<i>Шинкевич П. П.</i> Формирование этнической идентичности переселенцев (на примере переселений в Сибирь)	153
<i>Щетинина Е. В.</i> К вопросу о бытовании этнических стереотипов в современном интернет-пространстве	156

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Белоглазова Г. Н., Витовтова Г. И.</i> Информационный потенциал дневниковых записей времен Великой Отечественной войны	159
<i>Герасимова Н. А., Чухрай М. В.</i> Традиционные уличные игры населения Солонешенского района Алтайского края	163

<i>Губина Н. В., Афанасьева С. А.</i> Рождение и крещение ребенка в системе семейной обрядности старожилов и переселенцев Солонешенского района Алтайского края	165
<i>Дорошенко А. А.</i> Баня в жизни крестьянской семьи сибирской тыловой деревни 1940-х годов.....	168
<i>Емельянов Д. В.</i> Охотничий промысел северных алтайцев (50–60-е годы XX – начало XXI века): воспоминания, опыт и современное состояние	171
<i>Игнатенко А. А.</i> Пища и питание жителей алтайской деревни в годы Великой Отечественной войны.....	174
<i>Кабакова Н. В.</i> Повседневность западносибирской деревни: изменения жизнедеятельности сельского населения накануне и во время Великой Отечественной войны (по материалам устных источников)	177
<i>Коровникова Д. Н.</i> Семейные обряды населения Солонешенского района Алтайского края: свадебный обряд.....	180
<i>Корусенко С. Н.</i> «Село Яланкуль и его жители. Шаджара»: рукопись сибирской бухарки как устный исторический источник.....	182
<i>Красникова А. В.</i> Депортированные калмыки глазами жителей алтайской деревни: межкультурное взаимодействие.....	188
<i>Лацис Ю. С.</i> Устные рассказы о покойниках: жанровая специфика и сюжетный состав	192
<i>Леонова В. А.</i> Труд и трудовые традиции населения алтайской деревни в годы войны: на примере детей школьного и подросткового возраста	195
<i>Лобчикова К. П.</i> Жилище и отопление в годы войны: повседневная борьба с холодом.....	198
<i>Мазырина А. А., Рыков А. В.</i> Присвоение зерна как адаптационная практика русского крестьянства Алтая в годы Великой Отечественной войны	201
<i>Мазырина А. А., Малахова А. Н., Рыков А. В.</i> Добывающие промыслы в системе жизнеобеспечения русского крестьянства Алтая в годы Великой Отечественной войны (на примере Благовещенского и Романовского районов).....	204
<i>Подолько В. В.</i> Роль и перспективы развития казачьих объединений Алтайского края Российской Федерации и Акмолинской области Республики Казахстан	207
<i>Скурыдина Е. М., Петер А. А.</i> История Барнаульской Поморской старообрядческой общины (взгляд изнутри).....	210
<i>Цветкова А. Д.</i> Родины в рассказах-воспоминаниях населения Солонешенского района Алтайского края (по материалам экспедиции 2016 года).....	214
<i>Щеглова Т. К.</i> Традиции розжига огня и способы освещения жилища в повседневных практиках населения сибирской деревни в военное время.....	218
<i>Щербакова О. С.</i> К вопросу о современном бытовании песенного фольклора в этнокультуре селян: по материалам полевых исследований в селах Зеркалы и Андреевка Шипуновского района Алтайского края	222
<i>Бережнова М. Л.</i> Полевые практики и корпус этнографических источников: изменения начала XXI века	225
Список сокращений	226
Сведения об авторах	227

АРХЕОЛОГИЯ

В. А. Борисов, А. М. Илюшин

Кемерово, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ИРМЕНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА КОМПЛЕКСЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТОРОПОВО-7

Исследуется вопрос о датировке материалов ирменской культуры на комплексе археологических памятников Торопово-7. Источником для исследования является новая коллекция керамической посуды из раскопа № 10. Сравнительный анализ форм посуды и мотивов ее орнаментации по зонам позволяет подтвердить вывод о том, что памятник относится к финальной стадии развития ирменской археологической культуры, когда в орнаментации присутствуют специфические мотивы – «жемчужник» с различными разделителями, валик и елочный узор. Исследуемая посуда датирована поздней бронзой – началом перехода от бронзы к железу.

Ключевые слова: Торопово-7, поздняя бронза, переходное время, керамическая посуда, ирменская археологическая культура

Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция с 2008 г. проводит полевые исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7, расположенном в долине среднего течения р. Касьмы на территории Кузнецкого Присалаирья [1, с. 165–179]. В 2016 г. была завершена работа на раскопе № 10, который по плану научно-исследовательской работы должен стать последним на этом памятнике. В прошедшем полевом сезоне задача спасения разрушающегося культурного слоя памятника была выполнена в полном объеме, а дополнительные раскопы позволили дать его предварительную культурно-историческую характеристику [2, с. 137–142; 3, с. 149–160; 4, с. 151–154; 5, с. 142–152; и др.]. Наиболее древним объектом на комплексе археологических памятников Торопово-7 является небольшое поселение ирменской археологической культуры (IX–VII вв. до н. э.), расположенное на самом краю первой надпойменной террасы, что стало причиной наибольшего разрушения его паводковыми водами. Ирменские древности Кузнецкой котловины принято делить на два этапа – ранний и поздний [6, с. 88]. Изучаемые материалы предварительно можно отнести к позднему этапу ирменской археологической культуры или переходному периоду от эпохи бронзы к эпохе железа. В пользу этой датировки свидетельствует предпринятый нами ранее анализ широкого круга аналогий бронзовым изделиям, ранее найденным на Торопово-7. Аналогии этим изделиям встречаются в материалах памятников позднеирменской культуры или позднего этапа развития этой культуры, а также в материалах переходного периода от бронзы к железу и раннего железного века на территориях Кузнецкой котловины, Алтая, Новосибирского Приобья и Барабы [7, с. 104–109]. Однако вопрос о датировке материалов ирменской археологической культуры на Торопово-7 оставался открытым из-за малого количества реконструируемой керамической посуды, украшенной орнаментом, что позволило бы провести сравнительный анализ с материалами других памятников по формам сосудов и зональной орнаментации посуды. После обнаружения в раскопе № 10 целых и фрагментированных 13 керамических сосудов (рис. 1: 1–13) на этот вопрос можно дать окончательный ответ. Поэтому целью настоящей работы является ввод в широкий научный оборот новой коллекции керамической посуды с Торопово-7 и исследование ее датировки и культурной принадлежности методом сравнительного анализа.

Новая коллекция керамической посуды представлена сосудами горшковидной формы (рис. 1: 1–13). Практически все сосуды имеют плоское днище. Лишь один сосуд можно отнести к категории с уплощенным дном (рис. 1: 10).

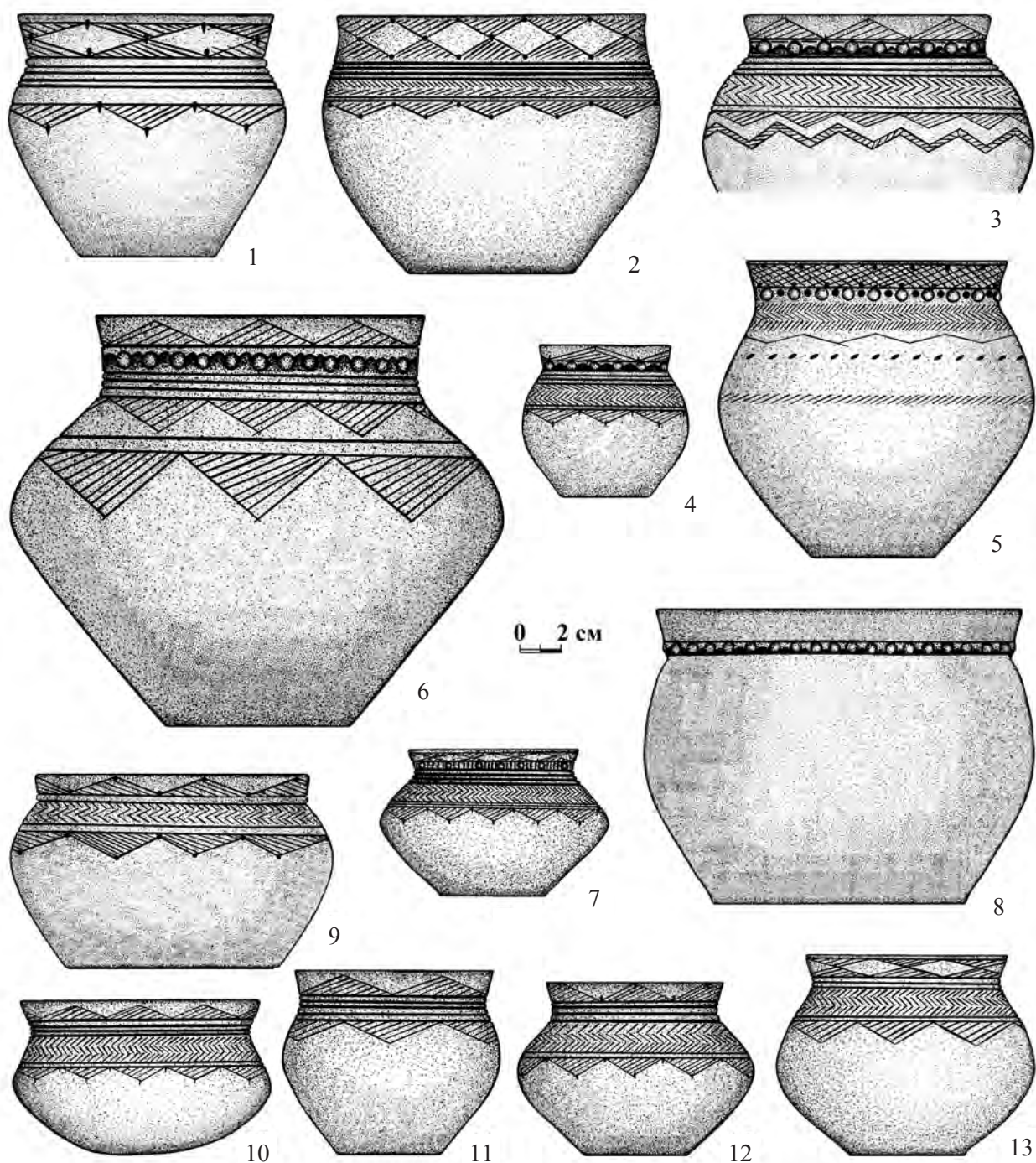

Рис. 1. Комплекс археологических памятников Торопово-7. Находки эпохи поздней бронзы с культового места: 1–13 – керамическая посуда

По соотношению высоты и максимального диаметра тулова практически все сосуды относятся к группе низкие. В группу высокие можно включить один сосуд (рис. 1: 6), показатели высоты которого превосходят диаметр тулова. Последний сосуд представляет собой переходную форму от горшка к кувшину или гибрид этих двух форм. Статистика повторяемости мотивов орнамента по зонам выглядит следующим образом. В зоне венчика представлены три орнаментальных мотива. Преобладают заштрихованные треугольники, обращенные вершинами вверх (53,8 %), и заштрихованные треугольники, соединенные вершинами (30,8 %). В этой же зоне в одном случае (7,7 %) имеется мотив заштрихованная сетка и один случай (7,7 %) отсутствия орнамента. В зоне шейки выявлены пять орнаментальных мотивов. Больше всего представлены ряды горизонтальных линий (56,25 %) и ряд

«жемчужника» (37,5 %) с тремя типами разделителей – в форме уголка лопатки (25 %), ямок (6,25 %) и насечек (6,25 %). В единичном случае имеется валик, оконтуренный горизонтальными линиями (6,25 %). В зоне плечика встречаются семь орнаментальных мотивов. Преобладают мотив в виде ряда заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вниз (40,7 %), и елочный узор (33,4 %). Значительно реже используется ряд горизонтальных линий (7,4 %) и в единичных случаях (3,7 %) – двойной заштрихованный зигзаг, каннелюры, зигзаг, полоса косой штриховки. В единичном случае (3,7 %) орнамент в этой зоне отсутствует.

Сравнительный анализ орнаментальных мотивов с использованием статистических данных показал, что исследуемая коллекция керамической посуды (рис. 1: 1–13) в Касьминском археологическом микрорайоне имеет наибольшее количество аналогий на ирменских памятниках – поселение Торопово-4 и курганный могильник Сапогово-1 [8, с. 61–74; 9, с. 49–55; 10, с. 257–261]. В целом форма и пропорции исследуемых сосудов из Торопово-7 и статистические показатели по орнаментальным мотивам каждой зоны свидетельствуют о преобладании традиций, характерных для ирменской археологической культуры на всей территории ее распространения в Западной Сибири [11, с. 69–74; 12, с. 42–48; 13, с. 292–293; 14, с. 112–127; 15, с. 119–124; и др.]. При этом обращает на себя внимание высокий процент в орнаментации шейки «жемчужником» с различными разделителями и наличие валика, а в зоне плечика – елочного узора, что характерно для позднеирменских материалов, которые относят к периоду поздней бронзы или переходному времени от эпохи бронзы к раннему железному веку [14, с. 128–129; 15, с. 155–164; 16, с. 128–142; 17, с. 78–79; и др.]. Последнее позволяет датировать исследуемую коллекцию ирменской керамической посуды из Торопово-7 финалом периода поздней бронзы – переходным временем от эпохи бронзы к эпохе железа. Этот вывод подтверждает ранее высказанную нами гипотезу о датировке ирменского поселения на комплексе археологических памятников Торопово-7 поздней бронзой – началом перехода от бронзы к железу.

1. *Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Бутьян В. А.* Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2009. – № 3. – С. 165–179.

2. *Илюшин А. М.* Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций. – Барнаул, 2013. – С. 137–142.

3. *Илюшин А. М., Борисов В. А., Бутьян В. А.* Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2014. – № 1. – С. 149–160.

4. *Илюшин А. М., Борисов В. А., Бутьян В. А.* Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2013 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2014. – № 6. – С. 151–154.

5. *Илюшин А. М., Бутьян В. А., Борисов В. А.* Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2012. – № 2. – С. 142–152.

6. *Ковалевский С. А.* Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. – Кемерово, 2006.

7. *Илюшин А. М., Борисов В. А.* Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2016. – Вып. XXII. – С. 104–109.

8. *Илюшин А. М., Ковалевский С. А.* Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. – Кемерово, 2012.

9. *Илюшин А. М., Ковалевский С. А., Сулейменов М. Г.* Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. – Кемерово, 1996. – Т. 1 : Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции.

10. *Кутовая А. С., Кузнецова Е. Е., Илюшин А. М.* Исследование орнамента керамической посуды с культового места ирменской археологической культуры на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Россия молодая : сб. лучших ст. VIII Всерос., 61 науч.-практ. конф. молодых ученых. – Кемерово, 2016. – С. 257–261.

11. Ковалевский С. А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. – Кемерово, 2006.
12. Ковалевский С. А. Особенности орнаментации ритуальной посуды ирменской культурно-исторической общности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 1. – С. 42–48.
13. Косарев М. Ф. Эпоха поздней бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987. – С. 289–304.
14. Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск, 1993.
15. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985.
16. Федорук А. С., Шамишин А. Б., Папин Д. В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-ХVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул, 2008. – С. 125–143.
17. Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М., 1994.

В. Б. Бородаев, В. В. Щербинин

*Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет,
Алтайский государственный университет*

**ГОРНАЯ ВЫРАБОТКА ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ДРЕВНЕГО ВОЗРАСТА В БАСЕЙНЕ
РЕКИ КАЗИНИХИ (ЧАРЫШСКИЙ РАЙОН АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

На труднодоступном участке Алтайских гор в 2016 г. авторами обнаружена горная выработка простейшего типа. Она имеет вид округлой ямы, пройденной по прожилкам окисленных медных руд – малахита и азурита. Найденная выработка расположена примерно в 3,5 км западнее известного древнего рудника у с. Владимировка. Приведены аргументы в пользу предположения о древнем, археологическом возрасте найденного объекта.

Ключевые слова: горное дело, выработка на медь, древние «чудские копи».

В 2016 г. одной из задач традиционного туристско-краеведческого похода в Алтайские горы стал поиск Коргонского прииска – памятника российского горного дела XVIII в.

По литературным источникам известно: «Коргонский прииск находится на правой стороне р. Коргона, левого притока Чарыша, на вершине высокой горы «Коргонского белка», приблизительно в 6–7 км от дер. Коргон. <...> Открыт в 1790 г. гиттенфервалтером Архиповым. Разведывался в том же году. Работы состояли из одной шахты и двух прорезов и были остановлены «за пресечением руд». В 1909 г. осмотрен горным инженером П. Матвеевым, указывающим, что истинной причиной прекращения работ нужно считать весьма тяжелые местные условия, т. к. месторождение находится на значительной высоте (под самым белком). Во всех выработках видна руда». Месторождение залегает в известняке. Руды состоят из азурита, малахита, галенита и церуссита. По старым архивным данным, содержание меди в руде от 1,875 до 20 %, свинца 15–34 %, серебра 0,019–0,078 %. По анализу П. Матвеева, произведенному в 1909 г., меди 0,2–6,5 %, свинца 4 %, серебра 0,0420–0,0455 %, что позволяет характеризовать месторождение как медно-свинцовое [1, с. 148–149].

Казиниха является правым притоком р. Коргон, который в 6 км севернее устья Казинихи впадает слева в р. Чарыш. К северо-западу от устья Коргона, на левом берегу Чарыша, раскинулось старинное русское село Коргон, с 1952 г. административно относящееся к Усть-Канскому району современной Республики Алтай. Это село было основано еще в конце XVIII в. как поселок, обслуживающий Коргонскую каменоломню. Сейчас оно является старейшим населенным пунктом Республики Алтай. В окрестностях с. Коргон полоса вдоль левого берега Чарыша шириной от полутора до пяти километров принадлежит Усть-Канскому району, южнее расположены земли Чарышского района Алтайского края. На р. Коргон граница между республикой и краем проходит в нескольких сотнях метров

севернее устья р. Казинихи. Таким образом, весь водосборный бассейн этого притока Коргона находится в Чарышском районе.

Долина р. Казинихи представляет собой горное ущелье, вытянутое по направлению с юго-востока (истоки) на северо-запад (устье). Склон левого берега, обращенный на северо-восток, зарос деревьями и кустарником. Обращенный к юго-западу склон правого берега менее залесен, здесь нередки полосы каменных россыпей – курумников. Лет 20–30 назад вдоль реки имелась конная тропа, которая шла преимущественно по правому берегу. В последнюю четверть века р. Казиниха выпала из сферы хозяйственной деятельности жителей с. Коргон, тропа заросла, завалена буреломом. В наше время движение вдоль Казинихи в среднем течении реки (до места слияния двух ее истоков) сопряжено со значительными трудностями. Некогда конная тропа здесь превратилась в звериную, натоптанную как копытными, так и хищными обитателями гор.

В начале августа 2016 г. нами пройден маршрут от нижнего течения р. Казинихи до места слияния двух ее истоков и далее вдоль северного истока до высотной отметки 1524 м. Оттуда радиальными выходами была осмотрена вершина горы Казинихи (1725 м) и уходящий на юго-восток от нее водораздел с р. Быструхой. Затем зоной поисков стала верхняя часть простирающегося на запад горного отрога с высотами 1630–1570 м, который является бортом правого берега северного истока р. Казинихи. На горе и в ее ближайших окрестностях никаких объектов, связанных с горным делом, не выявлено. В верхней части хребта, образующего северный склон долины северного истока р. Казинихи, была обнаружена горная выработка на медь.

От вершины 1725 м (гора Казиниха) по направлению западо-юго-запад отходит узкий водораздел, покрытый таежной растительностью, среди которой в верхней части видны скальные обнажения. Сравнительно ровный верх этого горного отрога на протяжении почти километра лежит на отметках 1600 ± 30 м. По хребту, чуть южнее его оси, имеется звериная тропа, которая в западном конце ровного водораздела приводит к вершине крутой каменной осыпи, окаймляющей верх широкого лога. Проход через такой курумник требует определенной собранности: осыпь местами очень крутая. За опасным участком, с западной стороны от него, тропа пересекает геологическую траншею советского времени, вырытую в меридиональном направлении. Примерно в ста метрах далее она выходит к горной выработке иного рода, в виде ямы-закопушки. Координаты этого места $51^{\circ}01.038'N$ $84^{\circ}05.770'E$ (в системе координат WGS 84), высота над уровнем моря 1527 м.

Обнаруженная выработка расположена на краю скального выступа, обращенного на юг. Из-за этого северная стенка ямы значительно выше южной (рис. 1; 2). Северная стенка – почти вертикальное скальное обнажение высотой примерно 4 м от дна ямы. Южная стенка более пологая, скальный выступ здесь перекрыт гумусированной почвой и порос травой. Высота южной стенки от современного дна ямы около 1,7 м.

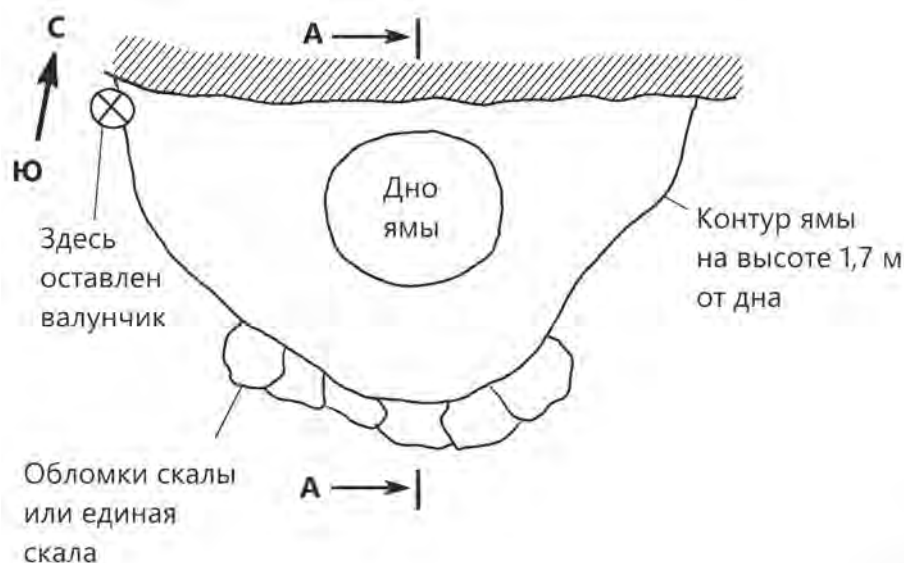

Рис. 1. Схематичный план обнаруженной горной выработки. Глазомерный чертеж из полевого дневника В. Б. Бородаева

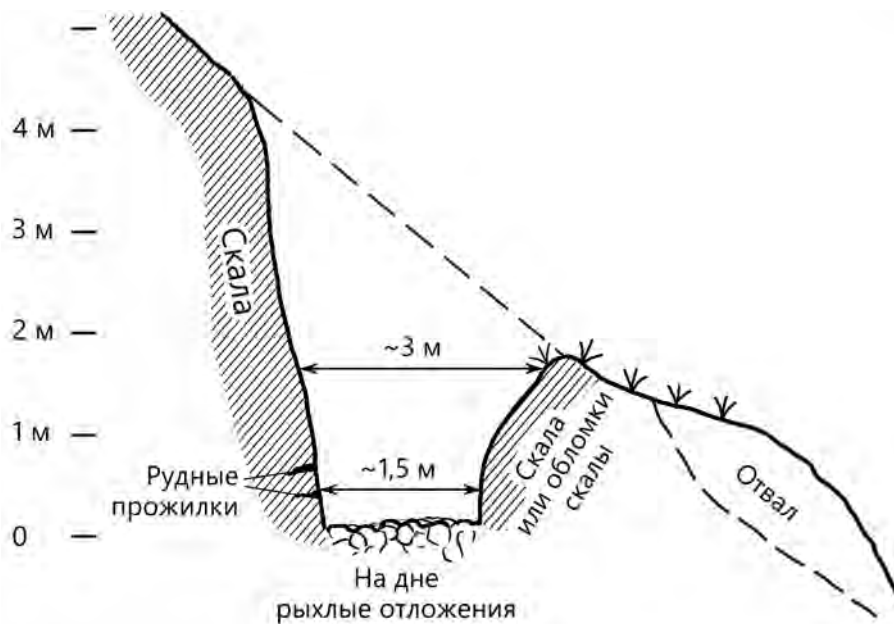

Рис. 2. Разрез по оси С–Ю обнаруженной горной выработки.
Глазомерный чертеж из полевого дневника В. Б. Бородаева

От верхней кромки южной стенки вниз по крутому склону горы просматривается шлейф отвала. По краям отвал порос травой, в центре не задернован.

Зафиксированное визуальное дно ямы сложено рыхлыми скальными отложениями, вероятно, объект продолжается ниже. По форме яма округлая. У дна и на первом метре высоты ее диаметр составляет около 1,5 м. Затем южная стенка становится наклонной, яма приобретает вид воронки, и на высоте 1,7 м ее диаметр увеличивается почти до 3 м.

Руда видна только в скальной северной стенке: прожилка малахита на высоте примерно 1 м от современного дна ямы и ниже менее мощные выходы азурита и малахита. Высыпавшиеся из этих рудных прожилков кусочки с малахитом и азуритом лежали на дне ямы под северной стенкой.

К сожалению, времени на тщательный осмотр обнаруженной выработки было очень мало из-за погодных условий. Беглое обследование открытой части отвала показало, что он сложен из небольших обломков рваного камня, на которых изредка видны следы малахита и азурита. В отвале встретилась пара галек размером 5×3 см, явно выпавших из конгломерата, куски которого попадались там же. Наряду с таким древним галечником с отвала был поднят обломок валунчика, очевидно, взятого из русла реки. Его размер 16 см (по длине разлома) \times 7 см (по ширине разлома) \times 10 см (в поперечнике). Никаких следов работы на камне не просматривалось. После фотофиксации находка была оставлена на западном борту выработки.

Несомненно, что обнаруженная нами яма выбрана в скальном грунте людьми и велась по жиле медной руды, т. е. это горная выработка на медь. Теоретически возможны три варианта датировки такого объекта:

- археологическая древность;
- российская выработка XVIII–XIX вв.;
- следы разведочных работ советских геологов.

Последнее предположение можно уверенно отклонить, поскольку следы геологических поисков советского времени в значительном количестве встречаются на склонах окрестных гор и резко отличаются масштабностью работ от найденной ямы-закопушки.

По итогам российских горных работ XVIII–XIX вв. на этом участке бассейна р. Коргон в литературе учтено только одно меднорудное месторождение – описанный выше Коргонский прииск. Его точная локализация – дело будущего, однако известно, что прииск разрабатывался шахтой и двумя прорезами, т. е. характер и внешний вид выработок там был другой, отличный от нашей находки.

По своему облику обнаруженная выработка на медь вполне сопоставима с так называемыми «чуждскими копиями» Рудного Алтая, сведения о которых сохранились в русских письменных источниках.

Внешний вид выработки и находка на ее отвале обломка речного валунчика дают основания склоняться к археологической датировке обнаруженного объекта. В россыпях курумника подобных окатанных валунов не замечено. Валунчик, несомненно, был принесен на выработку человеком. Трудно представить, что это сделали советские геологи или российские рудоискатели XVIII–XIX вв. Наоборот, для рудников древнего, археологического возраста употребление в качестве орудий окатанных камней, поднятых из речного аллювия, – явление обычное и характерное. Например, на древнейшем алтайском руднике у с. Владимировка почти все найденные там каменные орудия были из речного валунника [2, с. 104–113]. Этот примечательный археологический памятник расположен неподалеку от обнаруженной нами выработки. Яма-закопушка находится примерно в 3,5 км западнее Владимировских разработок.

Описанные выше особенности позволяют в качестве приоритетной версии предварительно датировать обнаруженную горную выработку на медь археологическим временем.

1. Митропольский Б. С., Паренаго М. К. Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира. – Новосибирск, 1931.

2. Баженов А. И., Бородаев В. Б., Малолетко А. М. Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. – Томск, 2002.

Ю. В. Герасимов

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ У Д. ЛЬНОЗАВОД НА СРЕДНЕЙ ТАРЕ

В статье представлены основные итоги археологической разведки в устье р. Верхняя Тунгуска, правого притока р. Тара. В результате сплошного обследования местности были открыты пять и обследованы восемь памятников археологии различных эпох. Раскопки памятников микрорайона позволят получить новые данные для изучения истории и культуры населения южнотаежного Прииртышья от неолита до позднего средневековья.

Ключевые слова: археологические разведки, археологические памятники, Тарское Прииртышье, Омская область.

В 2015 г. автором была проведена археологическая разведка в устье р. Верхняя Тунгуска, правого притока р. Тара, в Муромцевском районе Омской области (рис. 1).

Начало систематических археологических исследований в Муромцевском районе связано с деятельностью директора Омского областного краеведческого музея А. Ф. Палашенкова, описавшего 62 памятника различных эпох [1]. История исследования археологических памятников у д. Льнозавод начинается с 1981 г., когда сотрудники отряда Северо-Азиатской экспедиции под руководством В. И. Молодина обнаружили поселения Льнозавод-1 и 2 и могильник Льнозавод-3. В 1982 г. А. И. Соловьевым был раскопан погребальный комплекс, который первоначально был разделен на грунтовый могильник Льнозавод-3 и курганный могильник Льнозавод-4 [2, с. 157]. В отчете памятник был описан как могильник Льнозавод-4 [3, с. 5]. Позже материалы комплекса под тем же обозначением были упомянуты в коллективной монографии [4, с. 165], но подробная публикация так и не состоялась.

В 1994 г. археологическую разведку в указанном районе провела О. Е. Гришаева, в результате чего было выявлено шесть археологических памятников [2, с. 3]. Следует отметить, что О. Е. Гришаева была знакома с результатами исследований В. И. Молодина и А. И. Соловьева, но не учла их, вследствие чего возникла путаница при нумерации памятников. Так, могильник Льнозавод-4 в от-

чете О. Е. Гришаевой получил номер 2, поселение раннего железного века Лънозавод-1 – номер 7, поселения неолита – ранней бронзы Лънозавод-2, 3 – номер 6. В 1996 г. И. Г. Глушков раскопал по одной западине из состава поселений Лънозавод-2 и Лънозавод-3 [5]. В 1995 г. раскопки на курганном могильнике, открытом О. Е. Гришаевой, провела С. В. Прищенко [6]. Итак, на протяжении тридцати лет в устье Верхней Тунгуски работали несколько групп археологов, но итоги не были согласованы, что привело к беспорядку как в нумерации, так и в интерпретации памятников. Ситуация осложняется и тем, что сведения о проводившихся работах не были предоставлены в Министерство культуры Омской области, и, соответственно, учетная документация отсутствует.

В 2015 г. планировалось паспортизировать памятники, уточнить их интерпретацию и оценить перспективы раскопок могильника Лънозавод-4 как источника для изучения этнографо-археологических комплексов коренного населения Западной Сибири. В результате работ открыто пять новых и обследовано семь выявленных ранее памятников, расположенных двумя кустами.

Первая группа расположена к юго-востоку от д. Лънозавод, на коренной террасе правого берега р. Тара, и включает 8 памятников. Поселение Лънозавод-1 представлено 4 насыпями подовальных очертаний, размерами 8–11 × 11–12 м, с небольшим понижением в центре, окруженные неглубоким рвом. По морфологическим признакам поселение может быть датировано эпохой раннего средневековья. Датирование памятника ранним железным веком, предложенное О. Е. Гришаевой [7, с. 13], на наш взгляд, ошибочно. Жилища этой эпохи в южно-таежном Прииртышье представлены полуземлянками, в то время как остатки жилищ в виде насыпей характерны для эпохи средневековья. В пользу этой датировки свидетельствует и крайне слабая насыщенность слоя, характерная для поселений раннего средневековья [4, с. 137]; не противоречит ей и найденная в шурфе керамика, слишком малочисленная и невыразительная, чтобы стать самостоятельным основанием для датировки.

Поселение Лънозавод-2 включает три группы округлых западин диаметром 7–10 м, глубиной до 0,6 м, расположенных на первой надпойменной террасе р. Тара. Разделение И. Г. Глушковым разных групп западин на два памятника представляется необоснованным на основании данных планиграфического анализа и шурфовки.

Обозначение Лънозавод-3 присвоено открытому в 2015 г. поселению из пяти подквадратных насыпей, которое по морфологическим признакам может быть датировано развитым средневековьем.

Раскопки на могильнике Лънозавод-4 выполнялись в 1982 г. совместной экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН и Томского государственного университета под руководством А. И. Соловьева и А. Р. Кима и экспедицией Омского государственного педагогического университета (далее – ОмГПУ) в 1996 г. под руководством О. Е. Гришаевой. Памятник также подвергался грабительским раскопкам жителей д. Лънозавод. Осложняет картину отсутствие подробных инструментальных планов памятника. В 2015 г. было зафиксировано 83 раскопанных погребения и выявлены участки, где возможно существование неизученных комплексов.

Курганный могильник Лънозавод-5, на наш взгляд, в наибольшей степени пострадал от действий археологов. Памятник был открыт О. Е. Гришаевой в 1994 г. как курганный могильник Лънозавод-1, в составе которого зафиксированы 18 курганных насыпей округлой формы, размером 5–9 м при высоте 0,25–0,7 м [2, с. 5]. В 1995 г. сотрудница ОмГПУ С. В. Прищенко раскопала курган № 1 из состава памятника. Погребения обнаружить не удалось, но небольшая коллекция позволила убедительно датировать курган началом II тыс. н. э. и отнести его к усть-ишимской археологической культуре [5, с. 10]. Нам удалось обнаружить только 7 насыпей в юго-восточной части комплекса, а также следы раскопов на месте нескольких насыпей. По информации, полученной от выпускников ОмГПУ, работавших в отрядах С. В. Прищенко в 1996–2007 гг., она проводила раскопки могильника, но ни отчетов об этих работах, ни коллекций обнаружить не удалось. Под могильником обнаружено поселение новочекинской культуры раннего железного века Лънозавод-6, от которого сохранилась одна западина, расположенная близ дороги, между курганами могильника Лънозавод-5.

Кроме того, было открыто еще одно поселение раннего средневековья (Лънозавод-7), представленное двумя возвышениями, расположенное в 0,9 км к юго-востоку от деревни, где р. Тара делает крутой поворот, образуя обширную пойму, и курган Лънозавод-8, датировка которого осталась невыясненной.

Вторая группа включает четыре памятника, расположенных к северо-востоку от д. Лънозавод, на останце террасы левого берега р. Верхняя Тунгуска.

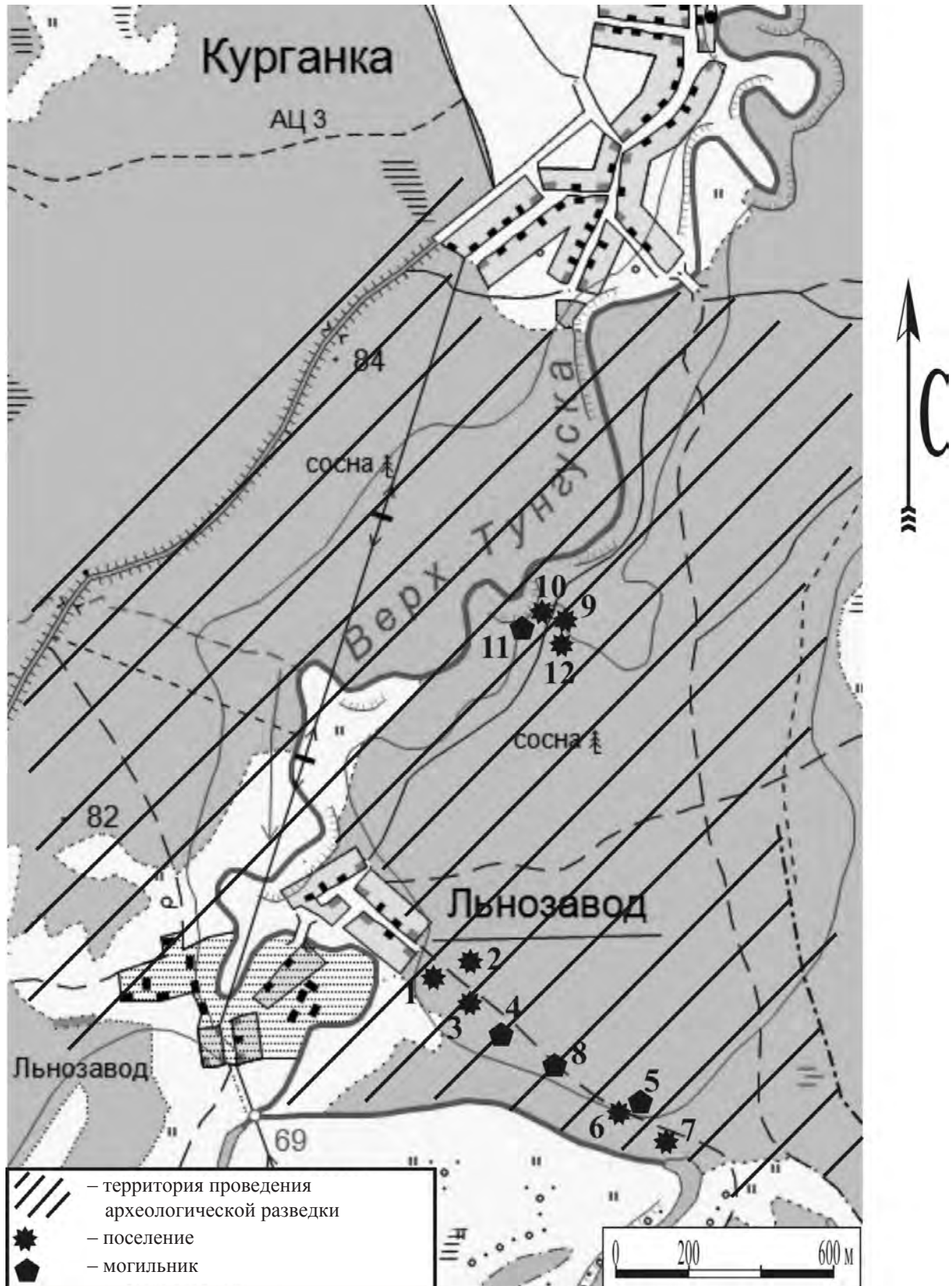

Рис. 1. Карта-схема маршрута разведки и расположения археологических памятников в устье р. Верхняя Тунгуска. М. 1:2000. Цифрами обозначены: 1 – поселение Льнозавод-1; 2 – поселение Льнозавод-2; 3 – поселение Льнозавод-3; 4 – могильник Льнозавод-4; 5 – могильник Льнозавод-5; 6 – поселение Льнозавод-6; 7 – поселение Льнозавод-7; 8 – могильник Льнозавод-8; 9 – поселение Льнозавод-9; 10 – поселение Льнозавод-10; 11 – могильник Льнозавод-11; 12 – поселение Льнозавод-12

Поселение Льнозавод-9, открытое О. Е. Гришаевой в 1994 г. под номером 3 [8, с. 6], представлено 15 западинами диаметром 10–14 м и глубиной 0,6–0,9 м, расположенными двумя группами вдоль контуров мыса террасы. На территории памятника зафиксированы три раскопа, авторство которых установить не удалось. Собранная в шурфах коллекция керамики подтвердила датировку памятника первой половиной – серединой II тыс. до н. э., предложенную О. Е. Гришаевой.

Поселение Льнозавод-10 было выявлено О. Е. Гришаевой в 1994 г.; памятнику был присвоен номер 4 [8, с. 9]. При обследовании в 2015 г. было выявлено 9 западин, которые концентрируются двумя группами в соответствии с рельефом территории. Объекты в юго-восточной группе имеют диаметр 8–10 м, глубину 0,4–0,6 м, а в северо-западной, отделенной небольшой ложбиной, более крупные – диаметром 11–12 м и глубиной 0,5–0,9 м. Материалы шурфов, заложенных на разных участках, позволяют предполагать, что юго-восточная группа западин представляет собой поселение финальной бронзы, а северо-западная – поселение раннего периода бронзового века.

Курганный могильник Льнозавод-11, включающий три насыпи, также был открыт О. Е. Гришаевой в 1994 г. под номером 4 [8, с. 8]. Памятник расположен на вышеописанном поселении, его датировка не определена.

Поселение Льнозавод-12, открытое в 2015 г., представлено тремя невысокими подквадратными насыпями с блюдцеобразными западинами в центре. Памятник расположен южнее поселения Льнозавод-9; судя по размерам и форме объектов, представляет собой сезонное поселение позднего средневековья.

1. Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Археология Прииртышья. – Томск, 1980. – С. 133–146.

2. Архив антропологической лаборатории ТГУ. Антропологическая экспедиция Томского государственного университета летом 1982 года. Бараба, Иртыш, Алтай.

3. Архив Института археологии РАН. Соловьев А. И. Исследования в северо-западной Барабе в 1982 г. Новосибирск, 1983.

4. Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Корусенко М. А. К изучению адаптационных стратегий коренного населения Тарского Прииртышья (на основе материалов раскопок и разведок сезонных поселений) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – № 3 (11). – С. 135–141.

5. Архив Института археологии и этнографии СО РАН. Молодин В. И. Отчет о полевых работах в 1996 г.

6. Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. № 23487 : Прищенко С. В. Отчет о раскопках курганного могильника Льнозавод-1 в Муромцевском районе Омской области в 1995 г. Омск, 1996.

7. Архив кабинета археологи ОмГПУ. Гришаева О. Е. Отчет о раскопках курганного могильника 2 у д. Льнозавод и разведке по правому берегу р. Тара в Муромцевском районе Омской области в 1996 г. Омск, 1997.

8. Архив кабинета археологии ОмГПУ. Гришаева О. Е. Отчет о разведке по правому берегу р. Тара и ее притоку р. Верхняя Тунгуска в Муромцевском районе Омской области в 1994 г. Омск, 1995.

Т. А. Горбунова, И. В. Толпеко, И. В. Шмидт
Омск, государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА ЧЕРНООЗЕРЬЕ VI–VIa В 2016 ГОДУ

В статье рассматриваются итоги полевых работ 2016 г. на многослойном памятнике Черноозерье VI–VIa (Саргатский район Омской области). Уточнена стратиграфия памятника. Получен значительный археологический материал: кости, фрагменты керамики, изделия из бронзы, кости и камня. Установлено распространение мезолитического слоя в восточном и юго-восточном направлениях.

Ключевые слова: эпоха мезолита, эпоха бронзы, Черноозерье VI–VIa.

Исследования памятника Черноозерье VI–VIa в Саргатском районе Омской области начались в 1967 г., когда отрядом Уральского государственного университета под руководством В. Ф. Генинга было открыто поселение эпохи ранней бронзы Черноозерье VI [1, с. 3]. В 1968 г. северо-западная зона его территории получила отдельное наименование – Черноозерье VIa из-за ярко выраженного микролитического облика каменных артефактов, обнаруженных здесь.

Раскопками Черноозерье VI и Черноозерье VIa на протяжении нескольких лет занималась экспедиция, сформированная в том же университете, возглавляемая в разные годы В. Ф. Генингом, О. М. Кондратьевым, Л. Л. Косинской, В. Т. Юровской (Ковалевой), Н. К. Стефановой [1, с. 3, 44–54; 2, с. 1–4]. Оба памятника локализованы на одной и той же территории, и отложения эпохи ранней бронзы перекрывают слой с микролитической индустрией и часто его нарушают. Последнее археологическое исследование памятников состоялось в 1978 г. Границы распространения культурных отложений не установлены. Памятники Черноозерье VI и Черноозерье VIa признаны объектами археологического наследия и внесены в список объектов, числящихся на государственной охране постановлением Совета министров РСФСР № 724 от 04.12.1974. Их состояние обозначено как аварийное.

В 2016 г. работа на памятниках была продолжена с целью получения материала из слоя, однозначно определенного предшествующими исследователями как мезолитический. Данные исследования необходимы для сравнения с коллекцией памятника Черноозерье II, который в 1970-е гг. был датирован эпохой палеолита. По материалам 2015 г. была получена радиоуглеродная дата $10\,526 \pm 44$ BP (MAMS-27135) [3]. Возможно, Черноозерье II действительно включает мезолитические отложения, которые соотносятся с отложениями Черноозерья VIa.

Площадь раскопа в 2016 г. на памятнике Черноозерье VI–VIa составила 20 кв. м (5×4 м). Он был заложен на бровке террасы юго-восточнее зоны квадратов 110/м – 110/н 1978 г. – последнего года работ под руководством Н. К. Стефановой. Это позволило:

1. Обнаружить границу раскопа 1978 г. и обеспечить в дальнейшем привязку данной исследованной зоны (и всего памятника) к местности.
2. Проверить тезис о распространении мезолитического слоя в юго-восточном направлении от «мезолитического эпицентра» Черноозерья VIa, т. е. от участка с наибольшей концентрацией находок микролитического облика.
3. Собрать достаточное количество необходимого материала без ощутимых повреждений центральной зоны мезолитического комплекса.
4. Получить стратиграфический разрез для анализа характера расположения и соотношения слоев эпохи мезолита и ранней бронзы и на краю террасы.

Стратиграфия. В ходе полевых исследований 2016 г. на памятнике зафиксировано шесть стратиграфических слоев, два из которых (третий и четвертый) относятся к эпохе ранней бронзы и один (пятый) – к эпохе мезолита.

Слой 1. Дерн с большим количеством корней травянистых и кустарниковых растений. Граница четкая. Мощность 4–7 см.

Слой 2. Отвал старых раскопов. Граница четкая. Мощность до 56 см.

Слой 3. Плотная, сильно гумусированная супесь серо-черного цвета комковатой структуры. При подсыхании приобретает буроватый оттенок. В нижней части увлажнен. Слой пронизан корнями травянистых и кустарниковых растений. Отмечены биотические нарушения – ходы почвенных животных, некоторые из которых заполнены светлым материалом. Граница четкая, языковатая. Мощность от 30 до 62 см. С этим слоем связаны находки костей животных, фрагментов керамических сосудов эпохи ранней бронзы (кротовская и логиновская культуры), изделия из бронзы.

Слой 4. Легкий суглинок черно-серого цвета с буроватым оттенком комковатой структуры. Плотный. Пронизан корнями растений. Зафиксирован по цвету и значительному количеству костей животных и их фрагментов, чешуи рыбы, угольков. Включает также фрагменты керамики эпохи ранней бронзы (кротовская и логиновская культуры). Граница четкая, ровная. Мощность до 20 см.

Слой 5. Легкий суглинок комковатой структуры. Во влажном состоянии буро-коричневого цвета, в высохшем – с желтоватым оттенком. Пронизан небольшим количеством мелких корешков растений. Отмечаются ходы почвенных животных с темным и светлым заполнением. Включает небольшое количество костей животных, чешуи и практически весь каменный инвентарь – нуклевидные обломки и технические сколы, пластины, пластинки, микропластины, осколки и обломки. Граница нечеткая. Мощность до 25 см.

Слой 6. Легкий суглинок серо-желтого цвета комковатой структуры с незначительным включением мелких корней растений и многочисленными ходами почвенных животных. Зафиксированы морозобойные трещины, заполненные серо-коричневым седиментом. Видимая мощность до 5 см.

Объекты. В ходе исследования зафиксировано 10 объектов различного происхождения, относящихся к эпохе ранней бронзы (рис. 1). Шесть из них (№ 3, 6–10) – вероятно, остатки столбовых ямок.

Объект № 1 – продолжение объекта, зафиксированного в 1978 г. в качестве «ямы II» [4, с. 42]. Фиксируемые параметры: $1 \times 0,5 \times 0,28$ м. Полукруглой формы, чашевидная в профиле, с округлым дном. Заполнение – темно-коричневая гумусированная супесь с включением костей и фрагментов керамики.

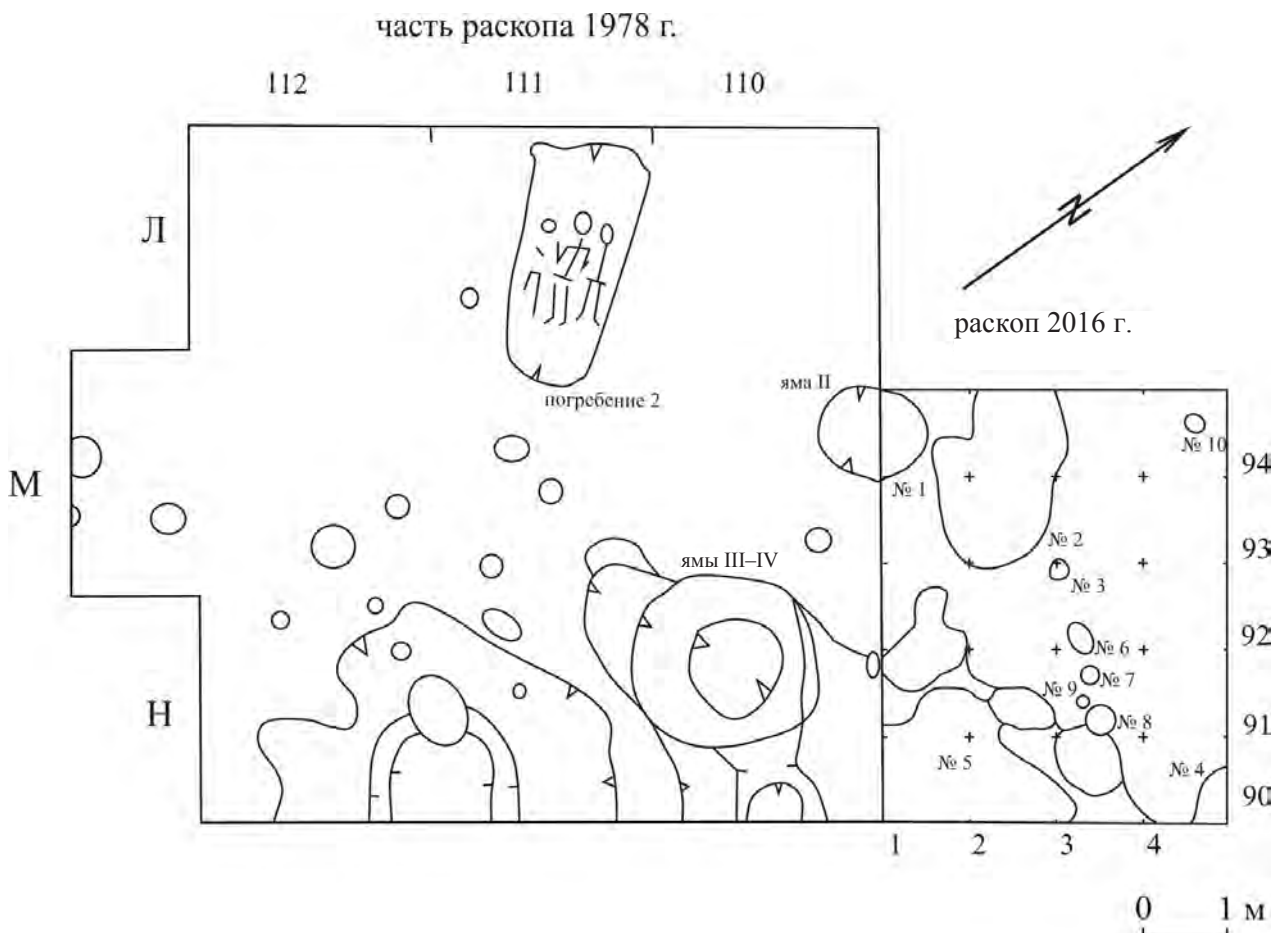

Рис. 1. План объектов памятника Черноозерье VI–VIa (раскопы 1978 и 2016 гг.)

Объект № 2 – часть крупного объекта, уходящего под северо-западную стенку раскопа. Данный объект нарушает пятый (мезолитический слой) и включает в свое заполнение его материалы. По форме это глубокое, до 0,7 м, котлообразной формы углубление искусственного происхождения, шириной дна до 1 м, шириной устья до 0,7 м, фиксируемой по оси СЗ – ЮВ длиной до 2 м. Заполнение – гумусированная супесь светло-коричневого оттенка, с желто-серыми и светло-коричневыми горизонтальными прослоями; с большим содержанием микропластин, костей и чешуи рыбы, редкими фрагментами керамики.

Объекты № 4 и 5 являются по сути одним объектом, смыкание которого (в 0,1 м) осталось за пределами раскопа. Согласно плану, составленному Н. К. Стефановой в 1978 г., они являются северо-восточной частью смыкающихся «ям III–IV». Занимают площадь 4 × 2 м, со слабовыраженной северо-западной границей, пологой стенкой, глубиной до 0,6 м (глубина проникновения в подстилающий грунт до 0,4 м) и плоским дном. Если учитывать, что в обоих случаях (ямы III–IV и объекты № 4 и 5) речь идет о сегменте одного крупного объекта, то нужно констатировать расположение его большей части на неизученной территории юго-восточной оконечности террасы. В условиях недостатка информации интерпретация данных объектов затруднена, поэтому отметим лишь чрезвычайную сложность их морфологии: периметр известной площади включает в себя отдельные углубления до 0,4 м, заполненные преимущественно коричневой и темно-коричневой гумусированной супесью, с большим содержанием костей и керамики.

Археологический материал. В ходе раскопок получено более 8000 находок. Из них более 7000 экземпляров – это кости животных, более 800 – фрагменты керамических сосудов, немногим более 200 – изделия из камня.

Остеологические находки – самая многочисленная категория материалов полевого сезона 2016 г. Кости направлены канд. биол. наук П. А. Косинцеву для изучения и последующего хранения в Институте экологии растений и животных Уральского отделения РАН. Основная часть этой группы собрана при выборке четвертого слоя. Среди остеологических остатков были обнаружены фрагменты изделий из кости, а также кости со следами обработки – всего 29 экземпляров: костяной наконечник стрелы или дротика – 1 экз. и фрагмент костяной стрелы – 1 экз., кость с насечками (либо следами резки) – 1 экз., часть «костяной муфты» (?) крупного орудия – 1 экз., муфты-держатели из дистальных фрагментов трубчатых костей (крупного и мелкого рогатого скота) – 5 экз., заостренные фрагменты, которые могут являться фрагментами проколов, шильев, проверток – 4 экз., кальцинированный фрагмент костяной пронизки – 1 экз., – и не поддающиеся идентификации фрагменты с закругленными, сработанными или заполированными краями.

Фрагменты керамики (805 экз.) представлены фрагментами сосудов логиновской и кротовской археологических культур (кротово-логиновской культурной общности), распространенных в данном регионе в середине II тыс. до н. э.: 105 фрагментов венчиков, 37 фрагментов донцев, 569 фрагментов стенок сосудов, а также пять развалов керамики (четыре из которых являются частями одного большого кротовского сосуда). Кротово-логиновский тип включает в себя преимущественно сосуды баночной формы (не исключены и иные, к примеру, горшкового типа), сплошь покрытые орнаментом, за исключением зоны донца, выполненным в технике гребенчато-накольчатого штампа или же отступающей палочки. Сложность разделения кротовской и логиновской керамики обусловлена близостью орнаментального оформления поверхности стенок и зоны венчика [5, с. 85].

Кроме фрагментов керамических сосудов, зафиксировано также 2 керамических шарика (аналогичных ранее обнаруженным в комплексе эпохи бронзы).

Каменные артефакты. Зафиксировано 206 изделий: обломок нуклеуса – 1 экз., технические сколы – 3 экз., сколы – 99 экз., орудийные формы – 16 экз. и отходы производства – 87 экз. Индустрия сколов представлена отщепами – 13 экз., пластинчатым отщепом – 1 экз., пластинами – 4 экз., пластинками – 45 экз., микропластинами – 36 экз. Орудийный набор состоит из 16 изделий, среди которых концевые скребки – 2 экз., отщеп с ретушью – 1 экз., пластины с ретушью – 3 экз., пластинки с ретушью – 2 экз., микропластины с ретушью – 7 экз., обломок с ретушью – 1 экз. Среди пластинчатых сколов нет целых экземпляров и преобладают медиальные фрагменты. Все они получены в технике отжима.

Изделия из бронзы представлены небольшим фрагментом медиальной части лезвия, по-видимому, ножа.

Полученные данные чрезвычайно важны для продолжения археологических исследований в данной зоне. В результате проведенных работ была получена стратиграфическая картина сложного комплекса памятников, которая корректирует тактику последующих работ как на данном участке, так и на территории всего Черноозерского археологического микрорайона. Кроме того, создана хорошая источниковая база для изучения каменной индустрии памятников около д. Черноозерье. Получен положительный ответ на вопрос о распространении мезолитических отложений в восточном и юго-восточном направлениях по кромке первой надпойменной террасы. Составлено представление о степени изученности комплексов и их научном потенциале.

1. Архив Музея археологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (далее – УрФУ). Д. П-50/1967 : Генинг В. Ф. Отчет об археологических исследованиях у с. Черноозерье Саргатского района Омской области, произведенных летом 1967 г. Уральской археологической экспедицией. Свердловск, 1968.

2. Архив Музея археологии УрФУ. Д. П-61/1968 : Генинг В. Ф., Косинская Л. Л. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Омской области в 1968 г. Уральской археологической экспедицией. Свердловск, 1969.

3. Горбунова Т. А., Осинцева Н. В., Шмидт И. В., Штойбле Х. Новые данные по геоморфологии, стратиграфии и датировке стоянки Черноозерье II // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск, 2016. – Вып. 5. – С. 153–159.

4. Архив Музея археологии УрФУ. Д. П-286/1978 : Стефанова Н. К. Отчет о раскопках поселений эпохи бронзы Инберень X и Черноозерье VI в Среднем Прииртышье. Свердловск, 1978.

5. Стефанова Н. К., Стефанов В. И. О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной) : сб. ст. – Курган, 2007. – С. 84–94.

П. К. Дашковский

Барнаул, Алтайский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ № 4 И № 9 ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА НА МОГИЛЬНИКЕ ИНСКОЙ ДОЛ (АЛТАЙ)

В статье представлены предварительные итоги изучения курганов № 4, 9 на могильнике Инской дол, расположенном в Краснощековском районе Алтайского края (Западный Алтай). Проведенное исследование показало, что эти курганы имеют характерные признаки для афанасьевской культуры и предварительно могут быть датированы III тыс. до н. э. К числу характерных признаков афанасьевской культуры можно отнести наличие надмогильной конструкции округлой формы, по периметру которой сооружено кольцо из плит, поставленных вертикально, и камней, уложенных плашмя; грунтовые могилы, в которых умерших помещали на спине с согнутыми в коленях ногами и ориентировали головой на запад; окраска умерших красной охрой; сосуды яйцевидной формы.

Ключевые слова: афанасьевская культура, погребальный обряд, керамика, Алтай.

Курганный могильник Инской дол расположен на второй надпойменной террасе в 2 км к востоко-юго-востоку от с. Чинета (Краснощековский район Алтайского края) на левом берегу р. Иня в южной части долины. Памятник обнаружен автором статьи во время археологического обследования данной территории [1]. В 0,8 км к северу от могильника Инской дол протекает р. Ханкара. В 0,7 км

к юго-востоку от памятника находится фундамент от здания пионерского лагеря (у края берега р. Иня). На некрополе выявлено две группы курганов. Одиночный курган располагался в 20 м к западу от до-роги, ведущей в направлении с. Чинета – с. Тигирек. Группа из 15 курганов находится в 400 м к вос-току от одиночного кургана по обе стороны оврага, а также на небольшом елбане. Изучение топо-графии, планиграфии и конструктивных особенностей насыпей курганов позволило установить, что на могильнике Инской дол есть объекты скифо-сакского периода, результаты исследования которых частично опубликованы [2, 3; и др.], а также курганы эпохи энеолита [4–6; и др.]. Данная статья пос-вящена характеристике результатов исследования курганов № 4, 9.

Курган № 4 находился в южной части могильника. Диаметр каменной насыпи объекта с севера на юг составил 9,75 м, а с запада на восток – 9,5 м. Насыпь сооружения была сложена в 1–4 слоя из кам-ней и достигала высоты 0,6 м. При этом кладка насыпи была очень плотной. После разбора каменной насыпи выявлена каменная кольцевая выкладка-крепида из более крупных камней. Диаметр кольце-вой выкладки 9,6 м, ширина 0,75–1 м. При разборе бровки, в нижней ее части, обнаружен орнамен-тированный фрагмент стенки керамического сосуда (рис. 1: 1). После снятия бровки в центральной части кургана выявлена могила, которая имела следующие размеры: 1,8 × 1,23 × 0,91 м. Погребение оказалось сильно разрушенным, поэтому не представляется возможным точно установить положение умершего и его ориентацию относительно сторон света. Основная масса костей скелета, в том чис-ле фрагменты черепной коробки, зафиксирована у западной стены могилы. Возможно, умерший был ориентирован головой на запад. Часть костей обнаружена в центральной и северо-восточной частях могилы. Фрагменты керамики присутствовали во всех частях могилы, что связано с разрушением пог-ребения. В результате реставрации удалось восстановить фрагмент сосуда, который имел яйцевидную форму без орнамента (рис. 1: 2).

Курган № 9 выявлен в 10 м к северо-западу от кургана № 5 афанасьевской культуры, исследо-ванного ранее [7]. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 2–3 слоя, составлял с севера на юг 7 м, а с запада на восток – 8 м. Высота сооружения достигала 0,4 м. После разбора насыпи кургана, по его периметру, выявлена каменная кольцевая выкладка-крепида шириной 0,5–1 м. В центральной части кургана прослежена могила подовальной формы, которая была ориентирована длинной осью по ли-нии север-юг и имела следующие размеры: 1,95 × 1,44 × 0,49 м. Погребение оказалось ограбленным. Кости скелета человека находились в центре могилы, не в анатомическом порядке. На них зафикси-рованы следы красной охры. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Следует отметить, что курганы эпохи энеолита выявлены в северной и южной частях могиль-ника Инской дол. При этом курганы № 4, 9, вместе с ранее раскопанным курганом № 5, относятся к южной группе, а курганы № 6–7 – к северной [5]. Первая группа курганов: № 4, 5, 9 – имеет явные аналогии непосредственно среди классических памятников афанасьевской культуры [8, с. 319–321]. Курганы № 4 и № 9 оказались ограбленными, поэтому не в полной мере информативны, хотя и со-держат ценные сведения по погребальной обрядности. К числу характерных признаков афанасьев-ской культуры, зафиксированных при исследовании данной группы объектов на могильнике Инс-кой дол, можно отнести, во-первых, указанные выше планиграфические особенности расположения объектов и наличие надмогильной конструкции округлой формы, по периметру которой сооруже-но кольцо из плит, поставленных вертикально, и камней, уложенных плашмя. Во-вторых, в курга-нах зафиксированы грунтовые могилы, в которых умерших ориентировали головой на запад (кур-ган № 4). К сожалению, из-за разграбленности погребений позу умерших установить не удалось. Но в кургане № 5, который раскопан ранее, умерший лежал на спине с подогнутыми ногами и ори-ентирован был головой на запад [7]. В-третьих, в курганах зафиксирована окраска костей красной охрой. В-четвертых, в кургане № 4 обнаружены фрагменты керамики и развал сосуда яйцевидной формы. Фрагмент стенки сосуда из насыпи кургана № 4, а также сосуд из кургана № 5 имеют ха-рактерные для афанасьевской культуры типы орнамента (рис. 1: 1) [8, с. 5–99, 327, рис. 198; 15; 16, с. 174, рис. 1; и др.].

Достаточно сложным остается вопрос о хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая. Начиная с последней четверти XX в. исследователи высказывают различные точки зрения с учетом археологических аналогий и данных радиоуглеродного анализа. Наиболее широкий хронологический диапазон афанасьевской культуры Алтая предложен в пределах конца IV – начала II тыс. до н. э. [9, с. 12–13; 11, с. 125; и др.]. Немного более узкую дату: конец IV – 2-я пол. III тыс. до н. э. – предложили

исследователи после раскопок серии курганов афанасьевской культуры на Средней Катуні [11, с. 69]. Широкий спектр дат дает и радиоуглеродный метод [12, с. 164–167; 13; и др.]. Более узкие хронологические рамки в разное время предлагались исследователями преимущественно по археологическим аналогиям. Так, М. Д. Хлобыстина датировала афанасьевские объекты Горного Алтая по аналогии с памятниками древнеямной культуры 2-й пол. III тыс. до н. э. [14, с. 17]. К 1-й пол. III тыс. до н. э. отнесла афанасьевские объекты А. П. Погожева [16]. Д. Г. Савинов считал возможным датировать курганы данной культуры III – началом II тыс. до н. э. [16, с. 134]. До начала II тыс. до н. э. считает возможным опустить датировку афанасьевских памятников Средней Катуні А. П. Бородавский [17, с. 95]. Наконец Н. Ф. Степанова, опираясь на анализ погребального обряда и инвентаря, особенно керамической посуды, пришла к выводу о том, что культура могла существовать на Алтае относительно недолго – в пределах III тыс. до н. э., а возможно, и в интервале середины – конца III тыс. до н. э. [18, с. 193].

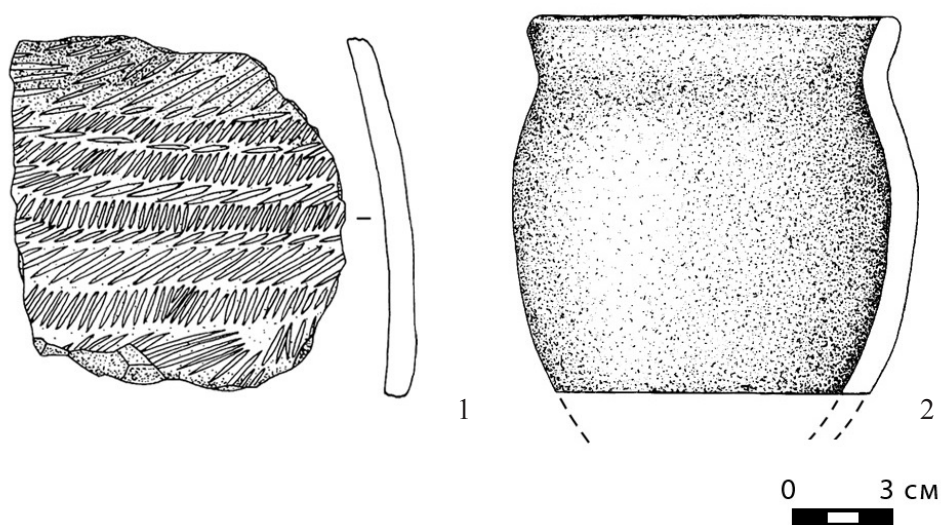

Рис. 1. Инвентарь из курганов могильника Инской дол: 1 – курган № 4, 2 – курган № 9

Учитывая особенности погребального обряда и инвентаря, курганы № 4, 9 могильника Инской дол можно предварительно датировать в пределах III тыс. до н. э. К этому же периоду отнесен ранее и курган № 5 [7]. Дальнейшие исследования полученных материалов, в том числе с использованием радиоуглеродного анализа, позволят получить новые материалы по хронологии раскопанных курганов.

1. Дашковский П. К. Археологическая разведка в Северо-Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 128–133.

2. Дашковский П. К. Инской дол – новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Кызыл, 2014. – С. 207–210.

3. Дашковский П. К., Мейкшан И. А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2014. – Вып. XX. – С. 94–100.

4. Дашковский П. К., Гончарова Н. С. Курган афанасьевской культуры на могильнике Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2016. – № XXII. – С. 85–89.

5. Дашковский П. К., Мейкшан И. А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2014. – Вып. XX. – С. 94–100.

6. Дашковский П. К., Гончарова Н. С., Мейкшан И. А. Продолжение исследования курганов на могильнике Инской дол // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2015. – Вып. 10. – С. 40–44.
7. Дашковский П. К., Гончарова Н. С. Курган афанасьевской культуры на могильнике Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2016. – № XXII. – С. 85–89.
8. Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул, 2014.
9. Цыб С. В. Афанасьевская культура Алтая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1984.
10. Молодин В. И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2002. – Т. I. – С. 98–142.
11. Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Степанова Н. Ф., Тюрина Е. А. Афанасьевские погребальные комплексы средней Катунь (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). – Барнаул, 2010.
12. Поляков А. В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. – Барнаул, 2010. – С. 158–171.
13. Степанова Н. Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. – Барнаул, 2009. – С. 154–159.
14. Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // Советская археология. – 1975. – № 1. – С. 17–34.
15. Погожева А. П., Рыкун М. П., Степанова Н. Ф., Тур С. С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. – Барнаул, 2006. – Ч. I.
16. Савинов Д. Г. Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск, 1994. – С. 39–49.
17. Бородавский А. П. Афанасьевские памятники Нижней Катунь // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул, 2006. – С. 84–95.
18. Степанова Н. Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьевский сборник 2 : сб. науч. ст. – Барнаул, 2012. – С. 173–182.

П. К. Дашковский, А. Н. Ожиганов

Барнаул, Алтайский государственный университет

РАСКОПКИ КУРГАНА № 21 НА МОГИЛЬНИКЕ ЧИНЕТА-II В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В статье представлена краткая характеристика результатов исследования кургана № 21 на могильнике Чинета-II, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края. Раскопанный объект – один из наиболее крупных курганов скифского времени на данном некрополе. Анализ особенностей погребального обряда и инвентаря позволил предварительно датировать этот курган V в. до н. э. Среди обнаруженных артефактов особый интерес представляет золотая серьга с подвесками, а также фрагменты деревянного лакового китайского изделия. Курганный могильник Чинета-II включает как погребения пазырыкской культуры, так и объекты, содержащие инокультурные признаки.

Ключевые слова: скифская эпоха, Алтай, погребальный обряд, кочевники.

На протяжении длительного периода изучение объектов скифского времени на курганном могильнике Чинета-II (Краснощековский район Алтайского края) проводится Краснощековской археологи-

ческой экспедицией Алтайского государственного университета под руководством автора. Памятник Чинета-II находится в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,4 км к юго-юго-востоку от с. Чинета [1]. Результаты раскопок курганов скифского времени на данном памятнике частично опубликованы [2; 3; 4; 5; и др.]. Настоящая публикация посвящена освещению результатов раскопок одного из наиболее крупных объектов на могильнике – кургана № 21, расположенного в северной части некрополя.

Насыпь кургана № 21 имела плоскую форму, поэтому на уровне современной поверхности почти никак не выделялась. Диаметр каменной насыпи объекта, сложенной преимущественно из мелких камней в 1–2 слоя, составлял с севера на юг 17,5 м, а с запада на восток – 18 м. Высота сооружения достигала 0,4 м, а с учетом слоя гумуса – 0,6 м. По периметру насыпи кургана хорошо прослеживалась крепида из крупных камней. В центре кургана зафиксирован просад камней, образовавшийся из-за ограбления. Под насыпью кургана выявлена могильная яма. Она имела значительные размеры, которые отчасти еще увеличились из-за разграбления погребения в древности: 5,1 × 3,3 × 3,3 м. При выборке грунта из могилы зафиксированы мощные следы прокала, особенно ближе к ее дну. На дне могилы, на глубине 2,75 м, вероятно, была сооружена деревянная рама с настилом по дну, на котором находилась умершая женщина в возрасте около 35 лет, ориентированная головой на восток. Погребение было сильно разрушено грабителями. На первоначальном месте сохранился только череп, а остальные кости оказались существенно смещенными к северу от деревянной рамы. Часть костей скелета отсутствовала, что объясняется разрушением погребения. Под черепом женщины обнаружена уникальная золотая серьга с тремя подвесками, украшенная техникой зерни (рис. 1: 1). В 0,4 м к западу от черепа, в центральной части деревянной рамы, зафиксированы многочисленные мелкие фрагменты от керамического сосуда. В этом же месте собраны фрагменты лака, вероятно, от китайской деревянной чашечки. В 0,7 м к западу от плахи деревянной рамы прослежена мощная линия прокала длиной 1,25 м и шириной до 0,4 м. Между прокалом и стенкой деревянной рамы найдены разрозненные кости человека, ритуальная пища (позвонки барана), а также несколько фрагментов золотой фольги (рис. 1: 2–8). Вдоль западной стенки могилы, на глубине 2,28–2,62 м, обнаружено не потревоженное грабителями сопроводительное захоронение лошади. Животное было уложено на живот с подогнутыми ногами и ориентировано головой на север. Из сопроводительного снаряжения лошади были обнаружены железные двухзвенные кольчатые удила, две костяные пронизки и подпружная пряжка (рис. 1: 10–12).

Курганный могильник Чинета-II, наряду с ранее исследованным в данном районе Алтая некрополем Ханкаринский дол [6; 7; 8], маркирует северо-западную границу ареала пазырыкской культуры на Алтае, хотя имеет как характерные для этой культуры признаки, так и ряд особенных черт. Достаточно хорошо датирующим предметом для кургана № 21 выступает золотая серьга с подвесками из данного кургана, которая имеет устойчивые аналогии с разных памятников скифского мира Евразии, относящихся к VI–V вв. до н. э. [9, с. 69–70, рис. 14, 3; 10, с. 142–144, рис. 73; 11, с. 124–125, рис. 11, 1]. Другие предметы сопроводительного инвентаря из кургана № 21: керамический сосуд кувшинообразной формы, железные двухзвенные кольчатые удила, две костяные пронизки (рис. 1: 10–11) и подпружная пряжка (рис. 1: 12) – имеют устойчивые аналогии в материалах пазырыкской культуры, при этом, как правило, датированных VI–V вв. до н. э. [12, 15–18; 13, с. 236–237; и др.]. Таким образом, учитывая вышеуказанные особенности, курган № 21 можно предварительно датировать V в. до н. э. Важно также обратить внимание на то, что сопроводительное захоронение лошади в данном кургане отмечено у западной, а не у северной стенки могилы, как характерно для классических памятников пазырыкской культуры. Дальнейшее изучение особенностей погребального обряда и инвентаря позволит внести уточнения в культурно-хронологическую атрибуцию объекта. Особого внимания заслуживают и остатки китайской деревянной лаковой чашечки (?), которая в настоящее время находится на экспертизе в Государственном Эрмитаже. В данном случае отметим, что это уже не единичный случай обнаружения подобных изделий на могильнике Чинета-II в курганах скифского времени [14]. Вероятно, в данном кургане погребена женщина достаточно высокого социального статуса, которую можно отнести к представителям региональной элиты кочевых обществ, в том числе пазырыкцев – одна из перспективных тем для дальнейшего изучения [15–16].

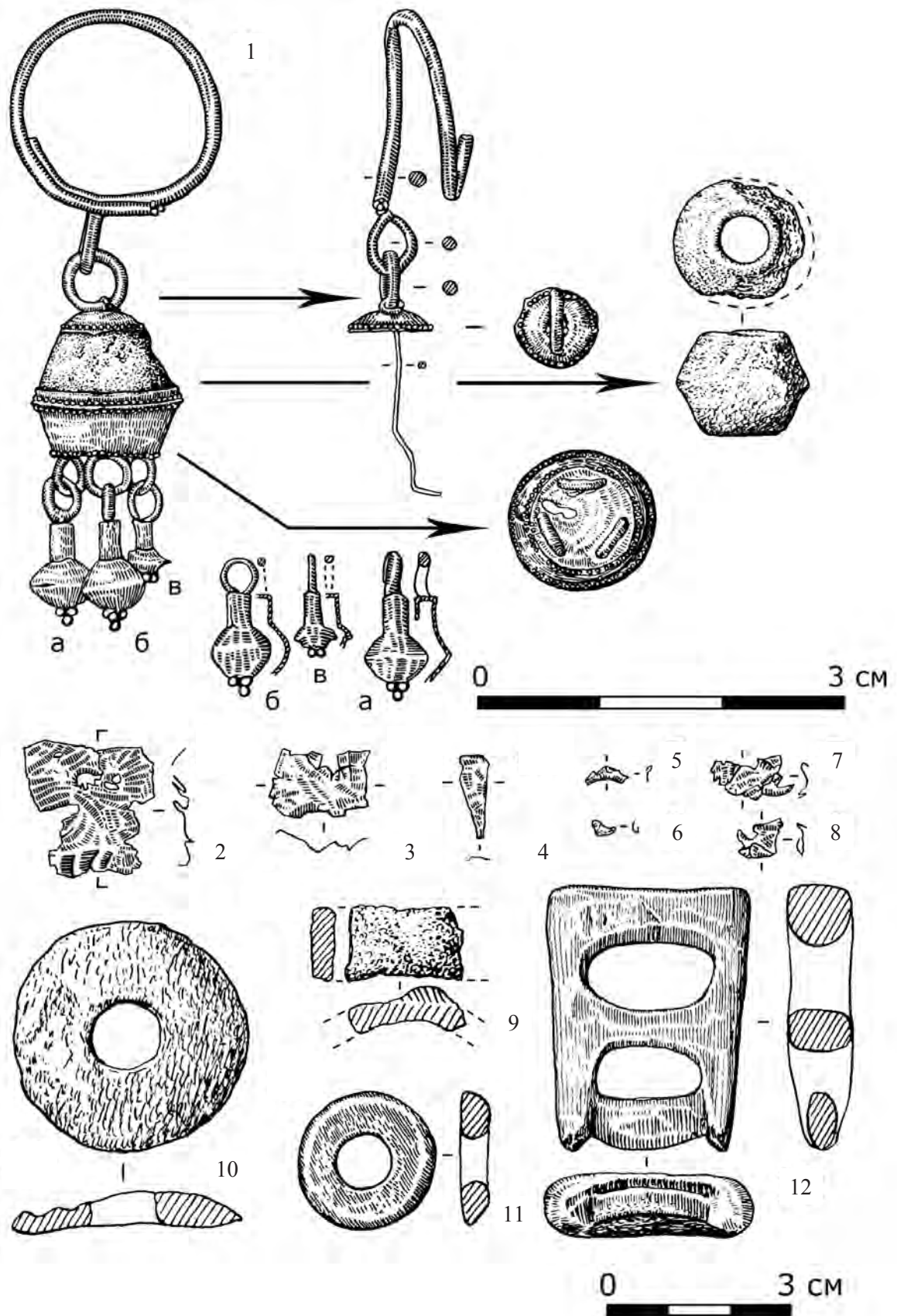

Рис. 1. Инвентарь из кургана № 21 могильника Чинета-II: 1 – золотая серьга с подвесками, 2–8 – фрагменты золотой фольги, 9, 10 – костяные пронизки, 11 – костяная подпружная пряжка

1. *Дашковский П. К.* Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии : материалы науч. конф. – Омск, 2004. – С. 34–37.
2. *Дашковский П. К.* Исследование курганов на могильнике Чинета-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 133–137.
3. *Дашковский П. К.* Исследование курганов скифской эпохи в Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2015. – Вып. XXI. – С. 88–92.
4. *Дашковский П. К., Мейкшан И. А.* Исследование погребальных и ритуальных объектов на могильнике Чинета-II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2011. – С. 73–78.
5. *Дашковский П. К., Мейкшан И. А.* Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2014. – Вып. XX. – С. 94–100.
6. *Дашковский П. К.* Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы III Междунар. науч. конф. – Иркутск, 2011. – С. 160–163.
7. *Дашковский П. К.* Погребальные памятники кочевников скифо-сакского периода в Северо-Западном Алтае // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана : сб. науч. статей, посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. – Астана, 2014. – С. 235–243.
8. *Дашковский П. К., Усова И. А.* Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3 (47). – С. 78–84.
9. *Кубарев В. Д., Шульга П. И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул, 2007.
10. *Трейстер М. Ю.* Ахеменидские ювелирные украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные традиции. Произведения постахеменидской традиции // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.) : в 2 т. – М., 2012. – Т. I. – С. 134–165.
11. *Кирюшин Ю. Ф., Фролов Я. В.* Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 117–137.
12. *Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул, 2003.
13. *Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. – Барнаул, 2004.
14. *Дашковский П. К., Новикова О. Н.* Предварительные итоги изучения образцов лака из кургана № 31 могильника Чинета-II (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований : материалы междунар. конф. – Барнаул, 2015. – С. 111–115.
15. *Дашковский П. К., Мейкшан И. А.* Региональная элита кочевников Южной Сибири и сопредельных территорий Центральной Азии эпохи поздней древности по письменным и археологическим источникам // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. – 2015. – Вып. 3/2. – С. 61–67.
16. *Дашковский П. К., Мейкшан И. А.* Изучение региональной элиты кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности (на примере пазырыкского общества и хунну) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография. – Барнаул, 2015. – С. 72–86.

М. А. Демин, Ю. Т. Мамадаков, Н. Н. Головченко, Р. В. Белоусов

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет, научный центр «Наследие»

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЯ БЕХТЕМИР-КОЗЛАЧИХА

В статье представлены результаты раскопок поселения эпохи раннего железного века Бехтемир-Козлачиха, расположенного в Бийском районе Алтайского края близ поселка Бехтемир-Аникино. В научный оборот вводятся материалы изучения основного планиграфического объекта памятника историко-культурного значения: жилище-полуземлянка; коллекция артефактов, включающая в себя фрагменты керамических сосудов, обломки костей животных и каменный инвентарь. Исследованный поселенческий комплекс по совокупности признаков может датироваться эпохой раннего железа (V–I вв. до н. э.), а отдельные находки стенок керамических сосудов – эпохой развитой бронзы (середина II тыс. до н. э.). В ходе работ были также обнаружены орудия и технологические заготовки из камня неустановленной культурно-хронологической принадлежности.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, Бийский район, ранний железный век, аварийно-спасательные работы, быстринская культура, жилище, керамика.

Одной из перспективных зон Алтайского края для археологического изучения является Бийский район, раскопки на территории которого проводились в основном сотрудниками Бийского краеведческого музея. С 1980-х гг. значительный вклад в изучение древностей района внесли научные сотрудники Алтайского государственного университета. Изучением прошлого района занимались исследователи и других научных организаций. К числу наиболее известных относятся М. Д. Копытов, С. М. Сергеев, А. П. Марков и Б. Х. Кадиков.

Эпоха раннего железа Бийского региона представлена памятниками большереченской, быстринской и кулайской культур. Местное, быстринское население находилось в «контактной зоне» между степными и лесостепными культурами Алтая и кочевниками горных долин (пазырыкцами Горного Алтая). Их влияние нашло отражение в погребальном обряде быстринских некрополей Бийск-1, -2 [1–6].

Весной 2016 г. отрядом археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета (далее – АлтГПУ) и ООО НЦ «Наследие» под руководством доктора исторических наук М. А. Демина и кандидата исторических наук Ю. Т. Мамадакова проводились аварийные раскопки поселения Бехтемир-Козлачиха (рис. 1).

Памятник был открыт исследовательским отрядом ООО НЦ «Наследие Сибири» в 2015 г. и отнесен к категории аварийных объектов историко-культурного наследия, расположенных в зоне постоянного отвода земли для ускоренного строительства мостового перехода через р. Козлачиха в Бийском районе Алтайского края. Ранее памятник археологическим исследованиям не подвергался.

Поселение Бехтемир-Козлачиха находится в 700 м к юго-востоку от с. Бехтемир-Аникино, в 5 км к северо-востоку от с. Большеутренево Бийского района Алтайского края (рис. 2).

Поселение расположено на второй надпойменной террасе левого берега р. Бехтемир (при впадении в нее р. Козлачиха), образованной юго-западным склоном безымянного увала, вдоль подошвы которой протекает р. Козлачиха [7–11]. С западной и восточной стороны к поселению примыкает грунтовая дорога, с юга – действующая щебеночная трасса в населенный пункт Стан-Бехтемир, с севера вплотную подходят функционирующие поля крестьянского хозяйства. Раскоп, заложенный на участке, имел прямоугольную форму и был вытянут с запада на восток.

В общей сложности в ходе работ на памятнике вскрыто 450 кв. м. Исследовательские мероприятия проводились одновременно с сооружением мостового перехода, что, во-первых, подчеркнуло аварийно-спасательный характер раскопок, во-вторых, позволило контролировать строительные работы на площади памятника и поблизости от него.

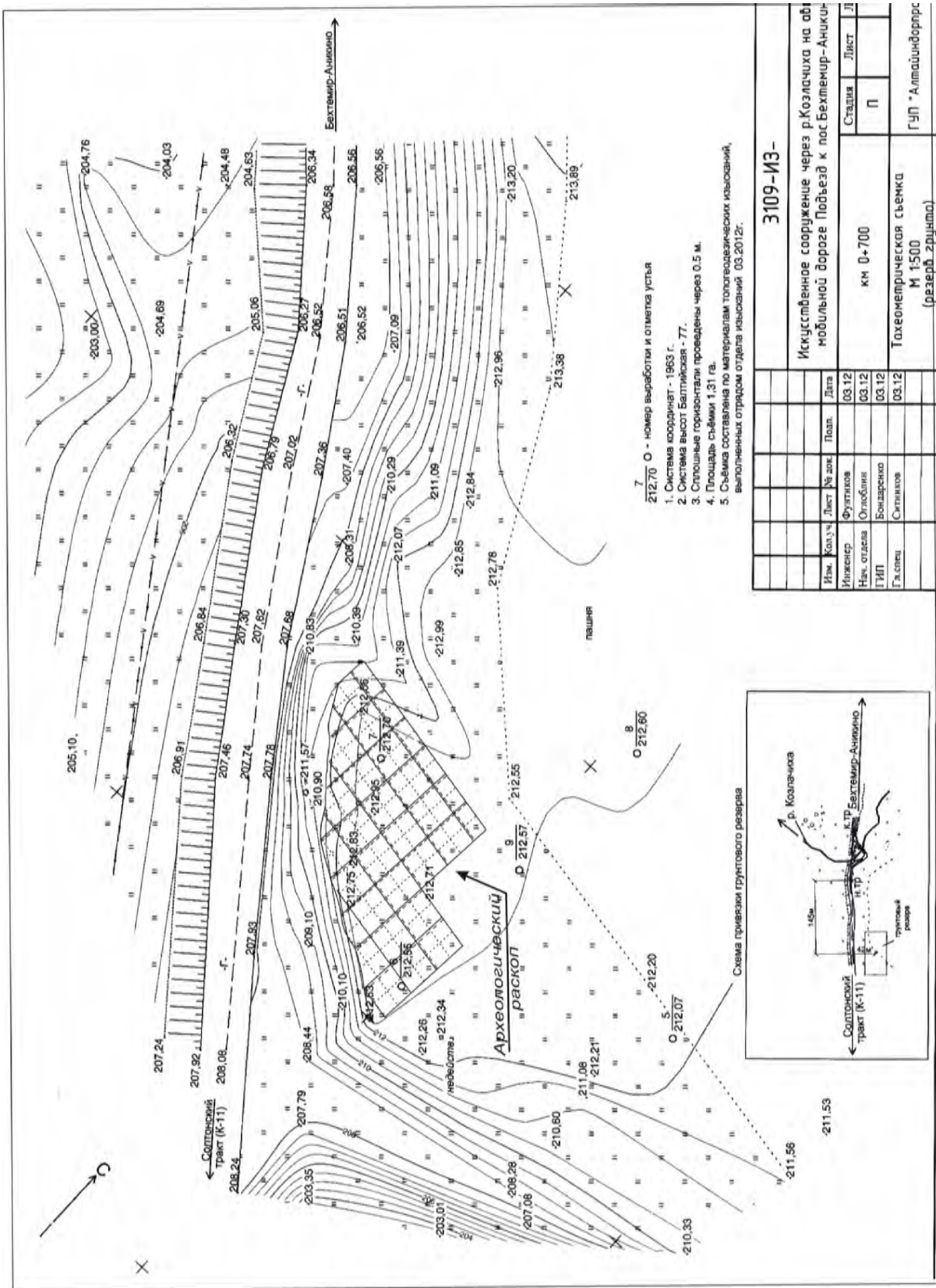

Рис. 1. Фрагмент геодезического плана проектной организации с археологическим раскопом. Поселение Бехтемир-Козлачиха

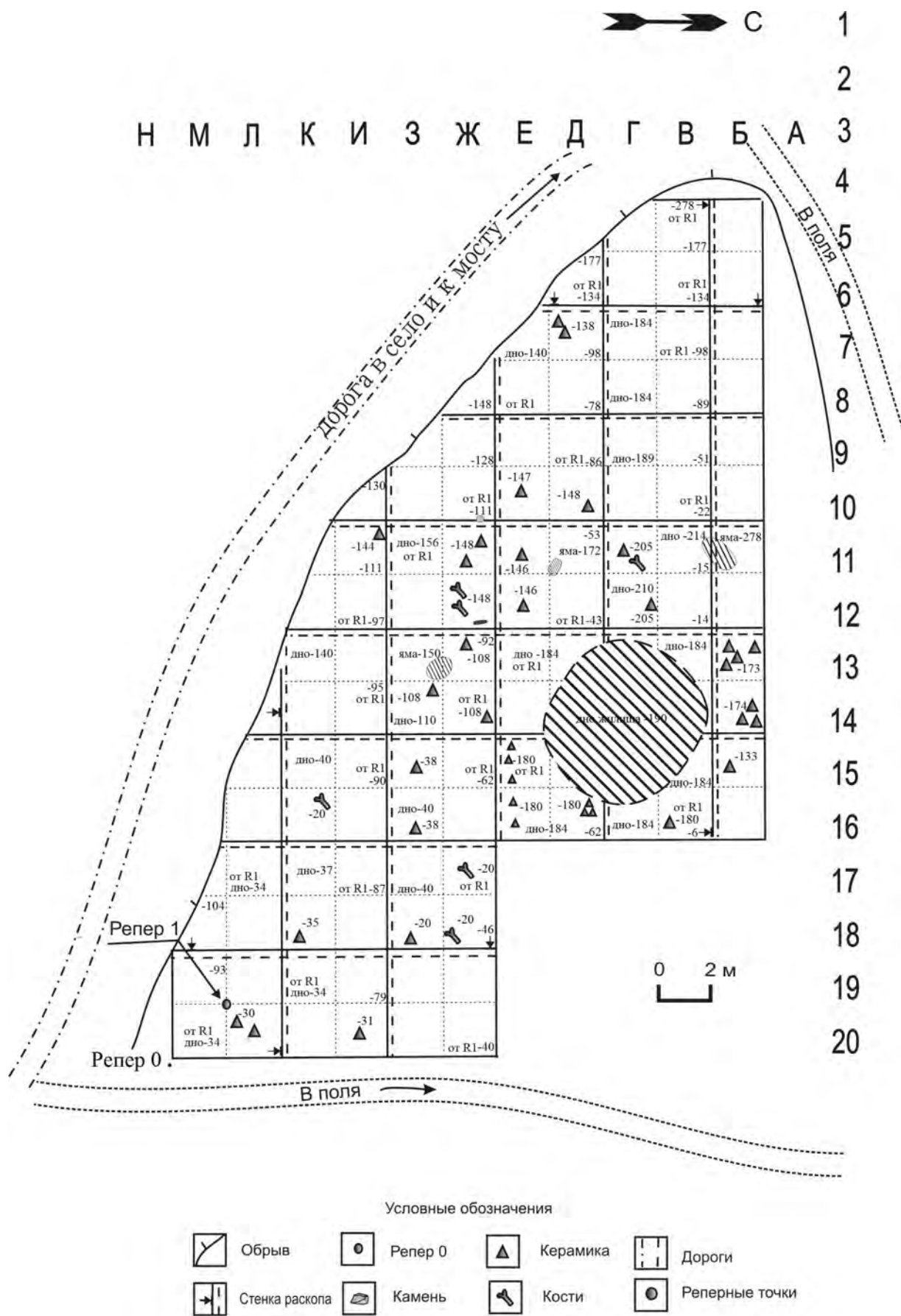

Рис. 2. Поселение Бехтемир-Козлачиха. Общий план раскопа, артефактов и планиграфических объектов

На момент начала работ на площади памятника рельефно выделялись понижения почвы различной конфигурации и профилей. В южной части наблюдался обрыв в пойму р. Бехтемир. В западной и восточной частях раскоп был ограничен разрушениями, вызванными функционирующими полевыми дорогами. На площади раскопа наблюдались значительные понижения в южной части: котлованы, выемки.

Репером 1 был избран остаток столба в юго-восточном секторе раскопа. Он вписан в общую схему квадратов. Все нивелировочные отметки даны от этого репера. Однако в связи с тем, что репер 1 попал в сектор раскапываемой площади, за пределы раскопа был вынесен репер 0.

Исследование площади поселения определялось границей зоны разрушения при проведении строительных работ по сооружению мостового перехода (изъятия грунта). Наличие памятника документировали находки керамики из разведочных изысканий 2015 г. В ходе раскопок была выявлена слабая насыщенность раскопанной площади артефактами и планиграфическими объектами. Однако проведенные исследования дали показательный вещественный, планиграфический и стратиграфический материал, дающий возможность говорить о поселении Бехтемир-Козлачиха как об археологическом памятнике – однослойном поселении или кратковременной стоянке.

Планиграфический объект был обнаружен при исследовании квадратов Е, Д, Г, В 13, 14, 15, 16. Перед началом работ на современной дневной поверхности объект рельефно не выделялся. В то же время в данных квадратах, а также в квадратах, примыкающих к указанным участкам, зафиксировано значительное количество артефактов и планиграфических объектов.

Например, в квадрате ЗЖ 13–14 было исследовано пятно (хозяйственная яма) с фрагментами керамики, с очень большой долей вероятности связанное с жилищным пятном в квадратах ЕВ 13–16 (рис. 3). Визуально пятно совершенно не выделялось в ходе работ в гумусных темных слоях, но на фоне других квадратов была прослежена значительная концентрация артефактов. Фиксирование пятна произошло на уровне материка на глубине –65 см от репера 1. Пятно было образовано из грунта интенсивного черного цвета и легко «читалось» в желтоватом суглинке. Кроме того, в центре пятна были зоны, которые очень быстро высохли (что говорит об их более пористой морфологической структуре), так как состояли из золистых фракций.

В профиле зачищенных бровок (бровка между квадратами ДГ 14–15) на уровне материка (суглинка) также было выявлено пятно внизу последнего гумусного слоя. Зачищенное пятно имело подквадратно-округлую форму, ориентировано (условно) длинной осью с северо-запада на юго-восток, при этом его длина около шести, ширина – пяти метров. Находки на поверхности пятна были встречены во всех квадратах, однако большая их часть была сосредоточена в северо-восточном и юго-восточном секторах.

В юго-восточном секторе жилища на глубине –45 от репера 1 обнаружено скопление керамики и камней, которое своим расположением, а также наклоном в сторону пятна ямы (артефакты лежали наклонно, под углом 26°) говорит о том, что оно располагалось на борту ямы. Такой же «ограничитель» пятна, который можно связать с границей жилищной конструкции, располагался в квадрате В 15 на глубине –44 см от репера 1 и представлял собой скопление артефактов – камней, костей и керамики, в том числе фрагмента черепа. Видимо, оба скопления лежали на бортах котлована жилища, и после разрушения «затекли» частично в яму конструкции, ограничив примерную зону распространения жилища в гумусном слое, где собственно жилищная конструкция не выделяется ни по цвету, ни по фактуре. После зачистки была произведена тщательная фиксация пятна и выборка пятна вручную мелким инструментом.

В ходе работ встреченные артефакты на уровне древней поверхности не изымались, а оставлялись на местах и фиксировались, после чего производилась зачистка по материка для выявления столбовых ям и остатков других конструктивных элементов. Исследование пятна жилища выявило, что с уровня зачистки от репера 1 оно было углубленно в материк на 15–20 см и имело линзовидное сечение с плоским дном. На дне жилища были обнаружены фрагменты керамики, скопление камней и небольшие фрагменты кости. Все находки концентрировались в северном секторе жилища.

В южной части (в юго-восточной по длинной оси) пятна, на глубине –75 см от репера 1, был зачищен след круглого прокала от костра-очага, диаметром 60 см. В профиле прокал был линзовидного сечения и углублялся до уровня –86 см от репера 1 (–15 см от уровня зачистки). При работе на дне жилища, кроме прокала очага, были зафиксированы две столбовые ямы в северном секторе жилища,

в непосредственной близости друг от друга: одна маленькая прямоугольной формы (20 см, глубина 10 см), вторая округлая, большая (диаметр 45 см, глубина 70 см). Обе ямы, по нашему мнению, составляют конструктивную особенность полужемляночного жилища – столбовые ямы. При этом округлая яма – основной, несущий столб – крупный диаметром (около 50 см) и очень хорошо заглубленный (около 70–80 см), а второй – вспомогательный от брусковидного столба 30 см шириной, лишь слегка углубленный в дно жилища.

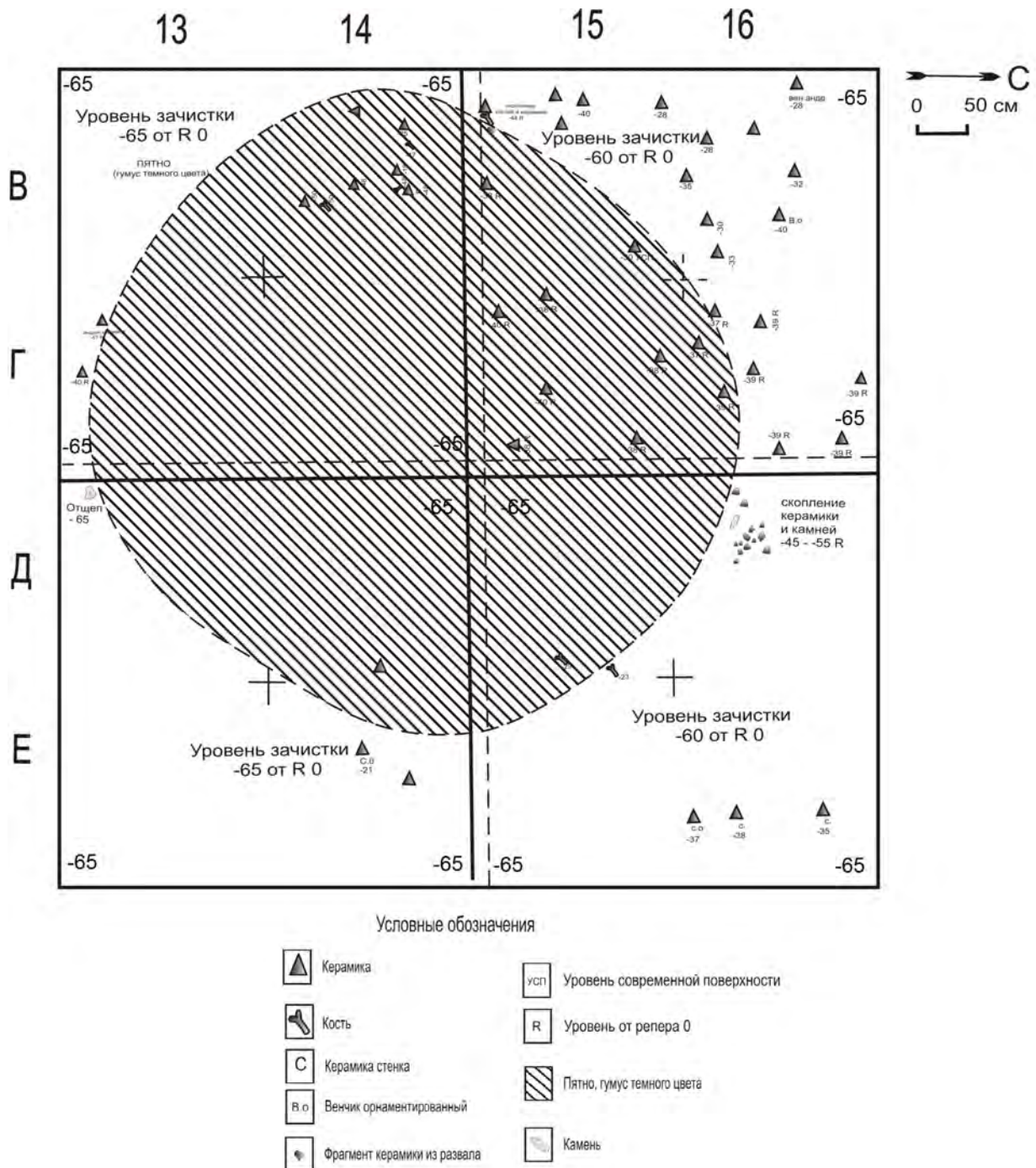

Рис. 3. Поселение Бехтемир-Козлачиха. Пятно жилища и расположение артефактов в квадратах В, Г, Е, Д 13, 14, 15, 16

Исходя из анализа планиграфических и стратиграфических наблюдений яму, обнаруженную в квадратах Е, Д, Г, В 13, 14, 15, 16, можно интерпретировать как жилищную конструкцию и произвести следующие фактические наблюдения.

Полуземляночное жилище было построено с небольшим заглублением в грунт. Общая глубина вскрытого грунта даже от современной дневной поверхности не уходит за пределы 60–70 см, а значит, вся конструкция была более возвышающаяся над землей, чем уходящая в подземную часть.

Жилище было небольшим по площади (около 28 кв. м), котлован в стратиграфии имеет четкие границы лишь в суглинистом материке и практически не читается в гумусе, что опять определяет его как объект с значительным возвышением над землей. Наличие артефактов и, что особенно важно, очага делает данный объект именно жилищной конструкцией. В то же время малая насыщенность находками окружающей поверхности и внутренней площадки жилища и маломощный слой прокала (не более 20 см) свидетельствуют об относительно коротком периоде эксплуатации данного объекта – от года до нескольких лет.

Внутри жилищной конструкции было зафиксировано лишь одно крупное пятно, по диаметру и глубине подходящее под столбовую яму. Это свидетельствует о том, что основная нагрузка крыши в несущей конструкции была распределена на стены, а крупный столб фиксировал коньковую балку (коньковый прогон), на которую крепились наклонные части крыши (стропила). В малом по площади жилище такая конструкция была необходима в том месте, где целостность основной несущей конструкции стен была нарушена большим проемом – входом.

Вход в жилище находился в северном секторе. Это связано с расположением жилища относительно поймы и окончанием гривы в южном направлении, с которого постоянно дуют сильные ветры. Такая локализация входа документируется следующими фактами: нахождением очага в южном секторе, что делает затруднительным использование этого места для сооружения входа; расположением единственной крупной столбовой ямы в северном секторе; большую концентрацию артефактов в северной части – как внутри жилищной ямы, так и за ее пределами.

Датирующим материалом для данного жилища является обнаруженная в его нижней части керамика, происходящая от сосудов, орнаментированных жемчужником, вдавленными, наклепными ушками и рассеченным валиком (рис. 4).

Других древних планиграфических объектов в зоне раскопа не зафиксировано. В ходе исследования на поселении обнаружены различные археологические артефакты: обломки керамики, фрагменты костей. Обращает на себя внимание небольшое количество артефактов как таковых и костей животных в частности – как крупных фрагментов, так и осколков. Наиболее массовым материалом является керамика. Стратиграфически она залегала в однородном дерновом слое или в черном гумусе, примерно на одном уровне.

Самое значительное количество артефактов, обнаруженных при раскопках поселения Бехтемир-Козлачиха, концентрируется в северном секторе. Это квадраты ЕВ 12–16, там, где располагалась жилищная конструкция, вокруг и внутри которой находилось большинство находок.

Орнаментированная керамика составляет два комплекса – ранний, относящийся к андроновской культуре развитого бронзового века, и более поздний – быстрианской культуры эпохи железа.

Андроновская керамика представлена примерно десятью фрагментами сосудов. Два обломка, возможно, от одного крупного профилированного горшка, украшены оттисками мелкозубчатого штампа. Эта система орнаментации характерна для так называемых «нарядных» федоровских горшков, которые встречаются, преимущественно, в погребениях. Второй тип сосудов с данного поселения представлен обломком слабопрофилированного горшка, украшенного вертикальными семечковидными оттисками и горизонтальными прочерченными линиями. Остальная андроновская керамика – это обломки баночных сосудов средних размеров, украшенных параллельными прочерченными линиями, параллельными и наклонными прочерченными линиями в сочетании с «семечковидными оттисками», «елочкой», нанесенной длинными оттисками гладкого штампа. Единственный венчик среди обломков банок демонстрирует закрытую форму этой группы керамики и отсутствие выраженной профилировки [2; 12; 13; 14].

Быстрианская керамика раннего железного века составляет основу собранной коллекции. Часть фрагментов позволяет реконструировать верхнюю треть сосудов диаметром 20 и 14 см. Более крупный горшок закрытой формы орнаментирован рядом округлых ямок под венчиком, оставивших изнутри изделия характерный жемчужник. Более мелкий сосуд со слегка отогнутым наружу краем, кроме полосы жемчужника с разделителем (округлые ямки, образующие «обратный жемчужник»), имеет налеп овальной формы (4 × 1,6 см) высотой от стенки сосуда 1 см. Скорее всего, это ручка для подхватывания и переноса горшка. Остальные обломки происходят от крупных слабопрофилированных

сосудов, украшенных «чистым» жемчужником и строкой оттисков наклонного гладкого штампа, полосой неровных оттисков гладкого штампа и слабым вертикальным отпечатком зубчатого орнамента, «чистым» жемчужником и наlepным валиком, рассеченным одним рядом наклонных оттисков. В целом керамический комплекс поселения характерен для быстринской культуры раннего железного века Алтая [2; 12; 13; 14], распространенной в предгорной зоне и низовьях Бии и Катуня. Предварительно комплекс датируется V–I вв. до н. э.

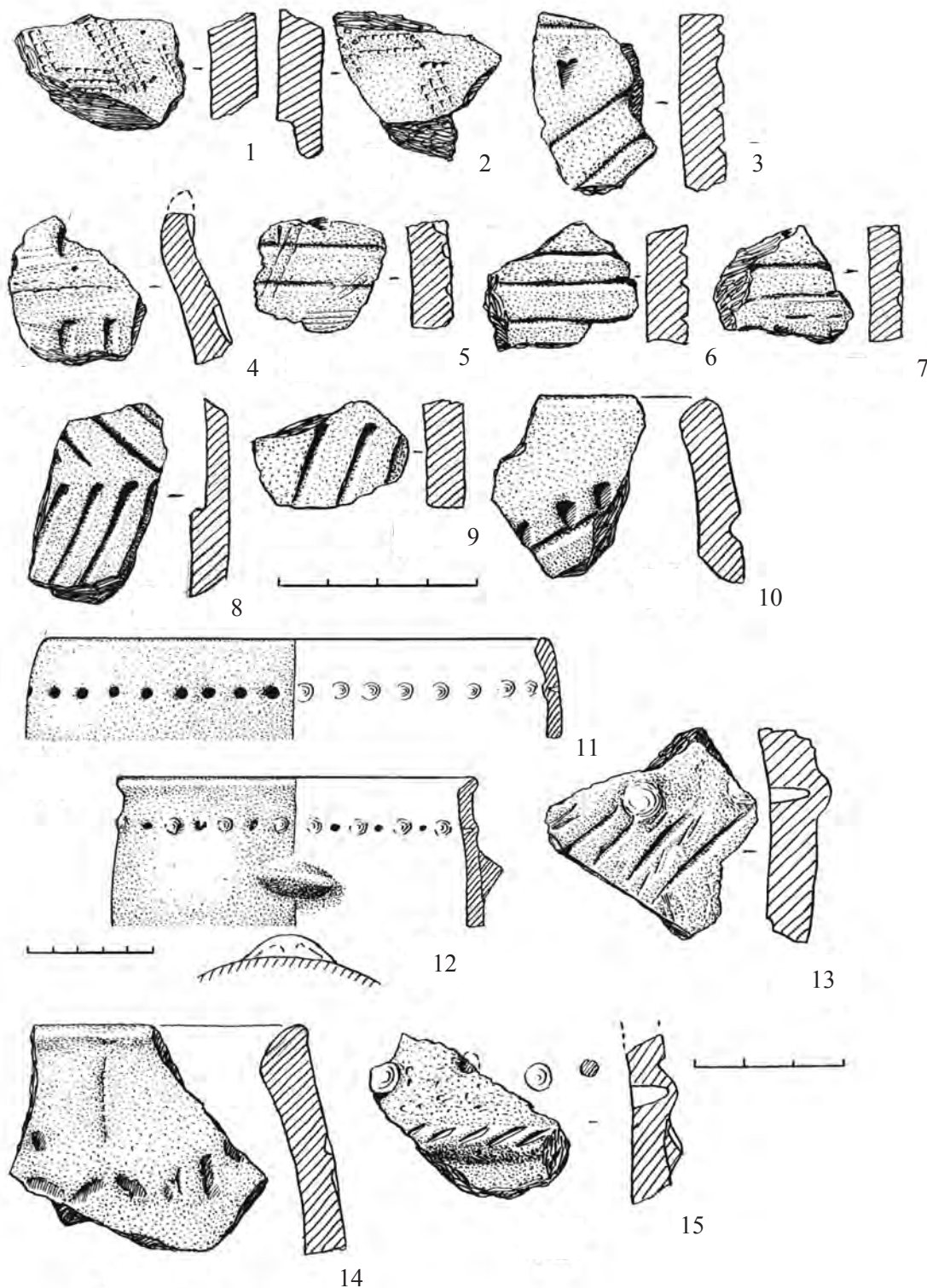

Рис. 4. Поселение Бехтемир-Козлачиха. Артефакты из раскопа.
1–2 – квадрат З 15, 3–11 – квадрат Г 15, 14–15 – квадрат В 14

Таким образом, в результате полевых работ на аварийном поселенческом комплексе Бехтемир-Козлачи́ха была собрана коллекция артефактов, включающая в себя фрагменты керамических сосудов, обломки костей животных, каменный инвентарь. В процессе раскопок отрядом были зафиксированы археологические планиграфические объекты – пятна ям и одна жилищная конструкция.

Исследованный поселенческий комплекс по совокупности признаков (планиграфические особенности жилища, орнамент на большей части выявленной керамики) может датироваться эпохой раннего железа (V–I вв. до н. э.), а отдельные находки стенок керамических сосудов – эпохой развитой бронзы середины II тыс. до н. э. Также в ходе работ были обнаружены орудия и технологические заготовки из камня неустановленной культурно-хронологической принадлежности.

1. *Абдулганеев М. Т.* Алтай в раннем железном веке // История Алтая. Часть 1. – Барнаул, 1995. – С. 59–81.
2. *Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н.* Типология поселений Алтая VI–II вв. до н. э. – Барнаул, 1997.
3. *Абдулганеев М. Т., Кунгуров А. Л.* Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 143–155.
4. *Завитухина М. П.* Второй Бийский могильник // СГЭ. – Л., 1962. – Вып. XXIII. – С. 28–30.
5. *Завитухина М. П.* Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. – Л., 1966. – Вып. 8. – С. 61–72.
6. *Киреев С. М.* Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 54–58.
7. *Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Казаков А. А.* Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск, 1992. – С. 7–47.
8. *Кунгуров А. Л.* Погребальные комплексы быстрянской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995. – С. 114–117.
9. *Кунгуров А. Л.* Археологические находки из района слияния Бии и Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1999. – Вып. 10. – С. 116–120.
10. *Ревякин В. С.* География Алтайского края. – Барнаул, 2004.
11. *Смирнов А. С.* Методические указания по проведению проектных археологических работ в зонах народнохозяйственного строительства. – М., 1990.
12. *Уманский А. П.* О памятниках древности // В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры. – Барнаул : Алтайское книжное изд-во, 1998. – С. 70–74.
13. *Шульга П. И.* Алтайский район в древности // В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры. – Барнаул : Алтайское книжное изд-во, 1998. – С. 67–68.
14. Энциклопедия Алтайского края. – Барнаул, 1997. – Т. 1.

Б. Ю. Касал

Омск, государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ВОЗМОЖНОСТИ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРТ-ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ

Нередко арт-объекты археологии служат определяющими источниками информации об образе жизни и особенностях поведения вымерших животных. Отдельные изображения животных должны трактоваться как изображения дискретных поз, характерных для брачного, материнского, агрессивно-оборонительного и др. поведения. Некоторые изображения представляют собой художественные композиции, связанные единым сюжетом с соответствующим этологическим наполнением. Правильная зоологическая интерпретация арт-объектов археологии и палео-исторические экологические реконструкции возможны с привлечением специалистов-зоологов, знающих видовые особенности изображенных животных, особенности их экологии и этологии.

Ключевые слова: археология, зоология, артефакты, изучение, интерпретация, реконструкция.

Полихромная и иная настенная живопись, гравюры и произведения косторезного искусства, изготовленные в позднем плейстоцене / раннем голоцене, сохранились в Европе в количестве, достаточном для сопоставления, обобщения и анализа. Наиболее сохранные арт-объекты возраста 40–11 тыс. лет известны из Испании, Франции (пещеры Шове, Ла Марш, Ла Ваче, Алден, Комбарель), Германии (Фогельгерд), Чехии (Долне Вестонице), России (Костенки-1). Количество таких артефактов в Северной Азии значительно меньше, но и они являются источниками бесценной информации. Это делает обращение к североевразийским изображениям первобытными художниками объектов окружающего мира (животных разных видов) закономерным при оценке зоологической информации.

Зоологическая интерпретация изображений вымерших животных требует специфических знаний, позволяющих устанавливать причинно-следственные связи, сокрытые в них, определять биологический вид и половозрастную принадлежность. Напротив, определение изображения как «фантастическое животное» чаще всего имеет в своей основе незнание зоологии. Нередко попытки зоологической интерпретации арт-объектов археологии лицами, не имеющими специальных знаний по зоологии, приводят к ошибочным выводам. Ошибки возможны и в заключениях привлекаемых для консультаций зоологов, не обладающих достаточной эрудицией, незнакомых с половозрастными морфологическими и поведенческими особенностями животных определенных видов. В результате опубликованная однажды неверная интерпретация арт-объекта может многократно цитироваться. Для определения референтности зоологической интерпретации арт-объекта археологии указание ее авторства становится обязательным.

Нередко арт-объекты археологии служат определяющими источниками информации об образе жизни и особенностях поведения вымерших животных. Отдельные изображения животных должны трактоваться как передача дискретных поз, являющихся характерными в процессе проявления брачного, материнского, агрессивно-оборонительного и другого поведения. Каждый поведенческий акт разнообразен, и каждая поза изображаемого животного отражает определенное сочетание различных поведенческих мотиваций. Большинство изображений животных индивидуализировано, автономно и отражает эти мотивации. Некоторые из них представляют собой художественные композиции, связанные единым сюжетом с соответствующим этологическим наполнением.

При интерпретации арт-объектов археологии значимыми оказываются детали изображения. Значительная часть арт-объектов такие детали содержит, поскольку нередко именно они привлекали художника либо своей обычностью (по ним происходило опознавание объекта, и тогда имеется повторяемость этих деталей на разных арт-объектах) [1], либо необычностью (в ряде случаев определяющей выбор жертвы в процессе охоты, и тогда они единичны) [2]. В частности, повторяющиеся внешние

морфологические признаки первобытных бизонов разных половозрастных групп предполагали различающиеся способы охоты на них [3]. Ситуации, в которых у бизонов ослабевал контроль за окружающей местностью, также были объектом внимания палеолитических художников и находили отражение в их произведениях [4].

Арт-объекты с изображениями вымерших животных являются художественным отображением реально наблюдавшихся событий. Совокупность известных арт-объектов археологии с изображениями пещерного льва, двурогих носорогов, степного первобытного бизона позволяет оценить их основные биологические и этологические особенности. Интересные результаты в интерпретации удается получать путем сопоставления изображений вымерших животных с обликом (в том числе фотографиями), наблюдениями и описаниями особенностей поведения представителей современных животных – их ближайших родственных видов (подвидов). Таковыми парами являются вымерший пещерный лев и современный африканский лев [5]; листоядные вымерший носорог Мерка и современный черный носорог; травоядные вымерший шерстистый носорог и современный белый носорог [6]; вымерший первобытный степной бизон и современный степной американский бизон [7; 8] и другие пары видов.

Вне зависимости от геохронологии, изображения вымерших животных, в сопоставлении с фотографиями современных зоологических аналогов, позволяют создавать цельные и непротиворечивые представления об их биологии и поведенческих особенностях. При этом ряд арт-объектов получает биологически правильную интерпретацию, нередко удается найти правильные объяснения некоторых отдельных поз и многофигурных сцен [5–8]. Кроме того, авторская методика позволяет произвести видовую дифференциацию изображений двурогих травоядных и листоядных носорогов, подтверждая их совместное обитание в Северной Евразии в период 31 000–13 000 лет назад [6].

При анализе зооморфных арт-объектов археологии в ряде опубликованных нами результатов исследований некоторые допущенные другими интерпретаторами ошибки были исправлены, в ряде случаев сделаны новые интерпретации, некоторые из которых обладают научной новизной [6; 9].

В некоторых случаях удается понять назначение арт-объектов археологии. Имеющийся у нас правый роговой стержень первобытного степного бизона, аналогичный таковому из Музея естественной истории в Лондоне, несет следы такой обработки, как результат механического отделения дистальной части рогового чехла для последующего снятия и доработки при изготовлении полифункционального артефакта, который можно было использовать как емкость для хранения мелких предметов; емкость для жидкости (сосуда для питья); охотничьего приспособления для охоты на мамонтов; музыкально-го инструмента для опрвления социальных и культовых потребностей [9; 10].

Возможность оценить раскрашенные гальки азильской культуры с позиций современных биологических знаний выявила причинно-следственные связи между природными явлениями и их отражением в артефактах мезолита. Поскольку мезолитический климатический перепад изменил в Западной Европе видовой состав животных и их гельминтозов, с которыми контактировал человек, это способствовало формированию жизненных циклов ряда видов гельминтов с участием человека. Раскрашенные гальки азильской культуры несут изображения цестод, трематод, нематод и наиболее заметных фрагментов их организмов, а их разбивание следует оценивать, как сакральный метод борьбы с гельминтозами [11; 12].

Несомненный интерес представляет палео-историческая реконструкция массовых охот на мамонтов [13] и на крупных стадных копытных животных на берегах сибирских рек [2]. Известные современные арт-объекты с соответствующими реконструкциями содержат дефекты, обусловленные незнанием традиционной культуры охоты на современных слонов и загонной групповой охоты на крупных копытных зверей, особенностей их поведения, отсутствием логики у их авторов в установлении реконструируемых причинно-следственных связей. Редкость нахождения пораженных копьями костей вымерших животных, как и отсутствие следов загонной групповой охоты на крупных копытных зверей в виде скоплений костей, не является основанием для утверждения отсутствия таковой на берегах сибирских рек во времена плейстоцена и раннего голоцена. Практика загонных групповых охот включала в себя комплекс знаний и навыков по управлению стадами крупных копытных животных, имевших существенные нюансы для разных видов – бизонов, лошадей и др., использование охотничьего оружия для нанесения животному несовместимых с жизнью травм, способов массового разделывания значительного количества жертв, массовой заготовки мясных продуктов и шкур, с их последующим использованием, что полноценно реконструируется на основании современных знаний [13; 14].

Сопоставление произведений прикладного искусства сибирского мира на уровне цельного изделия или его деталей с известными изображениями животных также является качественным методом выявления полисемантических изображений, у каждого из которых имеются реальные фаунистические прототипы: баклан большой, лошадь (тарпан степной), лось, россомаха, выдра обыкновенная, медведь бурый, рысь. Было установлено, что часть произведений прикладного искусства сибирского мира многократно повторяет облик определенного животного в различных позах и ракурсах: медведя бурого (поясная бляшка из могильника Абрамово-4 и поясная костяная пряжка из Коконовского поселения); рысь (серебряная пряжка из могильника Сидоровский-I) [15; 16].

Правильная зоологическая интерпретация арт-объектов археологии и палео-исторические экологические реконструкции возможны с привлечением специалистов-зоологов, знающих видовые особенности изображенных животных, особенности их экологии и этологии.

1. *Кассал Б. Ю.* Двурогие носороги – арт-объекты реалий плейстоцена // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2016. – № 1. – С. 26–37.

2. *Кассал Б. Ю.* Основа теротеистического культа пещерного льва // Зоо-экологическая интерпретация палео-исторических артефактов : сб. науч. ст. – Омск, 2017. – С. 211–221.

3. *Кассал Б. Ю.* Произведения искусства палеолита – свидетельство полового диморфизма представителей рода *Bison* // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. – 2014. – № 1 (2). – С. 102–107.

4. *Кассал Б. Ю.* Палеолитические изображения представителей рода *Bison*: зоологическая оценка одного аспекта // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. – 2014. – № 3 (4). – С. 103–106.

5. *Кассал Б. Ю.* Пещерный лев – арт-объект реалий плейстоцена // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. – 2015. – № 5 (9). – С. 112–121.

6. *Кассал Б. Ю.* Двурогие носороги – арт-объекты реалий плейстоцена // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2016. – № 1. – С. 26–37.

7. *Кассал Б. Ю.* Этологическая информативность палеолитических изображений проявления агрессивно-оборонительного поведения у представителей рода *Bison* // Омская биологическая школа. Ежегодник. Вып. 5 : межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 2008. – С. 100–111.

8. *Кассал Б. Ю.* Проявления агрессивно-оборонительного поведения у представителей рода *Bison* на палеолитических изображениях // Эволюция жизни на земле : материалы IV Междунар. симпозиума. 10–12 ноября 2010 г. – Томск, 2010. – С. 607–610.

9. *Кассал Б. Ю.* Рог первобытного бизона в качестве основы артефакта палеолита // Зоо-экологическая интерпретация палео-исторических артефактов : сб. науч. ст. – Омск, 2017. – С. 199–210.

10. *Жителев Р. А., Кассал Б. Ю.* Рог бизона (*Bison priscus*) в качестве основы многофункционального артефакта // Омская биологическая школа. Ежегодник : межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 2012. – Вып. 9. – С. 149–160.

11. *Кассал Б. Ю.* Мезолитический контакт человека с гельминтозами // Естественные науки и экология. Ежегодник : межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 2015. – Вып. 20. – С. 53–62.

12. *Кассал Б. Ю.* Артефакты азильской культуры как сакральные антигельминтики // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2015. – № 2 (136). – С. 245–255.

13. *Кассал Б. Ю.* Критический анализ современных арт-объектов с изображением охоты на мамонта // Зоо-экологическая интерпретация палео-исторических артефактов : сб. науч. ст. – Омск, 2017. – С. 222–235.

14. *Кассал Б. Ю.* Практика загонных групповых охот на берегах сибирских рек в плейстоцене // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2016. – № 1. – С. 38–48.

15. *Саплинова М. А., Кассал Б. Ю.* Полисемантические изображения с антропоморфным элементом в перевертышах саргатской культуры // Сибирские древности. Памятники археологии и художественное творчество : материалы осеннего коллоквиума. – Омск, 2002. – С. 49–52.

16. *Кассал Б. Ю.* Зооморфические изображения в архаичных произведениях сибирского мира // Труды зоологической комиссии ОРО РГО. Ежегодник : межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 2005. – Вып. 2. – С. 144–157.

Н. А. Константинов, В. И. Соенов, С. В. Трифанова, А. В. Эбель, А. У. Урбушев
Горно-Алтайск, государственный университет

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОШ-АГАЧСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ*

В статье обобщены результаты полевых работ археологической экспедиции Горно-Алтайского государственного университета в 2016 г. В ходе раскопок экспедиции проводились на участках Талдура II и Курайка-2. Также были обследованы два участка в бассейне Курай.

Ключевые слова: Алтай, Кош-Агачский район, раскопки, обследования, ранний железный век, раннее средневековье.

В сезон 2016 г. археологической экспедицией Горно-Алтайского государственного университета произведены полевые работы на территории Кош-Агачского района Республики Алтай. Изучение археологических памятников осуществлялось по инициативе местных властей при тесном сотрудничестве с дирекцией районного Управления территории традиционного природопользования и туризма. В настоящей работе представлена краткая информация о проведенных раскопочных и разведочных исследованиях.

Раскопки осуществлялись в двух пунктах. В Курайской котловине у с. Курай аварийные работы проведены на могильнике Курайка-2. Памятник находится на левом берегу р. Курайка, в 2 км к северо-востоку от села. На могильнике исследованы три объекта: два кургана и оградка. Одним раскопом были исследованы расположенные рядом курган и оградка. Курган содержал погребение человека с лошадью. Сопроводительный инвентарь представлен предметами снаряжения верхового коня (железные удила с псалями, железные пластинчатые стремяна, костяные подпружные пряжки, бронзовый сбруйный набор, костяные цурки), а также бронзовой серьгой и фрагментами ткани. Судя по инвентарю и особенностям погребального обряда, погребение относится ко второй половине I тыс. н. э. Квадратная оградка располагалась с южной стороны кургана. Она была сложена из валунов и заполнена крупными камнями. У восточной стены оградки располагалась стела. Западная сторона оградки к моменту раскопок обрушилась при размыве берега. Внутри оградки обнаружены железные удила. В центре объекта находилась яма, в которой найдено железное кольцо. Датировка – вторая половина I тыс. н. э.

Исследованный отдельным раскопом третий объект уже был разрушен размывом более чем наполовину. При изучении кургана находок и следов погребения не обнаружено, вследствие чего установление времени сооружения данного объекта затруднено.

Вторым пунктом раскопок стал могильник Талдура II, находящийся на северо-западной окраине Чуйской котловины, у с. Старый Бельтир. Могильник расположен на правом берегу реки Тал-Тура (Талдура), в 4,2 км к западу от села, в урочище Кожон-Чол. Терраса, на которой находится памятник, размывается рекой. Памятник исследовался экспедицией В. А. Могильникова в начале 1980-х гг. [1]. Судя по составленному в те годы плану, на сегодняшний день край террасы в ходе эрозионных процессов значительно сместился на юг. Размывом реки полностью разрушен крайний объект из центральной цепочки курганов пазырыкской культуры. Край террасы вплотную подошел к следующему кургану, который и был раскопан нами в прошедший полевой сезон. В ходе изучения объекта зафиксированы впускное и основное погребения. Впускное погребение человека, уложенного на спину, находилось в верхней части заполнения могильной ямы. Погребение предварительно датировано первой половиной I тыс. н. э.

Основное погребение было совершено в деревянном срубе, установленном на дне ямы глубиной 3 м. В срубе зачищено парное погребение взрослого человека и ребенка, уложенных верхней частью тела в западную сторону. Черепа находились отдельно от костяков в северо-восточной стороне сруба, в области грабительского лаза, прорубленного и прожженного в бревенчатом перекрытии. Сохранившийся

* Работа подготовлена в рамках президентского гранта МК-1837.2017.6 «Изучение археологических комплексов Юго-Восточного Алтая в контексте реконструкции процессов освоения человеком высокогорных ландшафтов в раннем железном веке и средневековье».

погребальный инвентарь представлен развалом керамического сосуда, бронзовыми зеркалами, фрагментами одежды и др. Погребение относится к пазырыкской культуре V–III вв. до н. э.

Разведочные работы произведены на двух участках Курайской котловины. Первым пунктом разведок стал участок на левом берегу р. Чуя, у горы Межелик. У северо-восточного подножья горы находился поминальный комплекс Тётё, исследованный в 1935 г. С. В. Киселевым [2, с. 545; 3, с. 74–75]. У подножья, на склонах и на гребне горы Межелик зафиксировано 14 памятников, включающих в себя более ста отдельных объектов (курганы, оградки, поминальные кольца, выкладки и т. п.), относящихся к разным историческим эпохам от периода ранней бронзы до этнографического времени.

Вторым пунктом разведочных работ стал могильник Кургак-Тыттугем, расположенный на правом берегу р. Чуя, в 14 км к северо-западу от с. Чаган-Узун. В этом месте начинается переход из Курайской котловины в Чуйскую и долина р. Чуи значительно сужается. На могильнике зафиксировано 35 объектов (два больших кургана диаметром до 35 м со стелами, поминальные кольца и выкладки, квадратные оградки с балбалами). Объекты относятся к пазырыкскому времени и периоду раннего средневековья. Памятник весьма перспективен для дальнейших исследований.

Таким образом, в прошедшем полевом сезоне нами были раскопаны четыре аварийных объекта на могильниках Курайка-2 и Талдура II, а также осуществлены разведочные работы на двух участках. В процессе разведок осуществлена инструментальная съемка полутора десятков памятников. В результате раскопок получены новые данные и материалы по различным историческим периодам. Результаты исследований свидетельствуют о необходимости продолжения в районе работ по выявлению и раскопкам аварийных объектов на участках с эрозионными процессами.

1. Могильников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 127–153.

2. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.

3. Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. – М., 1952. – Т. 1. – С. 72–120.

Э. Э. Лампартер

*Павлодар, Margulan Centre – региональный археологический центр
при Павлодарском государственном педагогическом институте*

ИЗУЧЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА КОМПЬЮТЕРНОЙ ТОМОГРАФИИ

В статье приведены итоги исследований средневекового некрополя Аулиеколь и могильника Байдала методом компьютерной томографии. Использование данного метода дало возможность проводить антропологические исследования дистанционно, без уничтожения ценного биологического материала в заполнении могилы.

Ключевые слова: могильник, антропологические определения, компьютерная томография, Прииртышье, Аулиеколь, Байдала.

В настоящем сообщении представлены итоги исследования антропологических материалов, полученных в ходе работ Иртышской археологической экспедиции в 2015–2016 гг. на средневековом некрополе Аулиеколь и могильнике Байдала. Некрополь Аулиеколь датируется 2-й половиной XIV в. н. э. и относится к золотоордынскому периоду; могильник Байдала датируется IX–XII вв. н. э. и относится к кимако-кыпчакскому времени. В процессе раскопок на некрополе Аулиеколь из мавзолея № 2 было изъято одно захоронение цельным земляным блоком (рис. 1; 2), так как оно представляло большой интерес ввиду наличия в нем большого количества уникальных артефактов и остатков

органики. В могильнике Байдала из кургана № 2 могила № 4 также была изъята цельным земляным блоком. Данные блоки доставлены в лабораторию Margulan Centre регионального археологического центра при Павлодарском государственном педагогическом институте, и было принято решение подвергнуть их компьютерной томографии. В ходе подготовки блоков к компьютерному сканированию в блоке из могильника Байдала выявлено два погребения, вследствие чего они были разделены на два отдельных блока по границам погребальных конструкций (рис. 3; 4), каждый из блоков исследован с помощью компьютерной томографии.

Рис. 1. Скелетированные останки погребенного с артефактами

Рис. 2. Блок с захоронением

Рис. 3. Погребения разделены на два отдельных блока по границам погребальных конструкций

Рис. 4. Блоки с разделенными захоронениями

В отличие от традиционно применяемого метода инструментальных измерений, нами были использованы возможности программы просмотра файлов томографии, где имеются возможности как трехмерного, так и линейного измерения костей. При изучении компьютерной томографии скелетированных останков погребенного из некрополя Аулиеколь была получена MPR реконструкция, которая позволяет просматривать изъятый блок послойно (1 см), не нарушая само захоронение и не уничтожая биологический материал, который присутствует в грунте. Изображения, полученные с помощью компьютерной томографии, обладают высокой точностью, значительно превышающую графический рисунок и фотографию. В программном обеспечении имеется возможность просмотра полученных снимков погребения в разных режимах и разных спектрах.

Благодаря точности фиксации скелетированных останков погребенного мы можем судить об особенностях строения скелета и его прижизненных изменениях. На изображении погребенного в сагиттальной плоскости прослеживается естественный изгиб позвоночного столба, а во фронтальной – хорошо видно прижизненное S-образное грудное искривление позвоночного столба и фиксируется естественное, не нарушенное положение ребер относительно позвоночника (рис. 5).

Рис. 5. Томографический снимок во фронтальной плоскости

С помощью MPR реконструкции, на которой фиксируется таз погребенного, было сделано предварительное заключение о поле – по морфологическим признакам строения скелетированных останков на основе методики В. И. Пашковой. С помощью функции линейного измерения были проведены замеры таза, впоследствии сопоставленные с таблицей основных половых признаков таза, разработанной В. И. Пашковой. Полученные данные свидетельствуют в пользу того, что останки, погребенные в мавзолее № 2 археологического комплекса Аулиеколь, принадлежат женщине.

Установление возраста по черепу основывается на изучении состояния черепных швов. Выраженность швов черепа с возрастом уменьшается из-за их зарастания, которое начинается изнутри нару-

жу как во времени наступления, так и по месту возникновения. Зарастание швов начинается между 20 и 30 годами. К 30–40 годам зарастают височная часть венечного шва, верхушечная и задние части стреловидного шва. В 40–50 лет идет дальнейшее зарастание перечисленных швов, а также глазничных и височных частей клиновидно-лобного и клиновидно-теменного швов. С 50–55 лет зарастают и другие участки швов черепа. На объемной 3D-реконструкции хорошо просматриваются швы черепа на стадии ранней аблитерации, вследствие чего предварительно установлен возраст погребенного – от 20 до 25 лет.

Еще одной из возможностей компьютерной томографии является 3D-моделирование как всего скелета, так и отдельных его составляющих, что дает возможность осуществлять антропологическую 3D-реконструкцию лица по черепу человека.

На основании полученных и обработанных данных компьютерной томографии мы можем дать предварительное заключение, что скелетированные останки из захоронения некрополя № 2 археологического комплекса Аулиеколь принадлежат женщине возрастом от 20 до 25 лет.

Аналогичным методом компьютерной томографии был обследован изъятый блок из могилы № 4, кургана № 2 могильника Байдала.

В процессе исследовательских работ была получена MPR реконструкция, проведены все вышеперечисленные исследования и сопоставления, на основании которых кости таза погребенного определены как характерные для мужского типа.

На объемной 3D-реконструкции хорошо просматриваются швы черепа, по которым аналогичным образом был предварительно установлен возраст погребенного – от 20 до 25 лет.

Таким образом, не применяя инструментальный метод измерения краниологических точек, краниологические данные можно получить с помощью компьютерной томографии благодаря встроенной функции линейного измерения, с помощью которой имеется возможность дать предварительное заключение о поле и возрасте погребенного. На рис. 6 показан пример измерения трех параметров черепа:

- продольный диаметр – 166,55;
- теменная хорда – 116,72;
- лобная хорда – 121,45.

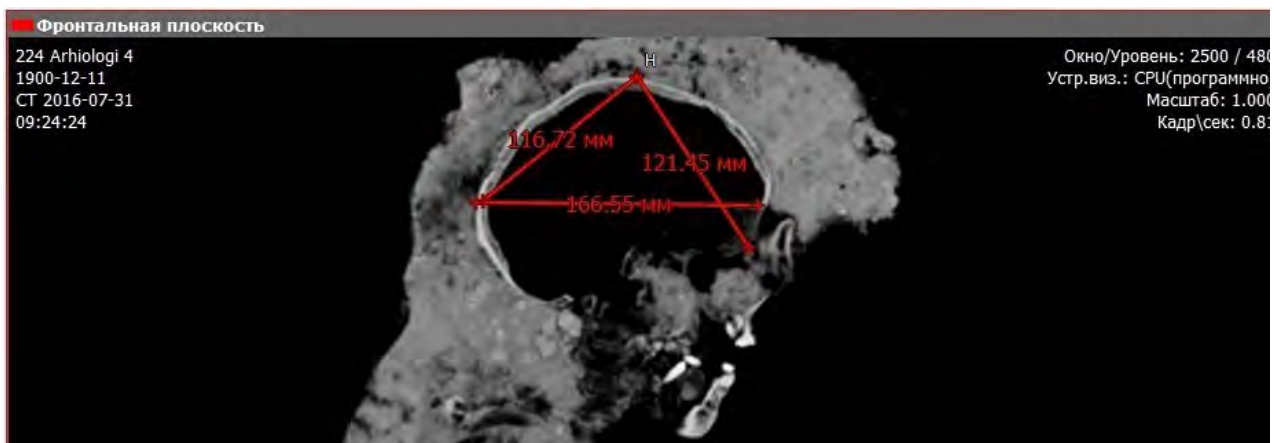

Рис. 6. Томографический снимок с пробными краниометрическими измерениями черепа.

В ходе проведенных исследований антропологических материалов, дистанционно, методом компьютерной томографии погребений некрополя Аулиеколь и могильника Байдала получены следующие результаты: изучены скелетированные останки, с помощью функции линейного измерения сняты пробные замеры параметров черепа, получено высокоточное изображение скелетированных останков *in situ*. В результате были выявлены прижизненные изменения в строении скелета, предварительно определены пол и возраст погребенных. Это позволило заключить, что использование компьютерной томографии дает возможность проводить антропологические исследования дистанционно, без уничтожения ценного биологического материала в заполнении могилы.

В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКЕ ВЕНГЕРОВО-2 (БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ) В 2016 ГОДУ*

Представлены результаты раскопок поселения кротовской культуры Венгерovo-2 в 2016 г. Дана характеристика котлована и основных находок жилища № 9. Выявлено погребение тюркского времени. Исследовано строение и захоронение эпохи неолита.

Ключевые слова: поселение, жилища, погремушка, кротовская культура, захоронение тюркского времени.

Работы полевого сезона 2016 г. на поселении Венгерovo-2 (Венгеровский район НСО) [1] проводились в нескольких частях памятника. В южной части исследования были связаны с поисками погребально-поминальных комплексов эпохи неолита и раскопками жилищной конструкции № 9. В центральной части поселка раскоп располагался на межжилищном пространстве, захватывая участок объекта № 13, исследования которого начались в 2015 г. В северной части доисследовано жилище № 4. Работы проведены с опорой на геофизические карты. В общей сложности в 2016 г. раскопана площадь 378 кв. м.

Раскоп в южной части накрыл западину № 9, последнюю по визуальной фиксации и плану в этой части поселка. В верхних горизонтах (1–2) найдены предметы, которые можно связывать со временем строительства Старого Московского тракта: металлическое лезвие (нож) ручной косы и железный предмет – часть втулки для рукояти, а также «образок» – подвеска на шею с изображением святых. Аналогий данной подвеске пока не выявлено, и ее конкретная датировка не установлена.

При выборке горизонтов и заполнения котлована найдены бронзовая стамеска, фрагмент грузила из камня, абразив, скребок, 11 ножевидных пластин, 14 отщепов, 22 скола, галька, 6 «фишек» – изделия из фрагментов керамики, камень без подработки, 2 шарика из глины, фрагмент керамического шарика, ложило и обломок формы на фрагментах керамики. Основными находками во всех памятниках кротовской культуры является керамика. В котловане № 9 фрагменты керамики большими скоплениями располагались в северной и северо-западной части жилища. Особенность поселения Венгерovo-2 – наличие большого количества изделий, изготовленных из пришедших в негодность сосудов. Можно выделить несколько основных категорий: диски («фишки») и овалы диаметром от 1,5 до 11 см, пряслица, абразивы, ложила, литейные формы. В жилище № 9 среди подобных изделий выявлены бруски подпрямоугольной и подквадратной формы, а также две фигурных «фишки», изображающие водоплавающих птиц. Подобные предметы имеются на памятниках более поздних культур – бархатовской и саргатской [2]. Ю. Б. Сериков представил подборку изделий, в том числе выполненных на фрагментах керамики «птицу» и «лося», относящихся к эпохе неолита-бронзы Урала [3, с. 29, рис. 5, 7, 8]. Отдельные категории объектов имеются на памятниках, близких по времени к изучаемой: елунинской [4] и ташковской [5, с. 31, 34–35]. Но для Венгерovo-2 можно говорить о второй жизни сосудов, воплощенной в разнообразные по функциям изделия. Особый интерес представляет зафиксированный на уровне пола в северном углу котлована № 9 объект 6 – скопление фрагментов керамики минимум от пяти разных сосудов. Представлены венчики, донья и стенки. Большинство фрагментов орнаментированы. Можно отметить оригинальность некоторых орнаментов, ранее не фиксированных на поселении. В скоплении найдены ложило на фрагменте сосуда и погремушка в виде головки медвежонка, вылепленная из глины [6]. Для кротовской культуры, да и культур эпохи бронзы Западной Сибири, находка на Венгерovo-2 – единична.

При исследовании горизонта 6 выявлено погребение тюркского времени. Размеры могилы – 1,60 × 0,78 × 0,8 м. Глубина могилы – 0,09–0,35 м. Захоронен взрослый человек. Положен на спину, в вытянутом положении, руки вдоль тулова, голова повернута влево и наклонена к плечу. У левого

* Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № 0329-2016-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

© Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., 2017

бедрa располагался железный нож плохой сохранности. В районе таза с левой стороны и справа у поясничного отдела позвоночника находились две роговые пряжки, позволяющие датировать погребение.

Котлован жилища № 9 имел трапециевидную форму, ориентирован длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад. Стенки наклонены к полу, углублены в материк на 0,05–0,28 м. Южная стенка шире северной почти на 1,0 м. Пол относительно ровный, с некоторым понижением к центру котлована, к очагу. Размеры жилища – около 67 кв. м. Столбовые ямы (диаметром 0,15–0,3 м и глубиной 0,15–0,37 м) находились внутри конструкции, располагаясь двумя рядами: внешним (7 ед.) и внутренним (13 ед.). Впервые на материалах котлована № 9 зафиксированы следы перестройки: южная стенка (точнее, часть стены) была отодвинута на 1 м и образованы материковые «нары».

Очаг располагался в центре котлована и был немного сдвинут к северной стенке. В 2016 г. к методике погоризонтальной разборки заполнения очага была дополнена промывка грунта, вынутого при выборке каждого горизонта, что привело к существенному увеличению количества обнаруженных кальцинированных костей животных и рыбы, в том числе определимых до вида. Очаг представлял собой подпрямоугольную яму со скругленными углами размерами 1,47 × 0,92. Мощность заполнения очага, включая прокаленный слой, достигала 0,35 м. Продольный стратиграфический разрез и погоризонтная выборка позволили установить некоторые особенности его функционирования. Верхняя часть заполнения, вероятно, связана с обрушившейся кровлей жилища, либо очаг был засыпан специально. Уровень разведения огня и постоянного его поддержания находился на глубине около 0,15 м, с этим же уровнем связаны находки из заполнения очага. Так, обнаружены ножевидная пластина, чешуйка, лоцила на фрагменте керамики (3 экз.), абразивы на фрагменте керамики (2 экз.), глиняные лепешки (2 экз.), «фишки» (8 экз.), керамические шарики (2 экз.) и обломок шарика. Мешанный неоднородный характер нижней части заполнения с включением прокаленных участков и фрагментированных кальцинированных костей свидетельствует о периодической чистке очага. Вероятно, золу выгребали в специально предназначенную околоочажную яму (объект 11).

С юго-восточной и южной стороны, за котлованом № 9, на расстоянии 2–3 м от плечика жилища обнаружены 11 аналогичных по конструкции столбовых ям. Большинство из них имеют диаметр 10–15 см, глубину 15–30 см, прямые или отвесные стенки, конусообразное сужение в нижней части, ровное дно. Расстояние между ними варьирует в пределах 1–3,5 м. Подобные объекты зафиксированы также за пределами жилищ № 8, 7, 6, 5, 3. Выявленную на поселении Венгерovo-2 конструкцию можно считать забором [1].

Поиск комплексов эпохи неолита являлся одной из задач сезона. В 2016 г. были продолжены геофизические съемки на памятнике со специальной целью: выявление аномалий, связанных с неолитической эпохой. Одним из перспективных был признан участок, расположенный в 34 м к юго-востоку от котлована № 9. Однако объектов, относящихся к эпохе неолита, здесь не выявлено.

Другой раскоп, с целью изучения межжилищного пространства и поиска объектов неолита, был заложен между жилищами № 7 и № 2. Его размеры 134 кв. м (сектора 68–76). Исследован тремя горизонтами. В разных секторах и на разной глубине найдены находки и скопления керамики кротовской культуры.

В секторе 73 выявлена яма размерами 0,68 × 0,6 × 0,63 м. Яма имела сужающуюся ко дну форму. Верхняя часть ее заполнения представлена пачкой (до 0,13 см толщиной) плотной однородной супеси темно-серого цвета, с двух сторон окруженной линзами супеси серо-желтого цвета. Вся нижележащая емкость ямы в центральной части была заполнена жжеными костями человека. Кости располагались плотной сформированной массой, что дает основание предполагать, что останки были захоронены в каком-то резервуаре органического происхождения. Находок среди жженных костей не обнаружено. По аналогии с погребально-ритуальным комплексом № 1 эпохи неолита, находящимся в 4 м к северу, где среди захоронений с труположением было зафиксировано и сожжение, данное погребение отнесено к эпохе неолита.

Этим же временем датирован объект 13, расположенный между котлованами № 1 и № 7. Он представляет собой котлован из двух камер. Камера № 1 размерами 3,18 × 2,0 × 0,8 м; № 2 – 3,3 × 3,2 × 1,02 м. Восточная стенка объекта наклонная, зигзаговидная, на своем протяжении имеет три ступеньки. Западная – отвесная. Северная и южная – со ступенями. Дно – сложное. Между камерами есть узкий коридор: 0,54 × 0,44 м. При выборке заполнения на разных уровнях встречены фрагменты обожженной глины, сформованные в комочки разной формы. На уровне горизонтов 1–3 зафиксирована линза материковой глины, перекрывающая почву темно-серого цвета. На уровне горизонта 3–4 выявлена

линза прокаленной почвы, в которой встречены вкрапления обожженной глины, обломок гальки, а также предмет из глины неопределенной формы, фрагмент обожженной кости. В заполнении камеры 2, в нижнем горизонте, найдены кость животного, кости рыбы и гарпун. На дне объекта в камере 1, ближе к переходу, у восточной стенки расположено несколько ям. Между котлованами, у западной стенки, находился прокол и, севернее его, столбовая ямка.

По кости животного из котлована № 2 в лаборатории AmCurt-Engelhorn-Zentrum Archäometrie GmbH, Mannheim, Germany, получена дата, позволяющая отнести строение (об. 13) к неолитической эпохе: 29409: 7510 ± 26; Cal 1-sigma BC 6426–6385; Cal 2-sigma BC 6440–6266.

Таким образом, исследования 2016 г. еще раз подтвердили комфортность места расположения памятника. На сегодняшний день здесь зафиксированы свидетельства присутствия человека в эпоху неолита, ранней бронзы, развитой бронзы, переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, в период раннего железного века, тюркское время, позднее средневековье и этнографическую современность.

Исследование поселка кротовской культуры Венгерovo-2 имеет значимые результаты. Перспективность дальнейших исследований остается также актуальной.

1. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Ефремова Н. С. Особенности структуры поселения кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2016. – С. 339–342.

2. Матвеева Н. П., Берлина С. В., Рафикова Т. Н. Коловское городище. – Новосибирск, 2008.

3. Сериков Ю. Б. Глиняная пластика Урала в эпоху неолита – бронзы // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. – Нижний Тагил, 2007. – С. 18–37.

4. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул, 2005. – Т. 1.

5. Ковалева В. Т. Проблема этнокультурной специфики населения боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. – 2011. – Вып. 26. – С. 27–39.

6. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Ефремова Н. С., Борзых К. А., Селин Д. В. Поселение кротовской культуры Венгерovo-2: новые открытия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2016. – С. 343–347.

В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, Л. С. Кобелева
Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА ТАРТАС-1 (БАРАБА) В 2016 ГОДУ*

Представлены результаты исследования в 2016 г. некрополя Тартас-1. Изучены погребения, относящиеся к одиновской, андроновской (федоровской) культурам. Показаны ранее не фиксируемые черты организации сакрального пространства. Выявлен могильник и продолжены исследования погребально-поминальных комплексов пахомовской культуры. Раскопано погребение эпохи средневековья.

Ключевые слова: захоронения, одиновская культура, андроновская (федоровская) культура, некрополь пахомовской культуры.

В полевой сезон 2016 г. Западносибирский (начальник отряда академик В. И. Молодин) и Барабинский (начальник отряда канд. ист. наук Л. С. Кобелева) археологические отряды под общим руководством акад. В. И. Молодина продолжили исследование памятника Тартас-1 в Барабинской лесостепи. Раскопки

* Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № 0329-2016-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

© Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., 2017

велись в центральной, восточной и западной частях могильника. Изученная площадь составила 2400 кв. м, исследовано 52 захоронения и 190 сопровождающих их ритуальных ям. В общей сложности на памятнике вскрыто более 22 тыс. кв. м сплошной площадью, исследовано 690 разновременных захоронений.

Выявленными в полевой сезон 2016 г. древними захоронениями являются № 644 и № 661. Культурно-хронологическое обоснование первого пока затруднительно, второе относится к одиновской культуре. Они находились в северо-восточной части могильника у самого края террасы (одиновские комплексы на памятнике обычно тяготеют к центральной и западной части террасы) [1, с. 263–264]. В могиле № 661 погребенный располагался на спине, в вытянутом положении с несколько приподнятой верхней частью туловища. Инвентарь представлен фрагментами керамического сосуда, пастовой бусиной, 2 костяными накладками и одношпильным наконечником стрелы, характерным для кротовских и одиновских памятников Барабы [2, с. 149–151, рис. 216–218; 3]. Для погребения № 661 отмечена уникальная стратиграфическая ситуация: оно перекрыто могилкой андроновской (федоровской) культуры (№ 660).

Большая часть исследованных в 2016 г. погребальных комплексов (38 захоронений) принадлежат андроновской (федоровской) культуре. Это грунтовые могилы, трупосожжения и труположения, иногда сочетающиеся в одном захоронении (№ 655, 676). Выявлено два способа организации погребального пространства. Первый, основной для данного памятника [4, с. 262–263], связан с расположением могил рядами, вытянутыми с юга на север вдоль восточного края занимаемой могильником террасы. Второй – характеризуется ограничением околomoгильной площадки сплошным или прерывистым рвом круглой, подовальной или многоугольной формы. Комплексы этого типа чаще всего встречались в центральной части могильника [4, с. 261–262]. В 2016 г. с ними связан погребально-поминальный комплекс № 13 (погребение № 639). Кроме этого, выявлено отделение рядов от остальной части могильника длинными рвами или цепочкой вытянутых ям. Ситуация прослежена на участке у восточного края террасы, где в два ряда располагались 10 погребений (№ 670–673, 677 и № 678, 676, 686–688). Девять из них были ограблены в древности еще до того, как тела погребенных полностью разложились. В результате – часть перемещенных костей конечностей и позвоночника сохранились в сочленении.

Следы ограбления однотипны и производились примерно в одно время. Это грабительские шурфы в виде прямоугольных вытянутых траншей, пересекающие могилу в районе головы погребенного и выходящие за пределы ее южной стенки. Очевидно, грабители знали о плотном расположении могильных ям, и одним шурфом пытались перерезать сразу несколько, что иногда им удавалось сделать (погребения № 673–672 и № 687–688). В большинстве случаев проникновение совершено с целью изъятия сопроводительного инвентаря.

В непосредственной близости от потревоженных могил № 678 и № 676, на уровне материка, в слое из выброшенных мелких кальцинированных костей трупосожжения обнаружено бронзовое изображение птицы (ворон?) [1, с. 359, рис. 3]. Изделие уникально, аналогов ему не известно.

Продолжено исследование ранее выявленного некрополя пахомовской культуры [4, с. 219–221, рис. 1]. Изучены 9 захоронений. Отмечены два вида поминально-погребальных сооружений: 1 – комплекс, сочетающий погребение и ритуальную яму или несколько ям. Подобным образом было оформлено сакральное пространство четырех захоронений, два – совершены по обряду ингумации (№ 685, 690), два (№ 684, 689) являлись кенотафами. Во всех комплексах зафиксирована керамика эпохи поздней бронзы. Этот вид захоронений имеет абсолютные аналогии с материалами могильника Старый Сад-2 – комплекс со сложной системой, основой которой является окружающий два захоронения (№ 674, 675) овальный ров, разомкнутый в восточной части. С севера пристроен еще один ров, широкой дугой охватывающий еще одну могильную яму (№ 659). К нему, в свою очередь, примыкает четвертая могила (№ 667), также окруженная дугообразным рвом.

Синхронность всего сооружения документируется находкой обломков одного и того же сосуда черкаскульского типа на дне рва основного сооружения и прижатого к нему рва с захоронением № 659. Все погребенные кремированы. Комплекс датируется находкой бронзового ножа из ямы, примыкающей ко рву. Ранние экземпляры таких ножей найдены на памятниках предскифского и раннескифского времени и датируются периодом не ранее VIII–VI вв. до н. э. [5, с. 41–43, табл. 4, 13, 14]. Это еще раз подтверждает позднюю дату пахомовских древностей восточного ареала, где они, по сути, относятся уже к переходному от бронзы к железу времени.

В ходе раскопок было продолжено исследование культового комплекса, выявленного ранее [6]. На его территории изучены два теплотехнических сооружения. Они представляют собой округлые ямы диаметром

0,84–0,94 и глубиной 0,33–0,39 м. Стенки теплотехнических устройств были обмазаны глиной. Вдоль границы объектов четко фиксируется слой прокаленной почвы толщиной 0,08–0,13 м. В их заполнении обнаружены фрагменты керамики, кости животных, древесный уголь и округлые известковые желваки.

Захоронение периода средневековья представлено мелкими жжеными костями человека, помещенными в небольшую округлую ямку. Над погребением найдены железные удила. Предварительно весь комплекс может быть датирован XIII–XIV вв.

Полученные данные свидетельствуют о неординарности памятника и важности его для интерпретации культурно-исторических процессов, проходивших на территории Барабинской лесостепи в эпоху раннего металла.

1. Молодин В. И., Хансен С., Мыльникова Л. Н., Наглер А., Новикова О. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Соловьев А. И., Ненахов Д. Л., Ковыришина Ю. Л., Нестерова М. С. Тартас-1 – открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 262–266.

2. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск, 2012. – Т. 3.

3. Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – Новосибирск, 2016. – Т. 4.

4. Молодин В. И., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Ковыришина Ю. Н. Погребения пахомовской культуры на могильнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2014. – Т. XX. – С. 219–222.

5. Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С. 31–46.

6. Молодин В. И., Кобелева Л. С., Наглер А., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Ненахов Д. А., Демяхина М. С., Мыльникова Л. Н., Хансен С. Культурные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

С. С. Онищенко, А. Н. Сидельникова, А. Д. Черниченко, А. М. Илюшин

Кемерово, государственный университет, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева

ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СБОРОВ И ЗАЧИСТОК НА КОМПЛЕКСЕ РИТУАЛЬНЫХ ПЛОЩАДОК РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

Дается краткая характеристика археологических и зооархеологических материалов по результатам исследования комплекса культовых площадок Торопово-7А. По аналогиям артефактам памятник относится к шандинской археологической культуре XI–XIV вв. н. э. Видовая структура зооархеологического материала свидетельствует о преобладании костей лошадей, затем мелкого и крупного рогатого скота и в единичных случаях охотничьих видов животных. Присутствие целых черепов лошадей свидетельствует об их использовании населением как обязательного элемента ритуальных действий.

Ключевые слова: комплекс культовых площадок, зооархеологические материалы, развитое средневековье.

В 2016 г. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция при проведении стационарных полевых раскопок на комплексе археологических памятников Торопово-7 в 300–350 м

к западу от этого объекта обнаружила компактное скопление культовых семейных площадок. Многие объекты были подвержены значительному разрушению под воздействием антропогенного (строительство высотной ЛЭП, грунтовые дороги и выпас скота) и естественного (подмыв береговой террасы течением р. Касьмы и выдув грунта на участках без покрытия дерна) факторов. На памятнике была собрана коллекция различных артефактов и проведена зачистка разрушающегося культурного слоя (по квадратам с 1 по 8) на краю подмываемого берега террасы, служащего на момент открытия в качестве водопоя для крупного рогатого скота. Находки фрагментов керамической посуды, пряслиц, игральные кости (альчиков) и костяной пуговицы (рис. 1: 1–17) имеют широкий круг аналогий на памятниках развитого средневековья, отождествляемых с шандинской археологической культурой XI–XIV вв. н. э. [1, с. 120–126]. Ближайшие аналогии этим материалам в долине среднего течения р. Касьмы зафиксированы на комплексах археологических памятников Торопово-4 и Торопово-7 [2, с. 64–69; 3, с. 124–129; 4, с. 61–65; 5, с. 85–86, 186–190; 6, с. 55–65; 7, с. 245–250; и др.]. Однако наиболее интересным и ценным вещественным источником, полученным при исследовании памятника, на данный момент является зооархеологическая коллекция. Поэтому основная цель настоящей работы состоит в том, чтобы дать краткую характеристику этих материалов после их первичной обработки и описать сделанные наблюдения.

Зооархеологическая коллекция включает 607 остатков от разных отделов скелета животных. Из них 120 образцов относятся к подъемному материалу, 47 были собраны в обнажениях обрыва берега р. Касьмы и 440 – найдены при зачистках и раскопках восьми квадратов на краю разрушающегося культурного слоя комплекса ритуальных площадок. По своему состоянию большая часть находок (583) – это разных размеров фрагменты от расколотых или тафономически разрушенных костей. Более 40 % костных остатков имеют признаки физико-химических разрушений и/или фитокоррозии (255), пирогенных воздействий (24), разделочных инструментов (48) или погрызов (21). Такие образцы равномерно распределены по всей археологически обследованной площади памятника. Из-за плохого состояния материала и его мелкой фрагментарности видовую принадлежность удалось установить для менее половины находок (278). Они принадлежат следующим видам животных: лошадь домашняя (*Equuscabalus*) – 187 экз., баран домашний (*Ovisaries*) – 61 экз., бык домашний (*Bostaurus*) – 18 экз., косуля сибирская (*Capreoluspygargus*) – 2 экз., лисица (*Vulpesvulpes*) – 2 экз., заяц-беляк (*Lepustimidus*) – 7 экз., бобр (*Castorfiber*) – 1 экз. Остальные образцы (205) относятся или к группе крупных (если исходить из состава идентифицированных до вида остатков костей): большая часть из них принадлежит домашней лошади (*Equuscabalus*), – или к одному из средних по размеру животных (45), вероятнее, домашнему барану или овце (*Ovis aries*). К группе неопределенных до вида или до одной из двух идентификационных групп были отнесены 79 фрагментов костей животных. В целом видовая структура изученного зооархеологического материала отражает факт выраженного доминирования лошадей на фоне малочисленности мелкого и крупного рогатого скота и редкости охотничьих видов животных. Аналогичная структура зооархеологического материала зафиксирована по результатам исследования синхронных и однокультурных жилищ на поселении Торопово-7 [4, с. 61–65; 6, с. 55–65; 7, с. 245–250; 8, с. 101–108; 9, с. 72–74].

В процессе анализа распределения материала по местам сборов были выявлены некоторые особенности. Так, остатки от охотничьих видов животных в подавляющем большинстве (заяц-беляк и бобр) или исключительно (лисица и косуля) встречались в составе подъемного материала и/или в сборах из береговых обнажений, что позволяет предполагать об их незначительной роли в церемониях, проводившихся на комплексе ритуальных площадок. Зооархеологический материал на комплексе ритуальных площадок сформирован в результате накопления остатков костей домашних копытных, в основном лошадей и баранов (овец), с малой долей небольших фрагментов от черепа и анатомически разрозненных трубчатых костей домашнего быка. Вероятно, это отражает и степень значимости этих видов домашних животных в ритуальных действиях. Анализ распределения находок по квадратам вскрытой площади раскопа позволил установить, что основная их масса сконцентрирована в квадратах 5 (100 экз.) и 7 (229 экз.). Это предполагает неравномерное использование различных участков обследованной площади в ритуальных целях.

Анализ анатомического состава коллекции зооархеологических материалов с комплекса ритуальных площадок с учетом видовой принадлежности не выявил признаков избирательного накопления или отсутствия каких-либо определенных элементов скелета животных. Особенно явно это прослеживается в составе массовых остатков костей лошадей и баранов, от которых представлены все

структуры скелета. Среди них доминируют разного размера фрагменты от ребер, позвонков, костей конечностей, т. е. так называемых мясных частей туш животных, представляющих, вероятно, остатки неоднократных трапез, когда употреблялось мясо разных животных. Анализ возрастного состава находок показал, что среди забитых лошадей имелись годовалые, трех- и четырехлетние особи и одна была в возрасте старше 10–12 лет. Бараны и овцы забивались в возрасте до 4 лет.

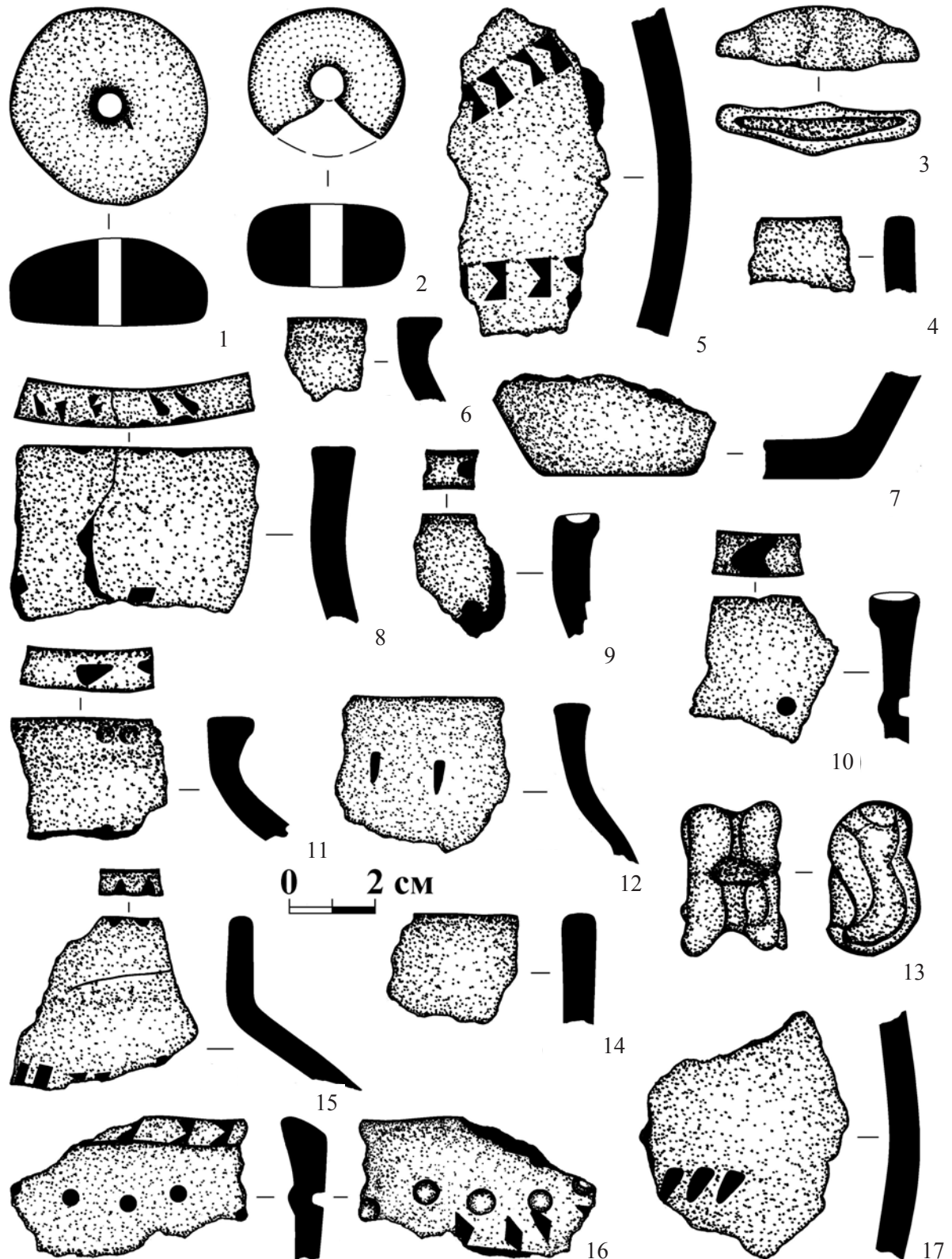

Рис. 1. Комплекс культовых площадок Торопово-7А. Находки 2016 г.: 1, 2 – прясла, 3 – пуговица, 4–12, 14–17 – фрагменты посуды, 13 – игральная кость (альчик); 1, 3, 13 – кость, 2, 4–12, 14–17 – керамика

При исследовании зооархеологических материалов было обращено внимание на то, что от лошадей имелись крупные обломки от двух мозговых черепов животных и нескольких нижних челюстей. Ранее, при анализе фаунистических коллекций с поселения Торопово-7, было установлено, что черепа и нижние челюсти лошадей оставались в жилищах развитого средневековья в качестве оберегов [8, с. 101–108]. Исходя из этого можно предположить, что обнаруженные на ритуальной площадке черепа лошадей также имеют культовое значение. Примечательно, что в ходе предварительного просмотра более 1000 костных остатков костей животных из раскопок межжилищного пространства на Торопово-7 в 2016 г. было обнаружено только 6 разрозненных зубов и 3 небольших фрагмента зубной кости, что подтверждает полученный ранее вывод о преднамеренном сохранении черепов лошадей в жилищах [8, с. 101–108]. В совокупности полученные результаты обработки зооархеологических материалов с комплекса культовых площадок позволяют предположить, что черепа лошадей использовались кипчакским населением как обязательный элемент духовно-культового обустройства не только жилищ, но и мест ритуальных действий.

1. *Илюшин А. М.* Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. – Кемерово, 2005.

2. *Илюшин А. М.* Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. – Павлодар, 2014. – Вып. 9. – С. 64–69.

3. *Илюшин А. М.* Культура кочевников Дешт-и Кыпчак (по материалам раскопок на Торопово-7) // Казахи Евразии: история и культура. – Омск ; Павлодар, 2016. – С. 124–129.

4. *Илюшин А. М., Борисов В. А., Онищенко С. С.* Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 22–23 апр. 2015 г.). – Барнаул, 2015. – Вып. 10. – С. 61–65.

5. *Илюшин А. М., Ковалевский С. А.* Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. – Кемерово, 2012.

6. *Илюшин А. М., Онищенко С. С.* О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 1 (32). – С. 55–65.

7. *Илюшин А. М., Онищенко С. С.* Результаты исследования жилища кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине // Вестник ТГПУ. – 2016. – № 5 (170). – С. 245–250.

8. *Илюшин А. М., Онищенко С. С.* Кыпчакские обереги по результатам раскопок средневековых жилищ на Торопово-7 // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул, 2016. – Вып. IX. – С. 101–108.

9. *Илюшин А. М., Онищенко С. С.* Система жизнеобеспечения этнической группы восточных кыпчаков по материалам раскопок на Торопово-7 в долине р. Касьмы // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Междунар. науч. конф. (Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.) : в 2 ч. – Тюмень, 2016. – Вып. 5. – Ч. 2. – С. 72–74.

Д. Н. Павлов

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВЕДКИ В ГОРЬКОВСКОМ РАЙОНЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 2016 ГОДУ

Статья посвящена разведке в Горьковском районе Омской области. Дано краткое описание исследованных памятников. Приводятся возможные перспективы их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: археологические памятники, поиск, мониторинг, Омское Прииртышье, потчевашская культура.

В июне 2016 г. автором была проведена археологическая разведка в Горьковском районе Омской области (рис. 1). Ее целями стали подробное обследование участка, начинающегося в 2 км к востоку от с. Новопокровка Горьковского района и проходящего по краю террасы р. Иртыш для поиска и выявления новых памятников археологии; визуальное обследование состояния ранее выявленных памятников; фотофиксация; уточнение координат объектов в системе WGS 84; планирование мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия.

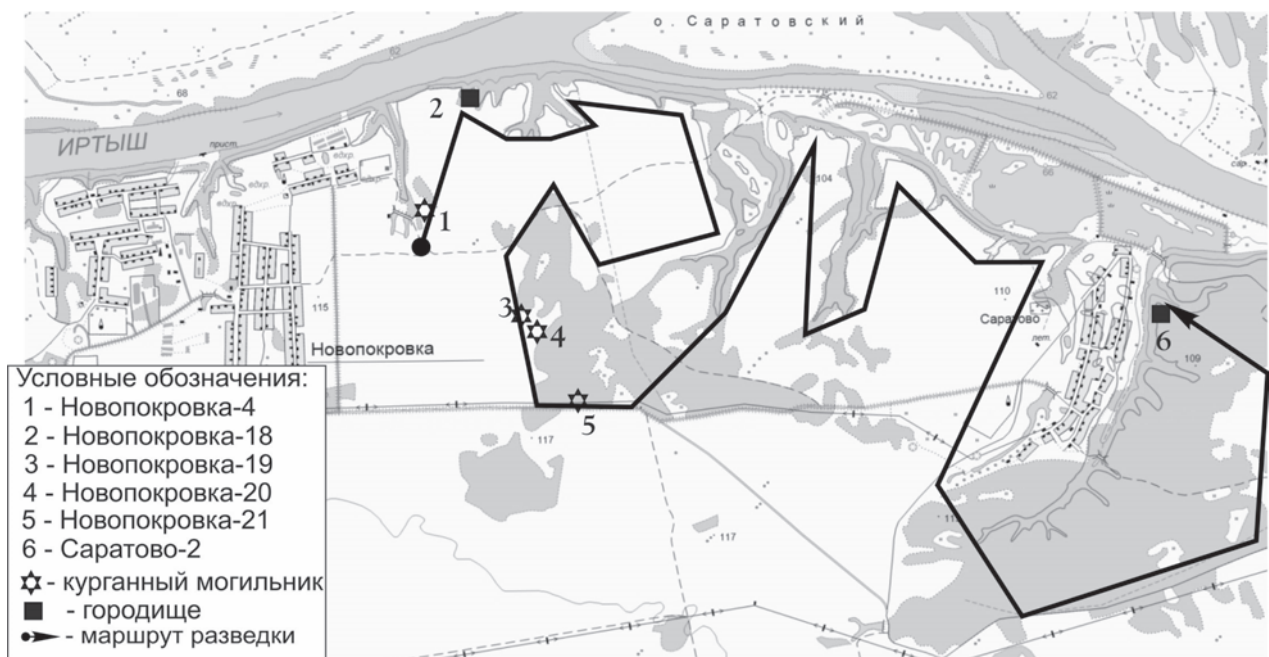

Рис. 1. Маршрут разведки у с. Новопокровка и д. Саратово (выкопировка с карты Государственного ГИСЦентра, лист № N-43-005-С, М 1:50000)

Всего выявлено 5 и обследован 1 памятник археологии: 3 одиночных кургана, курганный могильник и 2 укрепленных городища. В данном районе ранее проводили разведки В. А. Могильников (1977) [1] и В. В. Дубко (1990) [2]. Далее мы приведем краткое описание обследованных объектов культурно-археологического наследия.

Курганный могильник Новопокровка IV. Могильник расположен в 1 км на северо-восток от д. Новопокровка. Найден в 1977 г. В. А. Могильниковым, обследован в 1990 г. В. В. Дубко. Могильник вытянут по линии запад – восток на 110 м и состоит из двух курганов округлой формы, диаметром 17 и 20 м, высотой 1,2 и 1,4 м. В центре второго кургана фиксируется грабительская яма. Датировка не ясна.

Городище Новопокровка XVIII. Памятник расположен в 1,1 км к востоку от д. Новопокровка на мысу, образованном двумя оврагами, пересекающими террасу р. Иртыш. Один из них является западной границей памятника и ориентирован по направлению северо-северо-восток – юго-юго-запад. Другой овраг является восточной границей памятника и ориентирован по направлению север – юг. Городище в плане трапециевидной формы. Мыс в основании рассечен системой из двух ровов и вала, ориентированных по направлению восток – запад. Внешний ров хорошо задернован, стенки оплывшие, контур нечеткий. Глубина рва от 0,2 до 0,25 м, ширина 2–2,5 м. Внутренний ров сохранился лучше. Начиная от средней части он постепенно отклоняется к северу от внешнего рва под углом примерно 45°. Глубина рва от 0,25 до 0,35 м. Между рвами фиксируются остатки сильно оплывшего вала, расположенного вдоль внешнего рва. Площадка городища слегка опускается к западу. Основание трапеции городища имеет ориентацию запад – восток. Верхняя сторона трапеции выходит на край террасы, также имеет ориентацию запад – восток. На городище выявлено 5 западин 6 × 8 м: 3 за пределами укреплений и 2 – внутри городища. На краю террасы зафиксирован раскоп (?) размерами 3 × 3 м. Данных о том, кто заложил этот раскоп на памятнике, при анализе нами архивных материалов не обнаружено. На повороте внутреннего вала обнаружена квадратная яма размерами 3 × 3 м и глубиной 0,9 м. Стенки ямы слабо задернованы. При обследовании кротовин в северной части городища был получен подъемный материал в виде фрагментов керамической посуды и обломка пряслица. Сведений о более ранних исследованиях городища по архивным и учетным материалам не обнаружено, на учете он не стоит. В связи с этим объект нами был отнесен к категории вновь выявленных.

Курган Новопокровка XIX. Курган расположен в 2 км на восток от д. Новопокровка. Диаметр кургана 30 м, высота 1,5. В центре кургана фиксируется грабительская яма. Датировка не ясна. Нами не обнаружены сведения о более ранних исследованиях памятника по архивным и учетным материалам, на учете он не стоит, поэтому объект был отнесен к категории вновь выявленных.

Курган Новопокровка XX. Курган расположен в 2 км на востоко-юго-восток от д. Новопокровка. Диаметр кургана 30 м, высота 2. В центре кургана фиксируется грабительская яма. Датировка не ясна. Сведений о более ранних исследованиях памятника по архивным и учетным материалам нет, на учете он не стоит, поэтому объект отнесен к категории вновь выявленных.

Курган Новопокровка XXI. Курган расположен в 2,4 км на юго-восток от д. Новопокровка. Имеет округлую в плане форму, диаметр насыпи 20 м, высота 1,5 м. В центре кургана фиксируется грабительская яма. Датировка не ясна. Как и у двух описанных выше объектов археологии, сведения об открытии памятника отсутствуют, на учете он не стоит. Объект был нами отнесен к категории вновь выявленных.

Городище Саратово II. Расположено на мысу, образованном Большим Саратовским оврагом, который устьем прорезает террасу р. Иртыш, и двумя оврагами поменьше, расположенными параллельно р. Иртыш. Большой Саратовский овраг ориентирован по линии север – северо-восток и является западной границей памятника. Овраги поменьше ориентированы по направлению северо-восток – юго-запад. Городище в плане трапециевидной формы. Основание трапеции городища имеет ориентацию север – юг с небольшим отклонением к востоку и западу. На внутренней площадке фиксируется 5 жилищ в виде крупных овальных западин. Размеры западин 6 × 10–12 м. Глубина западин порядка 0,5 м. Площадка городища повышается в сторону Большого Саратовского оврага. С края городища хорошо видна д. Саратово. В северной части городища фиксируется возвышение, заросшее молодой березой, его контуры и морфологию проследить не удалось. По северо-восточному контуру городища западины не выявлены.

Мыс рассечен системой из двух ровов и двух валов. Внутренний вал городища четко выражен, имеет высоту порядка 1,5 м над дневной поверхностью. Ширина вала около 5 м у основания. С внешней стороны вала расположен ров шириной 2 м и глубиной 1 м. Между внутренней системой «ров – вал» выявлена площадка шириной около 5 м, за которой расположен внешний вал. Последний меньше внутреннего, хорошо выражен на поверхности и имеет высоту около полуметра, ширина у основания около 5 м. Перед внешним валом прослежен еще один ров, шириной 3 м и глубиной 1,5–1,8 м от дневной поверхности. Перед последним (внешним) ровом обнаружен еще один небольшой вал (?), возможно, это выкид из упомянутого рва. Оба вала в центре рассечены проездом, края проезда хорошо прослеживаются, ров в этом месте засыпан. У юго-западного угла городища вал слегка закругляется. Перед валом в юго-восточной части обнаружен котлован с сильно оплывшими краями, возможно,

грунтозабор для строительства вала. Внутренний ров длиннее внешнего, он опоясывает площадку городища и идет параллельно склону оврага. Вал заканчивается гораздо раньше, слегка оконтуривая южный край городища. Северная часть городища плотно заросла мелким кустарником (жимолость), в связи с этим микрорельеф здесь не читается. В южной части городища имеется возвышение, аналогичное возвышению в северной части. На городище фиксируются многочисленные нарушения культурного слоя в виде небольших ям. При исследовании кротовин в северной части городища собран подъемный материал, представляющий собой несколько фрагментов неорнаментированной керамики. По внешним признакам, городище может относиться к эпохе средневековья. Сведения о более ранних исследованиях памятника при анализе архивной и учетной документации нами не обнаружены, на учете он не стоит. В связи с этим объект был отнесен к категории вновь выявленных.

Наибольший интерес из обследованных памятников представляет городище Новопокровка XVIII. Полученный на этом городище подъемный материал по внешним признакам схож с находками с памятников Паново II, Белый Яр I (Омская обл.) [3, с. 48], Преображенка I, Туруновка I, Бурундуково IV (Новосибирская обл.) [4, с. 112–122] и может относиться к потчевашской культуре. Большой массив памятников потчевашской культуры известен в основном в южнотаежном Прииртышье. В лесостепном их меньше. Начиная от могильника Окунево III до городища Большой Лог I и комплекса памятников «Омская стоянка» памятники потчевашской культуры вдоль р. Иртыш неизвестны. Таким образом, у нас есть основания полагать, что обследованный памятник может принадлежать к потчевашской культуре, кроме того, можно предположить, что часть курганов в курганных могильниках, таких как Новопокровка IV–XV, также могут относиться к этой культуре. Это планируется выяснить при дальнейшем, более детальном обследовании памятника и прилегающего района.

1. *Могильников В. А.* Отчет об археологических исследованиях в Среднем Прииртышье в 1977 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 6678.

2. *Дубко В. В.* Отчет о результатах разведки по правому берегу р. Иртыш в Горьковском районе Омской области в 1990 г. Архив кабинета археологии ОмГПУ.

3. *Конилов Б. А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. – Омск, 2007.

4. *Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С.* Бараба в тюркское время. – Новосибирск, 1988.

С. Ф. Татауров

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ГОРОДЕ ТАРЕ В 2016 ГОДУ*

В полевом сезоне 2016 г. были продолжены археологические работы в историческом центре г. Тара, на территории острожной части города, примыкавшей к крепостной стене. В ходе раскопок получен весьма представительный материал по истории города, хозяйственным занятиям жителей, их быту и духовной культуре, восстановлена планиграфия на одном участке города в период его основания.

Ключевые слова: Сибирь, город, Тара, крепость, архитектура, культура.

В 2016 г. экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН при участии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Томского государственного университета и Омского государственного педагогического университета были проведены исследования в историческом центре города, в его острожной части. Площадь раскопа составила 150 кв. м. Задачей исследований этого сезона стало изучение крепостной стены г. Тары в ее острожной части.

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

Главным событием в ходе раскопок явилось открытие слоя начала основания города. В этом культурном горизонте была открыта изба, достаточно обычная для того времени – $3 \times 2,6$ м. В осенний день она полностью сгорела вместе с окружающими постройками, и ее владельцы даже не предпринимали попыток ее потушить. Перекрывает горизонт с избой слой супесчаной почвы, которой засыпали пожарище и, таким образом, изба представляет собой закрытый комплекс. Доказательством этого является то, что все предметы, а это ларь, посуда, бочка, оказались в своих первоначальных положениях. В пользу того, что пожар произошел осенью, говорит тот факт, что в полуразрушенной печи в ходе разборки была найдена корчага с корнеплодами (репой?), на некоторых из которых сохранились хвостики, то есть она была недавно сорвана.

Центральным местом избы была печь. В отличие от общепринятого мнения и имеющихся материалов по сельским поселениям Тарского Прииртышья XVIII–XIX вв., она оказалась сложена из тонкого слабообожженного кирпича. По своим размерам кирпич очень близок к плинфе, но по форме он тяготеет к современным пропорциям этого строительного материала. Несмотря на небольшие размеры избы, печь занимала достаточно большую площадь ($1,4 \times 1$ м) и имела очень высокий свод – 0,8 м. Сохранился запечек, где по традиции находилась лавка, на которой стояли горшки (5 штук). Судя по количеству кирпича, вероятно, у печи был выведен на улицу дымоход, что для начала XVII в. было в определенной мере редкостью. С восточной части избы, на уровне верха печи, были устроены полаты – об этом свидетельствуют остатки опорных столбов, которые стояли впритык к кирпичной кладке.

В противоположном от входной двери юго-восточном углу избы стоял ларь, в котором находились горшки. Часть из них носит следы починки полосами бересты. Исходя из этого можно предположить, что, вероятнее всего, в этих горшках хранились какие-то продукты. Рядом с ларем зафиксированы остатки небольшого бочонка. Практически по всей площади избы найдена кухонная посуда – это горшки и уже упоминавшаяся корчага с репой. Столовой посуды не обнаружено, по всей вероятности, хозяева избы использовали деревянный набор тарелок, ложек и ковшей, которые сгорели во время пожара.

В отличие от жилых построек в крепостной части города, в остроге не было усадебной застройки [1, с. 289], поэтому изба практически примыкала к соседним жилищам. Расстояние между постройками не превышало одного метра. Такая теснота и являлась причиной частых пожаров в городе. Воевода князь Мещерский, описывая пожар в Москве 1669 г., указывал, что город «згорел Божьей волей», так как «дворы были тесны гораздо и улицы были узки». Во время этого пожара сгорело 360 дворов, приказная изба, воеводский дом и другие постройки [2, с. 22].

В культурном горизонте XVIII в. были открыты две жилищные постройки размерами 5×5 м, ориентированные по сторонам света. Сруб рублен в лапу, в обоих сооружениях сохранилось по пять венцов. В одном из них осталась «мебель» из тесаных полубревен – две пристенные лавки и стол. В этой же избе сохранилось деревянное основание глинобитной печи. Судя по наличию кирпича, печь имела трубу и, следовательно, топилась по-белому. Из находок интересен набор из пяти железных двухзубых вилок, которые лежали рядом с небольшим блюдцем, покрытым зеленой поливой. В Тарском краеведческом музее есть две подобные бронзовые вилки европейского производства. Найденные предметы, судя по их качеству, были изготовлены в Таре из более доступного материала. Во второй избе был глубокий (около 2 м) срубный погреб с двойным полом, что является свидетельством использования его в летнее время в качестве холодильника. В предыдущие годы раскопок такие ледники были найдены в погребах, располагавшихся отдельно от жилых построек. Таким образом, это первый случай совмещения жилого помещения и погреба-холодильника. После пожара, который был такой силы, что даже затронул сруб погреба, последний был перекрыт березовыми жердями и использовался погорельцами как временное жилище. Через определенное время погреб и остатки сруба дома засыпали глиной и на этом месте были поставлены здания, принадлежащие городскому хозяйству города – богадельня и пожарная часть.

Из результатов исследований сезона 2016 г. следует отметить обнаружение комплекса из двух ям для гончарного производства. Одна из них представляла собой обычное глинище диаметром около 8 и глубиной до 3 м. Рядом была выкопана прямоугольная трехступенчатая яма для промывки песка. Яма заполнялась песком, который в течение определенного времени промывался до полного удаления илистых примесей. Постоянное военное положение города вынудило его жителей добывать глину и обрабатывать песок непосредственно рядом со своими жилищами.

Археологические исследования в 2016 г. позволили вплотную подойти к крепостной стене города в его острожной части. Эта территория станет основной целью исследований в последующие годы. Открытые объекты показали особенности застройки г. Тары жилыми и хозяйственными комплексами, позволили проследить планиграфию первоначальной застройки данной части города. Собранные в ходе работ коллекции обогатили наши знания по хозяйственным занятиям, условиям проживания, бытовому обустройству жителей города, их внешнему виду.

Полученные в ходе раскопок археологические коллекции по целому набору предметов отличаются от полученных в центре города материалов. Прежде всего это касается монет. Как ни удивительно, но в острожной части денег терялось в несколько раз больше, чем в центре. Возможно, это связано с тем, что центральную часть города убирали дворники, которые и собирали оброненные монетки. Значительное количество монет позволило нам более точно датировать строительные горизонты, особенно для XVIII и XIX вв. Также следует отметить наличие сельскохозяйственного инвентаря – фрагментов грабель, кос-горбуш, серпов и т. д., что свидетельствует о том, что жители этой части города занимались обработкой земли и скотоводством. О других промыслах тарчан свидетельствуют находки рыболовных принадлежностей – поплавков, грузил и крючков, приспособлений для охоты – капканов и насторожек от ловушек на пушных зверков. Также было найдено несколько веретен с пряслицами и деталей ткацких станков, что свидетельствует о занятии населения прядением и ткачеством. Тем самым можно утверждать, что вся хозяйственная и ремесленная жизнь города была сосредоточена в острожной части города. В крепости находились административные здания и склады военного и торгового назначения.

Сезон 2016 г. археологических исследований в г. Таре позволил расширить наши представления о застройке острожной части города, планиграфии жилищно-хозяйственных комплексов, материальной и духовной культуре горожан.

1. *Татауров С. Ф., Черная М. П.* Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследований 2011–2014 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск, 2014. – Т. XX. – С. 288–291.

2. *Цветкова Г. В.* Город на реке Аркарке // Тарская мозаика. – Омск, 1994. – С. 3–43.

К. Н. Тихомиров

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСОВ ТЮРКИЗИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

В статье рассматриваются результаты исследований комплексов предков сибирских татар в Знаменском и Тарском районах, а также описываются некоторые особенности действующих кладбищ современных татар тарской группы в Тарском районе Омской области. Проведенные исследования позволили выявить и датировать новые комплексы предков сибирских татар, а также на основе наблюдений на кладбищах тарских татар выявить особенности погребального обряда и ввести их в научный оборот.

Ключевые слова: предки сибирских татар, археологические комплексы, мазарат, погребальный инвентарь, надмогильные сооружения.

В полевой сезон 2016 г. были произведены работы на различных комплексах современных сибирских татар и их предков, с целью изучения прошлого и процессов, начавшихся в прошлом. Работа велась в двух направлениях. Одним из них стало исследование поселения Айлинка VII в Знаменском районе Омской области.

Поселение располагалось в 2 км к юго-юго-востоку от д. Айлинка в урочище Поздопал (Чистое поле) в 2,7 км к востоко-юго-востоку от с. Новоягодное. Памятник находится на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Шиш, заросшей смешанным березово-сосновым лесом с преобладанием сосны. Высота террасы здесь достигает 1,5 м. Под террасой расположена обширная пойма правого берега р. Шиш, заросшая луговой растительностью, с небольшим количеством сосны на положительных формах рельефа. Среди поймы, напротив поселения, расположено пойменное озеро, со стоком в р. Шиш.

Целью исследования местонахождения Айлинка VII стала проверка предположения о наличии здесь летнего поселения предков современных иртышских татар. Об этом свидетельствовала найденная в 2012 г. в лесозащитной полосе керамика эпохи позднего средневековья, обожженные и сильно фрагментированные кости животных, мелкий уголь. Раскоп площадью 32 кв. м был заложен на юго-западной окраине памятника. В результате работ была получена небольшая коллекция керамики и мелких обожженных костей животных. Керамика представлена фрагментами грубых лепных сосудов, орнаментированных горизонтальным рядом мелкой ямки, расположенной под венчиком. Срезы венчиков не орнаментированы, уплощены. На одном фрагменте венчик слегка отогнут наружу. Шейки сосудов вертикальные, не профилированные. Тесто фрагментов рыхлое, с крупными фрагментами шамота. Внешняя сторона сосудов залощена. На внутренней стороне фиксируется нагар. Указанная керамика находит близкие аналогии среди таежных культур финала позднего средневековья Западной Сибири. Наиболее близко территориально подобная керамика встречена на памятнике Усть-Тамак II в Знаменском районе Омской области. Указанное городище уверенно датируется по счетному пфеннигу Вольфа Лауфера второй половиной XVII в.

Проведенные работы не позволили уточнить тип памятника, так как остатков построек в раскоп не попало. Следовательно, корректно в настоящее время его называть местонахождением. Однако можно предположить, что этот памятник – остатки сезонного (летнего) поселения таежного населения финала позднего средневековья, существовавшего накануне или в первое время освоения этого края подданными Московского царства. О специализации поселения можно судить по факту расположения его в месте, удобном для занятий скотоводством: наличие заливных лугов с водопоем и возможностью визуально контролировать стадо. О сезонном характере поселения может свидетельствовать и тот факт, что культурный слой имеет незначительную мощность.

Следующим объектом исследования стало городище Ишеево I. На высокой левобережной террасе р. Уй, в 1 км к юго-западу от бывшей школы д. Ишеево Тарского района Омской области, располагается современное кладбище указанной деревни. Своей северной границей оно примыкает к городищу Ишеево I, расположенному дальше на мысу террасы. Все надмогильные сооружения на кладбище устроены до первого рва и вала. Однако загородка от него стоит на территории самого городища, на его первой площадке, на границе второго рва. Городище состоит из трех площадок, на которых фиксируются следы старого раскопа и несколько жилищных западин. Оно имеет мощные рвы глубиной 1,5 м и валы высотой 1 м. Кое-где поверхность городища нарушена тропинками и выворотнями упавших деревьев. Информация о проводившихся ранее работах на этом городище утрачена. Сборы дали небольшую коллекцию керамики и обломок наконечника костяной стрелы. Представленные фрагменты от лепных нелощенных сосудов из рыхлого теста плохого обжига орнаментированы гладкими оттисками длинного орнамента, образующими горизонтальную елочку. Полученные материалы позволили датировать городище эпохой позднего средневековья и отнести его к предкам сибирских татар.

Исследование окрестностей д. Курманово Тарского района Омской области, расположенной в 30 км на северо-северо-запад от г. Тара (левый берег р. Иртыш), позволили обследовать разрушаемую р. Иртыш курганную группу Курманово I. Она зафиксирована на северо-восточной окраине указанной деревни, на краю берега р. Иртыш, перед кладбищем. В настоящее время в группе четко фиксируются два кургана, остальная поверхность сильно искажена хозяйственной деятельностью. Один из курганов наполовину обрушился в реку, так что обнажилось погребение. Судя по состоянию кургана, его разрушение произошло недавно, возможно летом 2016 г., когда Иртыш был необыкновенно полноводен.

Местные жители называют это место китайскими могилами и рассказывают о том, что здесь находили сабли. Датировка памятника не ясна.

Вторым направлением работы стало изучение современных или недавно заброшенных комплексов сибирских татар. В ходе этих работ были исследованы окрестности деревень Курманово и Ишеево Тарского района Омской области.

В районе д. Ишеево в ходе обследования местности было обнаружено месторасположение старой деревни (Иске Юрт). Она располагалась в пойме р. Уй между указанной рекой и старичным оз. Культ, в 0,4 км на юго-восток от ФАП. В настоящее время это участок поймы, покрытый пойменной растительностью. По берегу озера растет береза, сосна и ель.

Также в районе д. Ишеево было обследовано действующее деревенское кладбище. Проведенные исследования зафиксировали различные особенности погребального обряда населения указанной деревни, наиболее заметными из которых являются специфика оформления надмогильных сооружений и устройство на комплексе специального сарая для хранения погребального инвентаря (лопат, козел, лестницы для спуска в могильную яму, погребальных носилок разных типов). Сарай сделан из перевезенного сюда сруба с односкатной шиферной крышей. Вход у сарая расположен с востока, перед ним устроено небольшое крыльцо. В срубке имеется два окна. Одно из них устроено справа от двери, другое – напротив. В окна вставлены деревянные рамы, повернутые на бок.

Обращает на себя внимание то, что на территории кладбища сохраняется старый навес, когда-то выполнявший указанные функции. За пределами огороженной части кладбища зафиксированы три кучи мусора. В одной находились банки из-под краски (синей и зеленой), во второй – отпиленные вершины от бревен, из которых изготавливали деревянные надмогильные сооружения в виде срубов, в третьей – отпилки от бревен, из которых устраивали надмогильные сооружения и скамеечки, сделанные из них. В то же время строительный мусор, также частично состоящий из отпиленных частей сруба сарая, остался на месте.

Отмечено, что на кладбище, наряду с небольшим количеством различного рода оградок из металла и штакетника, доминирующими на современных мазаратах, широко представлены срубы. Указанные срубы выкрашены в зеленый или синий цвет. На торцах срубов прикреплены фотографии умерших, таблички с надписями, и отдельно, рядом со срубом, установлены стелы с надписями. На некоторых имена погребенных писались по русскому типу, например, Шихов Шавкат Тухватович (1923–2009), на других на татарский манер с добавлением в имя Улы или Кызы. Например, Вассаф Тимирали Улы (1940–2007) или Абтрахимова Фанура Шарафутдин Кызы (1939–2005) [1, с. 193], что свидетельствует о бытовании двух традиций на кладбище.

На кладбище д. Курманово проведены наблюдения, позволяющие лучше понять особенности погребального обряда жителей этой деревни. Здесь, в отличие от предыдущего комплекса, доминируют могилы в металлических и деревянных (штакетник) оградках. Обращает внимание то, что на кладбище присутствует небольшое количество надмогильных сооружений в виде сруба. Они значительно разрушились и сгнили. Возможно, это следствие того, что срубы выполнялись из лиственных пород деревьев (зафиксирована береза) и не красились. Особый интерес вызывает обнаружение здесь двух сараев для хранения погребального инвентаря в юго-юго-западной части комплекса, в непосредственной близости друг от друга. Один из них, более старый, стоит на территории кладбища, ограниченной рвом. Второй, новый, устроен на рве. Новый сарай рублен на месте из сосновых ошкуренных на станке бревен и крыт шиферной двускатной крышей. Более старый выполнен из бревен лиственных и хвойных пород, ошкуренных вручную, и перекрыт двускатной крышей, покрытой рубероидом. У обоих сарайчиков имеется по одному маленькому окну справа от входа. Оба ориентированы входом на запад. В сараях хранится инвентарь для совершения погребальных действий: носилки, тряпки (для омовения?), две чурочки с прибитыми к торцу короткими дощечками, чайник.

Таким образом, проведенные работы позволили получить новые материалы по ежедневной жизни, хозяйству и погребальному обряду тарских татар.

1. Тихомиров К. Н. Изменение погребального обряда татар в Тарском районе Омской области // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России : сб. науч. тр. – Омск, 2016. – С. 190–193.

Н. П. Турова

Тобольск, комплексная научная станция УрО РАН

**КОЛЛЕКЦИЯ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ С ГОРОДИЩА ТОБОЛ-ТУРА 1
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2016 ГОДА)***

Дается предварительная характеристика коллекции изделий из кости и рога, полученной в ходе археологических исследований на городище Тобол-Тура 1. Памятник находится на правом берегу р. Тобол, датирован XII–XIV вв. н. э. Костяные изделия представлены инструментами для прядения, шитья, плетения, предметами домашнего обихода, вооружения, охоты и др. Часть артефактов орнаментирована и выполнена очень тщательно, что свидетельствует о высоком уровне косторезного производства. Впервые на территории Западной Сибири встречены свистки (манки) из трубчатых костей животных, которые часто находят на средневековых памятниках Приуралья. Это свидетельствует о миграции части приуральского населения в первой половине II тыс. н. э. в Тобольское Прииртышье.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Тобольское Прииртышье, эпоха средневековья, городище Тобол-Тура 1, изделия из кости и рога.

В октябре 2016 г. археологической экспедицией Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН под руководством автора были проведены археологические раскопки на городище Тобол-Тура 1. Памятник находится в Тобольском районе Тюменской области, на правом берегу р. Тобол. Городище расположено на мысовидном выступе надпойменной террасы р. Тобол, в 0,2 км к северу от ближайших построек с. Тоболтура.

О существовании городища близ Тобол-Туринских юрт было известно с XIX в. [1, с. 493]. Однако точное местонахождение памятника было определено лишь в результате разведочных работ 2012 г. [2, с. 41–43]. Площадь памятника составляет около 15000 кв. м. Наземные признаки городища в настоящее время в рельефе не выражены, так как значительная часть площадки периодически распахивается местными жителями. Памятник предварительно датирован XII–XIV вв. н. э. и соотнесен с угорским населением Нижнего Притобалья, материальная культура которого значительно отличается от синхронных усть-ишимской археологической культуры, культуры кинтусовского и сайгатинского этапов [2, с. 42].

Целью археологических работ 2016 г. являлось уточнение данных о датировке, характере и мощности культурных напластований городища Тобол-Тура 1, определение его культурной принадлежности. Раскоп площадью 24 кв. м был заложен на северной окраине площади городища Тобол-Тура 1. Мощность культурных напластований до уровня материкового суглинка составила около 0,7 м (4 горизонты), а в ямах – до 1,9 м.

Несмотря на небольшую площадь раскопа, кроме массовых находок (остеологические материалы, куски обожженной глины, шлак), удалось получить и представительную коллекцию индивидуальных находок из различных материалов, датировка которых укладывается в XII–XIV вв. н. э. Шестую часть артефактов (22 шт.) составляют изделия из кости и рога, анализу которых и посвящена данная работа.

На городище найдены преимущественно готовые изделия, заготовка представлена единично (рис. 1: 4). К инструментам, связанным с производственной деятельностью человека, относятся четыре костяных кочедыка, которые могли использоваться для плетения разнообразных изделий (сетей, корзин, лаптей). Изделия различных размеров, сечения, тщательно заполированы, одно имеет отверстие для привешивания (рис. 1: 13). Два кочедыка орнаментированы: на одном имеется солярный знак (х-образный), другой покрыт плотным орнаментом из ямок и прочерченного линейного орнамента (линии, зигзаги, солярный знак). Большое количество подобных орудий труда, изготовленных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)».

преимущественно из метаподий крупного рогатого скота и лошади, имеется среди находок с Рождественского городища [3, с. 276, рис. 154–157]. На трех кочедыках с упомянутого городища также имеются прочерченные х-образные знаки, которые интерпретируются исследователями как тамги [3, с. 276, рис. 154: 5; 8, рис. 155: 10].

С таким домашним промыслом, как прядение, связаны находки пряслиц, девять из которых глиняные, и лишь одно костяное (рис. 1: 5). Пряслице эллипсоидного сечения изготовлено из эпифиза бедренной кости крупного животного. Изделие выполнено очень тщательно, отшлифовано, заполировано. На нем с двух сторон имеются по 2 изображения солярных знаков. Подобные пряслица (только не шлифованные и не заполированные) в форме полушария имеются среди коллекции с городища XII–XIV вв. Ярково-ское 1 в Тобольском Прииртышье (раскопки А. А. Адамова), с Рождественского городища Пермского Предуралья [3, с. 278, рис. 160: 1–2].

Рукодельницы могли хранить иглы и проколки в костяных игольниках, изготовленных из трубчатых костей. В раскопе был обнаружен один такой игольник (рис. 1: 1), имеющий боковое сквозное отверстие для привешивания. Внутри него, скорее всего, сохранился фрагмент костяной проколки (охарактеризовать нельзя, т. к. извлечь его не удалось). Проколки из тонких заостренных фрагментов трубчатых костей мелких животных и птиц, иногда находящихся в игольниках, подобных вышеописанному (изготовлены из бедренных костей куницы), встречаются на памятниках Пермского Приуралья [3, с. 277, 304, рис. 159: 20–27].

К предметам домашнего обихода относятся две костяные ложечки. Одно изделие практически целое (рис. 1: 6), а другое представлено ручкой с отверстием для привешивания. Сохранившееся изделие по всей внешней стороне декорировано крупными ямками, расположенными в шахматном порядке (рис. 1: 10).

К предметам вооружения и охоты относятся 6 костяных наконечников стрел. Судя по трем изделиям, сохранившимся наиболее полно, наконечники были черешковыми, как с выделенным насадом, так и без такового, трех- или четырехгранными в сечении (рис. 1: 8–9).

Впервые на территории Зауралья встречена такая категория находок, как свистки / манки, изготовленные из трубчатых костей. С городища Тобол-Тура 1 происходят два изделия: одно выполнено из задней метаподии зайца; второе, предположительно, из бедренной кости соболя (рис. 1: 2) (определения любезно выполнены канд. биол. наук П. А. Косинцевым, сотрудником Института экологии растений и животных Уральского отделения, Екатеринбург). Значительное число подобных изделий, изготовленных из бедренных костей соболя или куницы, интерпретированных исследователями как манки-пищальки, с помощью которых охотились на боровую дичь (рябчиков), встречается на средневековых поселениях Пермского Предуралья [3, с. 258, рис. 137: 1–5; 4, с. 229; 5, с. 75].

Досуг населения характеризуют находки трех игровых астрагалов (рис. 1: 7). Два из них имеют по одному сквозному отверстию с боковой грани (на одном по центру кости, на другом – с краю), еще одна косточка помечена прочерченными параллельными линиями, расположенными поперек одной из граней. Исследователи практически единодушно относят астрагалы со следами обработки к игровым приспособлениям. По мнению А. А. Адамова, отметины на астрагалах в виде рисунков или отверстий маркировали так называемые ведущие (главные) кости в игровом наборе [2, с. 95–96].

Среди изделий имеется застежка, представляющая собой пластинку подпрямоугольной формы с выступом на одной стороне и сквозным отверстием по центру; на лицевой стороне имеется прочерченный орнамент (рис. 1: 3). Подобные артефакты (их называют по-разному: костяные пластины с прямоугольным отверстием, застежки, цурки, костыльки, псяики), встречающиеся на средневековых памятниках Евразии, исследователи чаще всего относят к деталям конского снаряжения (застежки для пут и недоуздки, запоры на ремне в подпруге). Не исключается также их использование для крепления колчана [6, с. 78; 7, с. 127; 8, с. 21].

Еще пять изделий сложно атрибутировать из-за их фрагментированного состояния. Это, вероятно, две пластины-обкладки (рис. 1: 12) со следами залощения (одна из них покрыта плоскорельефной резьбой с мотивом «плетенка»), один «остроконечник» из отростка рога (рис. 1: 11), тонкая костяная пластина, заполированная по краям (предположительно, нож для чистки рыбы), а также достаточно толстый фрагмент кости (толщиной 1,3 см) с грубым резным линейным орнаментом.

Широкий спектр костяных изделий, наличие тщательно выполненных и орнаментированных изделий, находка заготовки – свидетельствуют о значительной роли и достаточно высоком уровне кос-

горезного производства у обитателей городища. Этому способствовал и хозяйственный уклад, обеспечивавший стабильную сырьевую базу: охота и скотоводство давали разнообразный поделочный материал.

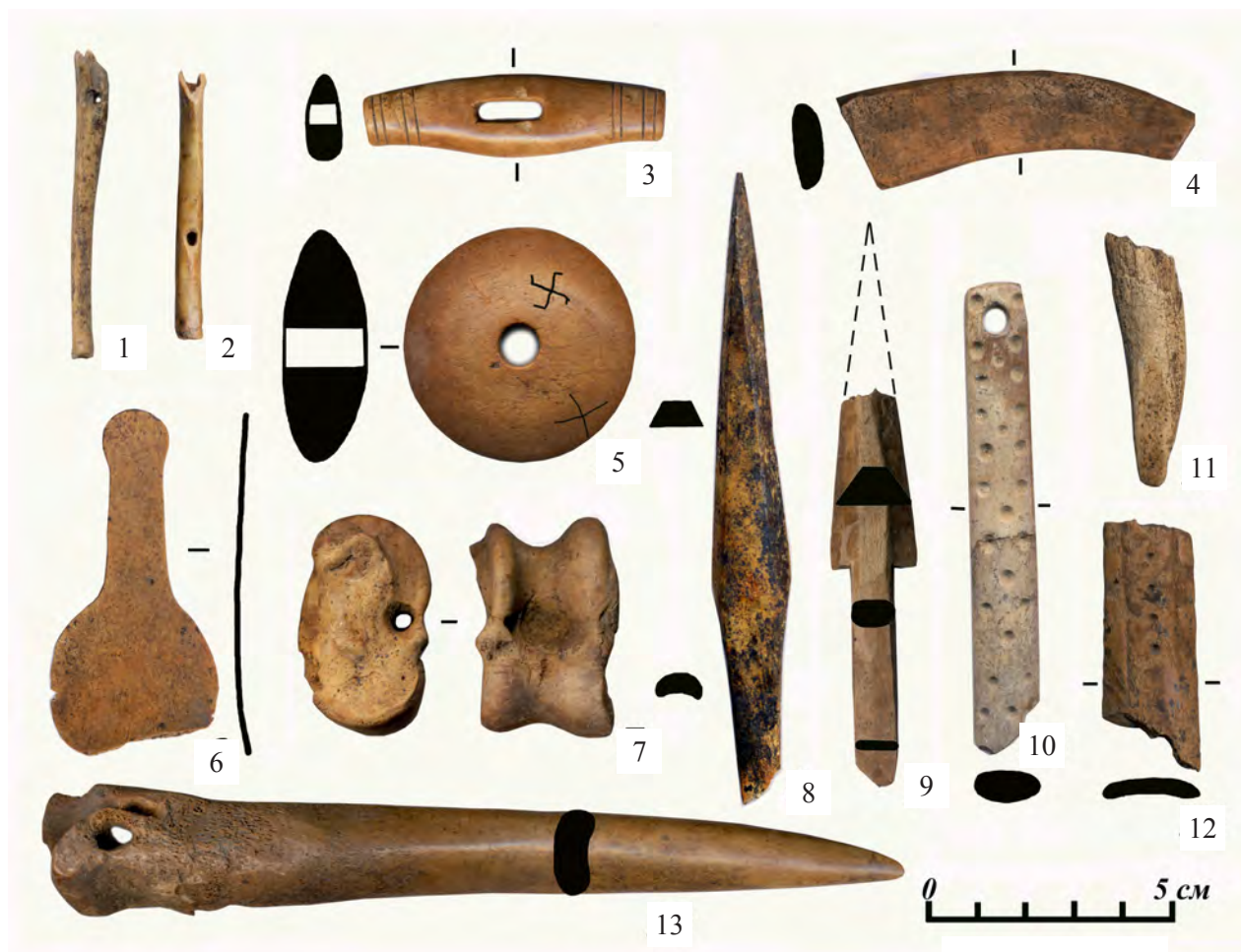

Рис. 1. Изделия из кости и рога с городища Тобол-Тура 1. Раскопки Н. П. Туровой

Присутствие в коллекции костяных изделий с городища Тобол-Тура 1 значительного количества артефактов, характерных для средневековых археологических культур Приуралья (манки, кочедыки, игольник), еще раз подтверждает выводы исследователей о продвижении приуральского населения в первой половине II тыс. н. э. в Тобольское Прииртышье [9; 10, с. 126].

1. Патканов С. Предварительный отчет в Императорскую археологическую комиссию // Фальшивый Лукич: Избранное (1998–2000). – Тюмень, 2003. – С. 484–495.

2. Адамов А. А. Астрагалы со следами обработки из Новосибирского Приобья II тыс. н. э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1989. – С. 93–97.

3. Белагин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь, 2008.

4. Ленц Г. Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки по археологии Пермского Предуралья. – Пермь, 2002. – С. 217–243.

5. Радя В. В. Опыт акустической характеристики манков с городища Иднакар // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы: сб. ст. – Ижевск, 1991. – С. 75–79.

6. Кирпичников А. Н. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Свод археологических источников. – Л., 1973. – Вып. Е1-36.

7. *Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск, 1990.
8. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.
9. *Адамов А. А.* Городища XII–XIV вв. в Тобольском Прииртышье // Тезисы XVII Международной западносибирской археолого-этнографической конференции: «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В. Н. Чернецова, 110-летию Г. Ф. Дебеца, 115-летию А. П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск) // XVII Международная западносибирская археолого-этнографическая конференция: «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий». – URL: <http://www.zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Городища%2012-14%20вв..pdf> (дата обращения: 12.06.2017).
10. *Адамов А. А., Балюнов И. В.* Археологические исследования на Ярковоком городище // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск, 2011. – Т. XVII. – С. 124–126.

Е. К. Тушева

*Павлодар, Margulan Centre – региональный археологический центр
при Павлодарском государственном педагогическом институте*

К ИЗУЧЕНИЮ ЛУЧНЫХ КОСТЯНЫХ НАКЛАДОК ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ У С. ЖАНАКАЛА (ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена исследованию технологии создания костяных лучных накладок, полученных при раскопках могильника Жанакала в степном Прииртышье, с помощью экспериментально-трасологического метода.

Ключевые слова: костяные накладки на лук, технология, микроанализ, экспериментальная археология, степное Прииртышье.

В результате раскопок средневекового погребения у с. Жанакала, проведенных в 2006 г. Иртышской археологической экспедицией под руководством Т. Н. Смагулова, были получены лучные накладки из кости, отличающиеся хорошей сохранностью. В настоящее время эти находки хранятся в Margulan Centre.

В ходе работ с костяными накладками погребения у с. Жанакала было проведено экспериментально-технологическое изучение одной срединной фронтальной (образец 1, рис. 1) и одной срединной боковой (образец 1, рис. 2) лучных костяных накладок, найденных в средневековом погребении. Для изучения технологических следов, сохранившихся на образцах, использовался стереоскопический микроскоп с кратностью увеличения 7–45 раз. Для верификации полученных определений и реконструкции технологических этапов создания изделий автором была проведена серия экспериментов по моделированию технологических процессов косторезного производства последних.

По форме образец 1 подпрямоугольный, в сечении – трапециевидный, слабоизогнутый по дуге в длинной оси (рис. 1: 1, 2). Размеры его составляют 112 × 16 × 8 мм. Тафономическое состояние удовлетворительное и оценивается примерно в 5 баллов [1, с. 8]: естественная сохранность костяного изделия характеризуется хорошо сохранившимся поверхностным слоем компакты.

Образец 1 был изготовлен из кости с плотной и мощной компактой, с большим радиусом губчатой составляющей, что свидетельствует в пользу изготовления его из кости лопатки копытного (рис. 1: 3а). Это связано с выполняемой накладкой функцией жесткого стабилизатора в рекурсивном луке, где на кибить приходится наибольшее напряжение, передающиеся от гибких плечей лука при его натяжении.

В ходе экспериментального моделирования стало ясно, что раскрой распаренной и влажной кости для производства образца 1 производился путем распиливания ее на заготовки и расщепле-

ния заготовок по длинной оси для обнажения губчатой структуры, которая затем срезалась ножом. Губчатая структура удалялась не полностью, обеспечивая шероховатый слой, который в последствии при закреплении пластины пропитывался клеящим составом и обеспечивал надежную склейку с деревянной поверхностью лука. На отдельных частях накладки в глубине губчатой структуры в ходе анализа микроследов посредством микроскопа фиксируются остатки клеящего состава (рис. 1: 3б).

Внешняя сторона накладки покрыта двумя рядами пересекающихся под прямым углом насечек, прорезанных по влажной кости ножом. Сетчатый рисунок насечек геометрически неоднороден, в некоторых местах, где ячейки получившейся сетки шире, имеются дополнительные дублирующие насечки. Характер нанесения насечек говорит о возвратно-поступательной кинематике орудия, наносившего декор. Таким образом, можно заключить, что рисунок пропиливался ножом (рис. 1: 3в, г).

Функция нанесения данных насечек сводится к предотвращению выскальзывания лука при захвате. Эти технологические следы свидетельствуют о том, что пропили насечек на накладках производился уже после окончания процесса закрепления их на деревянную основу лука, так как края накладки сохранены, а при пропиливании насечек в незакрепленном виде тонкие края подвержены сильным механическим повреждениям, что портит вид готового изделия.

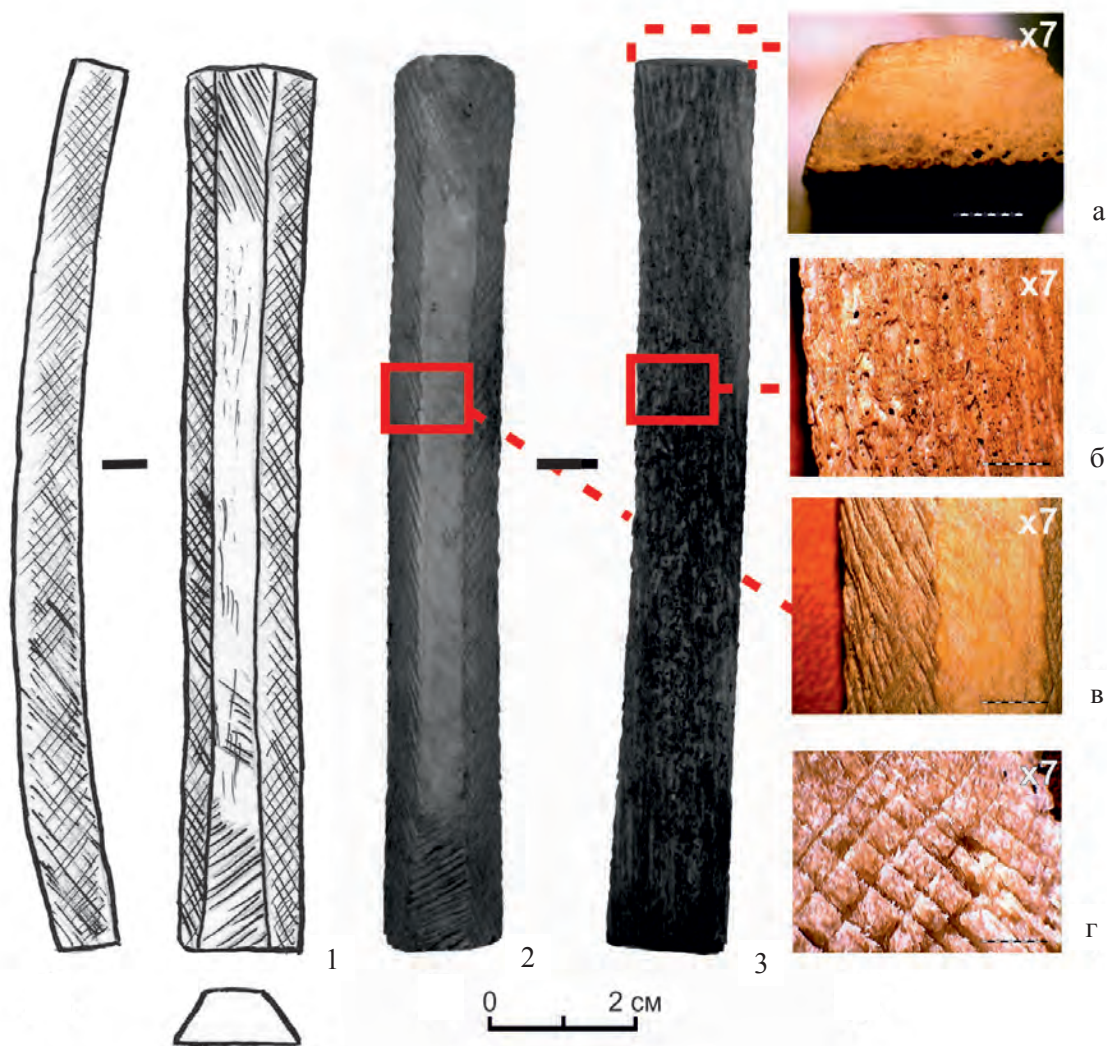

Рис. 1. Срединная фронтальная накладка (образец 1):

1 – рисунок; 2 – фотография; 3 – микрофотографии технологических следов: а – технологические следы обработки края; б – следы удаления губчатой структуры кости; в – следы заполировки; г – следы нанесения насечек на экспериментальном образце

Торцы образца 1, где сохранились следы распила, полировались, по-видимому, кожей (рис. 1: 3а). Внешняя часть накладки в центральной части сильно заполирована поверх нанесенного рисунка. Аналогичные следы заполировки мягким материалом расположены локально на боковых частях образца и являются следствием контакта руки лучника при упоре во время стрельбы (рис. 1: 3в).

Образец 2 имеет линзовидную форму с асимметричной стороной, в сечении имеет выгнутую, слегка выпуклую форму, слабоизогнутую по дуге в длинной оси (рис. 2: 1, 2) и имеет размеры $157 \times 18 \times 2$ мм. Тафономическое состояние образца 2 аналогично образцу 1.

При выборе сырья для изготовления образца 2 использовалось ребро копытного, в пользу чего свидетельствуют остаточные следы губчатой структуры кости и небольшая толщина компактной костяной ткани в изделии – 2–3 мм (рис. 2: 3д). Характер выбора сырья для изготовления и небольшая толщина боковой накладки напрямую связаны с ее положением в структуре рекурсивного лука, где приоритетом является гибкость и устойчивость к нагрузкам в процессе использования лука.

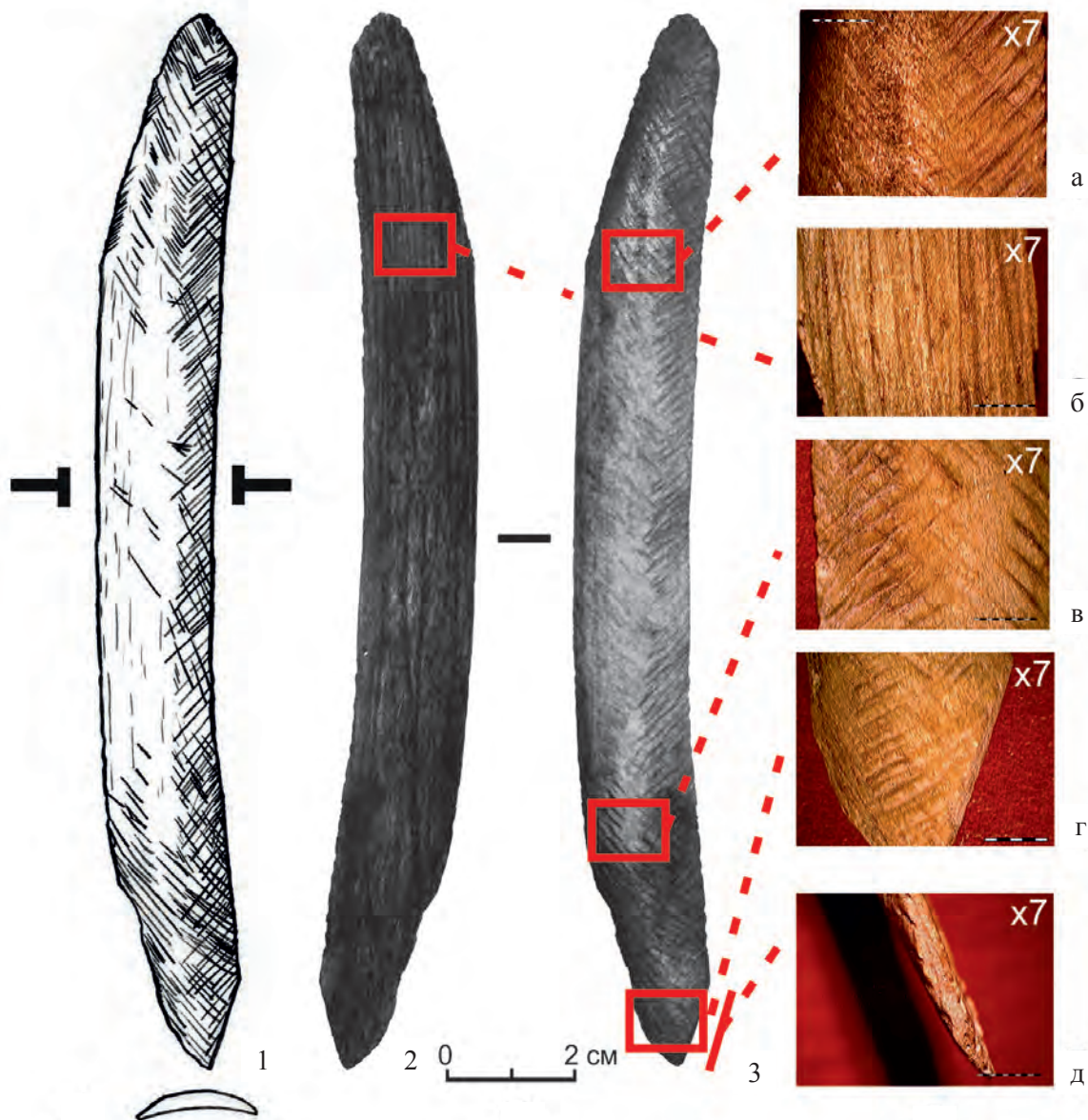

Рис. 2. Срединная боковая накладка (образец 2):

1 – рисунок; 2 – фотография; 3 – микрофотографии технологических следов: а, в – зоны вытертости; б – технологические следы удаления губчатой структуры кости; г – следы заполировки; д – технологические следы подработки края

Образец 2 технологически выполнен сходным образом с образцом 1. Внутренняя часть его носит следы срезания губчатой структуры металлическим ножом, торцевые концы аналогичным образом полировались кожей (рис. 2: 3в, д). Внешняя сторона накладки покрыта сходным рисунком насечек, однако, в отличие от образца 1, плотность нанесения насечек здесь в два раза выше и дублирующий пропилен насечек встречается чаще; в центральной части накладки рисунок сильно вытерт и заполирован вследствие использования. На этом участке насечки нанесены параллельно друг другу под углом 45° к длинной оси изделия, а пересекающих их линий не фиксируется. В приконцевых частях образца 2 имеются участки вытертости с линейными следами, параллельными длинной оси предмета; эти участки несут на себе следы разрушения поверхности (рис. 2: 3а, в), что, по-видимому, связано с механическим воздействием на артефакт в процессе ограбления могилы или производства раскопок.

Изученные костяные лучные накладки находят близкие аналогии в Павлодарском Прииртышье в Бобровском могильнике II, курган 6 и курган 11, датируемых Ф. Х. Арслановой VIII–IX вв.: «Второй лук представлен серединными накладками, между которыми сохранилась деревянная основа – кибита в виде планки, плотно вставляющейся в вилкообразную вторую половину, скрепленную деревянным шпунтом. Между серединными накладками находилась четырехугольной формы третья накладка. Обычно третья нижняя накладка равна или близка по длине серединным. В данном же случае особая форма третьей накладкой объясняется, возможно, своеобразием устройства лука у прииртышских кимаков» [2, с. 184–185].

Технологическая традиция нанесения насечек на лучные накладки с внешней стороны фиксируется на накладках Зевакинского могильника, в кургане 38, датируемого Ф. Х. Арслановой IX–X вв. [2, с. 64]. Однако следует отметить, что подобные пересекающиеся в виде сетки либо параллельные насечки на костяных и роговых лучных накладках встречаются довольно широко и хронологически, и территориально по всему региону Евразийских степей [3–6].

Таким образом, при технико-технологическом исследовании лучных костяных накладок средневекового погребения у с. Жанакала были смоделированы следующие этапы технико-технологического цикла: отбор сырья, раскрой и подготовка заготовок, выделены некоторые приемы косторезного производства, что способствует введению в научный оборот новых данных для детализации картины производства костяных лучных накладок в Прииртышье в эпоху средневековья.

1. Антипина Е. Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В. И. Цалкина : сб. ст. – М., 2004. – С. 8–22.

2. Арсланова Ф. Х. Очерки средневековой археологии верхнего Прииртышья. – Астана, 2013.

3. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. – М., 1966. – (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-36).

4. Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск, 1990.

5. Флерова (Нахапетян) В. Е. Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой Вежи // Степи Европы в эпоху средневековья : сб. науч. тр. – Донецк, 2000. – Т. 1. – С. 101–116. – (Труды по археологии).

6. Черненко Е. В. Скифские лучники. – Киев, 1981.

А. С. Федорук, А. А. Редников, О. А. Федорук

Барнаул, Алтайский государственный университет, Научно-производственный центр «Наследие»

НОВЫЕ ДАННЫЕ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ С. РЕБРИХА*

Летом 2016 г. в с. Ребриха Ребрихинского района Алтайского края при рытье траншеи под фундамент местными жителями были обнаружены фрагменты керамического сосуда. Место находки было обследовано авторами. Им удалось реконструировать найденный сосуд до состояния археологически целого предмета. Выполненный морфологический и технико-технологический анализ позволил отнести предмет к андроновской эпохе и связать с разрушенным в настоящее время некрополем.

Ключевые слова: археология, грунтовый могильник, развитый бронзовый век, андроновская культура, разрушение.

В июне 2016 г. в отдел археологии Научно-производственного центра «Наследие» и в Лабораторию междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ (далее – ЛМИАЗиА АлтГУ) поступила информация об том, что в центре с. Ребриха Ребрихинского района Алтайского края при рытье траншеи под фундамент найдены фрагменты древнего сосуда. Для уточнения информации и обследования места находки А. С. Федоруком и А. А. Редниковым был осуществлен выезд в с. Ребриха.

Участок стройки находился на пересечении пр. Победы и ул. Комсомольская и Первая Набережная, напротив дома № 1 по ул. Первая Набережная (рис. 1: 1). Представлял собой траншею П-образной формы, размерами 16 × 27 м. Ширина траншеи 0,9–1 м, глубина 0,6–1,5 м.

Со слов владельца участка В. Н. Сергеева, керамический сосуд обнаружил он лично, наблюдая за работой экскаватора при рытье траншеи. Фрагменты вывалились кучкой при выемке из траншеи куска старого фундамента.

По предоставленной местными краеведами Владимиром и Вадимом Толстопятовыми информации, на месте строящегося ныне магазина в дореволюционный период располагалась чайная, а в советский – машиносчетная станция.

Осмотр траншеи частично подтвердил эту информацию – в стенках четко фиксируется кирпичный фундамент (красный кирпич с бетонным раствором) – очевидно, оставшийся от постройки советского периода. Глубина фундамента – от 0,5 (кирпичи оштукатуренные) до 1 м (неоштукатуренные столбы из красного кирпича, связанного цементной связкой) от современной поверхности. Современная траншея повторяет направление старого фундамента.

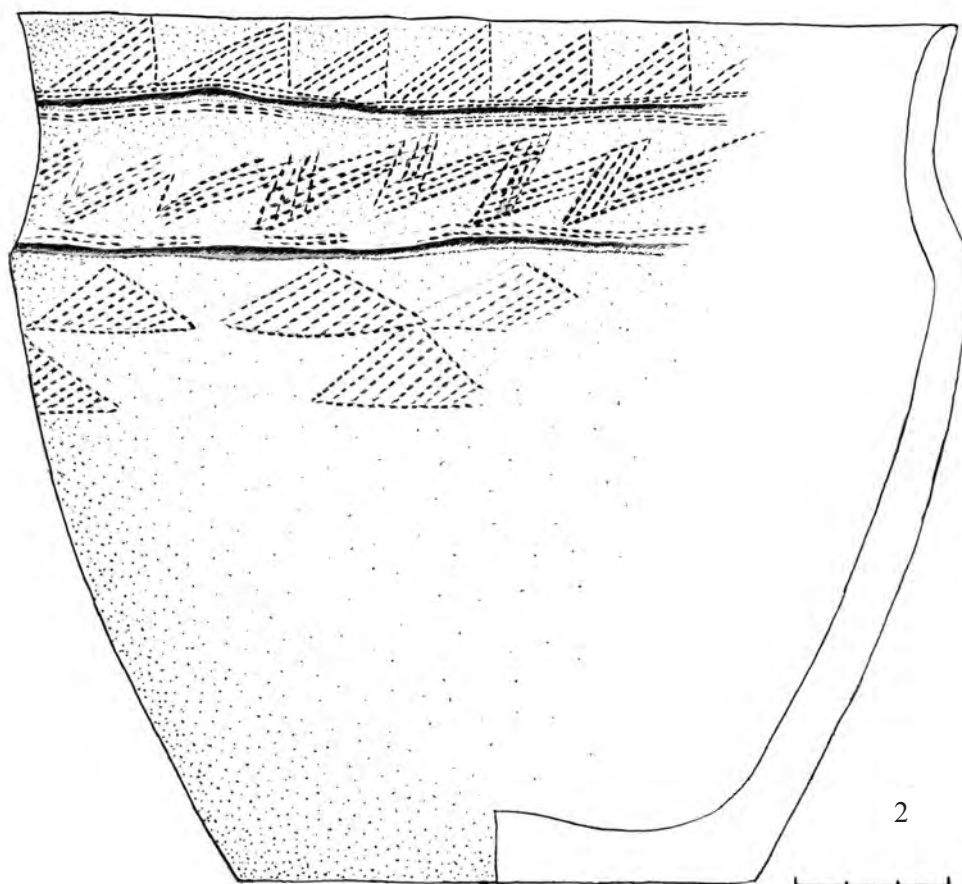
Обследование территории участка, отвалов, стенок и дна траншеи не позволило выявить археологических объектов, подъемного материала обнаружено не было. Зачистка отдельных участков траншеи также ожидаемых результатов не дала – поверхностный слой оказался уничтожен прошлыми постройками.

Переданные находчиком фрагменты керамического сосуда были доставлены в ЛМИАЗиА АлтГУ. Здесь его удалось реконструировать до состояния археологически целого предмета (рис. 1: 2). Сосуд относится к типу горшков средне профилированной формы. В зоне перехода от плечика к тулову читается слабо-выраженное «ребро». Горшок орнаментирован мелкозубчатым гребенчатым штампом. Композиция его состоит из трех бордюров: по венчику – мотив из прямоугольных треугольников, по шейке – зигзагообразная линия, в верхней части тулова – фестоны из свисающих равнобедренных треугольников вершинами вверх. Разделителем между бордюрами служат узкие прочерченные каннелюры (ширина около 2 мм), обрамленные с обеих сторон прямыми линиями, нанесенными тем же мелкогребенчатым штампом. Дно и придонная часть не орнаментированы. Внешняя поверхность сосуда подлощена. Причем лощение производилось после нанесения орнамента, в результате чего часть рисунка оказалась затерта.

* Работа выполнена в рамках гранта правительства РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также в рамках проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект № 33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

1

2

Рис. 1. Древний сосуд из с. Ребриха Ребрихинского района Алтайского края: 1 – место обнаружения развала сосуда в с. Ребриха; 2 – рисунок реконструированного сосуда

Для получения информации о составе исходного сырья и рецепте формовочной массы О. А. Федорук произведен технико-технологический анализ сосуда (использовался микроскоп МБС-10). В результате удалось установить, что при изготовлении горшка использована средне ожелезненная пластичная глина. Естественным включением в глине является бурый железняк оолитовой формы, размером около 1 мм. В качестве минеральной примеси использовался некалиброванный шамот (из слабо ожелезненной глины), размерами от 1 до 10 мм, в концентрации 1:4. В состав формовочной массы входила и органика, которая, скорее всего, представляла собой выжимки из навоза. Кроме того, в сосуде обнаружены комочки сухой глины, размерами около 1 мм, однако определить их естественное или искусственное происхождение не удалось.

Исходя из морфологических признаков и орнаментации данный сосуд датируется эпохой развитой бронзы и относится к андроновской археологической культуре. Технико-технологический анализ этому не противоречит – сосуд изготовлен по одному из наиболее популярных для андроновской культуры на данной территории рецептов [1, с. 312].

Подводя итог, можно констатировать, что в современном центре с. Ребриха находится ранее не известный и, к сожалению, в настоящее время практически полностью разрушенный некрополь периода развитого бронзового века. На это указывает обнаружение сосуда, типичного для погребальной посуды андроновского времени. Благоприятны для расположения могильника и топографические условия места обнаружения сосуда – высокий участок террасы р. Касмала, близ места впадения в нее р. Ребриха.

В окрестностях с. Ребриха к настоящему времени уже было известно два памятника андроновского времени – могильники Барсучиха-I и Барсучиха-II. Памятник Барсучиха-I находится на левом берегу р. Барсучиха, недалеко от впадения ее в р. Касмала, на древнем высоком мысу, покрытом основным лесом. В 1985 г. здесь обнаружен один сосуд андроновского типа [2, с. 112–113]. Могильник Барсучиха-II расположен к северо-востоку от окраины с. Ребриха, на северной кромке Касмалинского ленточного бора, на мысовидном выступе надпойменной террасы левого берега р. Барсучиха. Здесь было исследовано четыре андроновских захоронения [3, с. 87–90; 4, с. 126; 5, с. 25–28].

Таким образом, вновь выявленный могильник является уже третьим некрополем эпохи развитой бронзы, обнаруженным на достаточно небольшом участке течения р. Касмала, что свидетельствует о высокой плотности проживавшего здесь андроновского населения.

1. Гутков А. И., Папин Д. В., Федорук О. А. Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул, 2014. – С. 311–321.

2. Иванов Г. Е., Семibrатов В. П. Археологические памятники у с. Ребриха // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Вып. IV. – Ч. 1. – С. 111–114.

3. Кирюшин Ю. Ф., Семibrатов В. П., Пугачев Д. А., Запрудский С. С. Аварийные археологические исследования поселения Барсучиха II в Ребрихинском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005. – Вып. XIV. – С. 86–90.

4. Рязанов Г. П. Проведение археологических раскопок на памятнике Барсучиха II // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул, 2008. – С. 125–126.

5. Демин М. А., Ситников С. М., Запрудский С. М. К археологической карте Ребрихинского района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2009 г.: археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2009. – Вып. 6. – С. 25–31.

Е. Г. Шалахов

*Республика Марий Эл, Юрино, Государственное бюджетное учреждение культуры
«Замок Шереметева»*

ПРЕДМЕТЫ НЕУТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА (О НАХОДКЕ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОДВЕСКИ НА ЮРИНСКОЙ СТОЯНКЕ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ ЧИРКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

Настоящая статья вводит в научный оборот индивидуальную находку из сборов на древней стоянке в Марийском Поволжье. Керамическая подвеска округлой формы, с орнаментацией в виде неглубоких точечных наколов, не имеет аналогий на синхронных памятниках. Предпринята попытка культурной атрибуции предмета. Рассматривается гипотетическая связь подвески с носителями так называемой валиковой посуды.

Ключевые слова: археологический памятник, керамическая подвеска, чирковская культура.

Как правило, предметы неутилитарного назначения (например, украшения в виде различных подвесок, нашивок и т. д.) находят в святилищах и погребальных комплексах. Поселенческие памятники дали исследователям незначительное количество подобных вещей. В лесной зоне Марийского Поволжья – аналогичная картина. В культурном слое и в заполнении жилищных котлованов волосовского времени собрано всего полтора десятка артефактов, которые хорошо знакомы специалистам.

Практически полная сводка предметов неутилитарного назначения имеется в известной монографии В. В. Никитина, посвященной энеолиту Марийского края [1]. Автором книги опубликована информативная коллекция подвесок из янтаря, серпентина, сланца и меди [1, рис. 63], собранная в основном на стоянках и поселениях Юринского Приветлужья. Отсюда же происходит еще одна сланцевая подвеска-амулет, также введенная в научный оборот [2, с. 114].

Новая находка сделана автором в 2016 г. при обследовании осыпей заполнения постройки № 3 Юринской стоянки эпохи раннего металла (рис. 1). Б. С. Соловьев относит памятник к синкретическому этапу развития средневожжской чирковской культуры [3, с. 28].

Рис. 1. Юринская стоянка. Общий вид площадки памятника, изученного стационарными раскопками в 1999–2000 гг. Фото Е. Г. Шалахова, 2016 г.

Керамическое изделие (рис. 2) имеет округлую форму (диаметр 1,9 см, толщина 0,6 см) и сквозное отверстие для подвешивания диаметром 0,3 см. На широких гранях изделия отчетливо видна орнаментация в виде неглубоких точечных наколов. Наиболее многочисленны они на лицевой стороне предмета – 21. На тыльной стороне подвески нами отмечены всего 5 наколов.

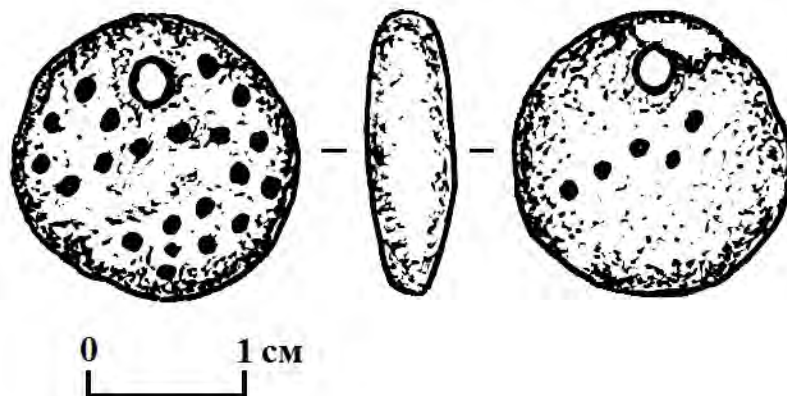

Рис. 2. Орнаментированная керамическая подвеска с Юринской стоянки. Подъемный материал 2016 г. Место хранения: музейная часть Государственного бюджетного учреждения культуры «Замок Шереметева»

Технология изготовления подвески, на мой взгляд, достаточно примитивна: скорее всего, сначала из глиняного теста с примесью органики был сделан шарик, который затем расплющили о какой-то неровный предмет (в центре изделия фиксируется вмятина вытянутой формы). Обжиг равномерный со всех сторон поделки.

При дополнительном осмотре места находки нами подняты фрагмент венчика позднечирковского сосуда с гребенчатой орнаментацией, половинка керамической поделки из стенки сосуда округлой формы с подшлифованными краями и просверленным отверстием в центре, кремневый отщеп (3,5 × 2,3 см) со следами вторичной обработки (заготовка наконечника стрелы?).

В отличие от последних вещей, культурная атрибуция керамической подвески затруднена. Главная причина этого – отсутствие полных аналогий предмету на синхронных памятниках Волго-Камья. Носители поздневолосовской, балановско-атликасинской, абашевской и чирковской традиций, чье одновременное присутствие в жилищах Юринской стоянки документируют закрытые комплексы с характерными керамикой, кремневыми орудиями и металлом [4, рис. 2–4], вряд ли занимались изготовлением керамических подвесок.

Наиболее вероятна связь нашей находки с культурой носителей так называемой валиковой керамики. В жилищах Юринской стоянки собраны фрагменты пористых баночных сосудов, украшенных наlepными гофрированными валиками, а также плотными гребенчатыми оттисками и лентами мелкошагающей гребенки. Б. С. Соловьев считает, что эта посуда «отражает контакты местных и сейминско-турбинских популяций, включавших представителей западносибирских культур ташковско-котовского типа» [5, с. 15].

Попробуем разобраться, можно ли аргументированно вести речь о возможном зауральском влиянии на появление нового типа изделий неутилитарного назначения.

Мы обратились за помощью к более компетентным коллегам из Нижнего Тагила. В частном письме автору статьи О. В. Рыжкова сообщила, что «в коллекциях тех памятников (ташковской культуры. – *Е. Ш.*), с которыми я знакомилась и которые лично исследовала, не выявлено такой категории находок, как «подвески, нашивки», в то же время много орудий на фрагментах керамики. От тюменских коллег, которые в последнее время активно работают на памятниках ташковской культуры (Ткаченко), я тоже подобной информации не слышала» (из электронного письма от 25.12.2016 г.).

Таким образом, на памятниках типа Ташково II аналогий юринской находке нет. Может быть, рассмотренный тип подвески бытовал только в среде местных племен? Очевидно одно: предмет мог принадлежать человеку с определенным социальным статусом, возможно, лидеру древнего клана или колдуну, отвечавшему за отправление неких магических обрядов в первобытном коллективе.

-
1. *Никитин В. В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н. э.). – Йошкар-Ола, 1991.
 2. *Шалахов Е. Г.* Сланцевая подвеска-амулет из сборов на Сутырском IV поселении // Молодой ученый. – 2010. – № 5 (16). – Т. II. – С. 113–115.
 3. *Соловьев Б. С.* Хронологические рамки балановской культуры в Волго-Камье // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья (Пятьдесят лет Марийской археологической экспедиции). – Йошкар-Ола, 2007. – С. 26–50.
 4. *Никитин В. В., Соловьев Б. С.* Юринская стоянка (по раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003. – URL: <http://www.history-gyazan.ru/node/4991?page=0%2C8#9> (дата обращения: 15.01.2017).
 5. *Соловьев Б. С.* К вопросу о взаимодействии населения раннего бронзового века лесной полосы Среднего Поволжья // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 14–20.

ЭТНОГРАФИЯ

Е. К. Абеуова

*Павлодар, Margulan Centre – региональный археологический центр
при Павлодарском государственном педагогическом институте*

К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ «АУЛИЕ» ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

В публикации представлены результаты полевых исследований этнографического отряда Иртышской археологической экспедиции на территории Павлодарского Прииртышья.

Ключевые слова: культ, комплекс, аулие, Павлодарское Прииртышье.

В 2015–2016 гг. этнографическим отрядом Иртышской археологической экспедиции были обследованы и картографированы 11 культовых памятников в Экибастузском, Баянаульском и Щербактинском районах Павлодарской области.

В ходе работ был разработан алгоритм натурального изучения и описания данных объектов. Основные параметры описания памятника включают в себя данные топонимии, определение местонахождения с картографированием (при помощи GPS-навигаторов), формы и размеров (высота, ширина, длина, объем) каждого объекта, фотофиксацию.

Анализ природно-географических условий Павлодарской области и нанесение культовых объектов на карту местности позволил выделить 11 памятников, которые делятся на природные и на персонифицированные объекты. В свою очередь, данные два типа подразделяются на подтипы и дана их отдельная характеристика.

К первому типу относятся природные объекты, которые представлены тремя подтипами: орографическими, гидрологическими и флористическими.

Орографические памятники представлены широко известными памятниками Павлодарского Прииртышья: культовой пещерой Конур аулие и камнем святого Туйте (рис. 1: 1, 2).

Пещера Конур аулие находится в 10 км к юго-западу от села Торайгыр Баянаульского района Павлодарской области. Упоминания о пещере встречается у исследователя XIX в. Н. Я. Коншина в труде «От Павлодара до Каркалинска» [1, с. 31]. Общая протяженность пещеры около 30 м, она состоит из двух камер, тянется, сужаясь и понижаясь, на 22 м. Ее ширина достигает 2,5 м, а высота – 5–7 м, ширина у входа – 1,8–2,5 м. В глубине пещеры находится каменное углубление чашевидной формы, на дне которого постоянно скапливается вода. Это вода считается лечебной. Подъем к пещере Конур аулие оборудован лестницами длиной 110 метров.

Следующий культовый объект – это камень святого Туйте, расположенный вблизи озера Аулиеколь Экибастузского района Павлодарской области. Памятник представляет собой остатки двух больших камней с установленной над ним каменной стелой. Вокруг памятника имеется ограждение в виде сетчатого металлического забора высотой 1,5 м, подход к памятнику оформлен лежащей бетонной плитой. На ограждении завязаны платки и висит оберег от сглаза. Мимо святого камня местные жители никогда не проезжают без остановки, совершают над ним моления, просят об исполнении желаний. Впервые о почитании святого Туйте упоминается в работе Н. Я. Коншина [2, с. 11].

При исследовании следующего подтипа – гидрографических объектов – изучались почитаемые водные объекты (родники и озера). Научной группой в полевом сезоне были картографированы три объекта: два родника под названием Аулие булак в Баянаульском районе и озеро Аулиеколь в Экибастузском районе Павлодарской области (рис. 1: 3–5).

Согласно преданиям местных жителей, родники Баянаульского района имеют оздоровительные свойства. Они представляют собой несколько целебных ключей у въезда в село Баянаул и у села Торайгыр. Зачастую люди, проезжая мимо родников, останавливаются, утоляя свою жажду чистой, холодной водой, загадывают желания, вешают кусочки белой ткани на дерево и набирают воды для дальнейшего использования в лечебных целях. В связи с постоянным потоком посетителей окружающая территория объектов благоустраивается: имеются ограждения, подъезды к родникам.

Озеро Аулиеколь находится на северо-западе от г. Экибастуз. Общая площадь составляет 7,48 кв. км. Озеро имеет овальную форму, берега низкие [3]. По сведениям информаторов, озеро имеет лечебные свойства. Святой водой лечат различные кожные заболевания, травмы. Купанье в этом озере благоприятно влияет на здоровье человека.

Описанные выше гидрографические объекты издревле считаются святыми источниками, которые на сегодняшний день используются людьми в двух вариантах. В первом – посетители пьют воду из родников, с целью утолить свою жажду и очистить организм, во втором – верующие совершают омовение в озерах с оздоровительной целью.

Почитаемые элементы растительности – деревья, кустарники. Примером этого является урочище Аулиетал, расположенное на протоке Дуана и Бозайгыр в административной части Экибастузского района Павлодарской области (рис. 1: б).

Согласно легендам и поверьям местных жителей, запрещается вырубка веток и кустарников этого урочища. Кто нарушит этот запрет, того ждет несчастье и неприятности.

К третьему типу относится персонифицированные объекты. По данному типу мы описываем погребальные объекты – мазары. Мазар – это надгробное сооружение, где похоронен почитаемый человек, состоящее из одного или более помещений, которые выполняют определенные функции. Этот тип объекта включает следующие части: 1) центр – главный почитаемый объект, связанный с самим погребением, место обитания духа святого; 2) пространство, отделенное стенами или изгородью, где обычно собираются люди, читают молитвы; 3) постройки для проведения жертвоприношений и приготовления жертвенного угощения; 4) прилегающая территория, где проживают родственники погребенного, считающие святого своим прямым предком и защитником [4].

По данному типу мы описываем мазары М. Ж. Копеева, расположенный на территории Баянаульского района, мазар Исабек ишана, Жемис ата, мазар Куренбая сыншы на территории Экибастузского района и мазар Уахита Хазирета в Щербактинском районе (рис. 1: 7–11).

Мазар, где покоится М. Ж. Копеев, представляет собой купольное сооружение из двух помещений. В первом читают молитвы, во втором погребены останки М. Ж. Копеева. Он издревле является местом поклонения и паломничества. Очень хорошо развита современная инфраструктура объекта, которая создает благоприятные условия для отправления культа. На территории мазара имеется двухэтажная гостиница, внутри которой есть музей М. Ж. Копеева. Отдельная столовая в виде двух юрт и место для омовения расположены на прилегающей территории.

Мазар Исабек Ишана состоит из двух мавзолеев и мечети, сложенных из белого камня, а также дома для паломников. В трехкупольном мазаре покоятся сам Исабек Ишан, его единственный сын Нурмухамед и младший брат Мухаммед Нияз. Однокупольный мазар был возведен на месте захоронения потомка Исабека Ишана – святого Жандарбека кожа. Высота мавзолеев составляет 9 и 7 м. Мечеть подняли за 40 дней из демонтированного материала прежних мазаров Исабека Ишана и Жандарбека кожа для сохранения духовной энергетики святых. Ворота в виде арки выполнены в бухарском стиле. В этом древнем городе в середине XVIII в. учился Исабек Ишан. На резных воротах изображено родовое тавро. На территории мазара, где когда-то был целебный источник, вырыли колодец и осыятили его святой водой, привезенной из Мекки. Старожилы говорят, что вода в нем такая же целебная, как в источнике, расположенном у мавзолея Хаджи Ахмеда Ясави в Туркестане.

Жемис ата, почитаемый как святой, был продолжателем дела Исабек Ишана. Его мазар представлен сооружением прямоугольной формы, сложенным из пескоблока и увенчанный конусообразным навершием из сходящихся железных прутьев с полумесяцем наверху. Особенностью этого мазара является то, что он установлен на фундаменте, сложенном из дикого камня и бетона. На передней части фасада сооружения закреплена табличка.

Куренбай сыншы был знаменитым знатоком коней, при жизни славился свои ораторским искусством [5]. Сыншы Куренбай, выходец из рода аргын, живший в XIX в. в Центральном Казахстане,

говорил: «Езжай на стригунке, как на стригунке, трехлетку не жалей, его хоть убивай. Дай волю четырехлетнему коню, пятилетку ставь на скачки, если не будешь первым, отруби мне голову...». В связи с этим слова сыншы Куренбая приобретают особый смысл – воспитывать коней следует с раннего возраста. Знаток не только мог определить скакуна, но и сказать, из какой он местности: гористой или равнинной, скачет ли на близкие расстояния или дальние.

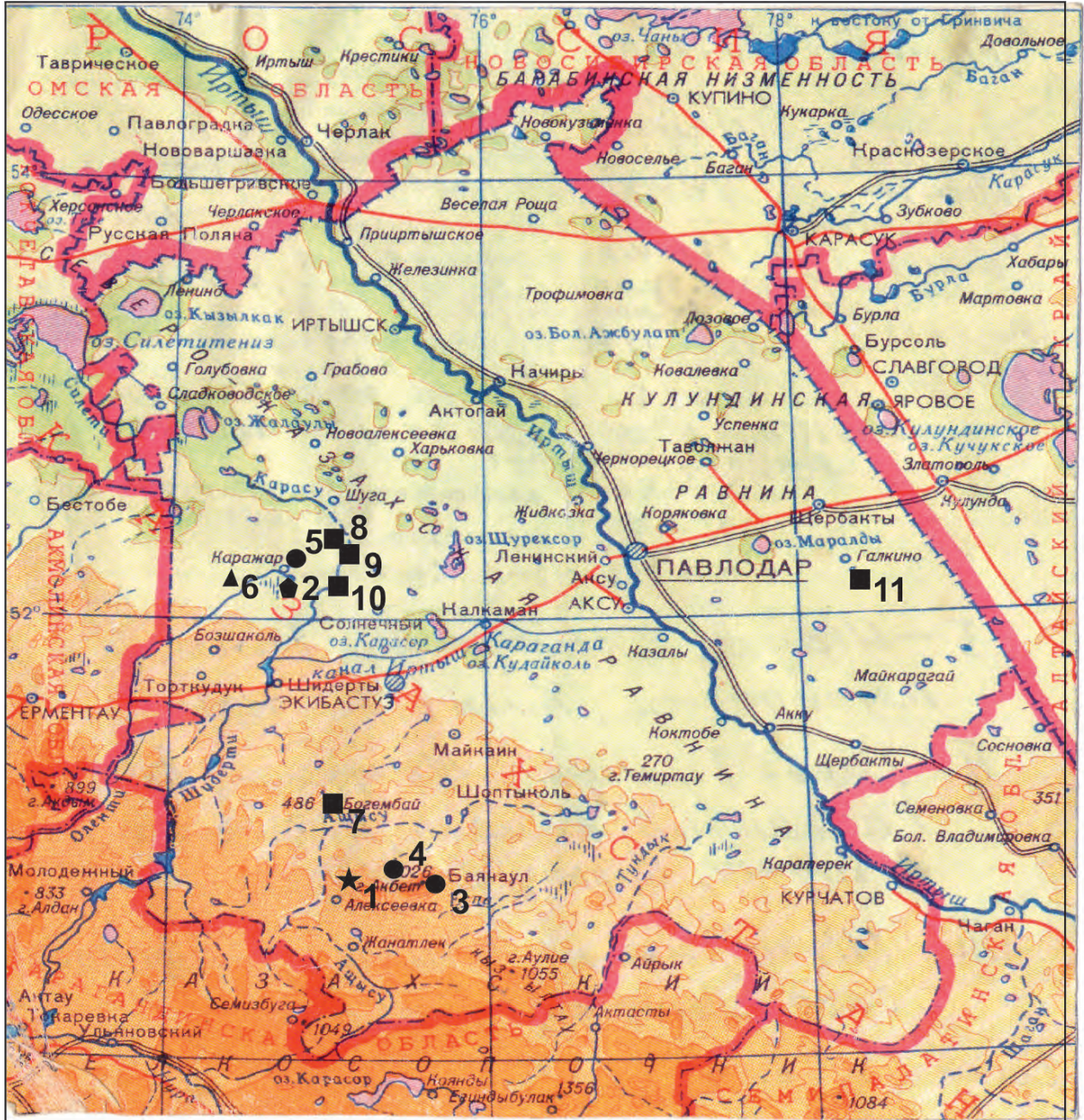

Рис. 1. Карта-схема расположения культовых памятников Павлодарской области.

1 – пещера Конур аулие; 2 – камень святого Туйте; 3 – урочище Аулиетал; 4 – родник Аулие булак; 5 – родник Аулие булак с. Торайгыр; 6 – озеро Аулиеколь; 7 – мазар М. Ж. Копеева; 8 – мазар Исабека Ишана; 9 – мазар Жемис ата; 10 – зират Куренбая сыншы; 11 – мазар Уахит Хазирета

Мазар Куренбая сыншы шестигранный по форме, построен из саманных кирпичей. Высота стен достигает 3 м. Рядом с ним находится щит с именем погребенного и годами его жизни, установленный его потомками.

Мазар Уахита Хазирета находится на востоке Павлодарской области в Щербактинском районе на территории государственного лесного природного резервата «Ертіс орманы». После смерти хазирета

в 1926 г. его могила стала местом паломничества. В 1953 г. на месте захоронения святого построили мазар, но лесные пожары значительно повредили его, в связи с чем в 2012 г. здесь было возведено сооружение с двумя куполами, высотой 9 и 12 м. Само старинное кладбище благоустроили, есть дом со всеми удобствами, где можно переночевать. От поселка Арбиген к мазару хазирета вдоль дороги установлены указатели. По прибытии на место посетителей встречают шыракшы (мулла), который сопровождает приезжих, читает молитвы, рассказывает о жизни святого.

Персонифицированные погребальные объекты имеют наиболее развитую инфраструктуру, постоянный поток паломников и широкую известность, что благоприятно влияет на развитие культа мусульманских святых Павлодарской области.

Таким образом, изучение культовых комплексов «Аулие» Павлодарского Прииртышья позволило сделать предварительную типологию этих объектов, в результате чего данные памятники были систематизированы и более детально описаны.

1. *Коншин Н. Я.* От Павлодара до Каркалинска // Коншин Н. Я. Труды по казахской этнографии. 2-е изд., доп. – Астана, 2007. – Т. 7. – С. 5–65. – (Библиотека казахской этнографии).

2. *Коншин Н. Я.* О памятниках старины в Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. – 1903. – Вып. 1. – С. 1–32.

3. География Павлодарской области : экспериментальный учебник для 8–9 кл. сред. шк. / под ред. М. И. Чуб. – Павлодар, 1996.

4. *Огудин В. Л.* Места поклонения Ферганы как объект научного исследования // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 1. – С. 63–79.

5. *Джансугуров И.* Кулагер : поэма. – Алма-Ата, 1979.

Ш. К. Ахметова

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ У КАЗАХОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются некоторые аспекты этнокультурных процессов у новосибирских казахов на основе материалов экспедиций 1990–1991, 2006 и 2016 гг. Актуальность темы исследования обусловлена активными внутрирегиональными миграционными процессами в начале XXI в. среди казахской молодежи, следствием которых явились падение рождаемости и сокращение численности казахского населения. Все эти факторы наряду с дисперсным расселением не могли не отразиться на развитии этнокультурных процессов у казахов Новосибирской области.

Ключевые слова: этнокультурные процессы, новосибирские казахи, погребальный обряд, свадьба.

В данной работе рассматриваются отдельные аспекты этнокультурных процессов среди казахов Новосибирской области на основе материалов проводившихся под руководством автора казахских этнографических экспедиций Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН 1990–1991, 2006 и 2016 гг. Исследования проводились в Карасукском, Здвинском, Красноозерском, Купинском и Чистоозерном районах Новосибирской области.

По данным статистики, казахское население в Новосибирской области насчитывает 10 705 чел., что составляет в общей доле населения всего лишь 0,4 % [1]. Наибольшая численность казахов приходится на Красноозерский район, где проживает 1 200 человек [2]. С начала 1990-х годов

численность казахского населения в Здвинском, Купинском, Чистоозерном районах резко сократилась, что соответствует и общей демографической ситуации в регионе. Ориентация молодежи на обучение в крупных городах (Новосибирск, Омск) с последующей миграцией в Казахстан способствует дальнейшему развитию тенденции к сокращению численности казахского населения в регионе и полному его исчезновению в отдельных районах. По данным информаторов, в р. п. Чистоозерное в 2015 г. 35 молодых людей с высшим образованием, полученным в Новосибирске и Омске, выехали в Казахстан. Еще одним из факторов, влияющих на сокращение численности казахского населения Купинского и Чистоозерного районов, является падение рождаемости, напрямую связанное с миграцией молодежи. Старшее поколение предпочитает доживать свой век на малой родине. Информаторы жаловались и на высокую смертность, о которой убедительнее всего свидетельствует резкое увеличение захоронений на местных кладбищах в последние два десятилетия. Высокая смертность не носит чисто этнический характер, это проблема характерна для всего населения указанных районов Новосибирской области.

Низкая численность и дисперсное расселение должны были отразиться на сохранении традиционной культуры. Однако эти факторы слабо повлияли на мировоззрение и культуру среднего и старшего поколения новосибирских казахов. Этническая специфика продолжает устойчиво сохраняться в системе питания. Предпочтения по-прежнему отдаются баранине и конине. Ежегодно на зиму режут лошадь на соғым. Разделка туши производится с соблюдением всех традиций по костям. Сохранилась традиция копчения конского мяса. Овечью и конскую толстую кишку чистят, выдерживают три дня в соли и вялят. В Чистоозерном на *ауыз ашар* стол накрывают 3 раза. На первый раз подают вареники с творогом, рисовую кашу, пирожки с фаршем из ливера и мяса, курагу, изюм и чай. После молитв подают мясо по-казахски. Потом сразу накрывают стол на чай с *бауырсаками* и сладостями. Из кислого молока делают *қаймақ*, *айран*, *сықпа құрт*, *қоспа*. Однако в районных центрах не все пожилые люди могут позволить себе держать корову из-за плохого здоровья и преклонных лет, без помощи взрослых детей, которые предпочитают жить в Казахстане.

Этнокультурные исследования среди казахов Новосибирской области выявили образование локальных культурных ареалов по линии границы Павлодарской и Омской областей. В семейной обрядности фиксируются локальные особенности, обусловленные влиянием Павлодарской области на Купинский, Здвинский и Красноозерский районы и Омской области на Чистоозерный район.

Влияние Омской области на Чистоозерный район вызвано тем, что географически его территория входит в единую зону расселения кыпчаков наряду с Черлакским, Нововаршавским, Русско-Полыанским районами Омской области и Иртышским районом Павлодарской области. Выявлена прямая родственная связь казахов Чистоозерного района с кулан-кыпчаками из аулов Караозек Нововаршавского и Джалтырколь Черлакского районов Омской области. В отличие от Купинского и Здвинского районов, в погребальном обряде казахов Чистоозерного района сохранились такие элементы, как *дауір*, *талкын*, характерные для Омской области [3, с. 490]. Погребально-поминальный обряд в Купинском, Здвинском районах больше тяготеет к Павлодарской области [3, с. 488–490].

Свадебная обрядность так же, как у омских казахов, до конца 1960-х – начала 1970-х гг. включала такие элементы, как *бет ашар*, *шымылдық*, *көрімдік*, обычай избегания. Бет ашар перестали проводить в 1970-е годы, потом возобновили в начале XXI в. Так же, как и в Омской области, обряд был восстановлен, потому что стали приглашать профессионального тамаду из Казахстана. Обычай избегания старших родственников мужа соблюдался некоторыми женщинами пожизненно. По словам информатора Г. Т. Макаковой, 1951 года рождения, ее свекровь до конца жизни закрывала лицо от отца и братьев мужа, старше ее по возрасту, и не разговаривала с ними. Имя мужа не упоминала, называла только уважительным условным именем *атасы* – отец. Племянника Хусаина, имя которого совпадало с именем ее мужа, называла аты теріс – «имя неправильное».

Наиболее устойчивыми в Новосибирской области оказались такие элементы свадебной обрядности, как *құда тусу*, *қоржын* или *қалта*, *құйрық бауыр асату*. При проведении *қыз ұзату тойы* будущая свекровь дарит невесте сережки. Эта традиция восходит к старинному обычаю *үкі тағар*, когда сваты в честь девичьей невинности дарили девушке серьги [3, с. 122]. Для девушки он означал переход в статус невесты, о чем упоминают многие исследователи свадебной обрядности казахов [4, с. 66; 5, с. 99; 6, с. 148; 7, с. 16]. В советское время этот обряд утратил первоначальный смысл и трансформировался в один из составляющих большой свадебный *қоржын* – *үкі қалта*, который заполняется по

9 штук каждого вида различной мелкой галантереи. Для невесты клали какое-нибудь золотое украшение: сережки, перстень или цепочку [8, с. 122].

Свадебный *қоржын* в Купино называют «мешок раздора». В состав его входят *жырттыс қалта*, *жемас қалта*, *үкі қалта*, *казан қалта*. Сторона жениха на *қыз ұзату тойы* привозит *қыз қалта*, который наполняется платками, бижутерией, косметическими и обувными кремами, сладостями, шампанским, коньяком. Предназначены подарки женщинам, которые участвовали в приготовлении угощения: варили мясо в казанах, пекли бауырсаки, готовили манты, плов и т. д. Отдельный мешок предназначен тем, кто перевозил в дом жениха приданое невесты. Сторона невесты делает аналогичное *күйеу қалта* для тех, кто готовил и ухаживал за ними. Состав *қоржына* зависит от благосостояния семей брачующихся. В настоящее время, по словам З. Н. Жумабаевой, состоятельные люди предпочитают делать небольшой *қоржын*, который наполняют золотыми украшениями для всех сватов на 15 и более человек.

В свадебный *қоржын* уже не кладут *күйеу шылгау*, ушли из жизни старые женщины, еще в начале 1990-х годов требовавшие со сватов выкупы в игровой форме *кемпір өлер* («старуха умирает») и *ит ырылдайт* («собака рычит»). *Киіт* дают или не дают по договоренности. Отдельно требуют выкуп *шаң басар*, перетягивая аркан поперек дороги сватам. Отголоски трансформировавшегося в игровые формы выкупов женихом невесты *қол ұстатар* – потрогать руку, *шаи сипатар* – погладить волосы, *көрпе қымылдану* – постель приготовить, взимаемой ее подружками и снохами, обряда тайного добрачного посещения женихом невесты – *ұрын келу* – исчезли. Вместо выкупа *көрпе қымылдану* со стороны жениха дают *төсек көрімдік*, когда приезжают за невестой.

Институт калыма постепенно уходит в прошлое. В Купино от калыма отказались. Стороны договариваются и сообща проводят свадьбу. Но сохранились выплаты в виде комплекса обязательных подарков. В Чистоозерном районе информаторы считают замещением калыма дар за вскормившее невесту материнское молоко – *ананың сүті ақы* – в размере лошади или полутуши лошади. Хотя такие обязательные дары, как *ана сүті*, *той малы*, никогда не входили в калым. Аналогичные процессы происходят и в Омской области.

В связи с падением рождаемости и уменьшением численности казахского населения происходят изменения в родильной обрядности. В р. п. Чистоозерное в чисто женском обряде *қалжа* стали участвовать и мужчины. Это характерно и для с. Гольшманово Тюменской области [9, с. 19]. Шейный позвонок поручается обглаживать крестной матери. В *ит көйлек* новорожденного не одевают, в *бесік* не кладут. В начале 1990-х годов *ит көйлек* шили с длинными рукавами и длинным подолом. Снимали рубашку с новорожденного на 40-й день, когда ему убрали внутриутробные волосы и ногти, после чего купали в соленой воде с серебряными монетами и украшениями.

Основными факторами, влияющими на развитие этнокультурных процессов у казахов Новосибирской области, являются их малочисленность и дисперсное расселение. Из традиционной культуры исчез ряд устаревших элементов свадебной и погребальной обрядности. На изменения в родильной обрядности повлияли не только малочисленность казахского населения, но и падение рождаемости.

1. Национальный состав населения муниципальных образований Новосибирской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. – URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/1331588041396d3fac47ef367ccd0f13/национальность.pdf (дата обращения: 05.03.2017).

2. Красноозерский район // Лаборатория обработки изображений института вычислительной математики и математической геофизики СО РАН. – URL: <http://loi.sccc.ru/bdm/nso/attr/nso.files/krasnoozerski.htm> (дата обращения: 05.03.2017).

3. Ахметова Ш. К. Похороны у казахов Новосибирской области (по материалам экспедиции 2016 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2016. – Т. XXII. – С. 488–490.

4. Аргынбаев Х. А. Семья и брак у казахов : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Алма-Ата, 1975.

5. Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. – Л., 1969.

6. Лобачева Н. П. К истории сложения института свадебной обрядности (на примере комплексов свадебных обычаев и обрядов народов Средней Азии и Казахстана) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1978. – С. 144–175.

7. *Толеубаев А. Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX вв.). – Алма-Ата, 1991.

8. *Ахметова Ш. К.* Трансформация свадебного обряда казахов Западной Сибири в последней трети XIX – первой половине XX вв. // Традиционная и современная этнология Казахстана : материалы междунар. науч.-теор. конф., приуроченной к 80-летию КазНУ им. аль-Фараби и 60-летию А. Б. Калыша. – Алматы, 2014. – С. 118–123.

9. *Ахметова Ш. К.* Некоторые аспекты этнокультурных процессов у казахов Западной Сибири // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2015 г. – Павлодар, 2016. – Т. 1 : этнография, устная история. – Вып. 2. – С. 17–22.

В. С. Бойко

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет, государственный университет

«ПОЛЕ» ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ БОЛЬШОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 2010-Х ГГ.

Цель данной статьи – характеристика особенностей и пределов применения полевых исследований в геополитической проблематике Большой Центральной Азии второй половины 2010-х гг. Стратегическая оценка этого макрорегиона и его отдельных сегментов требует применения диверсифицированных подходов и процедур, включая работу в «поле» – от общения с лицами во власти и оппозиции, причастными к принятию решений, до традиционных визуальных и других этнографических приемов сбора данных.

Ключевые слова: Большая Центральная Азия, геополитика, полевые исследования, интеграция, диаспора, Алтай – центральноазиатский рубеж России.

Цель данного сообщения – характеристика методологических подходов и методик исследования геополитических аспектов макрорегиона Большой Центральной Азии в том их виде, в каком они фиксируют это политико-географическое и культурно-цивилизационное пространство во второй половине 2010-х гг. Основное внимание при этом уделяется «полю», то есть специфике работы по сбору и анализу материала по сюжетам исторического, текущего и прогностического характера, имеющего полевое (устно-историческое, экспедиционное и пр.) происхождение.

Актуальность постановки такой проблемы связана с необходимостью верификации многочисленных трактовок (включая экспертные или претендующие на экспертный уровень разработки) масштабных социально-политических и иных процессов в пределах Большой Центральной Азии и ее отдельных субрегионов в их различных форматах – научном, конъюнктурно-политологическом и пр. Немаловажным представляется выделение «поля» как особой источниковой и исследовательской среды подобной тематики для оптимизации / диверсификации приемов и методов исследования больших пространственных систем, крупнейшей из которых является «глобальная Азия», включающая, помимо собственно азиатского континента с двумя его лидерами – Китаем и Индией, и многочисленные азиатские диаспоры, общая численность которых перевалила за 100 млн чел.

Особую популярность понятие «Центральная Азия» приобрело в 1990-е гг., в последующий после распада СССР период, когда в ставших суверенными республиках южного пояса бывшего союзного государства развернулись поиски национально-культурной идентичности, в русле которых доминирующей стала апелляция к богатому прошлому, ассоциируемому с исторической Центральной Азией – государственно-политическим и культурно-религиозным пространством между другими частями Азии – Восточной, Южной, Северо-Восточной и пр. Но подобная апелляция, вполне оправданная и объяснимая с точки зрения науки и элементарной образованности, игнорировала такую же ассоциированность с Центральной Азией исторически и в других отношениях связанных с нею территорий

других государств – северо-западной части Китая (Синьцзян), южно-сибирского пояса России (Алтай), северного приграничья Афганистана и т. п. – в угоду геополитическим амбициям некоторых новых постсоветских государств («5 станов»), их стремлению быть в фокусе региональной политики и выступать в качестве субъектов предпочтений в программах экономического развития, академической мобильности и пр.

Между тем усилиями ведущих востоковедов, представителей исключительно западных школ этой отрасли (представитель Гарварда Р. Фрай и др.), вскоре после Второй мировой войны сформировалось научно убедительное представление о Центральной Азии в ее расширенной, хоть и сугубо исторической версии: помимо тюрко-таджикского ядра с исламской (преимущественно суннитской, а также миноритарными – суфийской, исмаилитской и пр.) составляющей, значительную роль иригации в экономике, эта область включала и периферию центральноазиатского мира [1]. Но и периферийность афганского севера, в точности повторяющего этническую структуру межимперских квазигосударств Коканда, Бухары и пр., Алтая с его необычной шамано-тенгрианской, а позднее и бурханистской, идентичностью, уже не говоря о Монголии с ее пораженческим уклоном в пользу ламаизма после распада военно-феодальной державы чингизидов, – весьма условна в контексте этнических и миграционных взаимодействий, а также сходных ролей буфера, коридора, моста, долгое время отражающих геополитическую вторичность всей Центральной Азии. Но как раз отмеченные выше ее общие черты и столь же очевидная неоднородность позволили рассматривать ее как расширенный [макро-]регион – Большую Центральную Азию.

Поскольку в 1990-е и 2000-е гг. особую настойчивость и активность проявляли западные аналитики и СМИ, а также солидарные с ними авторы из этого, но «минималистского» региона («5 станов»), постольку именно такое, геополитически окрашенное и далекое от науки, понимание утвердилось и в массовом, и в профессиональном обиходе, включая российские издания и программы. Фактически только в узких академических кругах и в самих регионах центральноазиатской периферии придерживаются строго научной трактовки, да и то в соответствии со своим пониманием актуальности такого подхода. Например, наименьший энтузиазм по этому поводу проявляет китайская сторона, не заинтересованная в подчеркивании специфики Синьцзян-уйгурского автономного района; более лояльны в данном вопросе афганцы, но только те, которые отражают усилившиеся позиции тюрко-таджикских этнических сообществ, в ущерб их пуштунским конкурентам. Соответственно, основными адептами научного подхода к Центральной Азии оказываются представители малочисленного экспертно-университетского сообщества азиатско-российского приграничья – территории, маргинализованной в смысле производственной и научно-образовательной инфраструктуры как раз в силу своего центральноазиатского положения и геополитических перспектив соседства с турбулентными областями зарубежной Центральной Азии. Наиболее принципиальными оппонентами в данном случае выступают (или являются таковыми по определению, замалчивая классический академический подход) сторонники формулы Большой Центральной Азии, в которой решающее значение придается инфраструктурной и прочей «позитивной» связности постсоветской Центральной Азии и Южной Азии (прежде всего Индии и Пакистану) – для решения важной геополитической и геоэкономической задачи – «вытягивания» из долговременного конфликта Афганистана путем превращения его в связующее звено (мост) между этими регионами, тем более что культурно-цивилизационный дуализм этой страны является благоприятным для этого фактором, при всех попытках расширения ее идентичности за счет приобретения новых черт сообществами афганской диаспоры и участия (вмешательства) в афганских делах внешних сил. И все же такое восприятие Большой Центральной Азии – скорее масштабный инфраструктурный проект, чем научная концепция нового интеграционного процесса, который подспудно проявляется и направляется западной коалицией и ее союзниками, но, к сожалению, не обладает должной инклюзивностью [2]. Однако скромные результаты западного военно-политического и иного присутствия в Афганистане в 2001–2017 гг. заставили саму афганскую сторону обратиться к России с предложением активизировать свою инвестиционную и прочую активность [3], несмотря на многолетние обвинения в советской «интервенции» конца 1970-х – 1980-х гг. и «выжидательную тактику» (a waiting game) первых десятилетий XXI в. При этом нынешние афганские власти и их западные партнеры болезненно реагируют на всякие попытки России поддерживать самостоятельные контакты с афганской оппозицией, включая движение «Талибан», которое исторически является совместным проектом

Запада и Пакистана и до сих пор периодически выступает переговорной стороной в разных форматах (новейший по времени – 4-сторонние встречи США – Китай – Пакистан – Афганистан). Есть признаки того, что США намереваются «передать» Афганистан Китаю, но пока еще не ясно, чего здесь больше – торга, коварства или ошибки [4].

Круг геополитических проблем Большой Центральной Азии достаточно широк, но все же наиболее важными представляются те из них, которые связаны с интеграцией / дезинтеграцией и, соответственно, инклюзивностью – возможностями двусторонних и многосторонних связей, будь то взаимодействие внутри этого макрорегиона или за его пределами, то есть по модулям Центральной и Южная Азия, зарубежная Центральная Азия и Россия и т. п. Речь идет о многосторонней интеграции в сфере экономики, образования и науки, в том числе в режиме межрегиональных связей. Поскольку проведение традиционных полевых исследований проблематично на большей части расширенной Центральной Азии, за исключением ее российских сегментов (алтайское приграничье и пр.), то их проведение требует адаптации к местным условиям, а также существенной корректировки самого арсенала научных средств и методик. Поскольку в ряде стран, которые образуют Центральную Азию или ее часть, затруднено или даже невозможно получение разрешения на проведение научных, и тем более полевых, исследований, в таких ситуациях едва ли не единственной средой сбора и анализа необходимой информации становятся научные конференции «второй дорожки» (second track) – статусные форумы с участием ведущих экспертов, действующих и отставных военных, дипломатов и политиков высокого ранга с богатым опытом принятия и осуществления решений на государственном и даже более высоком уровнях. В 2012–2016 гг. такие возможности автору давало участие в регулярных международных конференциях «Афганистан и соседи», проводимых в Индии, Афганистане, Турции, России под эгидой влиятельной неправительственной организации «Делийская группа политики» (Delhi Policy Group), в ходе которых в закрытом (Chatam House) и открытом режимах обсуждались наиболее актуальные проблемы афганского урегулирования, включая интеграционные проекты широкого центральноазиатского диапазона, фасилитаторами которых выступают соседи Афганистана, включая Индию, Россию, Китай, а также внерегиональные державы – США и др.

Еще одной, сходной формой «поля» для данного сюжета стали конференции неправительственного Афганского института стратегических исследований (Кабул, генеральный директор – д-р Давуд Мурадян). Этот институт также проводит регулярные тематические форумы «второй дорожки», которые приближаются к реальному [внешне-]политическому процессу, фиксируя к тому же и его новейшие тенденции – растущую активность молодежи, женщин, альтернативность позиций благодаря присутствию различных политических сил. Кроме того, создавая легальный повод для приезда в изучаемую страну, такие форумы дают возможности и для традиционных полевых процедур – встреч и бесед с руководителями вузов, других учреждений, представителями различных социальных слоев и профессий, людей «с улицы». Специфическая, и очень богатая по содержанию, форма афганского «поля» – многочисленные зарубежные афганские общины, в разное время достигающие 5 и более миллионов человек.

Вытолкнутые за пределы родины в силу разных обстоятельств, они сами по себе являются объектом исследования как маргинальный элемент афганского социума, но в то же время представляют собой осколки процессов и событий в Афганистане (филиалы или даже штабы оппозиционных политических партий, остаточные бизнес-структуры или культурные объединения). Наличие устойчивых связей с ними и их лидерами – богатый, хоть и не очень надежный источник информации и социально-политического конструирования.

Особый случай – китайская часть Центральной Азии. Несмотря на возможности посещения Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР и сотрудничества с китайскими научно-аналитическими центрами центральноазиатского профиля, приглашающая сторона обычно строго регламентирует такие визиты, решая собственные задачи (консультации по проблемам евразийской политики и экономики), и лишь по ходу, визуально и в туристическом объеме знакомит гостей с особенностями жизни в северо-западной части Китая. Попытки углубленного изучения местной среды, особенно ее этнических аспектов, не приветствуются, как и стремление установить несанкционированные контакты даже с коллегами из местных вузов и академических учреждений, включая Институт Центральной Азии Академии общественных наук КНР.

Не следует переоценивать и возможности «домашней» аналитики по геополитическим проблемам Центральной Азии, даже при том, что российский Алтай и исторически, и в современном понимании является ее интегральной частью. Но доминирование в местной научно-профессиональной среде археологов подчеркивает лишь историческую ассоциированность Алтая с центральноазиатским миром, тогда как современная эпоха усилиями регионоведов и краеведов с момента прихода сюда русских описывается и характеризуется в категориях новой славянско-христианской идентичности, с внеисторическими апелляциями к некоей сибирской основе жизни и деятельности народов за Уралом. При этом недооцениваются или игнорируются фундаментальные идеи ряда сибирских (если следовать устаревшей географии народонаселения, науки и пр.) востоковедов и этнографов (Л. И. Шерстова [5] и др.) об особом культурно-историческом синтезе переселенцев и аборигенов в сторону их обогащенной азиатскости, современные и будущие тенденции развития азиатского приграничья России, а также геополитические потребности не просто и не только географического присутствия России в Азии, но ее полноформатного, в том числе институционального, экономического и культурно-образовательного представительства на этом континенте, включая его фронтальные межцивилизационные зоны, именуемые Центральной Азией. Великий немецкий ученый-естествоиспытатель А. Гумбольдт, посетивший Россию в 1829 г., только после посещения Барнаула и других пунктов азиатского приграничья империи впервые обронил слово «Центральная Азия», которое уже тогда не было простой оговоркой – он позднее развил свои представления о природе и других особенностях этого края. Но понадобилось более полутора веков, чтобы это понятие развернулось в теоретическую формулу, фиксирующую единство географии, культуры и этничности и помогающую определить жизненно важные геополитические интересы там, где Центральная Азия является одновременно и частью России, и ее южным рубежом.

1. *Frye Richard N.* The Meaning of Central Asia // Conference on the Study of Central Asia (March 10–11, 1983, Woodrow Wilson International Center for Scholars). – Washington, 1983. – P. 11–13. См. также конспект его выступления «Pre-Islamic and Early Islamic Cultures in Greater Central Asia» на семинаре «Central Asia as a Cultural Area». – Papers of Richard Frye. – Harvard University Archives, box 129334.

2. *Canfield Robert L.* The Collision of Evolutionary Process and Islamic Ideology in Greater Central Asia // Afghanistan and Soviet Union. Collision and Transformation / Ed. by Milan Hauner and Robert L. Canfield. – Westview Press, Boulder, 1989. – P. 13–35; *Canfield Robert L.* Restructuring in Greater Central Asia: Changing Political Configuration // Asian Survey. – Vol. 32, No. 10. – October, 1992. – P. 875–887.

3. *Starr Frederick S.* A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors // Silk Road Paper. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2005.

4. Афганистан призвал Россию вернуться в себя с инвестициями // ЦентрАзия. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1489082580> (дата обращения: 09.03.2017); Ходаренок М. США сдают Афганистан Китаю // ЦентрАзия. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1489052280> (дата обращения: 09.03.2017).

5. *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX вв. – Новосибирск, 2005.

К. Ю. Гизиева, И. В. Межевикин

Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ОТ ТРАДИЦИИ К ТЕХНОЛОГИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ РУССКИХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОМСКА И ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассмотрены основные тенденции в погребальном обряде русских XX – начала XXI века. Авторы отмечают важную роль ритуальных специалистов в современном обряде погребения. На материалах Омской области показаны социально-экономические изменения в обрядовых действиях при погребении.

Ключевые слова: погребальный обряд, традиции, похоронное дело, ритуальные специалисты, динамика, технологии.

Исследователи, работающие в рамках антропологии смерти, как правило, акцентируют внимание на современности. Однако значительная динамика в технических аспектах и роли ритуальных специалистов проявилась значительно раньше. Начиная с конца XIX в. похороны становятся площадкой для демонстраций, нарушается традиционный порядок похоронных процессий. Такими были похороны Некрасова, Толстого, жертв революций 1905 и 1917 гг. [1, с. 191–209]. Конфронтация власти и церкви приводила к необходимости разработки обрядов, лишенных религиозных элементов. К разработке привлекались не только партийные деятели, но и ученые. Так, в 1981 г. был опубликован сборник «Традиционные и новые обряды в быту народов СССР» [2], в котором описывался ход процессии в каждом случае (похороны матери, похороны труженика и т. д.), а также внешние атрибуты обряда (костюмы и отличительные знаки организаторов ритуала). Таким образом, следует отметить, что постперестроечные изменения в похоронной обрядности были не такими уж резкими: до ритуальных агентств были артели, комбинаты бытового обслуживания (далее – КБО) и стройчасти при совхозах, которые зачастую выполняли те же функции.

Современное похоронное дело как самостоятельный вид деятельности в Омской области регламентируется на основании решения Омского городского Совета от 22.07.2009 № 266 «Об организации похоронного дела в городе Омске» (с изменениями от 21.04.2010, 17.12.2014). Этот документ определяет полномочия органов местного самоуправления в сфере организации похоронного дела, требования к специализированной службе, порядок погребения, порядок деятельности кладбищ.

В 2016 г. был внесен на рассмотрение в правительство Российской Федерации законопроект о похоронном деле, разработанный министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Новый закон позволит улучшить качество предоставляемых похоронных услуг. Все организации, предоставляющие ритуальные услуги, должны будут пройти обязательную процедуру лицензирования, ритуальные компании обязаны иметь собственное помещение для оформления заявки, специализированный транспорт (катафалки и автобусы), обученный персонал [3].

Что касается обучения персонала, то еще в 1997 г. в Москве на базе кафедры менеджмента в социально-культурной сфере Государственной академии сферы быта и услуг (ныне Российский государственный университет туризма и сервиса) был учрежден специализированный Центр подготовки кадров для похоронной службы. Центр был создан с целью формирования единой, многоуровневой и непрерывной системы подготовки, переподготовки, повышения квалификации и аттестации кадров для предприятий похоронной службы. Сейчас подготовка ведется на базе государственных и негосударственных вузов, осуществляется выезд в регионы [4]. Также для руководителей и специалистов похоронной отрасли проводятся семинары-конференции, форумы-выставки.

Количество ритуальных фирм год от года увеличивается. На данный момент в Омске, согласно данным справочника организаций «2ГИС», сфера ритуальных услуг представлена 195 различными организациями.

Рекламные растяжки, телевизионные ролики и газетные объявления предлагают жителям отдать «траурные хлопоты в надежные руки». Самостоятельно организовать похороны в наши дни очень

сложно, это отнимет много времени и сил, поэтому люди обращаются в ритуальные службы. Смерть близкого человека у многих не только вызывает душевные потрясения, но и приводит к существенным финансовым затратам. По данным директора «Комбината специальных услуг» Ларисы Никитенко, «средняя стоимость услуг по погребению 34–37 тыс. руб. без поминальных обедов, но если заказчики возьмут на себя ряд услуг (транспорт, перенос гроба с телом и т. д.), то возможно провести похороны и дешевле, где-то от 18 тыс. руб.» [5].

Что касается погребальной одежды, то сейчас не обязательно загодя запастись смертной одеждой, стремясь соблюсти традиции. Огромное количество сайтов ритуальных домов предлагают широкий ассортимент одежды для умерших любого возраста, разных размеров и особенностей строения тела. В некоторых случаях заказчики предоставляют возможность ритуальным агентам самостоятельно выбирать одежду для покойного, особенно это касается тех случаев, когда ритуальное бюро занимается организацией и проведением всего похоронного процесса. Допускается использование ношенной одежды, но только при условии, что она находится в хорошем состоянии.

Существуют несколько основных требований к одежде для погребения, диктуемых ритуальными агентами: это строгость в покрое и использование всех принятых элементов костюма. Традиционно для мужчины покупают трусы, носки, майку, рубашку, костюм, галстук (в том случае, если покойный его носил при жизни) и обувь. Также в гробу усопшего размещают носовой платок, мыло, полотенце, одноразовый бритвенный станок, одеколон и зубные протезы. Покойной покупают такой набор: трусы, ночная рубашка, чулки, платок на голову, носовой платок, обувь и предмет верхней одежды, которым послужит халат, платье или костюм строгого покроя, с длинным рукавом и ниже колен. Для молодых неженатых юношей и незамужних девушек правила для одежды не такие строгие. Для покойного молодого человека это костюм для торжественных случаев, предпочтительно светлых тонов, но без рисунка. Для умершей девушки – свадебное платье, но без фаты и ювелирных украшений [6].

По мере возвращения интереса к церкви большую роль в погребальном обряде начинают играть православные традиции, поэтому ритуальные бюро часто включают в пакет услуг и церковное отпевание. При этом в целях экономии вместо того, чтобы везти покойника из морга в церковь, агенты предпочитают приглашать священников для проведения отпевания непосредственно в помещении похоронного бюро. При этом агентство, как посредник, предоставляющий помещение, удерживает часть стоимости услуги отпевания [7, с. 19].

Ритуальные салоны предоставляют не просто стандартный набор похоронных принадлежностей, но и начинают предоставлять услуги премиального уровня. Так, один из омских похоронных домов предлагает следующие услуги для своих клиентов: аренда кофемашины, что актуально для церемоний с большим количеством пришедших; увлажнение воздуха с помощью высокомоощного уличного кондиционера, а также арочный пневмокаркасный шатер [8].

Если говорить о сельской местности, то динамику обряда мы можем фиксировать и по полевым материалам Омской области (в том числе роль КБО и стройчастей в погребальном обряде). Изменения постперестроечного периода коснулись не столько принципа делегирования роли семейной общины в обряде наемным специалистам, сколько экономической стороны вопроса. Рыночные отношения проникли и в сельскую местность, и зачастую информаторы говорят о том, что на похороны не нужно заготавливать одежду или материалы для гроба, зато нужна значительная (особенно по сельским меркам) сумма денег, которой и исчерпывается подготовка к смерти. Причем эта сумма растет с каждым годом. И если в 2010–2012 гг. информаторы называли суммы в 7–10 тыс. руб., то в 2015 г. – 15–19 тыс. руб. Несмотря на это, жители села полагают, что в городе похороны обойдутся дороже, и даже связывают с этим то, что уехавших в город односельчан часто привозят хоронить в родные места [9].

В беседах нередко встречаются упоминания, что, в отличие от города, в сельской местности нет необходимости покупать место на кладбище. С другой стороны, проблема нехватки свободных мест остается актуальной. Эта проблема частично решается расширением границ кладбища, что приводит к нарушению санитарных предписаний и вторжению в границы села. Общераспространенной в сельской местности является практика изготовления заведомо больших оградок, столов, скамеек (чтобы была возможность подхоронить рядом родственников). В иных случаях формирование родового участка начинается на свободном месте: «У меня вот один племянник умер, мы выбрали на кладбище свободное место и от него дальше пошли: все родные теперь там лежат рядышком – папа, мама, брат» [10].

Помимо перечисленных социально-экономических изменений, происходят перемены и в собственно обрядовых действиях. Так, например, появилась традиция сигналить автомобильными гудками у дома покойного, в конце улицы, на которой он жил, на перекрестках и даже на кладбище во время погружения гроба в могилу. Зачастую информаторы уточняют, что таким образом провожают только шоферов. Здесь мы можем видеть сочетание элемента современной свадебной обрядности и сходство с красными похоронами советской эпохи. Некоторые информаторы упоминают оркестр: «Раньше с оркестром хоронили. <...> Оркестр – это обычно начальника хоронят какого-нибудь или милиционера» [11]. Здесь мы снова видим упоминание особого социального статуса человека и его профессиональной принадлежности. В современном погребальном обряде профессия начинает играть большую роль. Помимо традиционного отражения специальности покойного в погребальном инвентаре, появляются надгробия, связанные с прижизненной работой или, что значительно реже, увлечениями.

Что касается вещей, помещаемых в гроб с покойным, то и их состав претерпел изменения. «Недавно умер у родственницы сын, она ему телефон в гроб положила, постоянно перечисляла на этот телефон деньги. Она надеялась, что сын позвонит ей с того света» [12]. Отец Сергей из Больших Уков также говорит о вещах вроде бы совершенно ненужных, которые кладут в гроб: «...бывает, родственники кинут расческу, бывает, бутылку водки, одной женщине – килограмм соли (чтобы жили там в достатке...)» [13]. Еще оригинальней поступают в д. Николаевка Москаленского района: в гроб кладут лампочку (обыкновенную электролампу накаливания), потому что «так, старые люди говорят, надо» [14, л. 3].

Помимо похорон с оркестром, веянием периода 1960-х – 1990-х гг. существовала традиция фотографирования покойника в гробу и его близких у гроба. В настоящее время эта традиция сошла на нет, поменялось даже отношение к тем фото, которые делались в тот период: «Раньше было принято фотографировать на похоронах, а потом решили <...> ну, какая это память? <...> У меня эти фотографии лежат отдельно в конверте» [15].

В сельской местности велика роль отдельных личностей. Если в городе ритуальных агентств много и появление конкретных явлений, моды, тенденций сложно связать с отдельными людьми или организациями, то в селе этих людей знают. Так, в Больших Уках как о человеке, «наведшем порядок на кладбище», отзываются о Геннадии Ивановиче Бастрыкине. Он организовал салон ритуальных услуг и следил за состоянием кладбища. После его смерти этим делом занялась вдова. Лариса Максимовна Бастрыкина достаточно религиозна: «Рождаются с крестом, умирают с крестом. Мужу я поставила мраморный, но крест» [16, л. 40]. По инициативе директора местного музея на сельском кладбище появилась часовня, в ней регулярно проходят службы. Православные и народные традиции соседствуют с техническим прогрессом: на кладбище много сложных надгробий с резьбой и искусственных цветов.

В целом следует отметить ряд тенденций в погребальном обряде русских XX – начала XXI вв. Во-первых, происходит постепенная коммерциализация всех аспектов погребального обряда, уменьшается роль семьи и близких, возрастает – наемных специалистов. Во-вторых, большее значение начинают уделять личности покойного: вместо традиционных крестов на могильных памятниках зачастую изображают символы профессии или увлечений, на могиле могут посадить не только традиционную березу, но и любое другое растение, потому что оно нравилось умершему и т. д. В-третьих, в постсоветское время появляется тенденция к религиозности и стремлению соблюдать традиции, что, в целом, противоречит уже названной свободе выбора отдельных элементов погребальной церемонии и ухода за могилкой. В-четвертых, традиции динамичны: они возникают и исчезают – так оркестры и фотографирование уступили место автомобильным гудкам и электролампочкам, погребаемым вместе с покойным.

1. Соколова А. Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!». Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. – 2013. – № 5 (56). – С. 191–209.

2. Традиционные и новые обряды в быту народов СССР / отв. ред. И. А. Кривелев, Д. М. Коган. – М. : Наука, 1981.

3. Контроль за рынком ритуальных услуг предлагают отдать регионам // Известия.Ru : ежедневная газета. – URL: <http://izvestia.ru/news/665216> (дата обращения: 22.03.2017).

4. Уланов П. Центр подготовки кадров для похоронных служб // Всероссийский похоронный портал. – URL: <http://www.funeralportal.ru/library/1543/4494.html> (дата обращения: 22.03.2017).
5. В последний путь // Вечерний Омск. – URL: <http://omskgazeta.ru/sotsium/89534895834898439> (дата обращения: 20.03.2017).
6. Одежда для покойников: особенности кроя и пошива одежды для покойников // Skorbim.ua : ритуальный портал. – URL: <http://skorbim.ua/advice/634> (дата обращения: 18.04.2017).
7. Соколова А. Д. Коммерциализация похоронного обряда и новые роли локальных ритуальных специалистов // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 14–25.
8. Последние новости // Похоронный дом «Альфа-Ритуал». – URL: <http://a-ritual.ru> (дата обращения: 20.03.2017).
9. Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (далее – МАЭ ОмГУ). Ф. I. Д. 224-1. Зап. от Ворона Марии Константиновны, с. Большие Уки Большеуковского района Омской области.
10. МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 224-1. Зап. от Дмитриевой Лидии Александровны, с. Белогривка Большеуковского района Омской области.
11. МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 224-1.
12. МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 224-1. Зап. от Дмитриевой Лидии Александровны, с. Белогривка Большеуковского района Омской области.
13. МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 224-1.
14. Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета (далее – МЭЭ ОмГУ) 2012 г. П. о. № 7.
15. МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 224-1. Зап. от Ворона Марии Константиновны, с. Большие Уки Большеуковского района Омской области.
16. МЭЭ ОмГУ 2015 г. П. о. № 8.

Г. Т. Джалдоксимова

*Павлодар, Margulan Centre – региональный археологический центр
при Павлодарском государственном педагогическом институте*

К ИЗУЧЕНИЮ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ СТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

В статье рассматриваются этапы формирования казахских некрополей на основе натурных обследований и результатов дешифровки снимков с искусственных спутников Земли.

Ключевые слова: планиграфия некрополя, надмогильные сооружения, натурные обследования, снимки Земли из космоса.

Дешифровка спутниковых снимков позволяет зафиксировать объекты, не видимые в процессе натурального обследования: заросшие, оплывшие и археологизированные объекты, где основными признаками служат теневые ориентиры, растительные и почвенные маркеры. Кроме того, анализ спутниковых снимков позволяют произвести первичный сбор информации еще до выезда на объект, что напрямую способствует процессу планирования и рационального использования ресурсов во время полевых обследований.

Таким образом, анализ снимков, полученных с искусственных спутников Земли, может служить дополнительным инструментом для исследователя при сборе информации о планиграфии, процессе формирования и времени функционирования казахских некрополей.

В ходе этнографических исследований в качестве яркого примера было обследовано кладбище на северо-восточной окраине села Курколь Павлодарской области. Некрополь представляет собой сложный комплекс, состоящий из разновременных погребальных объектов.

В связи с тем, что данный некрополь является действующим, применение полевых археологических работ на его территории затруднено, однако процесс формирования некрополя в пространстве и времени можно исследовать с помощью дешифровки спутниковых снимков.

Ранее метод определения хронологических участков формирования кладбища при натурном обследовании использовался в работе С. Е. Аджигали, где были взяты за основу критерии: традиционность ориентации надгробий и материал конструкций [1, с. 83]. Этот подход был использован нами с привлечением результатов дешифровки снимков с искусственных спутников Земли.

Натурные обследования и анализ спутниковых снимков некрополя с. Курколь позволяют выделить основные хронологические участки некрополя (рис. 1). Первый этап формирования некрополя связан с группой земляных курганов, предварительно датированных ранним железным веком.

Рис. 1. Планиграфия казахского некрополя у с. Курколь Павлодарской области

Около данных курганов сформировалось ядро древней части казахского некрополя, которое в настоящее время выглядит, как множество бугров, холмиков и западин, хорошо просматривающихся на снимках и слабо читающихся визуально в поле.

Ко второму этапу формирования некрополя можно отнести период возведения ныне оплывших сырцовых мазаров, которые просматриваются преимущественно в юго-восточной и северной частях кладбища. Они представляют собой руины некогда стоявших квадратных одиночных и спаренных оград. Предположительный период их возведения – XVIII–XIX вв.

Третий этап формирования связан с периодом строительства традиционных четырехугольных оград, шестигранных, восьмигранных и округлых мазаров, которые хорошо просматриваются на

снимке. Данные сооружения фиксируются в количестве 12 штук и расположены в разных частях кладбища. При натурном обследовании было зафиксировано время их возведения – 1920–1940-е годы. Нужно отметить, что строительство подобных сооружений требовало огромных ресурсов, которые могли позволить себе только зажиточные слои населения. Концентрация мазаров в данном некрополе в этот период, по-видимому, связана с процессом коллективизации народного хозяйства. Согласно статистическим данным Павлодарского уезда, которые приводит Ф. Щербина, в начале XX в. в Аксуйской волости кочевал род басентеинов с ветвью рысбек, к ним относилось около 10 мелких административных аулов. На данной территории проживали и другие роды: коянбай, саганай, койсары, сырым, мурат, иман [3, с. 54–55]. В рамках коллективизации все мелкие казахские аулы и кочевавшие роды были объединены близ с. Курколь, соответственно, они стали использовать один общий некрополь.

Мазары из сырцовых кирпичей представляют особый интерес, так как отличаются своими размерами и хорошей сохранностью стен, что напрямую связано с технологией изготовления кирпичей. Кирпичи из сырца изготавливали около самого сооружения, на снимке хорошо просматриваются западины вблизи сырцовых мазаров. Это говорит о том, что кирпичи производили здесь же на месте. В составе сырцовых кирпичей фиксируется весомая доля крупнозернистого песка, что обусловило их высокую плотность. При натурном осмотре одного из мазаров была зафиксирована длина граней мазара 3,9 м, высота стенки 2,9 м, толщина стенки доходит до 0,5 м (рис. 2).

Рис. 2. Саманный восьмигранный мазар первой половины XX в.
Некрополь у с. Курколь Павлодарской области

Четвертый этап формирования казахского кладбища пришелся на период начала 1950-х – 1990-х гг. В 1950-е годы на территории Павлодарской области шло бурное освоение целинных и залежных земель, строились новые совхозы. При строительстве использовались новые строительные материалы – силикатный кирпич и цемент. Доступность силикатного кирпича обусловила его массовое использование в строительстве надмогильных сооружений на кладбище. Сооружения из силикатного кирпича представлены в основном подквадратными оградами и оградами-торткулаками. На этом этапе происходят изменения во внешней атрибутике сооружений. Внутри оград устанавливают надгробные стелы, появляются таблички из мрамора и гранита. Рядовым жителям устанавливают стелы из железа или камня, либо отливают их из бетона или цемента. В этот период на погребениях появляются фотографии умерших. Надмогильные сооружения возводятся по общему стандарту: подквадратные ограды и ограды-торткулаки, которые образовывали фамильные ряды. Также нужно отметить и то, что крупные монументальные постройки на кладбище в этот период, в отличие от предшествующего и последующего периодов, не фиксируются.

Пятый этап формирования казахского кладбища приходится на начало 2000-х годов, он продолжается до наших дней. Сооружения этого этапа характеризуются тем, что в строительстве используется разнообразный строительный материал: силикатные, красные, песчоблочные, декоративные кирпичи, ограды из железных декорированных решеток. По форме их можно подразделить на подквадратные и округлые, одиночные и спаренные. В этот период появляются монументальные сооружения в виде мавзолеев с куполами и с порталами, с арками и с колоннами. Подобное явление ярко демонстрирует социальную дифференциацию. Фасады мавзолеев декорируются кирпичной кладкой, на них выкладывают имя умершего (рис. 3). Надгробные стелы (құлпытасы) из гранита или мрамора устанавливают как внутри, так и снаружи ограды. Таблички с фотографиями на стелах сменяются изображениями усопшего, гравированными на камне.

Рис. 3. Современный купольный мавзолей из силикатного кирпича.
Некрополь у с. Курколь Павлодарской области

Таким образом, натурные обследования некрополя и дешифровка спутниковых снимков позволяют выделить более детально основные хронологические этапы формирования некрополя.

1. Ажигали С. Е. Религиозность и обрядность сельчан Казахстана в ближайшей ретроспективе: Жетысу, середина 80-х // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. – Алматы, 2001.
2. Полевые материалы автора за 2016 год. Иртышская археологическая экспедиция.
3. Щербина Ф. Павлодарский уезд. – Воронеж, 1903.

З. А. Динкелакер

Омск, государственный педагогический университет

ВОЛЧОК И СОРОКА-ВОРОНА В ПОЭЗИИ ПЕСТОВАНИЯ

В данной статье анализируются особенности бытования текстов в поэзии пестования с образами волчка и сороки в региональном фольклоре Омского Прииртышья. Рассматривается семантика основных образов и причины их сохранности в современной региональной традиции.

Ключевые слова: материнский фольклор, пестушка, потешка, региональная / локальная традиция.

Летом 2016 г. был осуществлен экспедиционный выезд студентов филологического факультета Омского государственного педагогического университета под руководством В. А. Москвиной в с. Серебряное Горьковского района Омской области. Цель экспедиции – изучение локальной устно-поэтической традиции, в частности, изучение материнского и детского фольклора. Основными методами полевой работы были интервьюирование и включенное наблюдение. Для полевой работы использовались вопросники, учитывающие особенности традиционной культуры того или иного района Омской области. Фиксация традиционного фольклора (за исключением некоторых его жанров) чаще всего осуществляется на уровне воспроизведения по памяти или имитации по просьбе собирателя.

Большинство информантов, отвечая на вопрос «Как пестовали своих детей, какие колыбельные пели?», долго не задумывались: «*Ну пели, как нас старые учили:*

*Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
Придет серенький волчок
И ухватит за бочок.*

И еще в ладушки, сороку играли. А так, мне кажется, больше ничего» (записано в с. Серебряное от Л. Д. Госельбах, 1950 г. р.).

Или: «*Ну, эта сорока на первой. Я уж и эти-то забыла присказки*» (записано в д. Согра Горьковского района Омской области от А. Ф. Головковой, 1933 г. р.). Н. Г. Сысоева вспоминала: «*Погоди... как мы пели... так:*

*Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю:
Придет серенький волчок,
Он ухватит за бочок.*

Вот сидишь и поешь... А потом как ешо... миленька моя, все забыла» (записано в с. Серебряное от Н. Г. Сысоевой, 1938 г. р.).

В современной традиции данного села сохраняются тексты только с этими образами. Расспросив своих родственников, знакомых (возраст информантов от 32 до 70 лет), я пришла к выводу, что тексты про волчка и сороку-ворону широко распространены не только в селе Серебряное, но и в городе Омске. С чем связана популярность именно этих сюжетов? Данный вопрос натолкнул меня на рассмотрение семантики основных образов зафиксированных текстов.

А. В. Гура отмечает такие черты волка, бытующие в народных представлениях: хтоническая природа («волк слеplен из глины или из грязи»); связь с умершими («некоторые заговоры от волка свидетельствуют о том, что он бывает у мертвых на том свете») и с нечистой силой («волк – чертов конь, и на нем часто ездит ведьма, кума черта»); волк – оборотень; хозяин волков – леший; волк –

«посредник между этим и тем светом, между людьми и Богом, между людьми и нечистой силой» [1, с. 122–159].

В книге М. Н. Мельникова «Русский детский фольклор» представлены тексты пестушек с образом волка, например:

А баю, баю, баю,
Не ложися на краю:
Придет серенький волчок,
Вкусит Таню за бочок [2, с. 168].

Также встречается подобная пестушка с образом Бабы Яги, что сближает этих персонажей по сходству их функций:

Баю, баюшки, баю,
Не ложися на краю:
Там старая Яга
Поджидает тебя,
Хочет съесть тебя [2, с. 168].

Символика края (этим термином обозначается и край колыбели, на который ребенку не следует ложиться, и край деревни и т. п., важен здесь основной признак – не в середине, а на краю, на границе с другим миром) переплетается с образами волчка и Бабы Яги. Край – это, видимо, граница между жизнью и смертью. Сон часто воспринимается как смерть. Если ребенок не спит, его может утащить существо из другого мира, если ребенок уснул, он как бы притворился мертвым. *«Ну пела:*

*Баюшки-баю,
Живет дома на краю,
На краю избушки
Там гора в горушке.*

Ну, а песни, что придумаеть, то и ладно» (записано в с. Серебряное от А. П. Кутиной, 1929 г. р.).

Подобные колыбельные служили в качестве скрытых вербальных оберегов от смерти. Можно предположить, что в Серебряном вкладывают особый смысл в слово «край», так как в селе есть обрыв. Возможно, детей с младенчества предостерегают: ходить на обрыв опасно.

Также причины могут крыться во влиянии новых форм художественной культуры – мультипликации. Я имею в виду мультфильм «Бременские музыканты», в котором исполняется песня «Баю, баюшки, баю...», но уже в другой музыкальной интерпретации.

Пестушки незаметно переходят в потешки – песенки, сопровождающие игры ребенка с пальцами, ручками и ножками. Такова известная «Сорока». В этой игре присутствует педагогическое наставление, нравственный урок.

Сорока-ворона кашу варила. (Круговыми движениями щекочем ладошку ребенка)
Деток кормила:
– Этому дала, (загибаем большой пальчик)
Этому дала, (загибаем указательный пальчик)
Этому дала, (загибаем средний пальчик)
Этому дала, (загибаем безымянный пальчик)
А тебе не даем: (трогаем мизинец)
Ты в лес не ходил,
Дров не рубил,
Воды не носил,
Печь не топил –
Не дам тебе каши! [2, с. 175].

Сорока не дает каши самому маленькому (мизинцу), потому что он не помогал. Показана обязательность труда для всех. Простейший нравственный урок прочно входит в сознание ребенка за счет особого композиционного приема и за счет особого синтаксического построения каждой строки: глаголы ставятся под логическое ударение, выделяются интонационно, скрепляются рифмой.

Вопрос: почему сорока-ворона оказывается основным сюжетообразующим элементом в этих текстах? Частично на этот вопрос мы находим ответ у А. В. Гуры, который считает, что объединение в детских потешках сороки и вороны основано на «вербальном подражании их крику». Далее исследователь ссылается на примету, «согласно которой крик сороки предсказывает прибытие гостей или получение известия. Известие как сообщение о чем-либо мотивировано “говорливостью”, “болтливостью” сороки» [1, с. 556–558]. Исходя из этого можно предположить, что семантика сороки-вороны в потешке восходит к образу женщины-хозяйки, а следовательно, матери.

Подводя итоги, можно сказать, что образы волчка и сороки-вороны широко распространены, но однозначный ответ на вопрос о причине популярности этих образов дать нельзя. В сборниках детского фольклора данные тексты не превалируют над другими, располагаются в ряду подобных. В репертуаре современных информантов мы видим, что это единственные тексты в поэзии пестования. Причина, возможно, кроется в семантике образов. Волк представляется существом из страшного темного мира, который может напугать, забрать дитя, а сорока – это наиболее известная ребенку птица. Ее нетрудно узнать по черно-белому оперению и длинному хвосту. Семантика сороки связана с женской семантикой, в ней сконцентрированы функции поэзии пестования.

1. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.

2. Мельников М. Н. Русский детский фольклор : учебное пособие для студентов. – М., 1987.

Р. К. Досмурзинов

*Астана, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Новосибирск,
государственный университет*

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ ГОРОДА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Проанализирована история изучения городской проблематики на страницах журнала «Советская этнография». Автор приходит к выводу, что город и его культурная специфика на страницах этого журнала получили широкое освещение. Городская проблематика широко и глубоко изучалась советскими учеными. Они заложили базу для последующего развития субдисциплины «этнография города».

Ключевые слова: этнография города, журнал «Советская этнография», традиционная культура, город.

В современную эпоху, характеризующуюся усилением развития глобализационных и урбанизационных процессов, особую актуальность и значимость обретают исследования в рамках динамично развивающегося направления этнологической науки – этнографии, или антропологии города. Поскольку ни одно исследование не может не опираться на уже полученные в ходе предыдущих исследований знания, важным представляется рассмотрение основных работ предшествующих исследователей.

Целью данной статьи является рассмотрение истории изучения проблем этнографии города на страницах одного из весомых и авторитетнейших изданий советской гуманитарной науки – журнала «Советская этнография» (издавался в 1926–1991 гг.). Наряду с этим, мы ставим в этой работе, имеющей обзорный характер, задачу отразить динамику процесса изучения советскими этнографами городской проблематики и определить основные направления исследований.

Автор проанализировал 31 статью, опубликованную на страницах журнала «Советская этнография» в период с 1950 по 1987 гг. Обращение к теме города, как показывает анализ содержания журнала, было нечастым. Однако иногда в одном и том же номере мы обнаруживаем сразу несколько работ, посвященных теме города. В 1950, 1954, 1969, 1973, 1977, 1982–1985 гг. выходило всего по одной статье, в которых находила отражение городская тематика. В 1962, 1967, 1967, 1970, 1980, 1981 и 1987 гг. были опубликованы всего по 2 статьи с городской проблематикой. И только в 1971–1972 гг. тема города становится более актуальной: в это время публикуются по 3 статьи в год.

Проблемы *теории и методологии* городских исследований рассматривались в работах О. В. Будиной, М. Н. Шмелевой, А. И. Гинзбург, А. С. Мыльникова, Э. А. Паина, В. В. Покшишевского, М. Г. Рабиновича, С. А. Токарева, Ю. В. Бромлея, В. И. Козлова.

В этой группе работ следует выделить статьи известного историка и этнографа М. Г. Рабиновича. В статье «Город и традиционная культура», опубликованной в четвертом номере журнала «Советская этнография» в 1980 г., исследователь обращает внимание на соотношение понятий «городская культура», «сельская (деревенская) культура» и «традиционная культура». Считая, что изучение современных городов должно опираться на изучение истории городов ранних эпох, в частности древности и средневековья, М. Г. Рабинович отмечает, что перед этнографами стоит задача изучения городского населения, городского быта, городского образа жизни в его многообразных связях с жизнью сельского населения, в процессе сохранения традиционной народной культуры в городе [1, с. 23].

Исследователь категорически против рассмотрения города как явления внешнего и постороннего для народной культуры. Напротив, по его мнению, «городская культура является неотъемлемой частью традиционной народной культуры, активным элементом ее развития» [1, с. 23]. Это утверждение, на мой взгляд, уместно при изучении средневекового города, но никак не современной городской культуры. По мнению О. Р. Будиной и М. Н. Шмелевой, использование определений «городская» и «деревенская» культура является неудачным, поскольку это «предполагает расчленение генетически единой культуры этноса, в то время как в подобных случаях, вероятно, правильнее говорить о ее вариантах, функционирующих в разных социальных средах» [2, с. 27].

Особое внимание следует уделить *истории изучения проблем города*. В статье «Этнографическое изучение города в СССР» О. В. Будина и М. Н. Шмелева обращаются к проблеме исследования города в советской этнографической науке. «...Появление городской проблематики в работах по культуре и быту не было случайным. С одной стороны, оно означало расширение зоны этнографических работ, с другой – принципиальные изменения в отношении к объекту исследования и было обусловлено как повышением уровня этнографической науки, так и очередными задачами, стоящими перед обществом на определенном этапе...», – так исследователи обосновывают изучение городской проблематики этнографами [3, с. 21].

Большую ценность для нас, безусловно, представляет периодизация развития этнографического изучения города, предложенная авторами статьи. Так, О. В. Будина и М. Н. Шмелева выделяют три этапа в этнографии города.

Первый этап охватывает *20–30-е гг. XX в.* В этот период изучения города, по мнению исследователей, не носившем непосредственно этнографического характера, выходят в свет работы С. Г. Струмилина «Бюджет времени русского рабочего» (1923 г.), Е. О. Кабо «Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта» (1928 г.), Л. Либермана «Труд и быт горняков Донбасса прежде и теперь» (1929 г.). Кроме того, городские исследования начинают развиваться и в регионах. Так, в данный период Костромское краеведческое общество разрабатывает «Программу по изучению быта рабочих», в котором предусматривалось исследование производственного, домашнего и общественного быта рабочих.

Второй этап включает *50–60-е гг. XX в.* Именно в этот период, по мнению авторов статьи, началось непосредственное этнографическое изучение советского города, причем для исследований этого времени был характерен широкий фронт этнографических работ, а также охват рабочих разных национальностей РСФСР, Казахской ССР, Киргизской ССР. В номерах журнала «Советская этнография» публикуются работы Н. Н. Чебоксарова «Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих», Т. Г. Гуськовой «Некоторые этнографические особенности населения Нижне-Тагильского горнозаводского округа в конце XIX – начале XX века», Л. П. Шевченко «Социалистические преобразования в культуре и быте рабочих Крелевецкой ткацкой артели им. 20-летия Октябрьской

революции», Н. С. Полищук «О некоторых новых чертах коллективного отдыха горняков и металлургов Нижнего Тагила».

Третий этап охватывает исследования *со второй половины 1960-х гг. до середины 1970-х гг.* Особенностью его, по мнению авторов статьи, является то, что выходят работы, затрагивающие «городские» вопросы, с использованием материалов, разнообразных по тематике и методам исследований. Опираясь на данные, приводимые авторами, можно выделить несколько направлений в субдисциплине «этнография города» в данный период: 1) разработка наиболее *эффективных подходов* к изучению городского населения (С. А. Токарев, «О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран»); 2) исследование этнических процессов в советском городе (В. В. Покшишевский, «Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения»; Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова, «Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (программа и методика обследования)»); 3) *этносоциологическое* направление, возникшее на стыке социологии и этнографии, задачей которого было выявление путей социальной и национальной консолидации народов СССР (Дробужева Л. М., «Этносоциологическое изучение современности»; О. И. Шкаратан, «Этносоциальная структура городского населения Татарской АССР (По материалам социологического исследования)»); 4) исследование *межнациональных браков и семей* (А. Г. Трофимова, «Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник (по данным района имени 26 комиссаров, г. Баку)»; Ю. А. Евстигнеев, «Национально-смешанные браки в Махачкале»); 5) *этнодемографическое* направление, результатом изучения которого были богатые, по мнению исследователей, фактические данные о социальном и национальном составе населения (Н. Г. Волкова, «Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти»; Л. Ф. Моногарова, «Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения»; Э. К. Васильева, «Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 г. (По материалам социологического исследования)»); 6) изучение *материальной и духовной культуры* горожан, в частности поселений, жилища, одежды, питания, профессиональных занятий, общественных праздников, свадебных обрядов, а также исследование *связей городских семей с селом* (Г. В. Жирнова, «Русский городской свадебный обряд конца XIX – начала XX вв.» и «О современном городском свадебном обряде (По материалам экспедиции в малые и средние города центральной полосы РСФСР)»; Д. М. Коган, «Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города»); 7) продолжение исследования *рабочего класса* в городах (Ш.К. Аннаклычев, «К истории формирования рабочего класса Туркменистана»; Н. В. Юхневич, «Производственная жизнь рабочих как предмет этнографического изучения»); 8) исследование *ранних эпох* в истории городов (Г. В. Старовойтова, «Научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР»; М. Г. Рабинович, «Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт») [3, с. 23–29].

В целом, по мнению исследователей, к моменту выхода статьи О. В. Будиной и М. Н. Шмелевой в 1977 г. в этнографическом изучении города были достигнуты значительные результаты [3, с. 22]. Нужно также отметить, и позднее, вплоть до прекращения издания журнала «Советская этнография» в 1991 г., исследования городской проблематики в рамках обозначенных направлений занимали видное место на его страницах.

Таким образом, рассмотрев этнографические работы по проблеме города, считаем, что на страницах журнала «Советская этнография» город и его культурная специфика достаточно широко и глубоко изучались советскими учеными. Ими был сделан солидный задел для последующего развития субдисциплины «этнография города».

1. Рабинович М. Г. Город и традиционная культура // Советская этнография. – 1980. – № 4. – С. 12–23.

2. Будина О. В., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города // Советская этнография. – 1982. – № 6. – С. 27–39.

3. Будина О. В., Шмелева М. Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. – 1977. – № 6. – С. 21–31.

Е. А. Ерохина, С. А. Мадюкова, О. А. Персидская
Новосибирск, Институт философии и права СО РАН

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2014 Г.)

На основе результатов конкретно-социологического исследования, проведенного в Республике Алтай в 2014 г., авторы рассматривают особенности этносоциальных процессов и межэтнических отношений в регионе. В статье дана экономическая, социальная, политическая и культурная характеристика региона, обозначены зоны межэтнической напряженности. В частности, такой зоной является Кош-Агачский район республики, что обусловило сфокусированный интерес авторов к анализу этносоциальных процессов в данном районе.

Ключевые слова: межэтническое сообщество, этносоциальные процессы, этнокультурные процессы, коренные малочисленные народы Севера, кризис культуры.

Проблема гармонизации межэтнических отношений является одной из самых острых в эпоху глобальных изменений. В контексте современного геополитического кризиса, усиления этнонациональной и межконфессиональной напряженности в Восточной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке самого пристального внимания исследователей заслуживают те регионы России, где межэтнические контакты протекают наиболее интенсивно. И в первую очередь следует обратить внимание на этносоциальные и этнокультурные процессы как основные сферы развития межэтнических взаимодействий.

В качестве эмпирического объекта нами была выбрана Республика Алтай, полиэтничный субъект РФ, испытавший влияние суверенизации на рубеже 1980–1990-х гг. Процесс повышения статуса административного образования в составе Алтайского края до уровня субъекта федерации был пройден довольно быстро и относительно безболезненно. Он сопровождался выделением Горно-Алтайской автономной области из состава Алтайского края и преобразованием в Республику Алтай – самостоятельный субъект РФ.

В настоящее время данный регион является дотационным. Хотя Республика Алтай не обладает такой привлекательностью для трудовых мигрантов, как экономически более успешные регионы России, тем не менее она испытывает определенную миграционную нагрузку вследствие наплыва большого количества туристов. Соответственно, туристический бизнес во всем многообразии его проявлений и последствий довольно развит на Алтае, в особенности в Турочакском, Чемальском, Усть-Коксинском районах республики, что позволяет говорить о нем как об одной из самых доходных статей бюджета и населения республики, и региона в целом.

Титульное население республики достаточно весомо по численности и составляет ее треть (33,9 %). Кроме того, в структуре населения присутствуют русские (56,6 %), казахи (6,2 %), а также коренные малочисленные народы Сибири – теленгиты, тубалары, челканцы, телеуты (3,2 %). Стоит отметить, что в Республике Алтай проживает чуть более 200 тыс. человек, причем треть – в единственном городе республики, в Горно-Алтайске. Республика Алтай является трансграничным регионом. Доминирующей отраслью экономики региона является сельское хозяйство, в основном скотоводство, которое развивается усилиями личных и крестьянских (фермерских) хозяйств. Большая часть продукции производится в личном подсобном хозяйстве и потребляется членами семьи и ближайшими родственниками. Значительная часть населения, в некоторых районах республики доходящая до 80 %, не трудоустроена. Многие представители данной социальной категории, в том числе и те, кто официально зарегистрирован как безработный, по факту самозаняты в личном подсобном хозяйстве.

Однако это не снимает социальной напряженности, вызванной слабым экономическим потенциалом региона. В условиях кризиса данное обстоятельство, как показали выборы главы республики 14 сентября 2014 г., способно стать катализатором межэтнической напряженности, что, в частности, проявилось в разделении электората по этническому принципу.

Конкретно-социологическое исследование было проведено в Республике Алтай в 2014 г. Исследование проводилось методом целевой непропорциональной стратифицированной выборки, где в качестве страт выступали этнические группы населения Республики Алтай. Всего было опрошено 400 респондентов в Горно-Алтайске, Чемальском, Шебалинском и Кош-Агачском районах республики. Полученные результаты позволяют дать экономическую, социальную, политическую и культурную характеристику региона, обозначить зоны межэтнической напряженности.

Отношения между титульным этносом – алтайцами – и русскими большинство экспертов считают стабильными и мирными, подчеркивая, что за долгое время совместного проживания народы многое переняли друг у друга. Так, 60 % опрошенных заявляют, что межэтнические отношения в регионе за последние 2–3 года не изменились, при этом более трети респондентов в интервью и устных беседах говорят о низком уровне конфликтности межэтнических отношений в целом по республике и в том муниципалитете, где проживает респондент. Такая позиция отличает не только экспертов, но и в целом все население Республики Алтай.

Тем не менее в ходе исследования было выявлено несколько проблемных областей в отношениях между людьми разной национальности: в частности, это касается непропорционально высокого представительства алтайцев (титульного этноса) в органах власти, хотя их численность не превышает трети населения республики, выстраивания трудовых отношений на основе родственных связей. Борьба за власть на разных уровнях лидирует среди всех возможных причин, которые, по мнению экспертов, вызывают напряженность в отношениях между людьми разных национальностей: ее называют 58 % экспертов. Отметим также, что на вопрос интервью о возможном наличии зон напряжения нередко был ответ о том, что эти зоны существуют «в соседнем районе», но никогда – в месте постоянного проживания респондента.

Особо исследовательское внимание было сфокусировано на характере миграций в регионе и на взаимодействиях местного населения с мигрантами. Как представляется, в настоящее время отношения с мигрантами не являются значимой проблемой для местного населения. Региональная миграционная специфика характеризуется такими чертами, как преобладание внутренней миграции над внешней. Для титульного населения республики, алтайцев, более актуальна не иммиграция представителей других национальностей в республику, а миграция самих алтайцев из сельских районов в столицу республики. Значительное количество мигрантов переезжают в Горно-Алтайск из сел Онгудайского, Усть-Канского, Усть-Коксинского районов.

Отдельного исследовательского внимания, в том числе по мнению экспертов, заслуживает ситуация, связанная с политикой по отношению к коренным малочисленным народам (далее – КМНС*) в Республике Алтай. Эксперты отмечают недостатки законодательной базы, связанной с правами коренных малочисленных народов, ее непроработанность, то, что законы на практике не всегда согласуются с реальными нуждами населения. По результатам массового опроса, среди тех, кто определил свою национальность как теленгит, тубалар, челканец или кумандинец, подавляющее большинство (84 %) говорит о необходимости дополнительных мер по поддержке представителей КМНС государством. Кроме того, остро стоит проблема сохранения культур коренных малочисленных народов (табл. 1).

Как было отмечено экспертами, при том, что для сохранения алтайской культуры предпринимаются хотя бы какие-то усилия, культурные особенности челканцев, кумандинцев, тубаларов, теленгитов со временем теряются. Результаты массового опроса подтвердили выводы, полученные в результате экспертного опроса: среди проблем, которые могут оказать наибольшее губительное влияние на сохранение и развитие коренных малочисленных народов, сами представители КМНС выделили прежде всего сохранение и развитие родного языка. Также в качестве актуальных проблем можно отметить сохранение традиционной природной среды обитания, предоставление льгот по национальному признаку, улучшение условий жизни всех жителей Республики Алтай.

Помимо отдельных проблемных областей, связанных с этносоциальной спецификой в Республике Алтай, в ответах многих экспертов рефреном звучала тема, связанная с кризисом алтайской культуры. Хотя сохранению культуры на республиканском уровне уделяется особое внимание (так, в Конституции республики алтайский и русский языки равноправны, проводятся многочисленные алтайские

* Официальная аббревиатура; коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

праздники и т. д.), на деле культурная консолидация принимает скорее формальный вид. Тревожащие тенденции связаны с постепенной утратой алтайского языка: в школах алтайский язык не является обязательным предметом, учебники не переиздаются, молодежь и дети стремятся изучать русский (поскольку русский язык представляется более востребованным для получения или продолжения образования и / или трудоустройства за пределами республики). Фактически никто не занимается обновлением алтайского языка с учетом современных, недавно вошедших в лексикон слов, издается всего одна газета на алтайском языке, на улицах и трассах вывески на русском не дублируются на алтайском языке. Особенно тревожащими отмеченные тенденции представляются в свете анализа мнений жителей Республики Алтай по поводу актуальности для них проблем, связанных с языком, культурой, религией. Результаты массового опроса показывают, что от 92 до 98 % алтайских респондентов заявляют об актуальности и важности для себя знания языка своего народа, хотят соблюдать свои традиции и религиозные обычаи. Примечательно, что столь же высок процент тех, кто уверен в необходимости передачи знаний о языке и культуре своего народа следующему поколению – собственным детям. Можно предположить, что в этом желании выражено представление алтайцев о своем языке и культуре как об этноконсолидирующих механизмах.

Таблица 1

Проблемы, наиболее важные для сохранения и развития КМНС, в % от количества ответов

<i>Выявленные проблемы</i>	<i>В % от количества ответов</i>
Сохранение и развитие родного языка	81,4
Сохранение традиционной природной среды обитания	53,5
Увеличение численности представительства коренных малочисленных народов в органах власти и местного самоуправления	30,2
Возрождение традиционных религиозных верований	20,9
Улучшение условий жизни всех жителей города / поселка	41,9
Предоставление льгот и распределение материальных благ по национальному признаку	48,8
Борьба с алкоголизмом	37,2
Решение демографической проблемы путем возрождения семейных ценностей и роста рождаемости	23,3
Другое	7,0
Всего	344,2

Составлено по результатам конкретно-социологического исследования в Республике Алтай в 2014 г.; респонденты – теленгиты, тубалары, челканцы, кумандинцы

Каждый из районов и поселений республики обладает своей спецификой. Чем дальше от Горно-Алтайска, тем выше уровень безработицы, больше моноэтнических сел, в основном алтайских. Отношения между русскими и алтайцами серьезной проблемы не представляют. Куда более любопытными являются отношения между алтайцами и казахами, которые в Кош-Агачском районе республики составляют большинство населения. Эксперты заявляют, что в районе ведется «борьба за власть на местном и районном уровне между казахами и алтайцами», при этом казахская диаспора консолидируется, апеллируя к исламским ценностям.

И казахи, и алтайцы традиционно заняты скотоводством. Однако в постсоветский период у казахов появилась еще одна сфера приложения сил. Речь идет о трансграничной торговле: в Кош-Агаче проходит граница России с Монголией и Казахстаном. Так как в приграничных районах Монголии и Казахстана большинство населения так же, как и с российской стороны границы, составляют казахи, это дает данной этнической группе населения Кош-Агачского района определенные преференции в трансграничной торговле и усиливает их влияние в местном сообществе. Мигрантов с Кавказа и Средней Азии в селах этого района мы не встретили. Также здесь практически нет русских. Высокогорье, разреженный воздух, недостаток кислорода на высоте 2 000 м над уровнем моря, солончаковая степь, отсутствие деревьев делают условия жизни не менее сложными, чем на Крайнем Севере.

Алтайское население Кош-Агачского и соседнего с ним Улаганского района, самых высокогорных районов республики, относится к субэтнической группе алтайцев, теленгитам. Визуальной «границей», отделяющей две локальные группы алтайцев – теленгитов и алтай-кижи, или, как они еще себя называют, «верхних» и «нижних», – является перевал Чике-Таман. Он является естественной границей, отделяющей Сибирь от Центральной Азии, Чуйскую и Курайскую степи от долины Катуня. В 2000-х гг. теленгиты приобрели статус коренного малочисленного народа, однако лишь немногие теленгиты официально зарегистрировали свой статус. Первая причина заключается в том, что это трудозатратная процедура, которая предполагает гражданский процесс в суде, куда подаются документы на признание соответствующего статуса. В каждом сельском поселении (в Кош-Агачском районе нами было обследовано три теленгитских и одно смешанное поселение) нашлось не более 30 из 500 человек, прошедших эту процедуру. Другая причина заключается в том, что теленгиты, в отличие от северных алтайских субэтносов, в большей степени ощущают себя частью алтайского этноса.

Многие алтайцы считают, что признание статуса коренного малочисленного народа алтайскими субэтнотами ведет к этнической дифференциации, распаду этноса. По мнению местного населения, в этом случае численность титульного этноса может сократиться, а республика может лишиться статуса субъекта федерации, что, безусловно, является ценностью для алтайцев, источником их этнического престижа и самоуважения. Местные жители не исключают такого варианта развития событий, при котором Республика Алтай вновь может стать частью Алтайского края. Большинство населения республики, в том числе и русские, не хотят этого, так как полагают, что в этом случае власть будет еще более отчуждена от простого населения.

Возможно, озвученные проблемы объясняют, почему опрошенные нами на Алтае представители коренных малочисленных народов Севера (те, кто определил свою национальность как теленгит, тубалар, кумандинец или челканец, вне зависимости, подтвержден ли у респондента статус КМНС в официальных структурах) в большинстве не расценивают свое происхождение в качестве источника благ или дополнительных материальных ресурсов. Так, незначительная доля опрошенных (до 5 %) заявляет, что их национальность помогает и мешает им в жизни, а вот для 58 % представителей КМНС национальность не имеет значения.

Алтайское население Кош-Агачского района испытывает определенное напряжение и в связи с менее устойчивым экономическим положением большинства теленгитских семей, не столь экономически успешных, как казахские семьи. Так, например, теленгиты в меньшей степени заняты в торговле и предпринимательстве, нежели казахи. Торговля выступает той сферой, которая позволяет быстро приспособиться к экономическим изменениям, накопить первоначальный капитал для того, чтобы открыть свое дело. Данные сферы занятости более освоены казахами, нежели, например, алтайцами. Некоторый перевес казахского населения наблюдается в бюджетной сфере, на автотранспортных предприятиях и на дорожно-эксплуатационных участках. Кроме муниципальной службы, где местные теленгиты сохраняют некоторые позиции в управлении, алтайское население Кош-Агачского района занято в сфере образования и культуры, сельском хозяйстве, но в основном – в личном подсобном хозяйстве.

Таким образом, есть определенные основания для того, чтобы характеризовать Кош-Агачский район как зону потенциальной межэтнической напряженности. В то же время обращает внимание сохранение, несмотря на кризисные явления, взаимного уважения друг к другу народов Республики Алтай (русских, алтайцев, казахов), консолидация алтайских субэтносов вокруг идеи возрождения алтайского народа, актуализированная потребность ощущать себя россиянами всех жителей республики, вне зависимости от национальности и возраста.

М. А. Жигунова

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ДЕНЬ СИБИРИ – ВОЗРОЖДАЮЩИЙСЯ ПРАЗДНИК

В докладе рассматривается история Дня Сибири (возникшего в 1881 году в связи с празднованием 300-летия присоединения Сибири к России) и современные варианты отмечаемого этого праздника. На основе собранных материалов анализируется современное отношение к возрождению этого праздника. Региональные традиции возрождения этого праздника отличаются существенным многообразием, набирают все большую силу, способствуя росту сибирского патриотизма и распространению знаний о Сибири и сибиряках.

Ключевые слова: Россия и Сибирь; региональная сибирская идентичность и местный патриотизм; празднование Дней Сибири в царской России и современных сибирских городах; имидж сибирского региона.

В рамках многолетних исследований региональной сибирской идентичности автором совместно с Центром исследований «Транссибирский научный путь» и Лабораторией социальной идентичности Томского государственного университета в 2016 г. были проведены исследования, посвященные истории, культуре и современным проблемам Сибири. Респондентами являлись участники научно-культурного форума «Дни Сибири», жители сибирского и других регионов России, а также граждане Казахстана. В качестве одного из вопросов, задаваемых респондентам, звучал следующий: «Нужно ли вернуть в праздничный календарь России День Сибири?».

Впервые День Сибири отмечался в России 26 октября (8 ноября по новому стилю) 1881 года, в связи с празднованием 300-летия присоединения Сибири к России. Согласно летописным сведениям, именно в этот день легендарный казачий атаман Ермак со своей дружиной взял столицу Сибирского ханства – город Искер. Император Александр III обратился к сибирякам с Высочайшим посланием, в котором говорилось: «Надеюсь, что со временем, с Божьею милостью и помощью, обширный и богатый Сибирский край, составляющий уже три столетия нераздельную часть России, будет в состоянии нераздельно же с нею воспользоваться одинаковыми правительственными учреждениями, благами просвещения и усилением промышленной деятельности на общую пользу во славу дорогого нашего Отечества» [1, с. 21]. В честь Дня Сибири во всех крупных городах Азиатской России (Тобольск, Тюмень, Омск, Иркутск, Енисейск) прошли различные мероприятия: торжественные парады и заседания, литургии, танцевальные вечера и банкеты сибирской интеллигенции с выступлениями общественных деятелей, были выпущены специализированные номера местных газет и журналов, проведены презентации новых изданий, посвященных Сибири, открыты новые школы, библиотеки и т. д. [2]. Наиболее значимыми юбилейными событиями стали торжественные обеды в Москве и Петербурге, на которых присутствовали живущие в столицах сибиряки, а также те лица, чья судьба была связана с Сибирью [3; 4].

Для сибирских областников и их лидера Н. М. Ядринцева «юбилей был, главным образом, поводом для того, чтобы гласно заявить о сибирских нуждах, сплотить в борьбе за реформы сибирское общество. Ядринцев развил в эти дни удивительную активность, стремился внушить мысль, что юбилей очень важен, что он будет способствовать реформам, а празднование пробудит гражданские чувства сибирского общества и привлечет внимание к этой заброшенной стране» [5, с. 41; 6]. В статье, посвященной 300-летию Сибири, Н. М. Ядринцев писал: «Избрание срока для юбилея, само собою, вещь чисто условная, т. к. исторические дела завершаются не одним актом, но целым рядом их... В настоящую минуту, на грани 300-летия, наступает и для Сибири уже этот период сознательной жизни и понимания своей роли в будущем... Этим сознанием своего общечеловеческого существования и сознательным отношением к своей жизни начинается новый период сибирской истории» [7, с. 835].

День Сибири отмечался в России ежегодно до 1919 г. Затем традиция была прервана, поскольку 8 ноября в Советском Союзе праздновался другой значимый праздник, установленный в честь Вели-

кой Октябрьской социалистической революции. Я впервые услышала про День Сибири от известного сибирского историка А. В. Ремнева. С той поры я стала поздравлять с ним не только Анатолия Викторовича, но и всех своих знакомых. Интересно, что все очень удивлялись, поскольку ничего не знали про традиции празднования Дня Сибири, но воспринимали информацию о нем с интересом и позитивом. Сибирь – огромная и значимая для всей России территория, но о ней мало что знают. Для большинства жителей других регионов основной источник информации о Сибири – впечатления друзей, знакомых, родственников, побывавших здесь.

Возрождение Дня Сибири обязано общественной инициативе. После распада СССР с предложениями о возобновлении его празднования выступили сибирские краеведы. Движение за возрождение праздника в начале XXI в. охватило Алтайский и Красноярский края, Иркутск, Кузбасс, Новосибирск, Омск, Тобольск, Томск, Тюмень. Отношение к возрождению этого праздника неоднозначно. С одной стороны, подавляющее большинство опрошенных респондентов (как сибиряков, так и жителей других регионов России и Казахстана) выступают за восстановление праздника, полагая, что это мероприятие привлечет внимание к теме Сибири и ее проблемам, поможет познакомить с уникальным историко-культурным наследием сибирского региона. Неплохо было бы вернуть День Сибири в праздничный календарь России, чтобы россияне имели возможность узнать о Сибири много интересного. С другой стороны, часть мыслящих людей опасаются роста сибирского национализма и сепаратизма. Но, если следовать такой логике, то нужно запретить отмечать и дни улиц, и дни городов, чтобы они «не раскалывали российское общество». Предлагается также учредить в Москве Дни историко-культурных территорий (а не отдельных административно-территориальных единиц). Они могли бы не только выполнять информационную функцию, но и существенно сплотить страну, разделенную на области, края и республики.

Возникли разногласия по поводу статуса праздника: общероссийский или региональный? Была предпринята попытка придать Дню Сибири статус государственного. Так, 15 марта 2016 г. депутаты Государственной думы О. Н. Смолин и В. А. Ганзя внесли на рассмотрение в Комитет по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока законопроект № 1017737-6 «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России». В пояснительной записке к проекту федерального закона отмечалось: «Роль Сибири в истории России, в ее социально-экономическом и культурном развитии трудно переоценить. Пророчество М. В. Ломоносова о том, что богатство России будет прирастать Сибирью, полностью оправдалось. Здесь добывается 85 % российского природного газа, 60 % нефти, 75 % угля, выплавляется 75 % алюминия, расположены высокотехнологичные производства... Особо необходимо отметить вклад сибиряков в историю России, прежде всего в победу СССР в Великой Отечественной войне, в том числе в победу под Москвой» [8]. Но 21 апреля 2016 г. из-за отсутствия заключения правительства Российской Федерации законопроект был снят с рассмотрения советом Государственной думы.

Не существует единства в самом названии этого праздника: День Сибири / Дни Сибири, День благодарения Сибири, День свободной Сибири, День единения народов Сибири (Тюмень), День многонациональной Сибири (Минусинск) и др. Предлагаются и уже отмечаются различные даты (8 ноября, 5 августа, 17 июля, зима, весна, лето, осень и т. д.). В 2016 г. впервые в Томске были проведены Дни Сибири в рамках празднования 138-го дня рождения Томского государственного университета [9]. Причем празднование не ограничивается одним днем, а растягивается уже на 2–3 или даже 7 дней.

Формы проведения современного Дня Сибири многообразны: национально-культурный межрегиональный фестиваль, культурно-деловой форум, форум социального партнерства общества, власти и бизнеса; культурно-научный форум, военно-спортивный праздник, эколого-краеведческий тур и др. Их дополняют народные гулянья, театрализованные представления, концерты фольклорных, эстрадных и рок-коллективов; крестные ходы и благодарственные молебны, публичные лектории, научно-практические конференции и семинары, дискуссионные площадки, художественные и книжные выставки, музейные экскурсии, творческие конкурсы, спортивные соревнования, национальные сибирские игры и забавы, кинофестивали, фотоателье, в которых можно сфотографироваться в сибирских костюмах, ярмарки изделий народных ремесел и мастер-классы, выставки-продажи местных продуктов.

В настоящее время в организации этого праздника принимают участие не только общественные организации и фонды, национально-культурные объединения и фольклорные коллективы, но и органы государственной власти и местного самоуправления, епархий и митрополий Русской православной церкви, представители казачества, государственных учреждений науки, образования, культуры.

Региональные традиции возрождения этого праздника отличаются существенным многообразием, набирают все большую силу, способствуя росту сибирского патриотизма и распространению знаний о Сибири и сибиряках.

Несмотря на имеющиеся различия и противоречия, все празднования объединяет одно: стремление сохранить и развить многообразные сибирские культурные традиции, пропагандировать их лучшие образцы. Хочется верить, что возвращение в праздничный календарь России Дня Сибири поможет популяризации историко-культурного наследия, возрождению интереса к этой уникальной территории и ее позитивного имиджа. Что, наконец, у жителей европейской части России изменятся существующие уже не одно столетие стереотипы о сибирских морозах, сугробах и медведях, а их знания дополнятся разнообразными сведениями, которые помогут им полюбить этот зимне-холодный, но душевно горячий край. Ведь нельзя любить то, чего не знаешь!

1. Жизнь и царствование императора Александра III (1881–1894 гг.) / сост. свящ. Константин Кольков. – Киев, 1901.
2. *Шиловский М. В.* Празднование «сибирского дня» в дореволюционный период // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 2. – С. 12–15.
3. *Потанин Г. Н.* Официальное празднование 300-летия Сибири // Исторический вестник : ист.-лит. журнал. – 1883. – Т. X. – № 12. – С. 822–826.
4. 300-летие Сибири. Празднование в Петербурге и Москве дня 26-го октября 1581 года. – СПб., 1882.
5. *Ремнев А. В.* 300-летие присоединения к Сибири: в ожидании «нового исторического периода» // Культурологические исследования в Сибири. – 2007. – № 1 (21). – С. 34–50.
6. *Ядринцев Н. М.* Надежды и ожидания Сибири: (По поводу празднования сибирского юбилея) // Неделя [СПб.]. – 1881. – № 45. – 8 ноября.
7. *Ядринцев Н. М.* Трехсотлетие Сибири с 26 октября 1881 г. // Вестник Европы. – 1881. – Т. 6. – Кн. 11–12.
8. Законопроект № 1017737-6 «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”» // Государственная дума : официальный сайт. – URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=1017737-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=1017737-6) (дата обращения: 20.03.2017).
9. *Жигунова М. А.* Сибирь – территория любви // Наукоград : научно-популярное приложение к областной общественно-политической газете «Вечерний Томск. Итоги». – № 33. – С. 2–3.

Т. Н. Золотова

Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева

ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КОНСТАНТИНА И ЕЛЕНЫ У КРЫМСКИХ ГРЕКОВ

В статье рассматриваются исторические факты из жизни фракийских греков, обосновавшихся в XIX веке в Крыму, сохранение ими традиций в материальной и духовной культуре, современные реалии празднования панаира – храмового праздника в честь святых равноапостольных Константина и Елены в селе Чернополье Белогорского района Симферопольской области.

Ключевые слова: крымские греки, Чернополье, Панаир, церковь святых Константина и Елены, традиции, праздник, идентичность, единство.

В июне 2016 г. нами были проведены этнографические исследования в селе Чернополье Белогорского района Симферопольской области, основанном в 1869 г. фракийскими греками. Ис-

тория греческой диаспоры на Крымском полуострове полна драматизма. Русско-турецкая война 1828–1829 гг., разрушившая родное село Корфо-Колимбо в Восточной Фракии, дала толчок для переселения фракийских греков в Крым в 1830 г. Первоначально они селились в крымско-татарских селениях, продолжая традиции земледелия и виноградарства, принесенные с далекой родины, и не оставляя попыток обрести свой участок земли. По сохранившемуся преданию, место для поселения греков «указал» в видении после соборной молитвы почитаемый ими святой Константин – у источника с целебной водой, получившего название Ай-Асма, или Агиасма (греч. «святая вода»). Криница была освящена в честь святых покровителей равноапостольных царя Константина и царицы Елены, чья чудотворная икона была привезена из метрополии. Село, основанное на купленной вкладчину плодородной земле, получило название Карачоль (тюрк. «кара» – черная, «чоль» – земля). В 1913 г. была построена каменная церковь, освященная 21 мая (3 июня по новому стилю) во имя верховных равноапостольных Константина и Елены. Этот день торжественно отмечался в селе вплоть до закрытия храма в 1930 г. Новые трудности пришлось пережить крымским грекам в годы войны, когда в 1944 г. по распоряжению советского правительства 619 жителей села были депортированы в Пермский край. Возвращение произошло в 1969 г., о чем свидетельствует памятный знак, установленный в 2013 г. в центре села. После войны село было переименовано в соответствии с русской транскрипцией в Чернополье.

В настоящее время в селе проживает около 2 000 человек, по этнической принадлежности относящихся к грекам (около 40 подворий), русским, украинцам, крымским татарам. В 1990-е гг. греческой диаспоре удалось добиться права преподавания родного языка в местной школе. В 1999 гг. на средства Национального банка Греции было восстановлено здание церкви, являющейся средоточием духовной жизни православной общины Чернополья. В храме хранится целовальный крест с частицей Креста Господня, обретенного царицей Еленой, и около 60 икон, две из которых – с мощами святых Дионисия и Нектария – привезены из Греции. До последнего времени многие иконы имели «рубашки» – тканевые облачения, которые менялись в зависимости от праздника (каждому празднику соответствовал свой цвет ткани). Сейчас одевание «рубашек» перестали практиковать. В церкви хранятся три иконы святых Константина и Елены: одна в серебряном окладе и две – в деревянных киотах с позолоченными окладами. Самая древняя икона святых покровителей Чернополья, привезенная переселенцами из Фракии, хранится в домово́й церкви старейших жителей села и приносится в храм на престольный праздник 3 июня.

В селе успешно действует греческий культурно-этнографический центр «Карачоль», созданный в 1992 г. и сохраняющий традиции материальной и духовной культуры фракийских греков в воссозданном традиционном греческом доме. Возглавляет греческую диаспору Чернополья Ирина Константиновна Зекова, которая вместе со своими земляками перенесла все трудности военного и послевоенного времени.

Престольным праздником села Чернополье и одновременно Днем села является Панаир (греч. «праздник») – День святых равноапостольных Елены и Константина. Сегодня на этот праздник съезжается около тысячи гостей – представители греческих общин из Ялты, Феодосии, Симферополя, Старого Крыма, из Краснодарского края, Греции и Кипра. Греки приезжают на праздник за неделю до его начала, живут у своих родственников в разных населенных пунктах Крыма. Подготовка к празднованию включает в себя духовную (молитвы) и материальную (одежда, пища) составляющие. Женщины надевают лучшие платья и самые красивые платки. Мужчины являются ответственными за праздничный стол, сохраняющий обрядовый смысл.

Наиболее древним элементом праздника является обряд с жертвенным животным, который устраивается на рассвете возле храма. По словам нашего информанта Шоты Ивановича Балобанова (1947 года рождения, село Красноселье Симферопольского района), барана выбирают у овцевода, имеющего большие отары овец. Барашек должен быть в возрасте 7–8 месяцев и обязательно белый. На рассвете 3 июня 2017 г. все многочисленное семейство Шоты Ивановича (два брата, приехавшие с Кипра, и два брата, приехавшие с Крита, две дочери, два сына и девять внуков) собралось возле чернопольского храма. Шота Иванович как глава семьи три раза обвел жертвенное животное вокруг храма (это необходимо делать «противосолонь» – против солнца). Затем он должен был «по традиции» зарезать барашка на пороге церкви. Но сейчас этот обычай сохраняется в редуцированном виде: на пороге храма хозяин только надрезает ухо барашку и капельками крови рисует кресты на лбу себе, детям и внукам.

После окончания заутрени в храме началось торжественное богослужение с литургией, посвященное святым равноапостольным Константину и Елене. В службе, длившейся около трех часов, приняли участие шесть иерархов церкви из разных приходов Симферопольской и Крымской епархии и около сотни прихожан и паломников. Закончилось торжественное богослужение крестным ходом вокруг храма во главе с архимандритом Марком, заместителем Кизилташского Свято-Стефано-Сурожского мужского монастыря из города Судака. Шествие, как и жертвенный обход, совершалось «противосолонь», начиная от западного входа и заканчивая северным. Впереди священнослужитель нес распятие, а прихожане – икону Богородицы в серебряном окладе, лампаду и хоругви. Далее священники несли храмовую икону святых равноапостольных Константина и Елены (рис. 1). На каждой стороне света (у каждого входа в храм) перед этой иконой совершался молебен: над покрытыми епитрахилью женщинами архимандрит читал молитву, настоятель храма, иерей Дмитрий, совершал троекратное знамение золотым крестом со словами «Христос воскрес!», получая в ответ «Воистину воскрес!», затем отец Марк под пение певчих окроплял святой водой всех присутствующих. В конце обхода радостные и мокрые прихожане кричали: «Батюшка, давай из ведра – пусть дождь прекратится!»

Дождливая погода помешала в этом году совершить традиционный крестный ход на святую креницу, но люди, несмотря ни на что, пробирались по узкой грязной тропинке к святому источнику и черпали ведром воду, заполняя различные емкости. Основное праздничное действо развернулось на большой поляне, вдоль Симферопольско-Феодосийского тракта, возле поклонного креста (рис. 2). Здесь была оборудована сцена для концертных выступлений: изображение чернопольской церкви дополнялось флагами Греции и России и надписью «С престольным праздником святых Константина и Елены! Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое... На многие и благая лета» (последняя фраза написана и на греческом языке). В огромной натянутой палатке стояли длинные столы для приехавших в гости православных греческих общин. Часть столов была расположена на открытом пространстве. На столы поставили то, что привезли с собой (в основном помидоры, огурцы, перец, зелень, хлеб, сок, воду и вино), а основные обрядовые блюда – шурпу и плов из жертвенного барашка – каждая община или отдельная семья готовили рядом на кострах (рис. 3). Колоть и разделывать туши баранов не так давно стали не на пороге церкви, как было принято еще несколько лет назад, а на этой поляне, сохраняя обычай собирать все части тела убиенного животного для захоронения в укромном месте.

Торжественно-официальная часть праздника открылась приветствиями заместителя полномочного представителя президента РФ в Крымском федеральном округе В. А. Бобровского, заместителя председателя совета министров Республики Крым Н. Л. Янакий, представителей местной администрации, греческих национально-культурных автономий Крыма, гостей из Анапы и Выборга. В выступлениях отмечалась большая роль деятельности царя Константина и матери его Елены для сохранения и развития христианской цивилизации, вспоминались исторические факты из жизни греческой общины на полуострове, подчеркивалось единство живущих рядом греков, русских, украинцев, крымских татар и представителей других национальностей Крыма, которых собрал вместе престольный праздник маленького села. После официальной части начался концерт, в котором выступил сборный хореографический коллектив, состоявший из юношей-танцоров, приехавших из греческого города Салоники, и девушек из ансамбля «Артемис» национальной автономии греков Крыма «Таврида». Зажигательные народные танцы не оставили никого равнодушными: зрители хлопали, подпевали и плясали прямо на траве. Тепло воспринимался и русский фольклорный коллектив из Белогорского дворца культуры. Особенно трепетно встретили зрители детский коллектив из местной школы: дети 10–12 лет в народных костюмах исполнили песни на греческом языке. После окончания концерта все желающие разных возрастов вышли на сцену, где вместе с участниками ансамбля «Артемис» больше часа танцевали сиртаки. За столами произносились здравицы за греческую общность, за Россию и ее президента, который объединил, по мнению понтийских греков, «Западную и Восточную империю». Пожилые греки не только угощались национальными блюдами, но и пели свои традиционные песни на родном языке. Иерархов церкви приглашать к столу никто не торопился, и они долго стояли в стороне от общего веселья, демонстрируя собой отношение греков не только в Греции, но и в России к служителям культа как к работникам, исполняющим требы, в отличие от отношения к священникам у русских, для которых настоятель храма является духовным пастырем и отцом.

Рис. 1. Крестный ход, с. Чернополе Белогорского р-на Симферопольской области, 3 июня 2016 г.
Фото Т. Н. Золотовой

Рис. 2. Место празднования, с. Чернополе Белогорского р-на Симферопольской области, 3 июня 2016 г.
Фото Т. Н. Золотовой

Рис. 3. Приготовление шурпы, с. Чернополе Белогорского р-на Симферопольской области, 3 июня 2016 г.
Фото Т. Н. Золотовой

Наблюдение за празднованием храмового праздника святых равноапостольных Константина и Елены в селе Чернополье позволило сделать вывод о частичном сохранении греческих традиций в языке, песенном фольклоре, одежде (в основном в женских головных уборах), в религиозных обрядах (часть которых восходит к язычеству) и в отношении к священнослужителям. Народная хореография сохраняется в сценическом варианте, а «самым народным» среди греков считается танец сиртаки, созданный в 1964 году для фильма «Грек Зорба» на основе хасапико (старинного танца воинов) на музыку Микиса Теодоракиса. В национальной кухне греков Крыма переплелись традиции, принесенные из метрополии (предпочтение овощей и продуктов виноградарства) и возникшие, вероятнее всего, под влиянием местной тюркской кухни (шурпа и плов). Возрожденный более двадцати лет назад храмовый праздник святых Константина и Елены явился следствием и, одновременно, мощным фактором идентификации и объединения православных греков не только одного села, но и всего Крыма. Вместе с тем чернопольский храм является местом, объединяющим православных жителей полуострова вне зависимости от их этнической принадлежности.

А. А. Ильина

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ И СЕЛ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ)

В статье представлены первые результаты изучения новой для автора темы – национально-культурных объединений малых городов и сел. Рассматривается история ряда национально-культурных объединений малых городов и сел Омского Прииртышья (на примере казахских и татарских), основные направления их деятельности, приводятся методы их исследования. Выявляются сходство и две особенности национально-культурных объединений малых городов и сел в сравнении с национально-культурными объединениями крупных городов.

Ключевые слова: национально-культурные объединения, казахи, татары, малые города, сельская местность, Омское Прииртышье.

На рубеже 1980–1990-х гг. на фоне процессов возрождения национального самосознания в СССР, а затем в России началось создание национально-культурных объединений (НКО) – добровольных объединений граждан определенной национальности, как правило, имеющих форму общественного объединения (реже – действующих в виде неформального образования), созданных с целью удовлетворения потребностей в общении с представителями своей национальности, возрождения, сохранения и популяризации этнической культуры, а также сохранения родного языка и этнической самобытности. Пик создания национально-культурных объединений в России пришелся на конец 1990-х – начало 2000-х гг. Следует отметить, что интерес к национально-культурным объединениям не исчезает как у исследователей, так и у представителей различных национальностей, а процесс образования новых НКО не завершается к настоящему времени.

Целью данной статьи является знакомство широкой научной аудитории с результатами изучения национально-культурных объединений малых городов и сел казахов и татар Омского Прииртышья в 2016 г. До недавнего времени автор уделял внимание исследованию НКО крупных городов – в основном областных и краевых центров, поскольку именно здесь отмечается наибольшая концентрация НКО, что облегчает процесс исследования. Установлено, что НКО крупных городов во многом взяли на себя задачу сохранения и воспроизводства этнической культуры и родного языка [1, с. 14–15]. Казахские и татарские национально-культурные объединения действуют в Омске с 1989 г. В сельских же районах Омского Прииртышья сформировались качественно иные, во многом уникальные возможности для сохранения казахской и татарской этнической культуры и родного языка, в особенности

в южных районах, для которых традиционно характерно компактное расселение казахов, и северных, для которых характерно компактное расселение татар. Можно утверждать, что сохранение казахской и татарской культуры и языка здесь происходит более продуктивно.

В 2016 г. автором впервые было начато исследование НКО малых городов и сел. В рамках работы Международной казахской археолого-этнографической экспедиции было проведено исследование национально-культурных объединений казахов Таврического и Одесского районов Омской области, а в рамках работы Татарского этнографического отряда – национально-культурных объединений татар с. Уленкуль Большереченского района Омской области и г. Тара Омской области. Отметим, что данные районы были выбраны не случайно, а в связи с компактным проживанием здесь казахов и татар. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., процентное соотношение казахов в общей численности населения Таврического района Омской области составляет 9,89 %, Одесского района Омской области – 4,92 %; процентное соотношение татар в общей численности населения Большереченского района Омской области – 11,2 % (причем в с. Уленкуль Большереченского района, где находится Центр татарской культуры, татары составляют практически 100 % населения), Тарского района Омской области – 7,9 % [2]. Кроме того, именно в указанных районах созданы и действуют НКО казахов и татар: в р. п. Таврическое – Центр казахской культуры «Достык» муниципального бюджетного учреждения культуры «Центр народной культуры и досуга» Таврического муниципального района, в с. Одесское – студия казахского национального творчества «Замандастар» Одесского районного культурно-досугового центра, в г. Тара – Центр татарской культуры «Нур» Объединения национальных культур «Дом дружбы» муниципального бюджетного учреждения культуры «Тарский культурно-досуговый центр «Север», в с. Уленкуль Большереченского района – Уленкульский центр татарской культуры – филиал бюджетного учреждения культуры Большереченского муниципального района Омской области в сфере культурно-досуговой деятельности и библиотечного обслуживания населения «Культура».

Рассмотрим вкратце историю данных национально-культурных объединений (отметим, что казахские национально-культурные объединения в сельской местности Омского Прииртышья образовались по времени раньше, чем татарские, несмотря на то, что в областном центре, как уже отмечалось, НКО казахов и татар были созданы в один год – в 1989 г.).

В 1994 г. в р. п. Таврическое при поддержке администрации района при районном доме культуры был открыт Центр казахской культуры «Достык». В момент создания центр сразу же получил бюджетную ставку руководителя центра. К настоящему времени Центр казахской культуры «Достык» имеет три бюджетных ставки – руководителя центра (Н. А. Тасина), преподавателя казахского языка, музыкального работника и преподавателя хореографии (по полставке).

Работа Центра казахской культуры «Достык» способствует сохранению традиций и обычаев казахов и культуры казахского народа, пропаганде родного языка на территории Таврического района. Практически с самого создания центра при нем действует кружок народоведения, в котором дети изучают историю казахского народа, знакомятся с самобытной казахской культурой, традициями и обычаями, с казахским фольклором. В 1997 г. при центре был создан казахский фольклорный ансамбль «Мереке» (руководитель Н. Н. Тасин), а также кружок эстрадного пения. Творческие коллективы и солисты Центра «Достык» осуществляют гастрольную деятельность, участвуют в районных и областных мероприятиях, концертах, конкурсах. Силами центра организуются выставки казахского народного творчества в Таврическом районном краеведческом музее и Центре народной культуры и досуга, регулярно проводятся культурно-досуговые мероприятия для казахов района всех возрастов. С 1997 г. при Центре казахской культуры «Достык» работает кружок казахского языка для детей 6–15 лет (руководитель Б. У. Кагина).

В Одесском районе Омской области с 1996 г. ведет работу студия казахского национального творчества «Замандастар». Первым руководителем студии являлся Р. Х. Оспанов, а его заместителем – К. А. Оспанова (в настоящее время они поменялись ролями). До 2004 г. студия действовала как неформальное клубное объединение, однако местные учреждения культуры предоставляли студии свои помещения для репетиций и концертные площадки для выступлений. Созданию студии предшествовал этап существования домашнего казахского клуба, на заседаниях которого у казахов р. п. Одесское постепенно возрождалось желание говорить на родном языке, петь народные песни, носить национальную одежду и т. д. В первые годы своей работы члены студии «Замандастар» принимали участие

в конкурсах на звание лучшей национальной семьи, устраивали постановки мини-театров, налаживали связи с казахским населением других районов Омской области и Республикой Казахстан. При студии казахского национального творчества с самого начала действует хореографический кружок. Усилиями активистов студии при Одесском доме детского творчества был создан кружок казахского языка. Однако кружок проработал только один год. По словам бывшего руководителя студии «Замандастар» Р. Х. Оспанова, сказались нежелание родителей обучать детей родному языку, а также кадровая проблема – отсутствие желающих вести данный кружок.

В 2004 г. студия «Замандастар» приобрела звание образцовой, что дало ей возможность получить две штатных ставки (руководителя и концертмейстера). Работа хореографического кружка вышла на новый уровень. Студия начала развивать такие направления, как казахское народное пение, прикладное творчество, художественное чтение, а также сбор фольклорных материалов в поездках по казахским аулам Одесского района.

В июне 2004 г. начал свою работу Центр татарской культуры «Нур» г. Тара, созданный по инициативе местных активистов из числа татар (отметим, что Центр татарской культуры «Нур» как подразделение Тарского культурно-досугового центра «Север» имеет несколько бюджетных ставок). Первым руководителем центра была Р. Ф. Курманова (нынешний, второй по счету руководитель – Г. М. Сатышева). Открытию Центра татарской культуры предшествовало создание детского татарского клуба «Якташ» при Центре детского творчества г. Тары. С первых дней работы в Центре татарской культуры действует вокальный ансамбль «Нур» (первый руководитель – Р. Ф. Курманова, аккомпаниатор – Ч. К. Фатхутдинова), лауреат многих районных и областных конкурсов и фестивалей. Члены Центра татарской культуры «Нур» и одноименного вокального ансамбля, помимо своей творческой деятельности, постоянно принимают участие в этнофестивале «Вековые традиции Тары», научно-практической конференции «Вагановские чтения», международной конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития», межрайонном фестивале «Сибирлар монь», областном празднике «Певческое поле», городских и районных культурных мероприятиях, а также национальных праздниках Сабантуй, Навруз, Каз омэсэ, Карга боткасы и др. Центр татарской культуры г. Тары совершает концертные поездки в села Тарского и соседнего районов Омской области с компактным проживанием татар (д. Курманово Знаменского района, д. Сеитово и д. Ишеево Тарского района и др.), проводит различные мастер-классы, курсы и прочие мероприятия.

В 2006 г. в с. Уленкуль Большереченского района был создан Центр татарской культуры (первый руководитель З. А. Рахмангулова, нынешний, второй по счету руководитель – Р. Р. Давлетбагина). Можно сказать, что Уленкульский центр татарской культуры вырос из фольклорно-этнографического ансамбля «Наза», который был основан в с. Уленкуль в 1989 г. (до 2008 г. ансамблем руководила Л. Ш. Жунусова, с 2008 г. – Н. Р. Ширбагина). Ансамбль «Наза» ведет сбор местного фольклорного и этнографического материала. В его репертуаре в основном старинные народные песни сибирских татар, народные переpleсы, сценическая обработка народных обрядов. В 1999 г. ансамбль «Наза» был удостоен звания «Народный ансамбль» и неоднократно подтверждал это звание.

В Уленкульском Центре татарской культуры восемь постоянно работающих творческих коллективов (помимо ансамбля «Наза», это молодежный ансамбль «Сайлян», детские ансамбли «Салават купере» и «Голляр», танцевальная группа «Энже» и др.). Основными направлениями деятельности центра являются сохранение татарской культуры и родного языка, популяризация фольклорных традиций сибирских татар, музейно-этнографическая и концертно-развлекательная деятельность, привлечение к занятиям национальным творчеством детей и молодежи. При центре функционирует краеведческий музей, который пользуется большой популярностью у населения. Уленкульский центр татарской культуры имеет несколько бюджетных ставок (руководителя центра и руководителей творческих подразделений).

Следует отметить, что по методам исследования изучение НКО малых городов и сел не имеет отличий от НКО крупных городов. Перечислим используемые методы исследования: метод интервью (с руководителями, активистами, со «старожилами» НКО; если есть молодежные подразделения, то с представителями молодежи), метод наблюдения (посещение НКО, визуальный осмотр, фотосъемка помещения, присутствие на собраниях, присутствие на репетициях и мероприятиях), работа с документами НКО, с их архивами, а также работа с материалами местной прессы в библиотеках.

Проведенное исследование выявило как особенности НКО малых городов и сел в сравнении с НКО крупных городов, так и сходство. Так, сходством НКО малых городов и сел с НКО крупных городов, согласно проведенному исследованию, является общность их корней и истоков: как рассмотренные в рамках данной статьи НКО, так и изученные автором ранее выросли либо из самостоятельных творческих коллективов, либо из неформальных клубных формирований (групп единомышленников).

Первой особенностью НКО малых городов и сел является их тип согласно ранее предложенной автором классификации НКО [3, с. 80–81]. Так, все рассмотренные в рамках данной статьи НКО являются национально-культурными центрами – многопрофильными учреждениями культуры, действующими как подразделения бюджетных учреждений культуры и имеющими штатные ставки. Что касается НКО крупных городов, то согласно указанной классификации они относятся либо к собственно национально-культурным объединениям, либо к национально-культурным автономиям, т. е. их организационно-правовой формой является общественная организация. Следует отметить, что ранее проведенные автором исследования показали, что национально-культурные центры для сохранения национальной культуры и родного языка являются более продуктивными в сравнении с национально-культурными объединениями и национально-культурными автономиями, так как проводят более системную работу. Таким образом, большую роль в сохранении национальной культуры в сельской местности и малых городах играют государственные (муниципальные, бюджетные) учреждения культуры (дома культуры, культурно-досуговые центры, дома творчества) и национально-культурные объединения, действующие при них.

Вторая особенность НКО малых городов и сел вытекает из отличий жизни в малых городах и селах в сравнении с жизнью в крупных городах. Именно малый размер населенного пункта, повышенная концентрация здесь казахов или татар, компактность их проживания положительно влияют на возможности НКО по сохранению национальной культуры и родного языка. На практике получается, что деятельность НКО в малых городах и, в особенности, в селах охватывает в процентном соотношении большее количество представителей своей национальности, чем в крупном городе. Руководители сельских НКО отмечают, что из-за компактности проживания жители сел лучше знают родной язык по сравнению с жителями крупных городов, больше вовлечены в национально-культурную жизнь. Таким образом, НКО малых городов и сел довольно эффективно справляются со своими непосредственными задачами.

1. *Ильина А. А.* Национально-культурные объединения современной России: нормативно-правовые основы деятельности, этапы формирования, классификация // Культурологические исследования в Сибири. – 2012. – № 4. – С. 14–21.

2. Численность населения наиболее многочисленных национальностей Омской области. – URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/03036c004e42f6a084ced4395b460ee0/2012-08-14_po.htm (дата обращения: 12.10.2016).

3. *Ильина А. А.* Национально-культурные объединения в регионе: к вопросу о классификации национально-культурных объединений // Региональная культурная политика: теория и технологии развития : сб. науч.-метод. статей. – Омск, 2010. – С. 79–81.

Н. В. Кабакова

Омск, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ТАРСКОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (1840–1850-Е ГОДЫ)

В статье раскрываются некоторые особенности переселений государственных крестьян из малоземельных европейских губерний России в Тарский округ Тобольской губернии (количество прибывших, места выхода и размещения). Приток мигрантов происходил в соответствии с реформой П. Д. Киселева в 1840–1850-е гг., большинство его составляли представители русского населения, которые впоследствии дополнили костяк сибирских старожилов. Исследование выполнено на основе архивных данных – материалов губернаторских отчетов, административной переписки.

Ключевые слова: переселенцы, малоземельные губернии европейской России, Тарский округ, Тобольская губерния.

В 1868 году в Тарском округе Тобольской губернии насчитывалось 412 населенных пунктов, из них 348 (или 84,5 %) были русскими (города, села, слободы, деревни, выселки, заимки). Тогда же русские жители составляли 89,8 % (82 228) всего населения округа [1, с. 189]. По официальным данным, приращение населения в предыдущие десятилетия совершалось здесь двумя способами – перевесом рождаемости над смертностью и переселением из других губерний по распоряжению правительства и по собственному желанию. Приток новых жителей периода 1840–1850-х гг. был направлен в Омское Прииртышье в соответствии с реформой П. Д. Киселева, разрешавшей государственным крестьянам, населявшим малоземельные губернии Российской империи, перебираться на новые места [2; 3]. В то же время число мигрантов не было постоянной величиной. В чиновничьей переписке неоднократно отмечалось, что переселение из внутренних губерний в Западную Сибирь в начале 1840-х гг. было самое ничтожное [4, л. 35]. Так, в Тарский округ в 1841 г. прибыли переселенцы из Смоленской и Калужской губерний – 26 семей (на одну семью в среднем приходилось по 8,2 чел.), всего 115 д. м. п. и 97 д. ж. п. Размещены они были в Бергамацкой волости в разные деревни. В 1841 г. прибыли 2 семьи (5 чел.) из Тамбовской губернии, определены в село Муромцово той же Бергамацкой волости [5, л. 48]. В дальнейшем приток переселенцев происходил неровно. Значительное число новоселов приехало в 1842 году, когда Тарский округ пополнился крестьянами из Смоленской и Пензенской губерний – 138 семей (по 7,1 чел. на одну семью в среднем). Всего прибыло 515 д. м. п. и 461 д. ж. п. Размещены они были в ту же волость по разным ее деревням. В 1843 г. из Смоленской и Рязанской губерний перебрались 19 семей, включавших 66 д. м. п. и 60 д. ж. п. (по 6,6 чел.). Их, а также 1 семью (супружескую пару) из Калужской губернии определили в Бергамацкую волость.

С начала 1850-х гг. приток новоселов из малоземельных губерний России вырос многократно. В 1851 г. из Пензенской губернии переехали 242 семьи (845 д. м. п. и 799 д. ж. п.). 134 семьи были размещены в Нижнеколосовской волости (деревни Мамизерова, Михайловка), 108 семей – в Бергамацкой волости (в слободе Бергамацкой, селе Муромцово, разных деревнях). В том же 1851 г. в Тарский округ прибыли переселенцы из Полтавской губернии. 9 семей (13 д. м. п., 14 д. ж. п.) были определены в деревню Таскатлинскую Нижнеколосовской волости. В 1852 г. крестьяне из Черниговской, Пензенской, Полтавской губерний, всего 189 семей (560 д. м. п. и 532 д. ж. п.), расселены в разные деревни Нижнеколосовской волости. Наконец, в 1853 г. 427 семей (1 672 д. м. п. и 1 400 д. ж. п.) из Орловской, Пензенской, Курской губерний причислены в Нижнеколосовскую волость (деревни Логинова, Аникина и др.).

Всего за период с 1840 по 1853 гг. в Тарский округ переселилось из европейских губерний 1 070 семей (3 822 д. м. п. и 3 383 д. ж. п.) [5, л. 49–58; 6, л. 36–37 об.]. На одну семью в среднем приходилось по 6–7 человек.

В административной переписке указывались места выхода государственных крестьян, прибывавших в Западную Сибирь из Псковской, Пензенской, Полтавской, Курской, Калужской, Воронежской, Смоленской, Орловской, Тамбовской, Рязанской, Московской, Витебской, Черниговской губерний. Как видим, по-

давляющее большинство перечисленных великороссийских губерний дали пополнение своего населения (в подавляющей части – русского) и в Тарский округ. Новоселы распределялись как в старожильческие деревни, так и водворялись на новые места в образованные с этой целью селения. В документах упоминается, что в 1853 г. для мигрантов в Западной Сибири было создано 35 новых селений [7, л. 20 об.].

В Тарском округе наибольшее количество переселенцев приняла Бергамацкая волость. По данным, представленным в 1851–1852 гг. за предыдущий год, количество вновь прибывших было здесь всего только в 2 раза меньше, чем старожилов (см. таблицу), которые стали заселять и осваивать этот район всего лишь несколько десятилетий назад и сами изначально являлись переселенцами.

Количество старожилов и переселенцев в волостях Тарского округа в 1850 году

Волости	Старожилы		Переселенцы	
	д. м. п.	д. ж. п.	д. м. п.	д. ж. п.
Бергамацкая	2 588	2 825	1 445	1 357
Викуловская	1 876	2 013	2	2
Такмыкская	2 217	2 431	17	14

Составлено по: [8, л. 273–292]

Архивные документы донесли до нас и многочисленные поименные списки тех, кто расстался с привычными устоями и отправился жить в далекую незнакомую Сибирь. В качестве примера в приложении приведен один такой список. Из 42 семей, вышедших из Полтавской губернии, до конечного пункта следования – Тарского округа – добрались только 9. Новоселы прибыли далеко не в том составе, в котором отправлялись в сложный путь: из 39 человек до места дошли только 27 (остальные умерли или заболели). Чиновничья переписка не донесла до нас сведений о том, оставлены ли они были в конечном счете в деревне Таскатлинской Нижнеколосовской волости, либо определены в другое место, но дальнейшую их судьбу возможно восстановить по материалам ревизий.

Таким образом, следует говорить о неотъемлемости современной Сибири от России, поскольку ее русское население в своих современных формах складываясь на протяжении долгого времени, в частности, в 1840–1850-е гг., и, несмотря на многочисленные первоначальные трудности, успешно адаптировалось и ныне развивается в рамках российской государственности.

Приложение

Из переписки Полтавской палаты государственных имуществ о выпущенных ею на переселение 42 семейств государственных крестьян в Тобольскую губернию (10 июля 1851 г. – 26 мая 1854 г.) [ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3117]

Во время следования партии <...> претерпевали упадок лошадей, рогатого скота, расстройство обоза. <...> Люди от болезней, усталости, скудости, за неимением теплой одежды, а при том довольно число на пути новорожденных младенцев, вдовы с маленькими детьми, окруженные совершенной бедностью в такой дальний путь <...> зимой следовать не могут. Просят разрешить им перезимовать на обывательских квартирах... [л. 24].

36 семейств прибыли в ноябре в Ялуторовский округ [л. 29]. <...> Поиздержав все деньги и будучи в бедном состоянии просили оставить их здесь на зимовку, а если возможно, то назначить им водворение в здешнем округе, а не в Тарском. <...> Из них 9 семей (27 человек) дошли до Тарского округа Нижнеколосовской волости деревни Таскатлинской и размещены на квартирах. Именной список этих семей с перечислением имущества, с которым они прибыли в Сибирь:

Николай Ленивый, 30 лет (1 полушубок)

Гордей Неделько, 50 лет (2 полушубка)

Его жена Агафья, 40 лет

Их дети Варвара, 19 лет, Домна, 9 лет

Илья Клочко, 50 лет (1 полушубок)

Его жена Анна, 50 лет

Их дети Марья, 20 лет, Афросинья, 18 лет, Евгения, 10 лет

Яков Тесленко, умер в пути (3 полушубка)
 Его жена Марфа, осталась за болезнью в Кургане
 Их дети Григорий, 16, Денис, 15 лет, Прасковья, 13 лет, Акулина, умерла в пути
 Афанасий Курило, 25 лет (1 полушубок)
 Его брат Дорофей, остался за болезнью
 Его жена Евгения, умерла в пути
 Их дети Матрена, Федора, Карп, Петр (дети оставлены с отцом)
 Давыд Бунго, 18 лет
 Его сестра Анна, 20 лет
 Еким Моромчиненко, 37 лет (3 полушубка)
 Его жена Прасковья, умерла в пути
 Их дети Ефим, 14 лет, Марья, 5 лет
 Спиридон Пономаренко, 50 лет (3 полушубка)
 Его жена Марфа, 40 лет
 Их дети Павел, 6 лет, Самойло, 5 лет, Анистья, 16 лет, Афанасья, умерла в пути, Афанасья же, 10 лет
 Филипп Царев, вдов, умер в пути (2 полушубка)
 Его дети Данило, 15 лет, Крестина, 14 лет [л. 36].

1. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. – СПб., 1871.
2. Кабакова Н. В. К вопросу о деятельности сибирских властей в организации переселений государственных крестьян в Тобольскую губернию (1840-е гг.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. тр. – Омск, 2016. – С. 251–257.
3. Кабакова Н. В. Формирование населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. – Омск, 2008.
4. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 1994.
5. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3121.
6. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3117.
7. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3712.
8. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3096.

Б. Ю. Кассал

Омск, государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ЛОВУШКИ ДЛЯ РЫБЫ – ОБЪЕКТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ

В зависимости от гидрологической характеристики водоема использовались различные ловушки для рыбы. При помощи визуальной и картографической оценок на территории Омской области выявлены места расположений сезонных и внесезонных (круглогодичных) разноуровневых многоступенчатых систем ловушек для рыбы. Для понимания деталей использования систем ловушек необходимы полевые геодезические исследования с реконструкцией существовавших систем и проверкой их эффективности, а для обнаружения новых систем ловушек нужны соответствующие полевые и архивные исследования.

Ключевые слова: ловушка для рыбы, система ловушек, разный уровень, многоступенчатость, сезонность.

Еще в недавнем прошлом обитатели Западной Сибири, в частности Среднего Прииртышья, в процессе выживания находились в сильной зависимости от природных условий. Для устройства ловушек

животных разных таксономических групп они использовали рельеф местности и другие особенности среды обитания. До настоящего времени известны ловушки для рыбы типа «верша»; сто лет назад и много ранее их изготавливали из ивовых прутьев, а сейчас под названием «морда», «мордушка» делают из проволоки, сетки-рабицы и других современных материалов. Внутри этой ловушки закладывали пищевую приманку, вплоть до размочаленных крахмалсодержащих корневищ тростника, кубышек и кувшинок; ловушку погружали на мелководье под воду и веревкой привязывали к чему-либо на берегу – камню, дереву, основанию куста. Заходящая внутрь через конусовидную горловину рыба выбраться наружу уже не могла, утыкаясь в торец замкнутой ловушки под продольной горловиной и не умея подняться к выходу из нее. Приходящий за добычей рыбак вытаскивал ловушку на берег, отвязывал крышку на противоположном от конусовидного входа торце, вытряхивал добычу, обновлял приманку и устанавливал ловушку вновь. Использовать ее можно было и в теплое, и в холодное время года в полынье подо льдом. Эта ловушка предназначена для растительноядных рыб, является переносной и может быть установлена в любом непроточном водоеме.

Вершу можно использовать автономно, но наиболее эффективна она в качестве элемента более сложных конструкций. Наименее сложная из них представляет собой вершу с раскинутыми в стороны прикрепленными плетеными крыльями – вентерь, устанавливаемый в проточном водоеме (реке или временном водотоке) поперек течения, с закреплением на дне кольями. Крылья вентера направляют рыбу к горловине ловушки, попадая в которую, она уже выбраться наружу не может. Эта ловушка также является переносной, предназначена для растительноядных и хищных рыб и может быть установлена на мелководье в любом проточном водоеме.

Более сложная ловушка предполагает полное перегораживание малых речек или временных водотоков заборами из кольев или плетнями («заплот»), в отверстия в которых вставляют верши горловинами как по течению, так и против течения. По сути, такая ловушка представляет собой комплекс из вентерей, в котором роль крыльев выполняет погруженный под воду забор. Но эта ловушка является стационарной, и перенести ее можно, только разрушив, хотя отдельные элементы – верши – взаимозаменяемы, а сам забор может обновляться.

Заходящая во время половодья на нерест рыба с высокой водой проникала высоко вверх по руслу речки или временного водотока, а когда вода к летней межени спадала, постепенно была вылавливалась ловушками в этих заборах. Такой способ добычи рыбы практикуется до настоящего времени не только аборигенным населением в таежной зоне Западной Сибири, но и потомками российских переселенцев в лесостепной зоне: в 1970-х гг. р. Большой Аев от слияния с р. Ошой вверх до с. Большие Уки через каждые 25–80 м была перегорожена такими заборами со вставленными в них ловушками [1; 2]. На следующий год ловчий цикл, после ремонта заборов и обновления вершей, повторяется вновь.

Существуют еще более сложные ловчие устройства, с использованием плетеных заборов и ловушек-вершей. Одно из них удалось обнаружить и исследовать на р. Тара в окрестностях старинной татарской д. Черталы в Омской области.

Д. Черталы располагается на надпойменной левобережной террасе р. Тара, которая в этом месте имеет хорошо проработанную долину, в которой лежит большая речная петля-меандра. До того, как в середине XX в. торфяные болота на водосборе реки подверглись осушительной мелиорации, они в качестве естественного резервуара накапливали в себе воду, отдаваемую в реку, обеспечивая ее полноводность. В период весеннего половодья вода в р. Тара поднималась на 3–6 м, заливая всю речную долину и широким потоком покрывая все меандры русла, отмели, острова и полуострова. А через какое-то время уровень воды постепенно снижался, освобождая из-под поверхности затопленные гривы и другие возвышения, а затем поток и вовсе возвращался в русло. Полуостров в меандре реки вблизи д. Черталы был чрезвычайно удобным местом для устройства сложной системы ловушек с использованием множества вершей. В ходе натурного исследования в 2008–2011 гг. в составе экспедиции Русского географического общества удалось обнаружить следы замытых каналов, формирующих единую водопропускную систему [3; 4].

Работала эта ловушка следующим образом. Во время весеннего высокого стояния уровня воды рыба заходила на покрытые водой отмели – гривы возвышения внутри меандры, а с постепенным снижением уровня воды скатывалась в становящиеся замкнутыми или до поры остающиеся проточными межгривные понижения. С началом уменьшения уровня воды формирующиеся поверх внутренней части меандры водотоки перекрывались заранее заготовленными заборами со вставленными

в них вершами, а затем, при необходимости, замыкавшиеся водоемы открывались в каналы, и большая часть воды из них сквозь ловушки тоже спускалась в реку. По мере снижения уровня воды конфигурация и связь между временными водоемами с установленными на входах – выходах ловушках изменялась (рис. 1). В итоге через несколько месяцев к концу лета попавшая во временные водоемы на обсыхающей внутренней части меандры рыба постепенно бывала выловлена. Со следующей весны процесс восстановления и эксплуатации системы ловушек повторялся вновь.

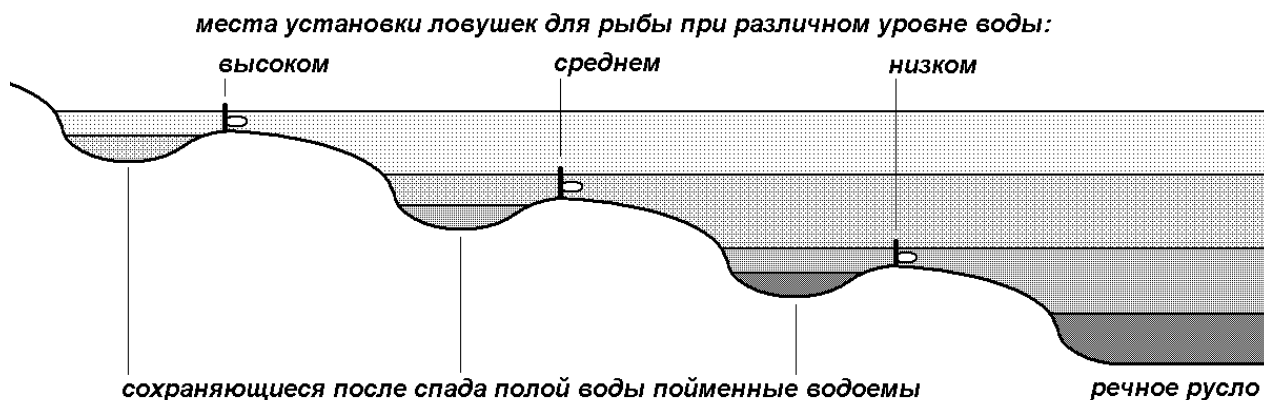

Рис. 1. Схема устройства системы ловушек для рыбы в постоянных и временных водотоках в соответствии с особенностями рельефа речной поймы

Обнаруженное нами место устройства сезонной системы ловушек было не единственным на территории Омской области. Столь же удобное место для устройства разноуровневой многоступенчатой ловушки находится на левобережье р. Оми несколько ниже с. Нижняя Омка у бывшего детского оздоровительного лагеря «Березка» [5; 6]. Однако вследствие сильной замытости поймы очевидны только параллельные руслу р. Омь межгрядные понижения справа по проработанной долине, без сохранившихся следов устройства ловушек.

Еще более сложная, большая по площади и используемая в течение всего года разноуровневая многоступенчатая система ловушек, вероятно эксплуатировавшаяся еще обитателями поселений людей эпохи бронзы и эпохи раннего железа, находилась в обследованной нами Батаковской пойме [7]. В период весеннего половодья, которое до середины XX в. в этих местах длилось почти до середины лета, все окрестности, кроме гривных возвышений, заливались водой, а весенние разливы р. Иртыш были поистине грандиозны. После того как уходила вода большого разлива, выносившая на пойму нерестящуюся рыбу, все имевшиеся понижения с перемычками между ними оставались заполненными водой и рыбой в ней. С понижением уровня воды возникали временные водотоки, которые перегораживались ивовыми плетнями, в которые вставляли верши, но только после того, как рыба проходила за самые дальние от реки заборы. Поскольку устраивать заборы-плетни зимой было нельзя из-за невозможности забивать опорные колья в насыщенный влагой замерзший до состояния монолита грунт, а весной от момента оттаивания земли до ее заливания в половодья для этого слишком мало времени – его едва достаточно для того, чтобы починить ранее построенное, – оставался единственный вариант: городить плетни осенью, до того, как замерзнет земля. Поэтому систему заборов-плетней восстанавливали осенью, мелкий ремонт производили ранней весной. Система плетеных заборов и ловушек разного уровня предполагала ее тройственное использование: для очень высокой воды на пойме, для ее среднего уровня, для низкой воды. Это сопровождалось практически полным выбиранием рыбы из всех доступных для этого мест; рыба сохранялась лишь в глубоких пойменных озерах и старицах, а в мелководных, в зависимости от необходимости и имеющегося обилия образующихся запасов на зиму, ее подбирали при помощи копий и гарпунов. В относительно глубоких пойменных водоемах рыбу ловили тоже вершами, на пищевую приманку. Эта система ловушек могла достигать циклопических размеров, охватывая большую территорию и запирая все основные постоянные и временные водотоки [8].

1. Кассал Б. Маленькая река Большой Аев // Луч [Большие Уки]. – 1988. – 14 января.

2. *Кассал Б. Ю.* Время птиц (XXIII путешествие омского натуралиста). – Омск, 2010.
3. *Кассал Б. Ю.* Обратный отсчет времени (XX путешествие омского натуралиста). – Омск, 2008.
4. *Кассал Б. Ю.* Полторы минуты лета (XXII путешествие омского натуралиста). – Омск, 2009.
5. *Кассал Б.* Краеведческая экспедиция // Восход [Нижняя Омка]. – 1989. – 26 октября.
6. *Кассал Б.* Река умирает на глазах // Вестник охотника и рыболова : Омский областной еженедельник. – 1991. – 26 сентября.
7. *Кассал Б. Ю.* 60 секунд по парку, которого не было (XXI путешествие омского натуралиста). – Омск, 2009.
8. *Кассал Б. Ю.* Время, чтобы жить (XXVIII путешествие омского натуралиста). – Омск, 2015.

В. М. Кимеев

Кемерово, государственный университет

ОПЫТ СТАЦИОНАРНОЙ ПОЛЕВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ГОРНУЮ ШОРИЮ: 1976–2016 ГГ.*

Среди различных методик полевых этнографических экспедиций наиболее эффективным является стационарный метод многолетних круглогодичных исследований. Такой метод был применен и апробирован комплексной археолого-этнографической экспедицией Кемеровского госуниверситета в п. Усть-Анзас Таштагольского района Горной Шории. Это позволило при поддержке местных властей не только выявить и сохранить памятники историко-культурного и природного наследия, но и музеефицировать их в составе созданного в 1990 г. экомuzeя «Тазгол» на территории Шорского национального парка. Результаты и опыт экспедиции были опубликованы во многих статьях и монографиях.

Ключевые слова: этнографическая экспедиция, шорцы, экомuzeй, археологические памятники, Шорский национальный парк.

По классической методике полевые этнографические экспедиции последних десятилетий в Сибири проводятся обычно в летнее время маршрутным методом. Это позволяет охватить большее число информантов, но снижает качество полученных материалов. В основном со слов информантов этнографы фиксируют устную традицию в конкретном населенном пункте при опросе старожил, часто не имея возможности проверить ее достоверность. Первоначально и нам приходилось работать по этой методике, используя в основном опросные листы, пока не помог один случай в августе 1976 г.

Небольшой отряд из двух студентов Ленинградского и Кемеровского госуниверситетов впервые отправился в Горную Шорию. Ориентиром стала обычная географическая карта Кемеровской области, на которой была обозначена автомобильная дорога от г. Таштагол до п. Усть-Кабырза, куда, как потом выяснилось, часто наведывались экспедиции почти со всех вузов Западной Сибири. Со слов местных жителей и формировался обычно образ традиционной культуры всего шорского народа и особенности современных этнических процессов в научных публикациях, что было далеко от действительности. Дело в том, что уже с 1970-х годов, по статистике, большинство шорцев проживало в городах и крупных поселках, где полностью утрачивала свои вековые традиции и свою идентичность. Был утрачен шорский разговорный язык, и уже с 1940-х годов его не преподавали в школах. Домашний быт, одежда, украшения, пища, праздничная культура были подстроены под принятые в данном населенном пункте нормы.

Случай помог экспедиции в первый же день по прибытии в Таштагол попасть на вертолете в другой поселок – Усть-Анзас, расположенный на 60 км ниже по течению реки Мрассу. Кроме вертолета,

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 17-11-42003/17-ОГОН «Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов и русских старожил Притомья: трансформация в современной социокультурной среде и подходы к актуализации».

добраться туда до 1994 г. можно было из п. Усть-Кабырза летом на моторной лодке, а зимой на санях или на вездеходе по льду реки, а из п. Шерегеш на лесовозе до п. Суета, а дальше пешком или на лыжах. Усть-Анзас до 2006 г. был центром Усть-Анзасского сельсовета, а позднее одноименного сельского поселения, в состав которого входило еще семь небольших поселков: Верх-Анзас в 1 км, Суета – 10 км, Челей – 5 км, Парушка – 12 км, Усть-Ортон – 18 км, Чазы-Буг – 7 км, Ближний Кезек – 3 км, Дальний Кезек – 4 км. С 2006 г. все эти населенные пункты вместе с Усть-Анзасом входят в состав Шерегешского поселкового поселения. В первую же поездку 1976 г. экспедиции удалось обследовать все отмеченные населенные пункты, обосновавшись базовым лагерем в одной из гостеприимных семей в п. Усть-Анзас. Была собрана большая коллекция этнографических предметов, хранящаяся ныне в фондах РЭМ, на восьмимиллиметровую пленку был снят фильм о занятиях и погребальном обряде местных шорцев. В 1980 г. в окрестностях Усть-Анзаса и вплоть до порогов вниз по реке Мрассу была проведена первая археологическая экспедиция Кемеровского госуниверситета, которая, однако, не выявила ни одного памятника на пойменных террасах. Этнографами круглогодично отслеживалось изменение этнической ситуации в зависимости от смены социально-экономического курса руководством района. Так, после закрытия школы, а потом и фельдшерского пункта, закрытия лесосплава по реке Мрассу, в связи с постоянными затруднениями в снабжении продуктами питания и хозяйственными товарами через единственный магазин райпо уцелевшая молодежь почти полностью перебралась в крупные города юга Кузбасса, а старики постепенно вымерли. Ситуацию усугубляло почти поголовное пьянство и суицид.

С 1990 г. методика стационарного круглогодичного обследования требовала изменений по причине новой ситуации в поселке Усть-Анзас, где по планам районных властей стал создаваться музей под открытым небом, получивший впоследствии наименование экомузей «Тазгол» [1, с. 3–4]. В КемГУ была создана комплексная экспедиция в составе этнографов, археологов, биологов и приобретены у местных жителей для нужд экспедиции несколько жилых домов, два из которых сохраняются до сих пор. Результаты работы экспедиции были апробированы на многочисленных конференциях и опубликованы в нескольких сборниках научных статей [1; 2]. В окрестностях Усть-Анзаса и в самом поселке было найдено и обследовано несколько памятников: стоянок, поселений, могильник «кыргызского воина» с погребением обрядом трупосожжения [3, с. 220–223]. Архитекторы и этнографы обследовали сохранившиеся памятники народной архитектуры: дом мрасского миссионера конца XIX в., дома, амбары и летние юрты зажиточных шорцев начала XX в. Отснято несколько видеофильмов.

Сам поселок Усть-Анзас расположен в устье правого притока Мрассу, по обоим берегам горной реки Анзас. За сорокалетний период нашего стационарного наблюдения количество усадеб поселка и населения уменьшилось вдвое и составляет 28 жилых домов с хозяйственными постройками и чуть более 100 жителями обоих полов, в основном старшего поколения.

Историческая часть поселка расположена рядом с исследованными археологическими памятниками эпохи бронзы и средневековья, неподалеку от архитектурно-этнографических объектов Мрасского отделения Алтайской духовной миссии конца XIX – начала XX вв. Со всех сторон к поселку подступают горы, покрытые пихтовым и кедровым лесом, за кладбищем находятся сенокосные луга, а в долине р. Тазгол до середины XX в. располагался одноименный улус Тазгол, в память о котором и получил свое название экомузей. В устье и в среднем течении р. Анзас по притоку горной речки Шимтильгол сохранились отвалы золотоприска начала XX в. Вдоль надпойменной террасы левого берега р. Анзас сохранилась историческая трассировка прежней улицы Нахаловки, основанной в начале XX в. русскими золотоискателями. В санитарной зоне реки расположена хозяйственная зона поселка с дизельной установкой в деревянном сарае и несколькими цистернами. За хозяйственной зоной в отвалах бывшего золотоприска расположена стихийная поселковая свалка бытового мусора.

Кроме объектов Мрасской духовной миссии в составе экомузeya, на второй надпойменной террасе р. Мрассу, на склоне горы Кайчак реконструирована могила «кыргызского воина», поселение средневековых плавильщиков-кузнецов с плавильной печью, кузницей и охотничье-промысловым станом. Результаты многолетних археологических исследований стационарного местного многослойного поселения показали, что здесь существовал торгово-обменный пункт с жилищами, складами, кузнечно-плавильными мастерскими. Согласно историческим документам и запискам путешественников конца XIX – начала XX вв., по долине р. Мрассу и ее притокам – Анзасу, Суете и Ортону – с древних времен проходили торговые конные тропы – Улуг-чол, связывающий степные и горно-таежные районы Саяно-Алтая [4, с. 96; 5, с. 79]. На первых сибирских картах С. Ремезова в бассейне верховьев реки

Томи отмечена «Дорога в киргизы». По этому пути проходили все известные миграции средневековых тюркских народов, по нему перевозили основные транзитные грузы, тем самым стимулировали местную экономику, основой которой, кроме обслуживания караванной торговли, была выплавка железной руды иковка холодного оружия, предметов быта, а также домашнее скотоводство, ручное земледелие, рыболовство и таежные промыслы [6, с. 83; 7, с. 135].

Улус Усть-Анзас (старое название Карга или Ангыс-Пельтре) и после вхождения в состав Кузнецкого уезда долгое время сохранял свое значение и как центр торговли долины Средней Мрассу, и как пункт сбора ясака с Мрасских волостей. Именно этот улус выбрал в середине XIX в. священник Василий Вербицкий для открытия здесь Мрасского отделения православной Алтайской духовной миссии. Советская власть сделала его центром национального сельсовета, а постсоветская – одним из туристских центров с экомузеем «Тазгол» и центром Усть-Анзасского лесничества Шорского национального парка [8, с. 18].

К началу XX в. в улусе сложилась прослойка зажиточных шорцев, разбогатевших за счет торговли орехом, пушниной и медом. Немногочисленное русское население занималось добычей золота, плотницким и бондарным ремеслами, пчеловодством. Частной собственности на землю и на лесные угодья здесь никогда не существовало, все находилось формально в собственности царского кабинета, а фактически – в пользовании больших семей.

Благодаря православным миссионерам, а затем советской восьмилетней школе и клубу с довольно богатой библиотекой распространялась грамотность, через фельдшерский пункт и бани в каждой усадьбе – санитария и здоровый образ жизни. Первая двухклассная школа в улусе Усть-Анзас была открыта при миссионерском стане учителем Иваном Константиновичем Чевалковым еще в 1881 г. Обучение детей 10–13 лет проводилось на шорском и русском языках. Преподавались арифметика, чтение и письмо русское, чтение инородческое, Закон Божий и церковное пение. В 1918 г. миссионерский стан и школу закрыли, а в пристройке бывшего дома миссионера начала действовать светская сначала 4-летняя, а затем, до середины 1980-х гг., восьмилетняя школа. В начале 2000-х гг. сгорел бывший спортзал, используемый после закрытия школы под клуб. С 1993 по 2006 гг. во вновь отстроенном деревянном доме в п. Усть-Анзас действовала начальная школа имени старейшего шорского учителя М. Л. Судочакова, хотя большинство детей школьного возраста родители продолжали отправлять на учебу в школу-интернат г. Таштагол [9, с. 322–330].

В заключение можно отметить, что современный облик п. Усть-Анзас с расположенным здесь экомузеем «Тазгол» определила эпоха бронзы и средневековья, деятельность Алтайской духовной миссии и золотоприиска в конце XIX – начале XX вв., а затем существование нескольких колхозов, леспромхоза и других лесозаготовительных органов. Заметное преобразование поселка началось с 1990 г., и связано оно с созданием и деятельностью экомузеев «Тазгол» [10; 11] и православного миссионерского прихода Троицкой церкви Кемеровской митрополии, намеренной в ближайшие годы завершить реконструкцию миссионерского стана. С привлечением базы практик Кемеровского государственного университета и в рамках грантовых проектов будет продолжено комплексное обследование территории Шорского национального парка, еще не изученных надпойменных террас и сохранившегося шорского населения таежных поселков.

1. Шорский сборник. Вып. I : Историко-культурное и природное наследие Горной Шории : межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово, 1994.

2. Шорский сборник. Вып. II : Этноэкология и туризм Горной Шории. – Кемерово, 1997.

3. Кимеев В. М., Ширин Ю. В. Тайны Кабырзинской принцессы. – Кемерово, 2011.

4. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению ИРГО и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А. В. Адриановым. Предварительный отчет. – Омск, 1888.

5. Ярославцев Д. По Горной Шории // Шорский сборник. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 64–85.

6. Абдыкалыков А. Переселение Енисейских кыргызов в начале XVIII в. и их историческая судьба // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов : сб. ст. – Новосибирск, 1986. – С. 81–99.

7. Кимеев В. М. Роль коневодства в жизнедеятельности горно-таежных шорцев торгового пути «Улуг-чол» // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии : сб. науч. тр. – Барнаул, 2008. – С. 133–136.

8. *Кимеев В. М., Еришов В. В.* Тропую миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. – Кемерово, 1995.
9. *Кимеев В. М., Арзютов Д. В.* Современные этнокультурные процессы в шорском улусе Усть-Анзас // Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы Шестых Сиб. чтений. – СПб., 2005. – С. 322–330.
10. *Кимеев В. М.* Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. – Томск, 2008.
11. *Кимеев В. М.* Шорцы // Тюркские народы Сибири. – М., 2006. – С. 236–323.

А. А. Крих

Омск, государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ГРУППОВЫЕ ПРОЗВИЩА ПОТОМКОВ ЮЖНОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

На основе полевых источников, собранных в этнографических экспедициях, проводимых историческим факультетом Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского в конце XX – начале XXI вв., рассмотрены групповые прозвища потомков южнорусских переселенческих групп.

Ключевые слова: южнорусские переселенцы, Омское Прииртышье, групповые прозвища.

Первые шаги в реализации практики переселения сельских жителей из южных малоземельных губерний Европейской России в Сибирь были сделаны М. М. Сперанским, подробно изучавшим материалы о ссылке и пришедшего к выводу о неэффективности этого метода колонизации Сибири. 10 апреля 1822 г. принимается указ «О дозволении казенным крестьянам переселяться на земли сибирских губерний», действие которого распространялось лишь на государственных крестьян малоземельных губерний.

За период с 1822 по 1833 гг. в Омской области было наделено землей 4 841 чел. м. п., но около 32 % оказались недовольны выделенными участками и самовольно выехали в Оренбургскую губернию. Среди переселенцев, получивших наделы в Среднем Прииртышье, 75 % составили выходцы из Воронежской и Курской губерний (2 083 и 1 517 чел. м. п. соответственно) [1, с. 170].

В 1837–1841 гг. проводилась реформа государственной деревни под руководством П. Д. Киселева, составной частью которой являлась организация крестьянского переселения в Сибирь. Первые партии переселенцев, прибывшие в Западную Сибирь в 1845 г. по направлению Министерства государственного имущества, состояли из государственных крестьян Псковской и Смоленской губерний, но в дальнейшем среди переселенцев возобладали выходцы из южнорусских губерний [2, с. 9–10]. В результате проведенных мероприятий в конце первой трети XIX в. переселенческое движение из европейских губерний России стало преобладать над ранее доминировавшими внутрисибирскими миграциями [3, с. 69].

Как отмечал П. Т. Сигутов, в течение 30–50-х гг. XIX в. в Среднее Прииртышье переселялось население преимущественно из Смоленской, Тамбовской, Орловской, Рязанской, Курской, Тульской, Пензенской, Витебской и Черниговской губерний [4, с. 52]. По подсчетам А. Д. Колесникова, в середине XIX в. в Среднее Прииртышье переселилось более 30 тыс. человек из европейских губерний России [5, с. 94].

По материалам списков населенных мест Тобольской губернии за 1900 г., в Тарском уезде (без Нагорно-Ивановской и Седельниковской волостей) насчитывалось 258 старожильческих деревень, 130 населенных пунктов, основанных переселенцами, и 9 поселений ссыльных. Из 130 населенных пунктов, основанных переселенцами из европейских губерний России во второй половине XIX в., 24 поселения (18,5 %) были образованы уроженцами южнорусских губерний [6].

В более южном Тюкалинском уезде в начале XX в. насчитывалось 232 деревни старожилов, 187 переселенческих поселков и 3 населенных пункта, основанных ссыльными. Из 187 переселенческих деревень 48, или 25,7 %, были основаны переселенцами их южнорусских губерний [7].

Если в Тарском уезде со второй половины XIX в. основным поставщиком южнорусских переселенцев являлась Курская губерния, то в Тюкалинском уезде эту роль выполняла Орловская губерния [6; 7]. Совместно с переселенцами из украинских губерний (преимущественно Черниговской и Полтавской и в меньшей степени из Киевской) выходцами из центрально-черноземных губерний в конце XIX в. были основаны девять населенных пунктов [7, л. 3 об.–4, 22–23 об., 28–28 об., 52–54 об.].

Дискретность процесса заселения Омского Прииртышья, когда на протяжении четверти века, с 1860-х по первую половину 1880-х гг., в Тюкалинском уезде переселенцами из-за Урала было основано всего одно поселение, привела к тому, что к рубежу XIX–XX вв., т. е. ко времени прибытия новой волны переселенцев из южнорусских губерний, мигранты 1840–1850-х гг. из тех же мест в Омском Прииртышье «осибирячились». В связи с этим исследователи начала XX в., занимавшиеся вопросами колонизации Сибири, выделяли между старожилами и поздними переселенцами промежуточную группу населения – староселов [8, с. 183].

Потомки переселенцев 1840–1850-х гг. не помнят мест выхода своих предков из Европейской России и называют себя сибиряками. Примеры подобной самоидентификации потомков смоленских и витебских переселенцев середины XIX в. были приведены в работе «Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века)» [9].

Однако самоназвание *сибиряки* было характерно не только для выходцев из западных губерний Европейской России, но и для потомков южнорусских переселенцев 1840–1850-х гг. К примеру, предки современных жителей д. Рязаны Муромцевского района Омской области, которые во время проведения полевых этнографических исследований в 1999 г. называли себя *сибиряками* [10, л. 127, 128], приехали из Михайловского уезда Рязанской губернии [11, с. 302].

Потомки курских переселенцев, основавших в 1859 г. с. Камышино-Курское в Карташовской волости Тарского уезда [11, с. 282], по полевым этнографическим материалам 2016 г., называли себя *сибиряками* [12, л. 2, 6, 15, 16, 19, 21, 30–34]. В отличие от эндонима *сибиряки*, жители с. Камышино-Курское в отношении себя упоминали также термин *каркули*, оговариваясь, что их так называли в старожильческих чалдонских деревнях, таких как д. Качесово [12, л. 18, 23]. Экзоним *каркули* использовался также в отношении жителей соседней деревни Моховой Привал, которая также была образована в середине XIX в. переселенцами из Курской губернии [6, л. 71–72 об.].

Этимологию прозвища *каркули* респонденты объяснить не смогли, отметив, что так называли переселенцев из Курской губернии [12, л. 23]. В Омском Прииртышье термин этот хорошо известен жителям, хотя он и не попал в «Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья», ни в основной состав, ни в дополнения [13; 14; 15]. Однако этот термин попал в общие словарные издания в двух значениях: во-первых, так называли крестьян-кулаков на Украине, а во-вторых, под ним понимали жадных и скупых людей [16, с. 482]. Схожую со вторым дополнительным значением имел коннотацию широко известный термин *хохлы*, которым в Сибири называли не только украинцев и их потомков, но и многочисленные группы южнорусских и белорусских переселенцев [17, с. 27–28].

Таким образом, в Среднем Прииртышье, вне зависимости от мест выхода переселенцев 1840–1850-х гг., их потомки называли себя сибиряками.

Потомки южнорусских переселенцев-однородцев рубежа XIX–XX вв. назывались в Сибири как принятыми в местах выхода этнонимами, такими как *галманы* (зафиксирован среди потомков курских однородцев-переселенцев конца XIX в., проживающих среди старожилов-чалдонов с. Могильно-Посельское Большереченского района Омской области) [18, л. 6, 13, 19, 39] и *талалаи* (потомки тульских переселенцев в д. Коломенка Крутинского района Омской области) [19, к. 71], так и прозвищами, появившимися при общении с принимающим сибирским старожильческо-переселенческим сообществом. К последним относятся локальные этнонимы *коцули* (так называли потомков переселенцев из Курской губернии в д. Мало-Каиркуль Большереченского района Омской области) [18, л. 77, 84, 85], *чунари* (потомки переселенцев из Рязанской губернии, основавших в 1920-х гг. д. Отрадновку и д. Новониколаевку Кыштовского района Новосибирской области) [10, л. 33, 34].

Также для номинирования южнорусских групп населения, появившихся в Сибири в конце XIX – XX вв., широко использовались этнонимы, известные в местах выхода переселенцев, – *хохлы* и *кацаны*.

По полевым этнографическим материалам можно установить закономерности экзонимирования: экзоним *кацаны* использовался для обозначения прежде всего потомков переселенцев из Тамбовской губернии, в то время как этнонимом *хохлы* наделялись выходцы из Воронежской, Курской, Черниговской и Полтавской губерний, а также потомки переселенцев из западных губерний России – Минской и Могилевской [20]. В этом отношении интересен пример идентификации группы, приведенный О. С. Мамонтовой, когда потомки курских переселенцев сами себя именовали *хохлами*, а соседствующие с ними потомки других южнорусских переселенцев и старожилы называли их *кацанами* [21, с. 97].

Таким образом, потомки переселенцев из одних и тех же губерний Европейской России, но прибывших в разное время, в Сибири называли себя разными этнонимами: потомки переселенцев середины XIX в. идентифицировали себя как *сибиряки*, а потомки переселенцев конца XIX – начала XX вв. назывались либо *хохлами*, либо *кацанами*. В качестве названий внутренних подразделений этих больших групп переселенческого населения использовались термины локального масштаба: либо привезенные с родины (*галманы, талалаи*), либо возникшие в Сибири при контактировании с другими группами населения (*каркули, коцули, чунари*).

1. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982.
2. Колесников А. Д. Состав переселенцев в Сибирь // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. – Томск, 1978. – С. 3–16.
3. Сигутов П. Т. Особенности динамики населения Омской области в связи с основными этапами ее хозяйственного освоения (дореволюционный период) // Очерк населения и хозяйства Западной Сибири : сб. ст. – Новосибирск, 1965. – С. 48–71.
4. Сигутов П. Т. Состав населения Омской области по районам выхода // Природа, население и хозяйство Омской области. – Омск, 1974. – С. 51–60.
5. Колесников А. Д. О национальном составе населения Омской области (Исторический процесс формирования населения Среднего Прииртышья в этническом и национальном отношениях) // Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 1966. – Вып. 1. – С. 88–104.
6. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. 417. Оп. 1. Д. 409.
7. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 417. Оп. 1. Д. 408.
8. Кузнецов В. К. Русские старожилы в Сибири и Средней Азии // Азиатская Россия. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 178–188.
9. Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII – XX века). – Омск, 2012.
10. Музей археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (далее МАЭ ОмГУ). Ф. I. П. 1999-2.
11. Народная культура Муромцевского района. – М., 2000.
12. МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 2016-13.
13. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. – Томск, 1992. – Ч. 2.
14. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Дополнения. Вып. 1. – Омск, 1998.
15. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Дополнения. Вып. 2. – Омск, 2003.
16. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб., 2000.
17. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – XX вв.). – Новосибирск, 2002. – Ч. 1.
18. МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 1998-1.
19. МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 107-1.
20. Крих А. А. Сибирские «хохлы»: к вопросу об этнической принадлежности // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2003. – Вып. 5. – С. 27–28.

21. Мамонтова О. С. Кацапы, или простые хохлы: к вопросу о самоидентификации потомков курских переселенцев в Каменском районе Алтайского края // Томский журнал лингвистических исследований. – 2015. – Вып. 3 (9). – С. 97–112.

О. С. Мамонтова

Барнаул, Алтайский государственный краеведческий музей

ТРАДИЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ В КУЛЬТУРЕ ПИТАНИЯ ТАТАР С. БЕЛЕНЬКОЕ УГЛОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В статье представлен краткий обзор данных о сохранившихся традиционных чертах в культуре питания группы казанских татар, проживающих в Угловском районе Алтайского края. Материалы получены в 2014 г. в ходе экспедиции в Угловской район. В кухне татар фиксируется преобладание мясо-молочных блюд и разнообразной выпечки. Заимствования у русских и казахов, проживающих в соседних населенных пунктах, были незначительными.

Ключевые слова: Алтай, татары, пища, традиции.

Культура питания татар Западной Сибири и Алтайского края освещалась в публикациях омских и алтайских исследователей. В работах омских этнографов данный аспект получил всестороннее освещение. В публикациях алтайских исследователей давались обзоры повседневной и праздничной пищи различных групп татар Алтайского края, результаты анкетирования, характеризующие степень сохранения традиций и появления новаций в культуре питания [1; 2]. Цель данного сообщения – представить полевые материалы, полученные в 2014 г. в ходе историко-этнографической экспедиции сотрудниками Алтайского государственного краеведческого музея в Угловском районе Алтайского края в месте компактного проживания татар (с. Беленькое). Публикуемые материалы были собраны у представителей казанских татар. Эта информация в целом идентична ранее опубликованным данным алтайских исследователей, но позволяет уточнить ряд сведений.

Природно-географическая характеристика села, состав населения, его занятия были представлены в статьях алтайских исследователей [2]. Поэтому укажем лишь, что сложившаяся моноэтническая среда села, ведение подсобного хозяйства позволили татарам в значительной степени сохранить традиционные черты питания. В настоящее время продукты, получаемые от ведения подсобного хозяйства, составляют значительную часть рациона местных жителей, которые с 1980-х гг. стараются содержать не менее 10–12 голов крупного рогатого скота, 40–45 баранов, разводить кур, гусей, уток, выращивать овощные культуры на огородах. При этом размер хозяйства напрямую зависит от количества рабочих рук в семье [3]. Также местные жители покупают бакалейные товары (муку, рис, растительное масло, чай), позволяющие сохранять традиционный состав блюда. Известно, что дефицит риса в сельских продуктовых магазинах в 1970-х гг. привел к тому, что на протяжении длительного времени татары не имели возможности полностью соблюдать рецептуру приготовления некоторых блюд. В настоящий момент система питания татар сохраняет мясо-молочную направленность и характеризуется большим количеством производимой выпечки.

Повседневные первые блюда готовят на молоке или мясном бульоне с добавлением клецок, галушек, лапши. Жидкое тесто для клецок и галушек капается ложкой в кипящее молоко или мясной бульон. При приготовлении молочных супов овощи (картофель, лук) первоначально отвариваются в воде, а потом доливаются молоко.

Мясо занимает очень важное место в культуре питания татар. «Без мяса никуда» [3]. Среди вторых блюд татары особо выделяют бешбармак и кулдаму. При приготовлении *бешбармака*, который делают очень часто, варится бульон из баранины с добавлением целых луковиц. Готовое мясо вынимают из бульона и отваривают тесто. Считается, что при варке в бульоне кусочки теста не будут

прилипать друг к другу, в отличие от отваренных в воде. Крутое тесто для бешбармака заводится как на лапшу: одно яйцо, немного воды или одна столовая ложка бульона, мука, соль. Тесто нарезается ромбиками. В настоящее время рецептура нарушается, и тесто заменяется картофелем, при варке бульона добавляют морковь.

Кулдама готовится из конины и *салмы* – мелких ракушек. Тесто для салмы замешивается из двух яиц, одной поварешки воды, соли, муки. После замеса тесто должно постоять. Затем от него отщипываются кусочки и выкатываются мелкие ракушки. Отдельно варится мясо и режется на мелкие квадратики. В казан укладывают нарезанный лук, наливают бульон, добавляют мясо. Сверху засыпается доведенная до полуготовности за 7–8 минут варки салма. В течение часа блюдо пропаривается на медленном огне. Длительность готовки зависит от объема заложенных продуктов. Кулдама подается на поминках, днях рождений, праздниках. Как правило, перед поминками женская часть села собирается для приготовления большого количества салмы, одного из главных составляющих блюда. На сегодняшний день кулдама из разряда праздничных, обрядовых блюд переходит в повседневные. «Часто готовим зимой. Кодем скот – мяса много, поэтому делаем кулдаму» [4].

Традиционные мучные блюда представлены изделиями из пресного и дрожжевого теста. Технология приготовления осуществляется двумя способами: выпекание и жарка. Как правило, выпекание в русской печи проходит зимой, в теплое время года – в электродуховках. Наиболее популярным блюдом из пресного теста является *бялиш* – круглый пирог с мясной начинкой. В настоящее время форма пирога может быть не только круглой, но и прямоугольной, под форму листа для выпечки (рис. 1). Тесто средней консистенции замешивается из муки, одной меры масла и воды, с добавлением соли. Подготовленное тесто делится на две части: большая – для нижнего пласта, так как на него раскладывается начинка, меньшая – для верхнего пласта. Начинка готовится из кусочков утиного, гусяного мяса доведенного до полуготовности, картофеля, присыпанного рисом, луком. Рис выдерживают в горячей воде 10–15 минут и кладут на картофель, для того чтобы он впитывал влагу, образующуюся в процессе готовки картофеля в пироге. Лист смазывается гусиным жиром, и пирог выпекается около часа. В настоящее время в качестве начинки используются различные виды мяса, которое могут заменять грибами, что, по-видимому, связано с наличием бора в окрестностях села. По словам информантов, их матери выпекали *бялиш* с высокими краями, которые потом защипывались. Начинку укладывали большой горкой, нарезая мясо крупными кусками. При подаче верхушку срезали и ложкой из пирога накладывали начинку, отламывая куски теста. Ранее такой *бялиш* готовился на праздник гусей – Ёмю, который праздновали в первой половине XX в. Празднование сопровождалось проведением обряда. Гусей кололи, теребили, вычищали потроха и несли к родникам для промывания тушек, причем парни подходили с одной стороны родника, девушки – с другой. Впоследствии в связи с загрязнением водоемов этот обряд прекратил свое существование.

Сладким вариантом данного пирога является *кабак-бялиш* – тыквенный пирог. Рецептура теста аналогична, добавляется лишь один компонент – полмеры сахара, так как начинка, состоящая из тыквы, кураги и изюма, имеет природную сладость. Также в состав начинки добавляют припущенный рис и, по желанию, сахар.

Традиционным праздничным блюдом является *зубадия*, которую готовят «для самых дорогих гостей». В основе блюда – красный творог. Творог кладут в молоко и кипятят. Половину образовавшейся сыворотки сливают, а в остатках продолжают отваривать творог до красного цвета, после чего его пропускают через мясорубку. Заводится пресное тесто из яйца, сметаны, муки, на которое слоями выкладывается начинка из красного творога, риса, вареного яйца, изюма, кураги. Запекается в духовке.

Из пресного теста, заведенного на сметане, в русской печи или духовке выпекают *пэрэмш* – открытые пирожки с творогом в виде ватрушек. Более поздним вариантом начинки является картофель. Еще одним видом открытых пирожков из пресного теста является *уш тушмак* (три угла). Они лепятся в виде треугольника с открытой серединкой. Начиняют их мелко порубленным мясом, луком и картофелем. Из теста, которое заводи́ли на *кабак-бялиш*, но с меньшим содержанием масла и сахара, выпекают пресные калачи – *туше қалаш*.

Наиболее популярной сладкой выпечкой, приготовленной в технике жарки, считается *чак-чак*. Тесто средней консистенции, заведенное из муки и одного яйца, раскатывается, как на лапшу, только чуть толще. При приготовлении блюда для большой семьи хозяйки используют пропорцию пять яиц на две пиалки (пиалы) муки. Тесто обжаривается в масле, выкладывается горкой и поливается так на-

зывается «медом». «Мед» представляет собой сахарный сироп (три «кашечки», т. е. пиалки, сахара, одна «кашечка» воды), в который после закипания добавляют лимонную кислоту и столовую ложку меда. «Если капнешь в воду и застыло, то сироп готов» [4].

Рис. 1. Бляш – пирог с мясной начинкой. На снимке Г. Н. Жолдина, жительница с. Беленькое Угловского района Алтайского края, 2014 г.

Следующей распространенной выпечкой из пресного теста, приготовленной в технике жарки, являются *баурсаки*. Мягкое тесто, не прилипающее к рукам, замешивают из трех яиц, одной столовой ложки сливочного масла, соли, муки. Нарезают на палочки и жарят на жиру (животный жир с растительным маслом). В советское время в качестве растительного масла использовали хлопковое.

Такие виды выпечки, как *пэрэмэш* и *баурсаки*, готовят и из дрожжевого теста, при этом в тесто для *пэрэмэш* добавляют масло, а в тесто для *баурсаков* – яйца, но необходимо учитывать, что чем больше добавляется яиц в тесто, тем жестче оно становится.

В русской печи на праздник Гаит в сковороде пекут дрожжевые оладьи – *кыймақ*. Если русской печи нет, то тесто заводят на ряженке – *қаатық* – и при жарке оладьи переворачивают.

Традиционным напитком является черный чай, который заваривают в заварных чайниках и пьют с добавлением молока. Важное место в пищевом рационе татар занимают и традиционные молочные напитки *кужа*, *шалап*, *қаатық*. *Кужа(я)*, *кюжа(я)* совмещал в себе не только функции напитка, но и первого блюда. «И вместо воды, и вместо еды. Пшенная каша заливается кислым молоком. Стоит ночь и можно пить» [5]. Также как основу для приготовления напитка используют отварную перловку, которую заливают ряженкой, разведенной водой с добавлением соли. По словам информантов, ранее для приготовления *кужа* злаки обрушивали в деревянной ступе, в ней же толкли комковую соль. Все компоненты смешивали в больших деревянных долбленных чашках «аяк», «табак» (рис. 2). В них же сбивали масло или просеивали муку на пироги. Традиционно татары готовят ряженку – *қаатық*.

Молоко подвергается длительному кипячению, после чего в него добавляется закваска в виде ряженки или куска черного хлеба со сметаной. Напиток ставят в теплое место. На основе каатыка готовится *шалап* – кумыс из кислой ряженки в пропорции 1:1 (часть воды, часть ряженки). Жидкость взбивается до однородной массы и добавляется соль. Молочные напитки употребляют холодными. Ранее, до массового использования холодильников, емкости с напитками опускали в колодцы или помещали в погреб на ледник. Для этого зимой воду замораживали блоками, которые помещали в погреб, или утрамбовывали снег, но, по словам информантов, он хуже хранился и быстро таял. Среди других любимых напитков татары упоминают компоты, которые варят из сухофруктов, или консервируют отвары ягод и фруктов.

Рис. 2. Чашка «аяк», «табак» для приготовления кисломолочных продуктов, взбивания масла, просеивания муки. С. Беленькое Угловского района Алтайского края, 2014 г.

Анализируя сведения алтайских исследователей и полученные нами данные, можно сделать вывод о том, что традиционные черты культуры питания татар в моноэтническом селе Беленькое сохраняются лучше, чем у городских татар. Блюда национальной кухни для городского населения выступают в роли праздничных, обрядовых, тогда как у жителей села они входят в повседневный рацион питания.

1. Тихомирова М. Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. – Омск, 2006; Тихомирова М. Н. О выделении бухарского этнокультурного компонента в системе питания татар Западной Сибири (по результатам полевых работ 2000 и 2014 гг.) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2014 г.: археология, этнография, устная история : материалы X междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2015. – Вып. 10. – С. 178–181; Тихомирова М. Н. Питание татар населенных пунктов Бегитино, Индери во второй половине XX – начале XXI вв.: тенденции эволюции и традиции // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2013. – Вып. 8. – С. 240–245.

2. Юсупова А. В. Предварительные результаты этнографических исследований в моноэтническом татарском селе Беленькое Угловского района Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае в 2007 г.: археология, этнография, устная история : материалы IV регион. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2009. – Вып. 4. – С. 186–188; Юсупова А. В. Татары Алтайского края в XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф. – Барнаул, 2008. – Вып. 7. – С. 124–127; Юсупова А. В. Татары Алтайского края в XX – начале XXI вв. // Краеведческие записки. – Барнаул, 2009. – Вып. 8. – С. 135–146.

3. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Угловский район, с. Беленькое. Информант – Гатаулин Нуриахмет Валиахметович, 1958 г. р.

4. ПМА. Угловский район, с. Беленькое. Информант – Жолдина Гайша Нурмухамедовна, 1957 г. р.

5. ПМА: Угловский район, с. Беленькое. Информант – Боговиева Фатима Нургатовна, 1941 г. р.

Ж. М. Молдагазинова

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

ПРОГРАММА ТРЕХЪЯЗЫЧИЯ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ ПО ОПРОСАМ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА В 2016 Г.

Статья основывается на материалах полевых исследований и отражает взгляд респондентов из Восточного Казахстана на программу введения трехязычия в системе образования. Проанализированы мнения респондентов о достоинствах языковой реформы и о рисках, связанных с реализацией программы.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, трехязычие, государственный язык, перспективы и риски, интеграция и сегрегация общества.

Республика Казахстан – многонациональная страна, и вопросам языкового строительства отводится важное место в государственной политике. Статусы языков прописаны в Конституции Республики Казахстан: казахский язык – государственный, русский язык – официально употребляемый в государственных органах и органах местного самоуправления наравне с казахским [1]. Казахстан является одной из центральноазиатских республик, в которой статус русского языка закреплен в качестве официального.

Вопросы развития языков в Казахстане постоянно находятся под особым контролем и опекой президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева, который в ежегодных посланиях народу Казахстана акцентирует внимание на развитии образования, культуры, знании языков. В официальной Концепции языковой политики Республики Казахстан от 1996 г. акцент был сделан на развитие казахского языка, но указывалось, что русский язык «остаётся главным источником информации во многих областях науки и техники, а также средством коммуникации» [2, с. 116–117]. Поддерживаются и языки этнических меньшинств Казахстана, в школах изучается более 10 национальных языков народов, проживающих в стране. Преобладающими языками на территории страны являются казахский и русский.

В последнее десятилетие в Республике Казахстан политика направлена на расширение языковой среды республики до трех языков (казахский, русский, английский). Старт данной политике был дан президентом страны, он отметил необходимость внедрения трехязычия 24 октября 2006 г. на XII съезде Ассамблеи народов Казахстана: «Новое поколение казахстанцев должно быть, по меньшей мере, трехязычным, свободно владеть казахским, русским и английским языками» [3, с. 43].

В своем послании народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире» президент поручил приступить к реализации специальной программы «Триединство языков». В 2015 г. министерством образования и науки Республики Казахстан, министерством культуры и спорта Республики Казахстан разработана «Дорожная карта развития трехязычного образования на 2015–2020 гг.». Ее главной целью является обеспечение поэтапного внедрения трехязычного обучения на всех уровнях образования в Республике Казахстан для повышения его конкурентоспособности и развития человеческого капитала.

Согласно дорожной карте, в старших классах планируется осуществить поэтапный переход преподавания предметов естественно-математического цикла – информатики, физики, химии, биологии – на английский язык. Историю Казахстана и географию планируют преподавать на казахском языке, а всеобщую историю на русском языке – вне зависимости от языка обучения [4].

Внедрение трехязычного образования активно обсуждается общественными деятелями, политиками, социологами, исследователями и широкими слоями населения. В экспертной среде сложилось двойственное отношение к введению трехязычия. Многие эксперты обеспокоены положением государственного языка. Например, эксперты проекта «Мозговой штурм» пришли к выводу: «Этот эксперимент – трехязычие – травмирует наш родной язык, роль казахского языка будет отодвинута на второй план» [5]. Директор Языкового центра и профессор КИМЭП Жулдыз Смагулова высказала такое мнение: «Я встречала массу детей, которые сначала учились на казахском языке, затем стали изучать русский, а потом их отправляли за границу, чтобы они овладели иностранным. В итоге

сейчас эти дети не могут ни на одном языке говорить грамотно» [6]. Имеются и положительные мнения о реформе, например, старший преподаватель Республиканского института повышения квалификации руководящих и научно-педагогических работников системы образования Республики Казахстан Кульпаш Сариева говорит: «Я считаю, что для нашей республики эта политика государства откроет новые возможности. И стоит сказать, что представители министерства образования и науки РК этот стандарт вводят не просто потому, что это была чья-то прихоть. Все это научно обосновано и апробировано» [7].

В настоящее время внедрением трехязычия в большей степени обеспокоены жители Восточно-Казахстанской области, которая в реализации программы трехязычного образования определена как экспериментальная площадка. Это и стало основанием для проведения полевых исследований в данном регионе. Управлением образования ВКО принят в действие комплексный план по развитию трехязычия на 2015–2019 гг. Летом 2016 г. было проведено тестирование учителей-языковедов на уровень владения языком. Контроль показал, что лишь 14,3 % из них владеют языками на профессиональном уровне. Всего в реализации комплексного плана участвуют 3 400 учителей языковых дисциплин, из них 1 200 учителей казахского языка в школах с неказахским языком обучения, 900 учителей русского языка в школах с казахским языком обучения, 1 300 учителей английского языка. После прохождения тестирования учителя-языковеды были направлены на курсы повышения квалификации [8].

Полевые исследования проводились в октябре 2016 г. на территории Восточно-Казахстанской области – в городах Усть-Каменогорске, Семей, Риддер и селе Новобаженово. В общем было опрошено 40 человек, в том числе: 24 казаха, 12 русских, 2 татарина, 2 немца в возрасте от 18 до 65 лет. Было опрошено тридцать шесть женщин и четверо мужчин. Выборка респондентов производилась методом «снежного кома» по рекомендации уже опрошенных участников исследования. Несмотря на ограниченную выборку, этнический, профессиональный, возрастной состав респондентов достаточно разнообразен.

По результатам исследования выявлено, что в городе Семей (бывшая Семипалатинская область) респонденты обеспокоены судьбой государственного языка, т. к. считают, что за двадцать пять лет независимости казахский язык не занял достойное место в социокультурной среде, особенно в городском пространстве. По мнению таких респондентов, первоначально нужно принять меры для всеобщего охвата населения казахским языком, а лишь потом вводить английский. Из интервью И.: «Главная проблема городской молодежи – это незнание государственного языка. Надо в первую очередь укрепить позиции казахского, а потом думать о трехязычии» (Полевые материалы автора, далее – ПМА, 2016 г. И., 58 лет, казах, профессор).

В городе Усть-Каменогорск поддерживающих внедрение трехязычия оказалось больше, чем в Семее. Ровно половина из них (6 человек) полностью поддерживает переход к трехязычному образованию. Четверо из них – работники сферы образования, которых должностное положение обязывает выступать в поддержку нововведения. Респондент Ф. (татарка, 62 года, канд. ист. наук, работает в вузе) высказала мнение, что в Казахстане с момента обретения независимости надо было вводить обучение на трех языках. В основном же респонденты считают, что внедрение трехязычия выведет страну на новый уровень на мировой арене.

Но в академической среде высказана кардинально иная точка зрения. По мнению респондента Ж., программа позволит осуществить социальное разделение общества на образованных и необразованных, следовательно, в управлении государством будут находиться те, кто смог получить образование, а это, как правило, люди с хорошим финансовым положением. Из интервью Ж.: «Цель – дальнейшая сегрегация общества. Сейчас вся образовательная система нацелена на сегрегацию, мы идем к тому, что “стадом” легче управлять <...> это [программа. – Ж. М.] далеко идущие цели, для того чтобы меньше людей имело образование, доступ к власти» (ПМА 2016 г. Ж., 60 лет, казашка). Абсолютно противоположная точка зрения отмечена в интервью с директором средней школы Х., которая считает, что введение во всех школах трехязычия уравнивает положение детей, у всех будут равные возможности для обучения. Не будет такого расслоения, как сейчас: те, чей достаток позволяет, дополнительно обучаются языкам, знают язык лучше, а те, у кого нет возможности, отстают на уроках.

Все респонденты из провинциального города Риддер и села Новобаженово, считают, что трехязычие внедряется с целью развития республики. Из интервью Л.: «Внедрение трехязычия подни-

мет нашу страну в глазах европейского сообщества, мы сможем войти в тридцатку развитых стран мира и спокойно интегрироваться в мировое образовательное сообщество» (ПМА 2016 г. Л., 51 год, русская, врач).

Самой обеспокоенной внедрением трехязычия категорией населения являются родители, которые раньше всех сталкиваются с нововведениями в системе образования школьников. Главный страх у родителей вызывают перегруженность школьников, падение уровня образования, а также проблемы с финансированием дополнительного обучения ребенка. Общественные же и политические деятели, директора школ, руководители и работники отделов образования полностью поддерживают переход к трехязычию.

С утверждением «трехязычие – требование времени» согласны 38 респондентов из 40, двое несогласных респондентов – жители города Семей. По мнению этих 38 респондентов, после внедрения трехязычия в стране в лучшую сторону изменится внутренняя и внешняя обстановка.

В рамках исследования у респондентов выявлен целый ряд опасений и рисков, связанных с переходом на трехязычное образование. Основные из них: перегруженность учеников, сегрегация общества, окончательное снижение роли государственного языка в общественной жизни, профанация оценок, отсутствие квалифицированных кадров, недостаточное материально-техническое оснащение школ и т. п.

К перспективам внедрения трехязычия можно отнести следующие факторы, названные респондентами. Во внутренней ситуации прекратится неофициальное межобластное деление по языковым предпочтениям, так как во всех областях будет единая программа обучения трем языкам. Если же удастся охватить трехязычным образованием все населения страны, то, как полагают респонденты, рейтинг Казахстана на мировой арене возрастет. Реализация программы обеспечит вхождение страны в тридцатку развитых стран мира, расширение сферы туризма, привлечение иностранных инвесторов, возможность свободно обучаться за рубежом и т. д.

В целом, по результатам проведенных полевых исследований можно сделать следующие выводы: большинство респондентов, 35 из 40, считает необходимым продление сроков реализации проекта (по «дорожной карте» – переход к 2020 году). Необходимо подготовить кадровый состав школьных и вузовских преподавателей, снабдить все школы (особенно сельские) необходимыми материально-техническими средствами, разработать соответствующую мировым стандартам методику обучения и апробировать ее в экспериментальных классах в обычных школах. Также 38 респондентов убеждены, что внедрять предметы естественно-математического цикла на английском языке не нужно, так как это может привести к снижению умственных способностей ребенка; из интервью А.: «Мы потеряем целое поколение школьников, попавших под это нововведение» (ПМА 2016 г. А., 34 года, казашка, журналист).

Политика трехязычия в своем роде уникальна, но необходимо внимательно взвесить все за и против, проанализировать опыт стран, в которых проводились похожие реформы. Также внимательно следует учитывать и такой фактор, как языковая дифференциация регионов Казахстана.

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.03.2017 г.). Ст. 7.

2. *Келльнер-Хайнеке Б., Ландау Я. М.* Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. – М., 2015.

3. *Цыряпкина Ю. Н.* Центральная Азия в 1990–2010-е годы: основные тенденции внутренней и внешней политики : учеб. пособие. – Барнаул, 2015.

4. Дорожная карта трехязычного образования на 2015–2020 гг. // ЮРИСТ – комплекс правовой информации (законодательство) Республики Казахстан. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35182262#sub_id=1 (дата обращения: 01.12.2016).

5. Проект «Мозговой штурм»: Трехязычие убьет казахский язык? – URL: https://www.youtube.com/watch?v=AvvJwD0I_RQ (дата обращения: 01.12.2016).

6. Переход школ в РК на трехязычное образования обсудили эксперты. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/perehod-shkol-rk-trehyazyichnoe-obrazovanie-obsudili-281664 (дата обращения: 01.12.2016).

7. Переход школ в РК на трехязычное образование обсудили эксперты // i-News.kz. Последние новости в Казахстане. – URL: https://i-news.kz/news/2015/10/01/8136915-perehod_shkol_v_rk_na_trehyazychnoe_obra.html (дата обращения: 03.12.2016).

8. Комплексный план по развитию трехязычия на 2015–2020 гг. // Сайт КГУ «Общеобразовательная средняя школа-гимназия № 1 им. Н. А. Островского». – URL: <http://skola1ostrovski.ucoz.com> (дата обращения: 02.12.2016).

В. А. Москвина

Омск, государственный педагогический университет

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ С. СЕРЕБРЯНОЕ ГОРЬКОВСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ЗАПИСЯМ 2016 Г.)

В статье подводятся итоги работы фольклорной экспедиции в с. Серебряное, рассматриваются особенности бытования и взаимодействия двух традиций – старожильческой и новой, вторичной.

Ключевые слова: локальная традиция, полевые исследования, сохранность и обновление традиций, старожильческая культура.

Ежегодный экспедиционный выезд студентов филологического факультета Омского государственного педагогического университета (далее – ОмГПУ) в рамках учебной фольклорной практики состоялся в июле 2016 г. в Горьковский район Омской области. В сборе материала участвовали 12 студентов второго курса под руководством доцента кафедры литературы и культурологии ОмГПУ В. А. Москвиной. Экспедиция базировалась в с. Серебряное, откуда осуществлялись однодневные выезды в близлежащие деревни Согра и Исаковка, а также в районный поселок Горьковское.

В задачи экспедиции входили: во-первых, полевые исследования современного состояния местной фольклорной традиции, во-вторых, выяснение сохранности старожильческой культуры в с. Серебряном, в-третьих, знакомство с деятельностью учреждений культуры и образования, направленной на сохранение, изучение и популяризацию региональной / локальной традиции.

История с. Серебряное (основано в 1730 г.) тесно связана с возникновением первых форпостов на территории Омского Прииртышья. Развитие села, его культуры отражено в материалах Серебрянского музея. К сожалению, во время работы экспедиции музей находился в состоянии переезда и большая часть музейных предметов еще не была распакована. Заведующая музеем Г. А. Ионина представила небольшую экспозицию, познакомившую нас с особенностями застройки села, типом местной старожильческой избы, основными видами хозяйственной деятельности серебрянцев. Важным дополнением к пониманию специфики народной культуры и фольклорных традиций куста деревень Серебряное – Согра – Исаковка стало посещение участниками экспедиции Горьковского историко-краеведческого музея. Директор музея Я. В. Адам провел замечательную экскурсию по выставке, сделав акцент на истории заселения района и его развития в первой половине XX в.

Большую помощь участникам экспедиции оказали работники Серебрянской средней общеобразовательной школы, Дома культуры, а также сельская администрация. Экспедиционной группе не только помогли организовать быт и предоставили транспорт для выездов в Согру, Исаковку, Горьковское, но и оказали содействие в полевых исследованиях. В результате выяснился интересный факт: в Серебряном наблюдается взаимодействие двух песенных традиций – старожильческой и новопоселенческой. Появление второй связано с развитием села в 1970–1980-х гг., когда в Серебряное приехали по распределению молодые специалисты. Причем информанты осознают свою принадлежность к той или иной традиции. Как образно выразилась В. П. Баташова, учитель технологии местной школы: «<Старожилы> хвастаются, что свой пуп здесь закопали, на нем и сидят, т. е. хвастаются своим коренным происхождением». Действительно, собирая сведения о родильно-крестильных обрядах, мы зафиксиро-

ровали бытовавший ранее обычай закапывать послед и пуповину. Этот обычай перестал существовать после того, как рожать стали не дома.

Новопоселенческая традиция носит вторичный характер, но при этом уже стала официальным брендом села. Ее активное бытование обеспечивают Дом культуры и школа. Жанровый состав традиции достаточно однороден – это популярные народные лирические песни (в основном русские и украинские), а также авторские, стилизованные под фольклорные (например, «Деревенька моя» Н. Кудрина на стихи В. Гундарева). Подобные тексты входят в репертуар Серебрянского народного хора. Их поют не только со сцены, но и в домашней обстановке, во время застолий. Большинство наших информантов считают такие песни народными.

Распространению и обновлению этой вторичной песенной традиции способствуют и праздничные мероприятия, организуемые в селе. Так, нам удалось побывать на ежегодных Петропавловских встречах (12 июля, День Петра и Павла), на которые съезжаются творческие коллективы района и области. В селе этот праздник является съезжим, в его подготовке принимают участие работники Дома культуры, Серебрянской школы и местный приход. На праздничную службу в храм Святых Петра и Павла (год основания первой Петропавловской церкви – 1780) приезжают паломники, совершают крестный ход, участвуют в праздничном концерте. Помимо концертной программы, традиционным стало проведение выставки декоративно-прикладного творчества, организация сельской ярмарки.

Старожильческая традиция, главным образом, сохраняется в домашнем обиходе. Нашими информантами были, главным образом, пожилые люди старше 60 лет. Участниками экспедиции записано около 200 текстов разных жанров. Сохраняется тенденция, прослеживаемая в полевых материалах на протяжении последних двух десятилетий, – преобладание народной прозы и текстов о народной магии.

Среди жанров сказочной прозы преобладают рассказы о прошлом, как и во всех экспедиционных материалах последних лет. В Серебряном бытуют те же мотивы устных историй, которые выделены в 2004 г. на материале Тарского района Омской области Е. В. Ляховой: ключевой мотив «раньше жизнь была тяжелая, но жили весело – на работу с песнями, с работы с песнями» и его варианты; овладение ремеслом, перенимание ремесла, традиций от старшего поколения и др. [1].

На втором месте – мифологические рассказы о колдунах, ведьмах, домовых, оборотничестве. Этот материал был рассмотрен в докладе участников экспедиции З. А. Динкелакер и Ю. С. Лацис на научно-практическом семинаре Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Докладчики отметили, что среди зафиксированных рассказов преобладают мемуары о домовых, банниках, чертях. Также записаны рассказы о сглазе и действии примет. Достаточно много записано текстов с легендарными мотивами о Петропавловском храме и чудесах, связанных с христианскими святынями.

Устная история отражена в текстах с топонимическими мотивами. Это очень лаконичные рассказы о названии с. Серебряное и д. Согра, о горе История и урочище Чертов палец. З. А. Динкелакер и Ю. С. Лацис в статье «Топонимы в устных рассказах старожилов Омской области» выявили варианты данных рассказов и пришли к выводу, что в локальной традиции возникновение топонимов связано с историческими событиями и лицами, а также с признаками и качествами называемого объекта [2].

Информанты старшего возраста до сих пор сохраняют веру в возможность вызвать дождь или прекратить грозу. А. С. Белых (1927 г. р.) из д. Исаковка рассказала: «Ну да, нас человек десять и больше соберется с иконами, бабушки, молодые, кто желает. Ну, и с иконами с одного краю зайдем и по всей деревне пройдем. Тогда уж и будет дождь. <...> Ходим поем. Иной раз домой придешь, дождь нас хлестанет так, как надо, а который раз ишо и не зайдешь, дорогой».

Участница экспедиции (родом из Серебряного) стала свидетелем того, как ее отец во время грозы начал выбрасывать во двор кочергу, веник, совок для выгребания золы и что-то приговаривать. К сожалению, он отказался ей повторить произносимые слова. Данный обряд не раз фиксировался в Омском Прииртышье, главным образом, от потомков белорусов-переселенцев, но без заклинания.

Гадания, особенно святочные, продолжают бытовать активно. Это и бросание валенка через ворота, и гадание по тени от сожженной бумаги, и на воске, и по дровам и др. В результаты гадания верят люди разных возрастов. Старшее поколение подтверждает эту веру рассказами о сбывшихся

предсказаниях: «А вот гадание это, я ничем не гадала, только вот бумагу мяла и где-то около двенадцати свет горит, тень на вот это вот место показывает все <показала на угол печки>. Вот у меня тогда выпало: дочери машина, мне утка, бабушке (я забыла уже) или топор, или че. А вот старшему сыну, который умер, выпал прямо гроб, вот. И с тех пор я перестала ворожить» (записано в с. Серебряное).

Бытование заговорно-заклинательной традиции подтверждается не только записью заговоров, но и рассказами о том, как происходит излечение магическими средствами. Однако ни один информант не назвал нам действующего в настоящее время знахаря, к которому бы обращались односельчане. Во всех трех деревнях рассказывали в основном о ранее живших знахарках, об их лекарском искусстве. Из ныне живущих называли лишь одну, которая, к сожалению, по состоянию здоровья уже не в состоянии заговаривать. Информанты, от которых записаны тексты заговоров от испуга, сглаза, ячменя, чирья, себя знахарями не считают, как и их односельчане.

Необрядовая лирика в материалах экспедиции представлена песнями позднего происхождения и частушками. Информанты старшего возраста хорошо помнят вечерки и молодежные игры, но при этом в забвении оказались вечерочные песни (кроме «Подгорной»), вместо которых нам исполняли частушки про гармониста. Вспоминали про танцы под гармонь, игру «Соседи».

Помимо песен из репертуара Серебрянского народного хора, пожилые исполнители поют песни своей молодости, т. е. 1940–1950-х гг. Например, от Н. Г. Сыроевой (1938 г. р.) из с. Серебряное была записана песня о расставании с любимым, в которой фигурирует имя Сталина:

Косынку берет он из рук,
Она вся расшита крестами,
И имя как будто <горит>,
Заветное имя то – Сталин!

От нее же записана песня военной эпохи «Не то в Кашине, не то ль в Рязане...», также сохранившая воспоминания о трагической эпохе в жизни страны:

Не то в Кашине, не то ль в Рязане
Не ложились девушки спать:
Много варежек теплых связали,
Чтоб на фронт их в подарок послать.
Вышивали их ниткой цветною,
Точно спорился девичий труд,
Все сидели порою ночью
И мечтали, кому попадут:
Может, летчику, может, саперу –
У Отчизны есть много сынов –
Иль чумазому парню шоферу,
Иль кому из отважных бойцов.
Одна девушка всех боевее,
Написала из песни слова:
«Мой товарищ, тебя я не знаю,
Но любовь в моем сердце жива».
Получил командир батальона
Эти варежки-пуховички,
Что так нежно и ласково грели
От пожатия женской руки.

Подводя итоги экспедиции 2016 г., можно сделать следующие выводы: 1) взаимодействие старожильческой и новопоселенческой фольклорных традиций в с. Серебряное и д. Согра и Исаковка способствует их обновлению и преемственности; 2) экспансивный характер вторичной традиции, поддерживаемой на официальном уровне, компенсируется устойчивостью традиционного мировосприятия местных жителей, что способствует сохранению старожильческого фольклора.

1. *Ляхова Е. В.* Устный рассказ в записях фольклорной экспедиции в Тарский район Омской области 2004 г. // Народная культура Сибири : материалы XIII науч. семинара Сиб. регион. вуз. центра по фольклору. – Омск, 2004. – С. 233–235.

2. *Динкелакер З., Лацис Ю.* Топонимы в устных рассказах старожилов Омской области (по записям 2016 г.) // Русский язык в XXI веке: исследования молодых : материалы IV междунар. науч. студ. конф. – Астана, 2017. – С. 167–170.

И. А. Селезнева, А. Г. Селезнев

Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НОВЫХ ЭКОПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 2016 ГОДУ

В 2016 году продолжено этнографическое обследование новых экопоселений, получивших распространение на территории Омской области. Впервые был проведен сбор материалов в поселении анastasиевцев, получены дополнительные данные об обрядности анastasиевских общин, рассмотрены установки анastasиевцев на вопросы рождения, воспитания и образования детей. Приведены данные об отношении поселенцев к власти, в частности, мотив сакрализации национального лидера.

Ключевые слова: новые религиозные движения, экопоселения, Омская область, этнографическая экспедиция.

В 2016 г. участники Среднеиртышской этнографической экспедиции Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского продолжили этнографическое обследование новых экопоселений, получивших распространение на территории Омской области. Как и в прошлом году, объектом изучения стали два типа поселений. Один тип возник на основе возрождения (изобретения) славянской языческой («славяноведической») культуры, второй – на базе широко распространенного в России нового религиозного движения «Звенящие кедры России», или «Анастасия». Оба движения объединяет их экологическая направленность.

В текущем году полевые работы были продолжены в экопоселениях на урочище Юрт-Бергамак Муромцевского района Омской области и Азь Градь Омского района Омской области (в основе этих поселений лежит идея возрождения «древнеславянских» традиций) и в анastasиевском поселении Черноозерье (Имбирень) Саргатского района Омской области. Кроме того, впервые был проведен сбор материалов в поселении анastasиевцев Колобово (Малинкино) Муромцевского района Омской области.

В предыдущих публикациях [1; 2; 3] мы дали краткую характеристику обследованных нами поселений. В настоящей работе излагаем новые материалы, полученные в полевом сезоне прошлого года.

Анастасиевское поселение Колобово (Малинкино) образовалось в 2007 г. на месте одноименных деревень, которые давно были заброшены и пустовали. Основатель и идейный лидер колобовской общины Вячеслав приехал с семьей из Литвы. К тому времени он и члены его семьи уже активно участвовали в экологическом движении и принадлежали к группе анastasиевцев. На настоящий момент их родовое поместье занимает 4 га, на которых расположен большой двухэтажный дом, разнообразные хозяйственные постройки, огороды. Поместье расположено в живописном месте на берегу реки, а в нескольких километрах от поселения находятся знаменитые озера Данилово и Линево, являющиеся традиционной зоной отдыха. В поместье в большом количестве высаживаются разнообразные породы деревьев: дубы, хвойные и пр.

Всего на поселении активно развиваются 4–5 родовых поместий, на которых круглогодично проживают до 10 человек. Кроме того, два поместья находятся на территории расположенной неподалеку деревни Малинкино. Глава Курганского сельского поселения Сергей Речкин характеризует поселенцев как трудолюбивых, крепких хозяйственников и ставит их в пример остальным жителям. Кроме того, поселенцы активно участвуют в культурных мероприятиях, проводимых в Курганке или даже в Муромцево. При этом они используют стилизованные под «славянские» костюмы.

Во время беседы Вячеслав объяснил суть деятельности по творческому преобразованию пространства: «Мы считаем, самое важное работать на пространство – посадить, распланировать, а потом видишь, как это все растет, меняется на глазах – какая радость! Заложили программу, и она сама развивается, только чуть-чуть в начале помогаешь: подкосить там надо что-то, что-то еще...».

В ходе экспедиции были получены дополнительные данные об обрядности анастасиевских общин. В частности, во время пребывания в поселении Имбирень удалось принять участие в важнейшем празднике движения – установленном Анастасией Дне Земли, который празднуется 23 июля (это же и день рождения Вл. Мегре). Центром празднования стала центральная площадка поселения и построенная здесь же школа. Одежда поселенцев была стилизована под «славянские» костюмы: женщины были в длинных сарафанах (некоторые с полностью покрытой головой или ограничивались декоративными ленточками), мужчины были в косоворотках, но встречались те, кто был одет в обычные рубашки и брюки. Всего собралось свыше 20 человек. Сначала была организована общая трапеза, на которой выступил с поздравлением неформальный лидер общины Александр. Затем начались танцы. Водили хороводы, в ходе которых провозглашались здравицы в честь «матушки-земли»: «будь здорова, матушка-земля», «плодородия тебе, матушка-земля», «побольше тебе детишек, матушка-земля». Потом стали танцевать кадрили. Завершилось празднование коллективными играми.

Весьма радикальны установки анастасиевцев на вопросы рождения, воспитания и образования детей (ср.: [4]). Приветствуются домашние роды в купели. В Колобово мы видели маленькую Настасью, дочь Антонины, появившуюся в результате таких родов. При этом купель хранится дома в качестве сакрального объекта, и ее оберегают от чужих глаз. Нам, например, купель не показали.

Поселенцы анастасиевских общин категорически отказываются от каких-либо прививок детям. По достижении школьного возраста дети переводятся на домашнее обучение. Вообще респонденты признают проблему разрыва и несоответствия положений, излагающихся на уроках официальной школы, с доктринами устройства окружающего мира, пропагандирующимися внутри общин. «Представляете, – возмущенно говорил нам один из поселенцев, – они там дошли до того, что преподают, что человек произошел от обезьяны». Вячеслав, один из лидеров колобовской анастасиевской общины, предлагает сложившуюся непростую коллизию решать следующим образом – на официальных уроках хитрить, говорить то, что ожидают учителя. При этом про себя придерживаться принятых в общине доктрин. Он также отметил, что два его сына, обучающиеся дома, успешно сдают квалификационные испытания и ни в чем не отстают от своих сверстников – учащихся обычной школы. В Имбирени поселенцы даже построили здание школы, но пока не могут выработать общие принципы и программы, на основе которых мог бы осуществляться образовательный процесс.

Полученные в ходе экспедиции 2016 г. материалы содержат данные об отношении поселенцев к власти. Так, весьма устойчивым является мотив сакрализации национального лидера. В Азь Граде на самом видном месте находится плакат с высказыванием В. В. Путина о патриотизме. Оригинальную трактовку вызвавших общественный резонанс событий предложил идеолог анастасиевского поселения Имбирень Александр. В беседе с нами он высказал предположение, что широко обсуждавшиеся эпизоды, когда президент на какое-то время исчезал с экранов телевизоров, объясняются тем, что в эти периоды он встречался с Анастасией и проводил с ней консультации относительно будущего развития России, знакомился с новыми экологическими книгами. Уже упоминавшийся Вячеслав, весьма обеспокоенный состоянием образования в России, уверен, что В. В. Путин окружен врагами – пятой колонной. Одним из ее лидеров респондент назвал министра образования и науки В. Ливанова и выразил уверенность, что последний в скором времени уйдет. Можно представить наши чувства, когда, завершив этот разговор, мы заглянули в заголовки новостей (большого не позволял едва теплившийся Интернет) и обнаружили там сообщения об отставке Ливанова.

Для анастасиевского движения характерна некоторая закрытость их общин. Отдельные наши собеседники отказывались фотографироваться, при этом ничего не имели против фотосъемки двора,

огорода и т. п. В ходе одного интервью респондент выступил против использования диктофона, мотивировав это тем, что общение должно быть без технических посредников – «глаза в глаза». Степан из Имбирени сетовал, что жители соседней деревни Черноозерье проявляют в отношении поселенцев недоверие и неприязненность, третируют их как сектантов: «Вначале они относились агрессивно, но потом несколько успокоились, но все равно, например, отворачиваются, когда я еду на велосипеде по деревне». Аналогично высказывался и Вячеслав из Колобово: «...этот деревенский менталитет, все это принижается сразу... Не все ж понимают идею, люди не идут на контакт, говорят – “сектанты”. Все на этой почве начинает накручиваться... Если человек что-то осознал, он начинает менять образ жизни. А кто-то еще не осознал, всегда будут пальцем тыкать – никуда от этого не денешься <...> Здесь-то [к нам. – *Авт.*] нормальное отношение, но вообще... Мы отдельно живем, с тем миром мало общаемся, мы тут творим, раскрываем...».

Мы уже отмечали в предыдущей публикации двойственность отношения поселенцев к городскому образу жизни. Степан и Ирина из Имбирени принципиально отказались от использования электричества, мотивируя это тем, что в жизни нужно следовать природному циклу смены дня и ночи. При этом электричество в поселении подключено и не лимитировано. Однако радикальный разрыв с городской средой невозможен. В доме Антонины из Колобово мы увидели полный набор бытовой техники: холодильник, стиральную машину, телевизор, компьютер. Она, в отличие от других поселенцев, употребляет в пищу молочные продукты, в том числе фабричное сгущенное молоко. Впрочем, это объясняется тем, что она кормит дочь Настасью. Довольно часто город является источником средств к существованию и содержанию поместья (удаленная или вахтовая работа, сдача в аренду квартиры, сохранившийся бизнес и др.). Жесткие реалии социального и природного окружения серьезно корректируют книжную мифологию современных экопоселений.

1. Селезнев А. Г. Горожане вне города: этнографическое изучение новых экопоселений на территории Омской области (по материалам экспедиции 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2015. – Т. 21. – С. 553–557.

2. Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Новые экопоселения как объект полевого этнографического исследования // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история. – Павлодар, 2016. – Вып. 11. – Т. 1. – С. 127–132.

3. Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Из города в лес: новые экопоселения как образ идеальных отношений с природой // Культурологический журнал : электрон. период. реценз. науч. издание. – 2016. – № 4 (26). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/392.html&j_id=29 (дата обращения: 14.03.2016).

4. Ожиганова А. Дети New Age: утопический проект движения «Анастасия» («Звенящие кедры России») // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 2 (33). – С. 262–286.

З. К. Сураганова¹, С. Р. Сарманова²

¹Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева

²Астана, Национальный музей Республики Казахстан

САУКЕЛЕ: ОТ ПРЕДМЕТА ДО ОБРЯДА (РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ)

Статья посвящена изучению номинации саукеле, получившей новое содержание и интерпретацию в свадебной обрядности казахов Омского Прииртышья. Показано расхождение традиции презентации молодой в полном свадебном облачении с омским обрядом саукеле, в котором происходит подмена невесты. Рассмотрены особенности и последовательность ритуала саукеле, сопровождаемого обрядовой песней и одариванием, имеющим обоюдный характер. На основе проведенного исследования авторами предлагается рассматривать трансформацию традиции и ее ревитализацию в новом формате как долг памяти.

Ключевые слова: саукеле, казахи, Омское Прииртышье, свадебная обрядность, традиция, реинтерпретация.

...Мир затопила нахлынувшая волна воспоминания,
прочно соединив верность прошлому – действительному
или воображаемому – с чувством принадлежности,
с коллективным сознанием и индивидуальным
самосознанием, с памятью и идентичностью.

Пьер Нора

О саукеле – традиционном головном уборе казахской невесты написано немало в трудах исследователей XIX в. и этнографов второй половины XX в. Высокий, похожий по описаниям на «сахарную голову» саукеле – «конусовидный колпак из кошмы, оклеенный внутри и снаружи красным и черным сукном и богато украшенный золотом, серебром, кораллами, жемчугом и камнями ... крайне тяжел, неудобен и безобразен» [1, с. 248]. Он был неотъемлемой частью приданого богатой казахской невесты XIX в. [1, с. 329].

Его стоимость, по данным того времени, была достаточно высокой. «Убор этот, по своей дороговизне недоступный для бедных и средних людей... Этим объясняется, вероятно, то, что он в настоящее время выходит из употребления и вместо него даже богатые предпочитают дать дочери какой-нибудь другой предмет роскоши, например тарантас» [1, с. 248]. Согласно степному праву, саукеле «всегда остается собственностью новобрачной и возвращается в ее род, если она умерла бездетной» [1, с. 248].

Демонстрация этого дорогостоящего головного убора была частью традиционной свадебной обрядности казахов и предусматривала дарение. Подарки от родителей невесты получала женщина, наряжавшая ее. Вторым подарком, имевший самостоятельную номинацию – *саукеленің байгазысы*, – предоставляла сторона жениха стороне невесты за смотрины молодой в саукеле. Этот убор носили не только на свадебных пиршествах, но и в последующее время, вплоть до рождения первенца.

Данная работа, основанная на материалах полевых исследований 2013 и 2016 гг. в Омской области, посвящена не столько изучению самого головного убора, сколько одному из свадебных обрядов, имеющих одноименную с ним номинацию – саукеле. Авторам удалось получить сведения о нем, а одной из них даже присутствовать во время проведения обряда в качестве «виновницы» торжества.

В Омской области, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., проживает 78 303 казаха [2]. Казахское население бережно чтит и сохраняет свои традиции. В свадебной обрядности казахов Омской области отмечается ряд элементов, схожих с обрядами основной части этноса, но известны и некоторые отличия, имеющие локальный характер. Обряд саукеле из их числа.

Ритуал саукеле имеет паритетный характер и проводится как в доме невесты, так и жениха. Главным исполнителем обряда является женщина из ближайшего окружения молодых, владеющая казахским языком и хорошими вокальными данными. Сигналом к началу обряда служит завершение приема ритуального угощения *құйрық-бауыр*, после которого стороны считаются навеки связанными братскими узами. Подтверждением этого служит фраза «*араластық-бауырластық*», произносимая после окончания приема обрядового угощения [3].

Как правило, обряд саукеле проводят сначала в доме невесты. Его исполнителем является женщина, связанная с ней узами родства или свойства, а также любая женщина из ближайшего ее окружения. Ключевую роль в обряде играет песня, адресуемая сватам. Слова песни, являющиеся продуктом коллективного творчества казахов, передаются из уст в уста. Музыкальное сопровождение ритуальной песни зависит от стиля и манеры исполнителя [3].

Обряд начинается с того, что исполнитель после объявления выступления входит в комнату, где его ожидают гости. Чаще всего ответственный за исполнение песни предстает перед гостями торжества в наскоро подготовленном наряде: на голову накидывается гиппоровый платок – *бөрпе шәлі* – либо кисея или похожая на нее ткань таким образом, чтобы не было видно лица; поверх платья булавками прикалывают кусок ткани в виде юбки. В последнее время в некоторых местах для такого случая стали шить специальный наряд, состоящий из платья и головного убора с перьями филина, которые в народе считаются апотропеем.

Во время исполнения песни женщина может стоять на одном месте либо ходить по комнате. Существует несколько вариантов текста песни, однако в каждом из них мы можем услышать повторы, особенно первого и последнего куплетов [3]. Одна из таких ритуальных песен была записана во время проведения обряда саукеле 16 июля 2016 г. в ауле Сулу-Терек Называевского района Омской области. Текст этой народной песни состоит из 12 куплетов и содержит следующие слова:

Саукелеге келейік,
Кұдаларды көрейік.
Бұрынғының жөні деп,
Дулап-шулап күлейік.
Басшы құда бастайтын,
Мың бір сомды тастайтын.
Табылмайтын қызық деп,
Ақшаны мен жастайтын.
Бұл бір қызық мереке,
Кұдаларға – береке.
Молдау-молдау тастандар,
Мен алмаймын бір жеке.
Қызыққа адам тоймайды,
Шапан, көйлек болмайды.
Алған, берген не болар?
Қайырлы болсын тойымыз!
Білезігім, жүзігім,
Құда болдың мың жылдық.
Алған, берген не болар?
Қайырлы болсын қызығымыз!

Давайте придем на саукеле.
Давайте посмотрим на сватов.
Вспоминая об обычае прошлого,
Подняв шум-галдеж, посмеемся.
Начинавший главный сват,
Бросавший тысячу рублей.
Много невиданных чудес,
Уложить деньги вместо подушки.
Этот радостный праздник,
Сватам – достаток.
Бросайте побольше-побольше,
Не я один (одна) возьму.
Человек не наладуется,
Недостаточно халата, платья.
Что станет с взявшим и давшим?
Да будет благословен наш пир!
Наши браслеты, наши кольца.
Ты стал сватом на тысячу лет.
Что станет с взявшим и давшим?
Да будет благословенно наше веселье!

Ата-ана, кәрі-жас,
Кұдандалы бауырлар.
Бақытты болсын балалар,
Мейірімді болсын екі жас.

Отцы-матери, почтенные, молодые,
Родные и сватья.
Да будут счастливы дети,
Пусть дети будут милосердными!

Сары алтындай жеңгесі,
Жалғанда жоқ теңдесі.
Көркейіп табақ кетпейме?!
Түссе бір уыс теңгесі.

Как желтое золото ее (его) женге.
Вечности нет равного.
Уйдет ли блюдо украсившись?!
Если упадут (на блюдо) горсти денег.

Қалтаңа қолды саласың,
 Молдау неге алмайсың?
 Көпшілігі елу теңге,
 Құдалар неге алдайсың?
 Кәрілерге жарайды,
 Жастар неге қарайды?
 Жетпей қалса жинағаным,
 Бәрі мені талайды.
 Бірің ата, бірің ене,
 Оқасы жоқ білгенге.
 Ерте жатып, кеш тұрар,
 Бір көбелек көргенше.

В карман кладешь руку,
 Почему бы не взять побольше?
 Всего 50 тенге,
 Почему обманываете, сваты?
 Сгодится на подарки,
 Почему смотрят молодые,
 Если не хватит собранного мной,
 Все разберут у меня.
 Один из вас свекр (тесть), одна из вас свекровь (теща),
 Не беда для знающего.
 Рано поднявшись, поздно ляжет,
 Прежде чем увидеть бабочку.

Өлең айттым тағы да,
 Құдаларға жағына.
 Қақсаймын деп тағы да,
 Ауырып қалды жағым да.
 Бұл өлеңім де сыналар,
 Құдалар білсе бағалар.
 Енді айналып келгенше,
 Қош-есен болыңыздар, құда-құдағилар!

Еще раз спела песню,
 Угождая сватам.
 Опять упрашиваю (умоляю) сватов,
 Уж изболелись щеки (челюсти).
 Эта моя песня заклинает,
 Если сваты знают – оценят.
 А пока обернусь,
 Будьте здоровы, сваты-сваты!

С того момента как начинается песня, под шумные и одобрительные возгласы гостей две женщины заходят в комнату для того, чтобы собрать подарки в виде денег, серебряных колец либо отрезков тканей. Для этих целей готовят большое металлическое блюдо или поднос с конфетами, которыми после одаривания исполнителя угощают гостей. Как правило, главные сваты кладут на блюдо по 1 000 руб., остальные гости – по возможности. Подобное действие с исполнением обрядовой песни саукеле проходит и в доме жениха, однако оно адресуется уже стороне невесты.

Обряд саукеле в Омской области, по нашему мнению, представляет собой реинтерпретацию традиции презентации молодой в полном свадебном облачении и с соответствующим одариванием стороной жениха. Реинтерпретация расходится с традицией по ряду составляющих ее элементов. Во-первых, обряд презентации невесты в свадебном наряде проходил только в доме невесты перед пиром ұзату той (букв.: пир в честь проводов дочери) и не имел паритетности. Во-вторых, в описываемом обряде вместо невесты выступила ее заместительница в лице одной из ее родственниц. В-третьих, одаривание сегодня имеет обоюдный характер, в то время как по традиции за возможность увидеть невесту в полном наряде одаривала только сторона молодожена. И наконец, в-четвертых, номинация саукеле утратила свое главное содержание – она не связана с традиционным свадебным убором казахской невесты XIX в.

Такая реконструкция свидетельствует о потребности казахской общины Омского Прииртышья в сохранении и трансляции традиции саукеле как части этнокультурной памяти. Выражаясь языком Пьера Нора, конец традиционной культуры, выросшей в лоне деревни, в нашем случае казахского аула, конец «памяти аула» привел к настоящему обрыву пуповины. Такой разрыв способствует росту популярности прошлого и его памятников. В случае отрицательного отношения к разрыву с прошлым, убежден французский историк, происходит реабилитация традиции. «Притом не традиции, для которой мы являемся наследниками и продолжателями, – подчеркивает П. Нора, – а традиции, от которой мы на самом деле навсегда оторваны и которая именно поэтому стала драгоценной, таинственной, исполненной неясного, взывающего к истолкованию смысла» [4].

К трансформации традиции и ее ревитализации в новом формате с сохранением номинации главного элемента – саукеле – привели активные темпы модернизации, урбанизации, повлиявшие на сибирических казахов.

Подобное реконструирование и меморизация, по мнению П. Нора, становятся возможными в результате ускоренных изменений и неопределенности будущего. «И эта неопределенность ставит перед

настоящим, – которое обладает небывалыми техническими возможностями сохранения, – обязательство помнить. Мы не знаем, что нужно будет знать о нас нашим потомкам, чтобы разобраться в самих себе. И эта невозможность предвидеть будущее, в свою очередь, ставит перед нами обязательство благоговейно ... собирать любые видимые знаки и материальные следы, которым предстоит (может быть) стать свидетельствами того, что мы есть или чем мы были. Иначе говоря, именно конец всякой телеологии истории – конец истории с известным концом – возложил на настоящее ...”долг памяти”» [4].

Полевые наблюдения, проведенные авторами в 2016 г. в Омском Прииртышье, позволяют сделать вывод о том, что казахская община в Сибири, руководствуясь долгом памяти, реинтерпретировала в обряде саукеле этнокультурное наследие. Руководствуясь концепцией «мест памяти» П. Нора, мы считаем, что казахская община посредством реконструкции, аккумуляции и автономизации групповой памяти находит «способ культивировать свою особость и верность распадающейся идентичности».

1. Материалы по казахскому обычному праву. Сборник I. – Алма-Ата, 1948.

2. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 24.02.2017).

3. ПМА. Аул Сулу-Терек Называевского р-на Омской обл., записи 2016 г.

4. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 15.12.2016).

Н. А. Тадина, Т. С. Ябыштаев

Горно-Алтайск, государственный университет, Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования

О РОДОВЫХ «КАМНЯХ» АЛТАЙЦЕВ*

На основе собранных сведений освещена роль родовых «камней» алтайцев в практике возрождения собраний сеока-рода. Авторы статьи, применяя методы включенного наблюдения, анкетирования и беседы с информантами, выявили сакральное значение родовой горы, тамги и коновязи. Отмечена эволюция установки родовых «камней» у алтай-кижи до памятных знаков родоначальникам и зайсанам прошлого у теленгитов.

Ключевые слова: алтайцы, сеок-род, родовые маркеры, полевой материал.

В Республике Алтай широко обсуждается опыт возрождения зайсаната и роль его потестарной власти в этнической жизни алтайцев. Спорны пути становления зайсаната, проявляемые в созыве собраний-курултаев, установке памятных знаков-камней и стел-памятников родоначальникам и зайсанам прошлого, роли посредника между общественностью и структурами официальной власти. Одним из последних мероприятий, освещаемых нами, явилось родовое собрание сеока-рода сагал, собравшееся 8 октября 2016 г. в с. Чуй-Оозы Онгудайского района. Это новое село было образовано в начале 2013 г. на 710 км Чуйского тракта, где находится популярное кафе. Название села означает «устье р. Чуи», и оно расположено недалеко от места слияния рек Чуи и Катунь.

В этой части Онгудайского района, граничащей с Улаганским и Кош-Агачским районами, проживают представители сеока сагал, создавшие свой курултай. Этот сеок является многочисленным родом теленгитов – одной из локальных групп южных алтайцев, расселенной в Улаганском и Кош-Агачском районах. Основная часть сеока сагал проживает в Улаганском районе, где находится родовая

* Исследование «Пути возрожденного зайсаната: от родовых “камней” алтайцев до памятных знаков Республики Алтай в свете потестарной имагологии» проведено при финансовой поддержке проекта РГНФ, проект № 17-11-04004а(р), рук. Н. А. Тадина.

территория, отдаленная и труднодоступная. Не случайно пограничное (теленгиты и алтай-кижи) и популярное место на Чуйском тракте было избрано для проведения родового собрания сеока сагал. Необходимых атрибутов – родовой «камень» и коновязь – не ставили, а провели обряд поклонения бо-жеству Алтаю посредством кормления огня и благословения «алкыш».

Основным материалом исследования путей утверждения возрожденного зайсаната служит полевой этнографический материал, собранный среди южных алтайцев – теленгитов и алтай-кижи. С целью плодотворного сбора сведений использованы методы включенного наблюдения, анкетирования и беседы с информантами. Введен в практику апробированный нами метод сбора материала на языке изучаемого этноса, т. е. на алтайском языке, потому что русский язык остается языком делового официального общения, а для передачи глубины изучаемой проблемы информаторы предпочитают пояснения на родном языке. Источниковую базу составляют материалы предшествующих поездок: фото-, видеоархив, результаты обработки опросных листов и полевых наблюдений. Проведен сравнительный анализ собранных сведений по изучаемому вопросу.

В постсоветский период сложилась традиция проведения родовых встреч, называемых сначала праздниками, затем, в связи с их растущей социальной значимостью, съездами или собраниями-«курултаями». Такое мероприятие сеок-род проводит на своей родовой территории или в местах проживания большинства его представителей. На первом празднике сеока водружают каменную стелу с начертанной датой события, тамгой и названием сеока, иногда родовым животным. Изображают тамгу, которая не только знак собственности, но и оберег в ритуальном значении [1, с. 115]. Не случайно родовой камень называют «*танмалу таиш*», в смысле «камень с тамгой (или меткой)» или «*сёёктин тажы*» (камень сеока). Обычно родовой камень определяют по высеченной родовой тамге: «*майман-дардын тажы*» (камень майманов), «*кыпчактардын тажы*» (камень кыпчаков) и др.

Известны четыре родовых «камня» многочисленных родов, установленные в первой половине 1990-х гг. Два из них находятся в долине р. Каракол (Онгудайский район) – в одном из мест расселения сеоков майман и тодош, организовавших родовые встречи. Два других маркируют родовую гору кыпчаков Тоотой и телесов Тумечин в долине р. Урсул (Онгудайский район). Судя по надписям на родовых «камнях», первым установил сеок майман в июле 1990 г. в местечке Текпенек между селами Боочы и Кулады Онгудайского района. Вторыми стали кыпчаки в 1991 г., а через год – телесы, их родовые места расположены в окрестности с. Ело Онгудайского района. Затем в июле 1996 г. появился родовой «камень» тодошей у с. Бичикту-Боом Онгудайского р-на. Алтайцы этих долин занимают центр как в географическом, так и в этническом отношении.

Родовые «камни» маркируют родовую территорию, являясь ее частью. Подходящий камень высотой около 2–3 м подбирают на «родной» земле – им может стать скол от скалы или гранитная стела. Найденный камень не подвергают обработке, а, начертав дату и родовые атрибуты, устанавливают на месте проведения праздника, рядом ставят коновязь (чаки). Коновязь на родовой территории, отождествляемая с миром человека, его домашним очагом и жилищем, выполняет сакральное и практическое назначение. Приехавшие повязывают к ней своих лошадей, но таких единицы, большинство приезжают на автомобилях. В мифологической трактовке родовая коновязь выражает приглашение на праздник покровителей сеока. По собранным сведениям, таковыми у кыпчаков является Бай Ульгень, у тодошей – Каршыт, у чапты – Чапты каан, у телесов – Бокты каан. На месте проведения праздника сеока тодош в долине р. Каракол стоит комплекс, включающий четыре коновязи, расположенные полукругом, а в центре родовой «камень» (рис. 1). На месте проведения праздника сеока майман, в той же долине, родовой комплекс представляют каменная стела, коновязь и сложенная каменная насыпь «обоо», служащая жертвенником. Рядом березка с ритуальными лентами «кыйра» (рис. 2).

Родовой «камень» ставят в случае проведения праздника сеока на родовой территории. Если сеок-род собирается на территории проживания большинства его представителей, то тогда устанавливают лишь коновязь. Этот вывод подтверждают собрания сеока тонжаан (июнь 2011 г., с. Беш-Озек Шебалинского района) и сеока чапты (июнь 2012 г., с. М. Яломан Онгудайского района). Их родовая территория находится в нижних районах: сеока тонжаан – в Чемальском районе, а у сеока чапты родовая гора Чептоган (Чаптыкаан) на стыке двух районов – Майминского и Чойского. В этих районах большинство населения русские, а алтайцев малая доля, поэтому родовые мероприятия проводят в других районах, где расположены моноэтнические села алтайцев.

Рис. 1. Место проведения праздника сёока тодош в долине р. Каракол: четыре коновязи, расположенные полукругом, в центре – родовой «камень»

Рис. 2. Березка с ритуальными лентами «кыйра» на месте проведения праздника сёока майман

Родовая территория обозначена родовой горой. Под этим определением следует понимать не только высокую гору, но и близлежащие гряды гор, переходящие в ее вершину, истоки рек и целебные источники «аржан», дикие животные, обитающие в высокогорной тайге. Издавна родовая гора считалась местом формирования сеока, его укрытием от внешних угроз: «...мотивами для почитания гор отдельными сёбками были война, во время которой члены рода искали спасения на горе» [2, с. 152]. Родовая гора почитаема и называется «ыйык», потому что в старину на ней скрывались от нашествия врагов. В народной памяти сохраняются сведения, где спасся тот или иной сеок. Данные о своей родовой горе, ее названии, месте расположения остаются в этническом сознании представителей сеока, проживающих порою вдали от своих родовых мест.

Родовые «камни» выступают символом родства по сеоку. Каждый наследует род от отца – патрилинейное родство ведет к соблюдению обычая экзогамии, когда внутри сеока и даже между родственными родами браки не заключаются. На родовых собраниях встречаются, знакомятся, уточняют родовые генеалогии. В них участвуют не только представители сеока-организатора, но и родственники по материнской линии, те, у кого матери из этого сеока. Приветствуется участие сватовских и родственных родов. Малочисленные роды не проводят своих собраний, а участвуют в мероприятиях крупного сеока, в этом одна из сторон проявления родовой структуры. Например, на встречу кыпчаков собираются представители родственных сеоков – мундус и кергил, на собрание к сеоку тодош могут прийти из родов очы, чапты, байлагас, каал, образующие единую родовую группу. Одним из многочисленных родов является сеок телес, к которому относятся теленгиты и алтай-кижи, расселенный почти по всей республике. Этот сеок теленгитский по происхождению, и его родовым местом считается хвойная тайга «Аба жыш» в горной окрестности Телецкого озера (Турочакский и Улаганский районы), неслучайно названного «озером телесов».

Традиция установки родовых «камней» продолжена в этнокультурной практике теленгитов Улаганского и Кош-Агачского районов [3]. В июне 2013 г. по инициативе зайсана телесов Акай Кине и при поддержке районного отдела культуры в Улаганском районе у слияния рек Чулышман и Башкаус

был поставлен памятник Ярынаку (Жарынак), родоначальнику теленгитских сеоков телес и кебек, жившему в XVII в. Этот памятный знак с прорисованными чертами богатыря называется «кезер таш», что значит «резной, обработанный, отесанный камень» за сходство с древнетюркским изваянием. О древних изваяниях сохранилось представление как «об окаменевших и ждущих своего времени богатырях, стоявших на страже Алтая» [4, с. 86]. В преддверии 150-летия вхождения теленгитов в состав России в июле 2014 г. в с. Кокоря Кош-Агачского района был поставлен памятник зайсану Чуйской волости Очурдяпу Мандаеву (1828–1898 гг.). Эта стела, на которой изображен предок сеока ак кебек, названа «*кѳжѳ таш*» в значении «памятный пограничный знак». Несмотря на то, что теленгитские памятники посвящены историческим личностям, их традиционно называют «таш», в смысле «камень-символ».

Собранные полевые материалы позволяют утверждать, что основное значение установления родовых «камней» заключается в выражении почитания божества Алтая, от которого зависит благополучие человека, его семьи и сеока-рода. Родовые места не утратили ритуального и символического значения, выступая в повседневной и обрядовой жизни посредником между человеком и почитаемой природой. Словом, родовой «камень» сеока свидетельствует о том, что этот род собирается на родовой территории, почитает свою родовую гору, благословит Алтай. Следовательно, таким сеоком-родом продолжается соблюдение традиций и родовых обычаев. Кроме того, родовые «камни» дают надежду на продолжение традиции родовых сборов.

1. *Ябыштаев Т. С.* Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 1 (20). – С. 112–117.

2. *Токарев С. А.* Пережитки родового культа у алтайцев // Труды Института этнографии. – М., 1947. – Т. 1. – С. 139–158.

3. *Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С.* Теленгитские памятники этнокультурному ренессансу // Вестник ТГУ. – 2016. – № 5 (43). – С. 109–113.

4. *Кыдыева В. Я.* Древняя традиция в новых условиях // Анохинские чтения. – Горно-Алтайск, 2008. – С. 85–87.

М. Н. Тихомирова

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

РЫНОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ ТАТАР ИЗ ПРИГОРОДНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ТОМСКА В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

На основе полевых материалов и дополнительных источников рассмотрена торговля татар сельских населенных пунктов продукцией, произведенной в результате хозяйственной деятельности. Согласно разным источникам, во второй половине XX в. татары преимущественно торговали молочными продуктами и овощами. Для большей части семей торговля была дополнительным источником получения доходов. Ее роль возростала в нестабильные годы развития экономики страны – в послевоенные и в 1990-е гг.

Ключевые слова: томские татары, рынок, продажа, продукты питания.

Автор статьи зимой 2016 г. собирала полевые материалы по системе питания татар пригородных населенных пунктов Томска, расположенных на расстоянии до 20 км от города: в деревнях Барабинка и Черная Речка, в с. Тахтамышево, а также в Эуште, бывшей деревне, с 2005 г. присоединенной к городу.

В ходе работы по основной теме исследования была получена информация о том, что население вело активную торговлю на городских базарах товарами, получаемыми в результате различной хозяйственной деятельности.

Цель данной статьи – описать частную торговлю, по мере возможности рассмотреть вопрос о ее вкладе в семейный бюджет сельских жителей, так как от доходов зависело разнообразие покупаемых продуктов питания. Поэтому мы заинтересовались сборами материалов по этой теме.

Для написания этой работы, кроме собственных сборов, мы использовали материалы полевых экспедиций Томского государственного университета: студенческих практик 1970, 1972 гг. и научного сотрудника Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири М. С. Усмановой [1–5], а также опубликованные архивные документы, научную и краеведческую литературу [6–10]. Привлеченные материалы дополнили нашу информацию и позволили рассмотреть вопрос в более широком хронологическом диапазоне.

Благодаря исследованиям историков известно, что с первых десятилетий основания Томска некоторые группы, вошедшие в последующем в состав томских татар, сбывали продукцию, получаемую в результате своей разнообразной деятельности, в этом городе [6].

После смены строя в 1917 г. татары продолжали привозить в Томск свои товары для продажи. В отчете особо уполномоченного Томского горкома ВКП(б) среди товаров, реализуемых на рынке единоличниками Эуштинского сельского совета, упоминаются: молоко, яйца, дичь и рыба, а из непродовольственных товаров – сено и дрова. По этим данным, в 1931 г. единоличник за всю свою продукцию получал доход около 250 рублей [9, с. 123].

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству страны, поэтому для ликвидации продовольственного дефицита власти разрешили более широкую торговлю продуктами, производимыми жителями села. В Томске городские власти в 1945 г. приняли меры по благоустройству колхозных рынков, а Центральный базар на Базарной площади (ныне ул. Ленина) был назван образцово-показательным. К 1951 г. в общем торговом обороте города колхозная торговля составляла 10 % [10, с. 138–139].

Жительница бывшей деревни Эушта Ф. А. Курбанбаева (Аминова), 1952 г. р., вспоминала, как она, будучи ребенком, помогала в торговле: «Бутыли три или пять литров. Помню, маме я помогла их нести на продажу. Молоко, сметану <продавали> стаканчиками. Корзины из ивы плели. [...] Мы их продавали. [...] Еще мы рыбу продавали» [4, л. 25–25 об.].

Как следует из рассказов жительницы с. Тахтамышево Г. Г. Бикуловой, 1929 г. р., с конца 1950-х по 1980-х гг. жизнь сельских жителей постоянно улучшалась [7, с. 101–102]. Но продажей излишков собственного производства сельчане не перестали заниматься. Н. А. Томилов, анализируя результаты обследований 1969–1973 гг., отмечал, что спецификой пригородных населенных пунктов была торговля продуктами с подсобных приусадебных участков. Она давала определенный доход [8, с. 38–39].

В 1970-х гг. и почти до настоящего времени татары торговали на Центральном, недавно закрытом Дзержинском рынках, на других торговых точках. В настоящее время некоторые из них продают свои товары на Южном рынке, на котором власти выделили места [4, л. 11 об.–12].

В 1973 г. произошло важное событие для жителей упомянутых сельских населенных пунктов – закончилось строительство Коммунального моста через р. Томь, связавшего левобережье с городом, что повлекло изменения в лучшую сторону во всех сферах жизни. Жительница с. Тахтамышево Г. Г. Бикулова, 1929 г. р., вспоминала: «Это был самый настоящий праздник... Столетиями ходили пешком до парома жители наших деревень, желая продать на рынке продукты личного подсобного хозяйства» [7, с. 103]. До 1973 г. паромная пристань располагалась от населенных пунктов довольно далеко – в месте, где затем был построен пост ГАИ на Шегарском тракте. Самая ближайшая к нему д. Черная Речка располагалась на расстоянии 5–6 км. Жители д. Эушта могли также переправляться в город через р. Томь на лодке с перетягиванием по канату [7, с. 40]. Путь до парома был трудным. «Автобусов не было. <На> санки мешок положат или бидон молока на 10-20 литров...», – рассказывала жительница д. Черная Речка Ф. В. Сайфамлюкова (Кучкульдинова), 1947 г. р. [4, л. 11].

По рассказам наших информаторов, у каждого населенного пункта была специализация в торговле теми или иными товарами. Жители Тахтамышево продавали на рынке грибы, Барабинки – лук-батун и огурцы, Черной Речки – овощи, Эушты – молочные продукты [4, л. 33 об.–34, 67]. В начале 1970-х гг. у татар увеличились площади огородов до 20–25 соток [2; 3, к. 191, 194] и овощи стали одним из важных товаров.

Кроме того, по словам информаторов, на специализацию в торговле продуктами питания жителей деревень Черная Речка и Эушта повлияло основное направление хозяйственной деятельности совхозов – овощеводство и производство молочных продуктов [4, л. 58 и др.]. В бывшей деревне Эушта была крупная ферма, где, например, в 1963 г. содержалось 200 дойных коров, 200 голов молодняка, а также здесь выращивали овощи на площади в 100 га [1, л. 6; 4, л. 40]. В 1969 г. в совхозе «Тахтамышевский» был выстроен тепличный городок [8; 7, с. 36–37]. Но наибольшее развитие овощеводство получило в д. Черная Речка, которая стала в 1974 г. центральной усадьбой совхоза «Томь» после разукрупнения совхоза «Тахтамышевского». Для уточнения информации о продукции, которую татары продавали с личного приусадебного хозяйства, нами было проанализировано 35 бюджетов* семей колхозников, собранных в 1970 г. Из них: в Эуште – 13, Казанке – 10, Барабинке – 9, Черной Речке – 3. В 1972 г. сбор бюджетных историй был продолжен: в Барабинке – 12, а также 20 в с. Калтай, который к пригородным населенным пунктам не относится, но информация о доходах жителей важна для сравнения.

Доход от торговли огородными культурами в карточках указан 21 раз (в Барабинке – 16; Казанке – 3, Эуште – 2). От картофеля – 6 раз (в Эуште – 3, Казанке – 2, Барабинке – 1). Правда, не во всех случаях понятно, кто из информаторов картофель продавал в городе, а кто сдавал государству.

Доход от продажи молока в бюджетах указан 10 раз (в Эуште – 7, Барабинке – 3), от яиц и мяса – по 5 раз, в восьми случаях написано «от личного подсобного хозяйства» [2, к. 183–214, 216–218; 4, к. 151, 153–154, 161, 165–170, 172, 175–178, 180–181, 185 и др.].

Для сравнения способов реализации сельхозпродукции с личных подсобных хозяйств приведем данные из с. Калтай. В 1972 г. его расположение, по причине удаленности от города на 30 км и отсутствия стабильного сообщения, не позволяло татарам вести торговлю в городе. Излишки молока и картофеля жители сдавали государству [3, к. 151, 153–154, 161, 165, 168 и др.]. Цены были чуть ниже – при продаже на рынке татары могли выручить за 1 л молока 30 копеек [2, к. 195], а государство принимало по 20 копеек [3, к. 223], и картофель – по 10 копеек за 1 кг [3, к. 202, 211 и др.]. Еще для представления о ценах того времени добавим, что в 1987 г. М. С. Усманова, описывая быт жителей Черной Речки, писала, что литровая банка сметаны стоила 4 рубля, творог – 50 копеек за стакан [5, л. 5 а].

При изучении вопроса о рыночной торговле важным является определение ее роли в доходной части семьи. Однако из-за несовершенной методики сбора первичной информации** невозможно считать ее долю в доходах.

Анализируя репрезентативную информацию из доходной части бюджета, можно утверждать, что подавляющее число жителей получало стабильный доход в виде заработной платы*** и социальных выплат. От их размеров зависело то, насколько жители активно занимались продажей продуктов из подсобного хозяйства. В семьях с высокой заработной платой не указана какая-либо торговля продуктами [2, к. 185], а также сдача излишков картофеля государству [2, к. 198, 205, 210 и др.].

По словам информаторов, торговлей в семьях занимались женщины. Согласно бюджетным историям, записанным в 1970 и 1972 гг., 13 женщин разных возрастов были домохозяйками и как раз могли заниматься этим видом деятельности (Эушта – 6 чел., Казанка – 4 чел., Барабинка – 3 чел.). [2; 3, к. 183–184, 192–193, 186, 194–195, 197, 200, 203, 206, 210, 216 и др.].

Чтобы проиллюстрировать доходную часть бюджета семьи, частично формирующуюся за счет торговли, приведем информацию, полученную от жителя д. Эушта А. Х. Чапарова, 1944 г. р. Доход

* Бюджеты – это своеобразный вид этнографической карточки, в которой материал структурирован и подан единообразно по шаблону, заданному вопросником. Состоит из двух частей, дохода и расходов. В ссылках к первой главе монографии Н. А. Томилова указано, что было собрано экспедициями ТГУ 350 бюджетов у всех групп томских татар [8, с. 49]. Мы не смогли ознакомиться с остальными бюджетами в Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ (далее – МАЭС ТГУ). Возможно, они хранятся в еще недооформленной части документов архива музея.

** Практически во всех карточках не указана цена за единицу товара, а только сумма за месяц, а чаще за год. При этом размер сумм за год или месяц примерно одинаковые – исчисляются десятками или одной-двумя сотнями рублей.

*** Близость к городу позволяла части жителям как минимум с последней трети XX в. работать не только в сельском хозяйстве, а также в промышленности, коммунальном хозяйстве, на транспорте в г. Томске или в обследованных населенных пунктах (подробнее см.: [3, к. 193–195, 197; 6, с. 40; 8, л. 1а–2а]).

за один день торговли молоком составлял 6 рублей, а за месяц – 90 рублей, от продажи мяса получалось около 30 рублей в месяц. Зарплата и пенсия семьи равнялась 132 руб. [2, к. 184].

Распад СССР привел к экономическим трудностям и падению материального благосостояния населения. В эти годы увеличилось количество скота в хозяйствах (до 4 коров), потому что продажа излишков становилась весьма важной статьёй дохода приблизительно до 2000-х гг.

В настоящее время, по мнению информаторов из с. Тахтамышево и д. Черная Речка, больше продают молочной продукции только жители бывшей д. Эушта, поэтому мы не удивились, когда наблюдали торговлю опрашиваемой нами молочницы с горожанками, которые специально приезжают к ней домой. Жители д. Черная Речка в настоящее время продают не только овощи, но и соленья и рассаду, специально выращенную на продажу. Татары всех деревень сезонно торгуют редким деликатесом – конской колбасой. Часть семей специально заготавливает ее в избытке с целью продажи, при том что лошадей сами не держат, а конину и кишки покупают. Несколько местных предпринимателей д. Черная Речка также занимаются изготовлением конской колбасы на продажу.

Итак, мы рассмотрели рыночную торговлю, в основном продуктами питания, получаемыми в результате хозяйственной деятельности татар пригородных населенных пунктов Томска. Торговля приносила дополнительный доход в бюджет части семей. Ее роль возрастала в нестабильные годы развития экономики.

1. *Коновалов В. Н.* Хозяйство Эушты с конца XIX века до настоящего времени: отчет по материалам этнографической практики // Архив МАЭС ТГУ. Папка (далее – П.) 79 : материалы этнографической практики (далее – МЭП) ТГУ 1970 г.

2. Архив МАЭС ТГУ. П. 73 : МЭП ТГУ 1970 г.: д. Барабинка, Казанка, Черная Речка, Эушта Томского района Томской области.

3. Архив МАЭС ТГУ. П. 115 : МЭП ТГУ 1972 г.: с. Калтай Томского района Томской области.

4. Полевые материалы автора за 2016 г. Полевая опись № 1. Записи в д. Барабинка и Черная Речка, с. Тахтамышево Томского района Томской области, Эушта (городской район Томска).

5. *Усманова М. С.* Поездка к сибирским татарам пригородных деревень Черная Речка и Барабинка Кафтанчиковского сельсовета Томского района // Архив МАЭС ТГУ. П. 1208. Полевой дневник № 1–3, июль 1987 г.

6. *Волков В. Г.* Деревня Казанка и казанские татары в Томске в XVII в. // Бастаново: Сохраним имена наших предков. – URL: <http://www.bastanovo.ru> (дата обращения: 01.03.2017).

7. *Пестерева Е. А.* Тахтамышево (1406–2006). – Томск, 2006.

8. *Томилов Н. А.* Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья: хозяйство и материальная культура. – Томск, 1980.

9. Томские татары в прошлом и настоящем : сб. документов и материалов к 400-летию Томска. – Томск, 2000.

10. *Шитилина Г. В.* Сельское хозяйство и крестьянство Томской области в XX в. – Томск, 2011.

Н. А. Томилов

*Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
государственный университет им. Ф. М. Достоевского, гуманитарная академия*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И ДИСКУССИИ О ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1970-Х – 1980-Х ГОДОВ

В статье раскрывается актуальность темы полевых исследований в этнографии, утверждается приоритет комплексных полевых работ. Поставлен вопрос о необходимости создавать программы и вопросники по сбору этнографического полевого материала. Приведены сведения о дискуссии по проблемам полевых исследований в журнале «Советская этнография» в 1985–1986 гг.

Ключевые слова: экспедиция, полевые источники, народная культура, этнические процессы, народные знания.

Актуальность темы этнографических полевых исследований сохраняет свое значение в российской (да и в зарубежной) науке с XVIII до начала XXI вв. – периода интенсивного и осознанного сбора материалов по истории, культуре и социуме народов мира. Обсуждаемой это тема оставалась в последние пять десятилетий. Существенным остается круг вопросов о достоверности и репрезентативности собираемых материалов, о методах сбора этнографической информации, о взаимоотношениях ученых и информаторов, о видах экспедиционных работ, о научной интерпретации добытых в поле этнографических источников и др. От их решения во многом зависит ценность для науки и общества полученных научных выводов и результатов.

Если вести речь о видах проводимых этнографических экспедиций, то известно их структурирование в маршрутные, стационарные и маршрутно-кустовые экспедиции. А от поставленных исследовательских задач зависит и объем собираемых материалов: это либо комплексные работы (охватывают все или большинство тем этнографической науки), либо компонентной, т. е. тематической направленности (сбор материалов осуществляется по одной либо по нескольким смежным темам).

Верным остается утверждение известного ученого С. И. Вайнштейна, высказанное еще в 1985 г., когда он вместе с М. Н. Шмелевой начинал очередную дискуссию о полевых исследованиях [1; 2], о значении разных видов исследовательских программ сбора полевых материалов по народной культуре – и тех, когда изучаются комплексно все стороны культуры данного этноса, и тех, когда изучаются лишь ее отдельные компоненты [1, с. 53].

И все же часто изучение лишь одного-двух явлений культурной и социальной сфер жизнедеятельности этнических общностей без комплексного сбора полевых материалов оказывается недостаточным. И мне пришлось в этом убедиться, когда я в 1969–1973 гг. занимался изучением современных этнических процессов среди татар Западной Сибири. Сбор материалов только по опросным листам ограничивал возможности глубокого проникновения в ход этнокультурных, этносоциальных, этнопсихологических, этноязыковых и иных видов этнических процессов на современном этапе. Поэтому наряду с массовым сбором материалов путем заполнения опросных листов проводилась и работа по сбору информации по хозяйству, культуре и социальным явлениям обычными методами этнографической полевой работы – путем непосредственного и вызываемого наблюдения, беседами с информаторами, фиксацией материальных объектов, сбором предметов для музейных коллекций. Это дало возможность полученный костяк результатов исследования этнических процессов в цифровых показателях наполнить живым этнографическим материалом.

Участие в этнографических полевых работах у меня выпало на годы моей учебы, а затем работы в Томском государственном университете (ТГУ) имени В. В. Куйбышева (1961–1974 гг.). Работа в этнографических экспедициях затем продолжалась в последующий период моей работы в Омском государственном университете (с 1974 г.) и Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР – затем РАН (с 1991 г.), который с 2006 г. стал называться Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН. Более 40 экспеди-

ций работали под моим руководством (начиная с 1969 г.). Кроме того, мне довелось участвовать в экспедициях ТГУ – в пяти под руководством Г. И. Пелих (1961–1964 гг.) и в одной под руководством Э. Л. Львовой (1969 г.). Именно Г. И. Пелих – ученица Л. П. Потапова – привила мне убеждение в необходимости проведения комплексных этнографических полевых исследований.

В последние десятилетия омскими учеными ежегодно организовывалась работа 5–8 этнографических экспедиций (некоторые из них и со сбором антропологических материалов). Этими работами были охвачены многие народы и национальные группы России: алтайцы, бачатские телеуты, казахи, татары сибирские, татары астраханские и казанские, татары-мищари, тувинцы, хакасы, шорцы, чулымцы, ногайцы, манси, селькупы, а также русские, украинцы, немцы, латыши, эстонцы, чувашаи. В результате этих и научно-интерпретационных работ Омск стал одним из крупных этнографических научных центров страны, в том числе и с этноархеологическим направлением [3; 4; 5].

В дискуссии 1985 г. по проблемам полевых исследований подчеркивалось, что для успешного проведения таких работ «...очень важны хорошо подготовленные программы и детальные вопросники» [1, с. 58]. И в связи с этим участник этой дискуссии А. М. Решетов писал: «Однако целенаправленной работы по составлению программ, к сожалению, не проводилось» [6, с. 59]. Я, поддержав в своем выступлении в этой дискуссии о своевременной постановке вопросов необходимость «...совершенствования методики полевых исследований, разработки программ и вопросников», обратил тогда внимание на проводимую в этом направлении работу в Омском государственном университете и на публикацию трех небольших сборников программ и вопросников [7, с. 71]. Первые два сборника увидели свет еще в 1978 г. Такая работа по разработке и публикации была продолжена и в следующие годы, а в 2002 г. была опубликована уже большая книга «Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии» [8], включившая и тексты отзывов на рукопись этой книги таких видных ученых, как С. И. Вайнштейн и Н. И. Григулевич. Некоторые наши методические разработки так и не были опубликованы. К ним относятся, например, «Опросный лист для изучения современных этнических процессов», разработанная по предложению В. В. Пименова унифицированная анкета для массового сбора материалов по жилищам (давала возможность в течение дня совершить полное обследование жилищ одной деревни) и др.

В дискуссии 1985 – начала 1986 гг. приняли участие ученые, в деятельности которых полевая работа занимала прочное место. Помимо «зачинщиков» дискуссии С. И. Вайнштейна и М. Н. Шмелевой, это этнографы В. Р. Арсентьев, И. П. Березовский, О. Р. Будина, В. Ф. Горленко, Г. Н. Грачева, А. Н. Жилина, В. И. Козлов, Л. Ф. Моногарова, А. М. Решетов, Г. А. Сергеева, Г. Н. Симаков, Г. В. Старовойтова, Ч. М. Таксами, Н. А. Томилов, Л. Н. Чижикова.

Остро обсуждались вопросы о ликвидации белых пятен в изучении народной культуры, о сопряженности в решении двух задач полевых сборов материалов – изучения современности и реконструкции прошлой традиционно-бытовой культуры этнической общности, о значении и смысле разных видов экспедиционного инструментария, об охране и изучении материальных объектов в зоне строительства и др.

Мною был поставлен вопрос о том, что записи рассказов информантов о явлениях прошлой (исчезнувшей на момент записи) культуры и социальной среды следует отнести к современным явлениям культуры в виде исторической памяти, а сами эти сведения о прошлой этнографической действительности следует включать в сферу народных знаний и, соответственно, так их и изучать – как явление духовной культуры [7, с. 70–71]. И это предложение с его концептуальным смыслом вошло в общую дискуссию о соотношении полевых сборов материалов о прошлой действительности и современности. В редакционном заключении о дискуссии об этом было сказано так: «Более того, даже то, что уже ушло в прошлое, но все еще хранится в памяти информаторов, является составным компонентом памяти современного человека и в определенном смысле тоже фактом современной действительности, современной памятью о прошлом, или, по словам Н. А. Томилова, “народными знаниями о былом”» [9, с. 68].

В связи с этими утверждениями мною был поднят вопрос об условности границ между явлениями материальной и духовной культуры и о необходимости изучать и те функции материальных явлений культуры, которые отражают духовные стороны жизни людей [7, с. 71].

Коснулся я тогда и вопроса о количественных измерениях в изучении бытовой культуры, заявив о необходимости организации «периодически повторяющихся исследований одного и того же объекта

(группы этносов, этноса, этнической группы, многонационального населения какого-нибудь региона и т. д.) на разных хронологических срезах, начиная с современности, которая на наших глазах становится историей, но содержит и зародыши будущего... И выявление тенденций развития этнических (в том числе этнокультурных, этносоциальных) процессов, «...выход на их прогнозирование и научное управление ими станут более реальными и основательными... именно в результате анализа материалов, такого рода многократных этносоциологических и этнографических обследований» [7, с. 72]. В качестве примера были приведены данные такого панельного обследования сибирских татар экспедициями ОмГУ.

Прошедшая на страницах журнала «Советская этнография» дискуссия привела ее участников к убеждению, что многие вопросы концептуального и методического значения в проведении этнографических полевых работ так и остались дискуссионными и требуют дальнейшего их обсуждения теперь уже на научных конференциях. И сегодняшняя XII Международная научно-практическая конференция «Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году (археология, этнография, устная история)», которая проходит в Омске, убеждает в том, что необходимость обсуждения вопросов теории и методики этнографической полевой работы сохраняется и в наше время.

1. *Вайнштейн С. И.* Актуальные вопросы полевого исследования традиционно-бытовых культур народов СССР // Советская этнография. – 1985. – № 3. – С. 51–59.
2. *Шмелева М. Н.* Полевая работа и изучение современности // Советская этнография. – 1985. – № 3. – С. 43–51.
3. *Жигунова М. А.* Омская этнографическая научная школа // Культурологические исследования в Сибири. – 2014. – № 1. – С. 34–44.
4. *Жигунова М. А., Томилов Н. А.* Научные и научно-педагогические школы // Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. – Омск, 2014. – С. 185–203.
5. *Захарова И. В., Томилов Н. А.* Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр. – Омск, 2007.
6. *Решетов А. М.* Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований // Советская этнография. – 1985. – № 6. – С. 56–60.
7. *Томилов Н. А.* Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований // Советская этнография. – 1985. – № 6. – С. 70–72.
8. Вопросы и программы по этноархеологии и этнографии / отв. ред. С. Ф. Татауров, Н. А. Томилов. – Омск, 2002.
9. От редакции // Советская этнография. – 1986. – № 1. – С. 68–70.

В. В. Ушницкий

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ЛЕГЕНДЫ ОБ ЭРЕЛЬДЕЕ – АЛТАЙСКОМ ЗАЙСАНЕ

В данной статье анализируется деятельность алтайского зайсана Эрельдея, о котором были записаны многочисленные легенды российскими и советскими исследователями. Этот зайсан сыграл большую роль во вхождении алтайцев в состав Российской империи.

Ключевые слова: алтайцы, ойроты, историография, история Сибири, устная история, потестарная культура.

Во время путешествия по Горному Алтаю часто приходится слышать рассказы про зайсана Эрельдея. Поэтому нас заинтересовало описание этой исторической фигуры, одного из предводителей

алтайцев к времени присоединения их к Российской империи. На историческом фоне Сибири его фигура имеет такое же важное значение для своего народа, как Тыгына у народа саха и Иренака у хакасов. От их отношения к русским людям и чиновникам зависела дальнейшая судьба народных масс.

Советский тюрколог Л. П. Потапов, ссылаясь на А. В. Анохина, в своей работе «Очерк истории Ойротии» пишет: «В случае бездетности зайсана он мог передать свою власть и приемному сыну. Это подтверждается преданием о зайсане Эрельдее, который получил зайсанство именно таким путем. Во времена Ойратского царства к алтайцам, живущим по реке Оон (Бие), приехал китайский чиновник для сбора албана (подати). Зайсаном у алтайцев был Пуктуш из рода Тонжоан. Пуктуш встретил чиновника с почетом. Он велел заколоть лошадь и устроить для чиновника “тепши” – угощение. При “тепши” в числе прочих присутствовал мальчик из сеока Мундус, семи лет, по имени Эрельдей. Во время еды знатных лиц, китайского чиновника, зайсана и его помощника, Эрельдей, видя, что угощение мясом подходит к концу, к удивлению всех присутствующих смело спросил: “Уч кижинин киинде итен оско неме алып тиибес-па?” – после трех человек, кроме собаки, могут ли брать (и есть мясо) и другие? Смелый вопрос понравился всем и развеселил чиновника. Чиновник обласкал мальчика и посоветовал бездетному Пуктушу усыновить Эрельдея. Пуктуш так и сделал. Он усыновил Эрельдея и сделал его наследником своего зайсанского достоинства. Таким путем зайсанство после смерти Пуктуша перешло из рода “тонжоан” к роду “мундус” и родословная зайсанов первой дючины представляется по рассказам стариков в следующем виде» [цит. по: 1].

По преданию, приведенному Л. П. Потаповым в его научной работе «Очерк истории Ойротии», выходит, что укту-зайсан Пуктуш Кумеков был из сеока «тонжоан», являлся подданным Китая, и что переходил в Российское подданство со своим улусом не он, а Эрельдей [1].

В архиве МАЭ РАН (Кунсткамера) мы нашли следующую алтайскую легенду о Эрельдее, в материалах А. В. Анохина: «Слухи о набегах киргизского полководца Кочкорбая дошли до жителей Северного Алтая, живущих в районе между реками Бией и Катунью. Страх за свое личное благополучие и благополучие своего народа заставил зайсана Эрельдея объединиться с представителями других сеоков Чодыку-ирхит и Пудуку-кержиль. Эрельдей собрал военный совет, на котором постановлено было соединенными силами отражать набеги киргизского полководца Кочкорбая. Организовали войско, Эрельдей расположился на небольшой горе Эру, которая находится близ деревни Улалы. В стратегических соображениях гору эту кругом окопали большим рвом.

Войско Эрельдея было вооружено стрелами. Из огнестрельного оружия было только ружье, принадлежавшее зайсану Эрельдею. Через некоторое время явился Эрельдей с многочисленным войском, а за ним тянулись кибитки его семи жен и сына, тоже полководца. Сам Кочкорбай был одет в панцирь, а войско вооружено стрелами. При атаке горы Эру войска Кочкорбая приближались на такое расстояние, через которое свободно могли долетать стрелы. Пюдюкю-стрелок направил пулю в Кочкорбая. Смертельно ранил в пах. Сын его взял на себя предводительство. Стрелок Пюдюкю ранил и сына. Раздробило ему фаланги пальцев правой руки. После этого он отступил с войском к берегам Иртыша.

Русские заметили щепки деревьев, плывущих по реке. К алтайцам приехал чиновник. <...> выкурили вино из молока, морс из кислицы. Дали Царю черного соболя с белыми лапками. Так совершился переход алтайцев в Русское подданство. Эрельдей продолжал заботливо собирать дань со своего народа.

Кочкорбай имел свои кочевья в Западном Алтае, по берегам реки Иртыша. Имея в своем распоряжении большое и сильное войско, он часто делал набеги на жителей кочевников Алтая. Опустошал их жилища, грабил имущество, а людей уводил в плен, в степи Иртыша, делал их данниками.

Эти исторические события в устном фольклоре алтайцев получили большое отражение.

Во времена Ойратского царства к алтайцам, живущим по берегам Бии, приехал китайский чиновник для сбора албана. Зайсан Пуктуш Тонжоан встретил чиновника почестями. Заколол лошадей. При званом тепши присутствовали Эрелдей из сеока мундус. Бойкий и умный мальчик очаровал посланника. Посланец спросил Пуктуша, есть ли у него дети-наследники. Пуктуш был бездетный. Тогда чиновник посоветовал усыновить мальчика, который был бы представителем рода зайсанов по линии Пуктуша.

С этого момента Эрелдей был взят в семейство Пуктуша, тут он вырос и был впоследствии алтайским зайсаном. Родовое право зайсанства от рода Тонжоан перешло к сеоку мундус, которое до сих пор продолжает держаться в означенном сеоке двенадцати зайсанов» [2].

Таким образом, мы видим, что зайсан Эрельдей жил во время перемен для алтайского народа. Алтайцы после падения Джунгарской (Ойратской) империи оказались перед историческим выбором: принять китайское или российское подданство. В то же время с запада их тревожили нашествия казахских кочевников. После мирного присоединения к Российской империи зайсан получил право собирать налог со своего народа и таким образом его потомки получили наследственную должность зайсанов.

1. *Тенгерекоев И. С.* Добровольное вхождение теленгетов в состав России. – Горно-Алтайск, 2001.
2. Архив МАЭ РАН. Ф. 11 (Фонд А. В. Анохина). Ед. хр. 141–142.

Ю. Н. Цыряпкина

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

КУЛЬТУРНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КОРЕННОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ГОРОДАХ ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ В 2014–2015 ГОДАХ)

В статье рассматриваются процессы взаимного культурного влияния коренных жителей республики и русского / русскоязычного населения в условиях распространения идеологии «узбекчилик», в рамках которой делается акцент на узбекский язык, культуру, обычаи. В статье показаны механизмы формирования элементов религиозного синкретизма и культурного обогащения.

Ключевые слова: меньшинство, узбекчилик, синтез культур, православие, ислам, обряды, традиции.

Среди опубликованных научных работ по проблемам русского / русскоязычного населения в постсоветском Узбекистане было выпущено много исследований, анализирующих изменение статусно-правового положения меньшинства, объемы и потоки миграции «русских» из республики после распада СССР и др. В 1990-е гг. немногочисленные работы по Узбекистану перемещаются в этнополитическую плоскость. Немного публикаций было посвящено анализу тех важных изменений, которые происходили в сфере самоидентификации русских в постсоветском Узбекистане, поиску собственного места в «национализирующемся» узбекском обществе [1; 2]. В последние 20–30 лет не публикуются этнографические работы об обрядах жизненного цикла русского населения Узбекистана, динамике их культурных и духовных традиций. Отчасти это связано с тем, что русские в Узбекистане навряд ли представляют гомогенное этническое образование, их чаще включают в группу русскоязычного населения, куда вместе с русскими входят татары, корейцы, немцы, евреи и др. Доля русских в составе населения республики подсчитана. На 1 января 2015 г. из 31 022 525 жителей Узбекистана русские составляли 776 923 человека (2,5 %) [3]. За последние 25 лет доля русских в составе населения Узбекистана постепенно снижается. С другой стороны, суверенизация в Узбекистане породила огромный исследовательский интерес к культуре и традициям титульного населения – узбеков. Чрезвычайно востребованными оказались работы по истории, культурной и обрядовой жизни корейцев Узбекистана, спонсируемые южнокорейскими фондами. Русские как особая этнокультурная группа узбекского общества оставалась в тени, хотя по всеобщему признанию русские в Узбекистане, несмотря на значительный миграционный отток, по-прежнему составляют достаточно серьезный интеллектуальный и экономический потенциал.

Данная статья не претендует на полноформатное рассмотрение вопросов культурных и обрядовых изменений у русского населения республики, можно проследить некоторые тенденции в изменении

этнокультурных маркеров русских, основываясь на результатах полевых исследований в Ташкенте и городах Ташкентской области в 2014–2015 гг.

В советский период русские в Узбекской ССР были этнической группой, у которой можно было выделить черты, отличающие ее от других народов, проживающих в республике. Узбекский исследователь Е. В. Абдуллаев считает, что идентичность русских в советское время носила инструментальный характер и выражалась в том, что украинцы, белорусы, отчасти еврей-ашкенази, а также дети, рожденные в межнациональных браках русских и представителей автохтонного населения региона, в паспорте записывали национальность «русский» и в совершенстве владели русским языком [4, с. 15]. К тому же у русских в СССР имелся социально-политический «статус экстерриториальности». Городская жизнь в центральноазиатских республиках была по большей части русифицирована с примесью азиатского колорита. Русские не владели языком коренного населения и не стремились к знанию второго языка, так как в городском пространстве в этом не было необходимости [1, с. 207]. В целом формировавшаяся «советская общность» с конца 1930-х гг. окрашивалась в русские национальные тона (русский – язык межнационального общения, общесоветская русскоязычная культура). Это привело к активному влиянию культуры русских на коренное население региона. О. И. Брусина отметила, что в Средней Азии русские переселенцы с конца XIX в. воспринимались как носители более «высокой» бытовой и хозяйственной культуры [5, с. 148]. Коренное население подверглось сильному влиянию русских не только в сельскохозяйственной технике и способах обработки земли, но во внешнем облике, заимствовании стиля жизни и др. В частности, в монографии О. И. Брусиной приводятся примеры интервью, иллюстрирующие, что узбечки учились у русских соседок варить варенье, солить и мариновать овощи, вышивать и шить и др. [5, с. 149]. Подобное культурное и хозяйственное влияние пришлых «европейцев» на коренное население региона приветствовалось в имперский и советский период и поощрялось государственной идеологией.

Кардинальные изменения произошли после распада СССР. В первые годы независимости в Узбекистане начала формироваться гражданско-территориальная концепция государства, опирающаяся на ценности «узбекчилик» (узбекскость). Согласно государственной идеологии, консолидация нации происходила на основе принятия меньшинствами ценностей «узбекчилик», в рамках которой особый акцент делался на узбекский язык, узбекскую культуру и традиции, историю узбекского народа [6, с. 215]. Русские и русскоязычные в Узбекистане лишились прежних привилегий, связанных со «статусом экстерриториальности» и законодательно закрепленным статусом русского языка. Процессы суверенизации в Узбекистане и миграционный отток русского / русскоязычного населения привели к изменениям в самосознании, в некоторой степени в обрядовой и культурной жизни русских.

За 25-летний период существования суверенного Узбекистана русское / русскоязычное население выбрало две модели адаптации к новой общественно-политической ситуации. Первая – это миграция за пределы республики. Статистика свидетельствует о том, что только доля русских снизилась в 2 раза (в 1989 г. русских насчитывалось 1653 тыс. чел.), то есть республику покинул каждый второй русский [7, с. 13]. Вторая модель – это процесс адаптации к жизни в национализирующемся Узбекистане в условиях, когда русские / русскоязычные, а также все те, кто разделяет «европейскую» идентичность, оказываются в меньшинстве даже в городах.

В настоящее время узбекское общество, крайне неоднородное и фрагментированное, делится на несколько групп, наиболее функциональным разделением является деление по линии «европейской» и национальной идентичности. «Европейскую» идентичность в среднеазиатское общество в XIX в. привнесли русские переселенцы, в имперский и советский период ее стали разделять представители коренного населения региона. Узбекский исследователь, философ и поэт Е. В. Абдуллаев выделяет признаки «европеизма» русских в Узбекистане, к которым относятся урбанизированный стиль жизни, владение европейским языком (в случае Узбекистана – русским), ориентир на западные стандарты и ценности, проявляющиеся в большем индивидуализме и критицизме, к которому не склонно автохтонное население региона [4, с. 19]. Часть коренного населения региона (узбеки, таджики), преимущественно городские жители, также усвоили европейские ценности, одежду, стали носителями «европейской» идентичности. «Европейская» идентичность коренного населения республики (узбеков, таджиков) осваивалась в первую очередь через русский язык. В то же время русские, хотя и считают себя «европейцами», но воспринимают и впитывают некоторые формы поведения и способы мышления, присущие коренным жителям региона. Это тонко подметил искусствовед и культуролог, пресс-

секретарь Международной конфедерации союза художников Ю. В. Подпоренко: «История Ташкента – это история города, совмещающего в себе самые разные национально-культурные группы, которые не смешивались ... но принимали с уважением культуру своих соседей. Ташкент – западно-восточный перекресток» [8].

В 2010-е гг. в небольших городах Узбекистана прослеживается тенденция к адаптации в среде азиатско-мусульманского большинства, в том числе с помощью изменения идентификационных маркеров и традиций. Быстрее всего размывается этническая идентификация русских, в первую очередь в смешанных браках, у детей-метисов. Если в советский период дети из смешанных браков, где кто-либо из родителей был русским, чаще всего в паспорте записывались «русскими», то в независимом Узбекистане все происходит с точностью наоборот. Национализация общественно-политической жизни, наличие графы «национальность» в паспорте заставляет носителей русского языка и культуры, преимущественно из смешанных семей, изменять идентификационные маркеры. Из интервью Т., русская, 69 лет, г. Ангрэн: *«Мой сын был женат на крымской татарке, сейчас я воспитываю их дочь В. Хотя я ее ко всему приучила, даже в церковь ее водила. Но внучка по паспорту себя записала мусульманкой (имеет в виду тот факт, что внучка взяла национальность матери – «крымская татарка», несмотря на то, что ее вырастила бабушка. – Ю. Ц.)»* [9].

Результаты полевых исследований в Узбекистане показывают, что наибольшее взаимопроникновение культур наблюдается в хозяйственно-бытовой жизни, что подтверждалось ранее данными О. И. Брусиной. Все опрошенные русские в той или иной степени заимствовали традиционные блюда азиатской кухни и застольный этикет, кроме одной семьи, в которой пестовалась только русская кухня из-за отрицания главой семьи всего узбекского. Опрошенные русские из блюд инонациональной кухни выбирают плов, шурпу, лагман, машевый суп, окрошку с кефиром (не с квасом. – Ю. Ц.) и др. В бытовой жизни подавляющее большинство опрошенных русских / русскоязычных чай пьют из пиалы, точнее из чайника с пиалами с хлопковым орнаментом. Бывают случаи, свидетельствующие о заимствовании со стороны мусульман блюд русско-украинской кухни. Из интервью Ф., 19 лет, Алмалык, в паспорте записана как узбечка: *«Ю. Ц.: А вот у вас есть предпочтения в еде. Допустим, отказываетесь вы от свинины?»*

Ф. : Нет, не отказываюсь, но сейчас очень жарко, и ее не очень-то хочется есть.

Ю. Ц.: А для вас это не харам (запрещенное. – Ю. Ц.) – съесть сало!?

Ф. : Ааа, съесть сало – нет, съесть сало хорошее – нет, я люблю сало тем более. Я, например, люблю борщи, щи люблю, селедку люблю под шубой. Вот борщи для меня, я была хохлом в прошлой жизни, вот донская кровь течет во мне, она как-то во мне дает о себе знать больше всех (мама – наполовину крымская татарка, наполовину таджичка, папа Ф. – наполовину донской казак, наполовину татарин. – Ю. Ц.). Я бы съела и картошечку с салом, для меня – это самое блаженство, больше, чем плов, я не знаю почему» [10]. В ходе погружения в изучаемую среду было неоднократно отмечено, что узбечки на базаре в г. Ангрэн покупают сало, и оно пользуется популярностью у коренного мусульманского населения. В праздник Пасхи 20 апреля 2014 г. узбеки покупали пасхальные куличи на ангрэнском базаре и многое другое.

Важное значение в формировании стратегий самоидентификации и взаимовлияния культур имеет конфессиональный фактор. Несмотря на то, что в 1990–2000-е гг. правительство И. Каримова приняло меры по укреплению официальных религий государства, в том числе и православия, для русских традиционная вера не приобрела былого значения, которое имела в дореволюционное время. Самоидентификация по религиозному признаку размывается в первую очередь у русских из смешанных семей, что, как показали исследования, связано с попыткой приблизиться к мусульманскому большинству, проживающему в Узбекистане. В этих случаях соединяются как православная, так и мусульманская обрядность.

Попытки адаптация к традициям титульного большинства приводят порой к корректировке этноконфессиональных стандартов. В смешанных семьях в обрядовой жизни следуют нормам православия и ислама. Порой религиозные практики приобретают ритуальный характер. Из интервью В., 38 лет, русская, Фергана: *«Вышла замуж за таджика, в семье воспитываем сына и дочь, говорим по-русски, хотя и сын, и дочь владеют узбекским. Все религиозные праздники отмечаем, и Пасху, Хаит (Рамазан Хаит, Курбан Хаит. – Ю. Ц.). На Пасху муж все яйца уносит в свою семью, к родителям. У нас нет разделения по религии и национальности. Мне говорят:*

«Верахон, у вас праздник, погода испортилась, значит, ничего делать нельзя». Узбеки на Хаит пловом угощают, ты куличи раздаешь на Пасху. Детей я крестила, сына крестила в Кувасайской церкви (Кувасай – город Ферганской долины, расположенный в непосредственной близости от киргизско-узбекской границы. – Ю. Ц.). Муж с батюшкой договаривался о крещении, но обрезание сыну также будем делать» [11].

Другой пример из интервью Ф., 19 лет, Алмалык, у которой в семье воспитывается сводный брат 4-х лет: «Ф.: У брата родители разные: мама – мусульманка, папа – христианин, и никаких конфликтов не возникает. Ю. Ц.: Какую веру выберет брат? Ф.: Он сам решит, когда вырастет, но отец сказал, что ему можно делать обрезание» [10]. Даже если в дальнейшем мальчик крестится, обрезание – ритуал, который не помешает приобщению к православной обрядности.

Из интервью Э., Ташкент, татарка, 41 год: «Мусульманские праздники больше значимы для моих родителей. Я люблю праздники, всевозможные Хаиты (имеет в виду Рамазан Хаит и Курбан Хаит. – Ю. Ц.) еще по детской традиции, просто потому что можно собраться семьей, а в мегаполисе для этого мало возможностей. Что касается православных праздников, то мы не так чтобы празднуем, но, во-первых, наша семья, мы же выросли в России, мы детьми красили яйца на Пасху. Для нас не было никакой религиозной подоплеки... Сейчас у нас в семье сноха (жена брата Э. – Ю. Ц.) русская. Она носит нательный крестик, ходит в церковь. Она, кстати, перед Пасхой печет куличи, освещает в церкви, мы у них на Пасху тоже собираемся и все это поедает. Это, скорее, не столько даже религиозные какие-то вещи, а вот уже просто такие даже где-то бытовые. Ну просто такие праздники, это обряд, за которым нет религиозного смысла.

Ю. Ц.: Какую религию выберут дети в семье вашего брата, правильно я понимаю, что он мусульманин? Э.: У моего брата сын и дочь, они пока не крещенные, да и не мусульмане. Хотя его сыну сделали обрезание. Но родители приняли решение, что выбор детьми религии должен быть осознанным. Я не могу сказать, что мой брат религиозный, что он прям себя мусульманином считает. Его жена более традиционная в плане религии» [12].

Стоит обратить внимание, что в последнем примере брат и сноха респондента – оба русскоязычные и разделяют «европейскую» идентичность. Эти идентификационные маркеры гораздо крепче религиозных предпочтений каждого из родителей. Религиозный синкретизм в смешанных семьях приводит к тому, что дети адаптируют религиозные обряды и из православия, и из ислама, что свидетельствует о том, что религиозные традиции носят, скорее, ритуальный поверхностный характер, без глубокого осмысления обрядовой стороны и православия, и ислама.

Очень важная особенность была выявлена в ходе полевых исследований – коренное население, в частности, узбеки, с интересом относятся к православным святыням, обрядам. В каждом приходе священники отмечают, что нередки случаи, когда мусульмане (чаще всего женщины) ставят свечки за своих родственников, просят священника помолиться (к примеру, за мужа, который находится на заработках в России).

Иерей Алексей (Ангрен): «Приходят узбеки и спрашивают святую воду». Иерей Сергей (Каган): «Узбечки приходят, просят помолиться за них. Я им говорю: “Приходите, молитесь Николаю Чудотворцу”, они приходят. Святую воду просят постоянно, узбеки детей посылают. Им требуется даже больше, чем нам». Приведенные факты требуют дальнейшего изучения и осмысления, но уже сейчас стоит заметить, что они входят в диссонанс с мыслями, декларируемыми многими российскими СМИ о повальной радикализации и исламизации населения центральноазиатских республик, в том числе и Узбекистана.

В завершение необходимо отметить, что влияние на русских / русскоязычных азиатско-мусульманской культуры будет постепенно усиливаться, и связано это с социокультурным контекстом Узбекистана. По мере уменьшения русского «присутствия» в городах Узбекистана будет усиливаться синтез православной и мусульманской, европейской и азиатской культур. Взаимовлияние и синкретизм в религиозной и культурной жизни вызван ориентацией на стратегии адаптации в национализирующемся Узбекистане.

1. Цыряпкина Ю. Н. Идентификационные маркеры русского населения Узбекистана в постсоветский период // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 4 (50). – С. 206–213.

2. Flynn Moya Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities paper. – Vol. 35. – No. 2. – March 2007. – P. 267–288.
3. Материалы предоставлены Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан № 01/3-13-07/3-280 от 5 октября 2015 г.
4. *Абдуллаев Е. В.* Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Русский мир в Центральной Азии : сб. материалов и ст. – Бишкек, 2007. – Вып. 1. – С. 8–33.
5. *Брусина О. И.* Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. – М., 2001.
6. *Цыряпкина Ю. Н.* Принципы национальной политики независимого Узбекистана // XII Гумбольдские чтения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2016. – С. 213–219.
7. Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989. – Москва, 1991.
8. *Подпоренко Ю. В.* Важно пробиться от фейк-фикш к правде // Новости Центральной Азии на Subscribe.Ru. – URL: <http://subscribe.ru/archive/news.world.turkestan/201703/11090401.html/> (дата обращения: 08.03.2017).
9. Полевые материалы автора 2015 г. Республика Узбекистан, Ангрен, Т., 69 лет, русская, пенсионерка, записано 20.08.2015.
10. Полевые материалы автора 2014 г. Республика Узбекистан, Алмалык, Ф., 19 лет, узбечка, выпускница академического лица, записано 17.08.2014.
11. Полевые материалы автора 2014 г. Республика Узбекистан, Фергана, В., 38 лет, русская, бухгалтер, записано 07.08.2014.
12. Полевые материалы автора 2014 г. Республика Узбекистан, Ташкент, Э., 41 год, татарка, психолог, записано 09.09.2014.

О. И. Чарина

Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

БЫТОВАНИЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В С. СИНСК ХАНГАЛАССКОГО РАЙОНА ЯКУТИИ: ЭКСПЕДИЦИЯ 2016 ГОДА*

В статье рассматриваются некоторые результаты экспедиции в село Синск Хангаласского района Якутии. Поскольку в селе постоянно совместно проживают русские, якуты, эвенки, важно было проследить особенности исторической памяти в поликультурном селе. В быту старшее поколение продолжает говорить на якутском языке, песни исполняют русские. В рамках экспедиции был проведен опрос выбранной группы населения с уточнением отношения в семьях к традиционным русским песням. Русское устное народное творчество долгое время соединяет русских старожилов Хангаласского и Олекминского районов.

Ключевые слова: русский фольклор, традиции, взаимовлияние, билингвизм, предания, анкетирование.

В с. Синск Хангаласского района мы побывали в рамках проекта «Историческая память в поликультурном пространстве Якутии: формирование и трансформация» в 2016 г. Экспедиционная работа сотрудниками института постоянно проводилась в 1989–2001 гг. в Хангаласском, Олекминском и Ленском районах, которые относятся к приленским районам Якутии.

Фольклором приленских русских занимаются такие исследователи, как Ю. И. Смирнов [1], Н. В. Соболева [2], Р. П. Потанина [3; 4], М. Н. Мельников [5, с. 68–76], Р. П. Матвеева [6, с. 127–

* Работа выполнена в рамках проекта П.2П/ХП.186-2 «Историческая память в поликультурном пространстве Якутии: формирование и трансформация» – 2016 г.

192] и др. Ряд песен, частушек, особенностей календарно-обрядового и свадебного обрядов отражены в работах автора статьи [7; 8].

Ю. И. Смирнов писал в 1991 г., что «к настоящему времени мелкие группы русских на средней Лене, по нашим, впрочем, беглым впечатлениям, совершенно обьякутились и образовали оригинальную этнографическую группу (по-местному, «сахалыры»), обособленно держащуюся как от русских, так и собственно якутов» [1, с. 23]. Он отмечал, что они «поют унаследованные русские песни, хотя зачастую не понимают их слов», указывает на то, что «среди осевших здесь людей были и потомки служилых людей, или казаков. Сюда постоянно доставляли партии ссыльных, и одной из первых групп, пришедших на Лену в 40-е гг. XVII в., были «пленные черкасы» [1, с. 22].

Так, за долгие годы совместного проживания в Хангаласском, Олекминском районах образовалась особая группа населения, которая называет себя «пашенными» (по-якутски «ямнар» – русское старожильческое население указанных улусов). Они знают многие фольклорные жанры, помимо этого, любят исполнять песни на якутском языке. Большую роль в жизни любого народа играет хозяйственная деятельность. В надежде всегда иметь хорошие урожай, рыбный улов, богатую охоту человек совершал определенные действия, которые пытался согласовать с силами природы, все это в последствии оформилось в обряд.

В 2016 г. мы проводили анкетирование, связанное с темой исторической памяти в поликультурном пространстве Якутии. Часть вопросов касалось вопросов бытования русского фольклора в селе. В Синске проживают: мужчин – 320, женщин – 355, детей – 311. Было опрошено 52 человека. В селе живут русские, якуты, две семьи эвенков, примерно по 3–4 человека. Применительно к устной народной традиции задавались следующие вопросы:

Поете ли вы народные песни?

Как вы исполняете песни? Совместно с кем-то, самостоятельно, с детьми?

На каком языке поете песни? На русском, якутском, эвенкийском? Другом?

Вы усвоили фольклорные произведения от матери, ее родственников, от отца, его родственников?

Услышали песню по радио, увидели по телевизору, нашли в Интернете?

Вот некоторые результаты опроса, которые отражены в таблицах.

Таблица 1

Поете ли вы народные песни?

Вариант ответа	Частота	Процент	Валидный	Кумулятивный
Да	20	38,5	35,8	38,5
Нет	20	38,5	35,8	76,9
Редко, по особым случаям	12	23,1	23,1	100,0
Итого	52	100,0	100,0	

Как видим, из опрашиваемых не все поют песни, 20 человек поет, некоторые включаются в процесс пения только «за компанию» – это 12 человек.

Если да, то как вы исполняете в вашей семье народные песни, другие произведения фольклора? Этот вопрос определяется в таблице 2.

Таблица 2

	Частота	Процент	Валидный	Кумулятивный
Всей семьей	17	32,7	54,8	54,8
Отдельно взрослые, дети обычно не присутствуют	9	17,3	29,0	83,9
другое	5	9,6	16,1	100,0
итого	31	59,6	100,0	
Системные и пропущенные	21	40,4		
Итого	52	100,0		

Таким образом, видно, что в опрошенных семьях соблюдают традиции передачи знания фольклорных произведений от родителей к детям. Песни поют в кругу семьи, когда дети непосредственно воспринимают песни родителей и более старшего поколения.

Поскольку в основном население села – билингвы, то не удивительно, что песни поют и на русском, и на якутском языке. Из 52 опрошенных 17 человек не ответили на данный вопрос, остальные 35 распределились по ответам следующим образом:

На русском поет 13 человек, это 25 %;

На якутском – 6 человек, 11,5 %;

На якутском и русском – 15 человек, что составляет 28 %.

Один человек (видимо, это эвенкийка) не поет ни по-русски, ни по-якутски.

В беседе с местными, в частности, выяснилось, что употребительно «баһынаай» (потомок) – смесь русского и якута. Также используется термин «центр» – это ребенок от смешанного брака. Здесь «центр» – от русского «центр», по правилам произношения в якутском языке добавляется гласный звук после второго согласного звука.

Часть опрошенных сообщили, что стараются уточнить происхождение обосновавшихся в селе предков. Редко у кого сохранились какие-либо предметы от родителей, бабушек и дедушек. Так, С. А. Федоров (возраст – 58 лет) сообщил, что у него есть три сундука, другие предметы родителей. Но его родители жили в этом же селе, но за рекой Синею. Многие не сохранили вещи родителей, так как их родина – другие соседние села, часть из которых в настоящее время заброшены.

Вместе с тем проживание якутов, русских, эвенков в среднем Приленье служит примером довольно терпимых отношений с точки зрения межнациональных, межсоциальных и межличностных связей. Нас интересует характер бытования русского фольклора в билингвистической среде русских и якутов на протяжении ряда столетий. Русское устное народное творчество долгое время соединяет русских старожилов Хангаласского и Олекминского районов.

Исследования показывают, что опрашиваемые старшего возраста (старше 60 лет) предпочитают разговаривать на якутском языке (речь идет о русских и якутах Хангаласского и Олекминского районов). Поездка в Синск Хангаласского улуса еще раз убедила нас в том, что жители села и сейчас предпочитают изъясняться на якутском языке. В других селах района, в Ленском, Олекминском улусах картина меняется: основной язык общения – русский.

Использование второго языка в речи или якутов, или русских обусловлено тем, что иначе невозможно: это ведет к взаимопониманию, что немаловажно в условиях проживания на одной территории разных этносов.

-
1. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю. И. Смирнов. – Новосибирск, 1991. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
 2. *Соболева Н. В.* Типология и локальная специфика русских народных сказок. – Новосибирск, 1984.
 3. Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / сост. Р. П. Потанина. – Новосибирск, 1981.
 4. Русская свадебная поэзия Сибири / сост. Р. П. Потанина. – Новосибирск, 1984.
 5. *Мельников М. Н.* Региональное своеобразие фольклора сибиряков // Русский фольклор. Полевые исследования. – Л., 1984. – Т. 22.
 6. *Матвеева Р. П.* Проблемы регионального исследования русского фольклора Сибири // Русский фольклор и фольклористика Сибири. – Новосибирск, 1981.
 7. Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта) / сост. О. И. Чарина. – Якутск, 1994.
 8. *Чарина О. И.* Русские песни Приленья. – Новосибирск, 2009.

И. В. Чернова

Омск, государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ХОЗЯЙСТВО ЮЖНОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье анализируются материалы учета населения первой половины XX в., дополняемые сведениями из полевых этнографических источников. Основное внимание уделено южнорусским переселенцам, проживающим на юге Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: хозяйство, южнорусские переселенцы, похозяйственные книги, материалы переписей, Западная Сибирь.

В исследованиях адаптации переселенцев важную роль играет выявление эффективности хозяйства на месте заселения, нередко определяемая в работах как степень вероятности достижения экономического успеха. Историками доказана прямая зависимость данной характеристики от ситуации, в которой происходило их водворение и обустройство. Наиболее интересен в этом отношении период конца XIX – начала XX в., т. к. именно в это время в среде южнорусских переселенцев в Сибири происходило формирование основных адаптивных стратегий. Теоретически данные стратегии и вопросы адаптации были раскрыты в работах М. К. Чуркина [1]. В данной работе будут проанализированы локальные варианты бытования предложенных стратегий и представлены статистические данные, отражающие хозяйственную адаптацию исследуемой группы на рубеже XIX–XX вв.

Большая часть приведенных материалов была получена в ходе архивной и этнографической экспедиций 2016 г. Основу источниковой базы исследования составили статистические материалы – данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., а также похозяйственных и подворных книг конца 1920-х – начала 1950-х гг. Территориально материалы охватывают Муромцевский район Омской области в современных границах, некоторые населенные пункты Томской области и Алтайского края.

Как видно из имеющихся материалов, легче и быстрее к сибирским условиям адаптировались те переселенцы, которые смогли привезти с собой хозяйственный инвентарь и имущество. Однако зачастую привезенные с мест выхода орудия труда оказывались непригодными в Сибири. Подобную ситуацию иллюстрирует донесение чиновника по крестьянским делам Спасского участка Каинского округа от 18 мая 1889 г., указывающего, что «переселенцы нуждаются в деньгах для уплаты долгов, выкупа своих вещей (литовок, полотна, телег), на покупку лошадей <...> и на покупку борон железных взамен их деревянных, непригодных к сибирской почве» [2, л. 33 об.].

Именно поэтому к началу XX в. в среде южнорусских переселенцев наблюдается усвоение новых навыков и использование новых орудий в сельскохозяйственной сфере. В качестве примера можно привести деревню Новорождественка Омской области. Об истории данного населенного пункта сохранилось довольно много архивных документов – его упоминает в своем отчете А. Н. Куломзин, побывавший здесь в 1896 г. [3, л. 42]. Кроме того, в фондах Российского государственного исторического архива было обнаружено инициированное в 1902 г. переселенцами-великороссами обращение в Министерство внутренних дел с просьбой о разделе на два сельских общества, в котором указан пофамильный состав южнорусских переселенцев [4, л. 112 об.]. Его дополняют документы Переселенческого управления и данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [4, л. 112–112 об.; 5, л. 138–142, 165–172 об.; 6]. К более поздним источникам относятся похозяйственные и подворные книги, позволяющие проследить судьбу переселенцев на протяжении следующего этапа социальной и экономической трансформации. В архивном отделе администрации Муромцевского района Омской области сохранились подворные книги по нескольким населенным пунктам за 1928–1929 гг., в том числе и книга по д. Новорождественка. Ее соотнесение с архивными данными позволяет сделать вывод об успешной адаптации группы южнорусских переселенцев в новых для себя условиях. Именно с этим можно связать проживание на территории деревни значительного числа

первоселов и их потомков на протяжении как минимум трех десятков лет после их прихода в Сибирь [7, л. 1–105].

Подворные книги фиксируют также состояние жилища и хозяйства. В источниках обозначена относительно благоприятная ситуация: большая часть жилищ – это дома-пятистенки (21 %) и деревянные избы (42 %), кроме того, на подворье обычно располагается амбар, иногда – хлев или баня. В двух хозяйствах отмечены крытый двор, ворота и завозня.

Особенности составления источника исключают возможность проведения глубокого качественного сравнения земледелия, как одного из направлений хозяйства, т. к. переписчик фрагментарно заполнил сведения о высеваемых культурах и преобладающей системе земледелия. Тем не менее в д. Новорождественка в структуре культивируемых растений преобладают пшеница (ее посевы составляли от 1 до 4,5 га), овес (от 1 до 4 га) и лен (от 0,4 до 0,8 га). На втором месте по объему посевов шли рыжик, просо, греча и корнеплоды, в среднем высеваемые на 0,2–0,7 га. В трех хозяйствах высеивали «ярицу» (яровую рожь). Горох практически не высеивался. Подобный набор культур отражал сложившуюся систему питания, с одной стороны, а с другой – был связан с природно-географическими условиями проживания. Об этом свидетельствует, например, преобладание в составе хлебов такой морозоустойчивой культуры, как овес, а также сохранение двуполья в качестве основной системы земледелия. С другой стороны, большие площади, занятые пшеницей, гречихой и просом, более характерные для южнорусских районов, показывают устойчивость принесенных земледельческих традиций.

Особенностями сложившейся здесь земледельческой системы обусловлен и состав сельскохозяйственного инвентаря, имевшегося в каждом хозяйстве и включающего стандартный набор, используемый русскими: плуг – 1, бороны – 2, деревянная повозка одноконная – 1, веялка – от ½ (совместное владение) до 1. Кроме того, в составе инвентаря у нескольких семей упоминаются шерстеческа, конная упряжь, жнейка, сани, ходок и сенокоска. При этом отмечается вполне объективная закономерность – чем больше по составу семья, тем большее количество сельхозинвентаря она использует [7, л. 1–105].

Похожая структура населения прослеживается и в поселке Георгиевском Тюменевской волости Мариинского округа Томской губернии. Оказать помощь в характеристике хозяйства начала XX в. здесь могут материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Указанные документы разделяли сельское население на две категории: «старожил» и «переселенец». В отношении последних указывалась губерния и год причисления на новом месте. На момент проведения переписи большую часть переселенцев-жителей поселка составляли выходцы из Курской губернии, оказавшиеся в Сибири в период между 1889 и 1910 гг.

Хозяйства южнорусских переселенцев поселка Георгиевского в целом отличаются однородностью. Жители данного села, как отмечается в источнике, разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и свиней. Количество скота в хозяйствах варьировалось не сильно, составляя в среднем по 2–3 лошади, 1–2 корове, 10–15 овец и 2–4 свиньи [8]. Здесь отсутствовали крупные хозяйства, занимающиеся животноводством, аналогичные хозяйствам южнорусских переселенцев 1850-х гг., включающие по 7–11 лошадей и 15–26 коров [3, л. 3, 15, 16, 311]. Подобные хозяйства получили распространение в Угуйской волости Каинского уезда – у тамбовских переселенцев д. Черниговка и д. Семеш. Подобная ситуация свидетельствует о том, что животноводческий комплекс переселенцев из Курской губернии удовлетворял лишь потребности домохозяйства. Кроме того, приведенные данные показывают существование тесной взаимосвязи между размером хозяйств и временем переселения в Сибирь, можно также отметить существование различий в размерах животноводческого комплекса у групп южнорусских переселенцев.

Состав и размеры посевов земледельческих культур у переселенцев поселка Георгиевский также отличался однородностью, включая на момент проведения переписи от 2 до 5 десятин озимой ржи, 0,5–2 десятины яровой пшеницы, от 1 до 3 десятин овса, около 1 десятины гречихи, 0,3–0,5 десятины ячменя, 0,2–0,3 десятины картофеля и 0,5 десятин конопли, в 35 % хозяйств высеивалось по 0,1 десятине гороха [8].

Материалы переписи дают возможность анализировать изменения, происходившие в сфере земледелия. По нескольким хозяйствам сохранились формы, в которых указаны размеры запашки и урожайность некоторых культур на момент 1915 и 1916 гг. Так, например, в хозяйстве М. И. Ковалева в 1915 г. отмечается только 1,5 десятины озимой ржи, с которых было собрано 70 пудов урожая,

и 0,5 десятины ячменя. В 1916 г. в состав культур уже включены просо, картофель и конопля [8, л. б/н]. В хозяйстве же А. Р. Богданова отмечена обратная ситуация: в 1915 г. здесь было посеяно 4 десятины озимой ржи, урожай с которых составил 100 пудов, 0,5 десятины конопли, которые дали 15 пудов урожая, 0,3 десятины картофеля, с которых было собрано 50 пудов корнеплодов, 1 десятина подсолнухов, 0,5 десятины яровой пшеницы и 2 десятины овса. А в 1916 г. засеяно лишь 0,5 десятины конопли и 3 десятины озимой ржи [8, л. б/н].

В целом приведенные материалы свидетельствуют о комплексности хозяйства южнорусских переселенцев, в котором скотоводство не имело товарного характера. Состав разводимых животных и структура комплекса была однородной на всей исследуемой территории. В составе культивируемых растений видны региональные различия, обусловленные как природно-географическими факторами, так и особенностями мест выхода переселенцев, что особенно ярко отражается на наборе культивируемых технических культур: воронежские переселенцы, например, отдавали предпочтение льну, тогда как курские переселенцы в основном высевали коноплю. Однако в целом набор культур был однородным, являясь, с одной стороны, результатом адаптации к новым условиям проживания, а с другой, отражал устойчивость принесенных земледельческих традиций, обнаруживаемую в сохранении гречихи, проса, гороха и яровой пшеницы.

1. Чуркин М. К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сибирские исторические исследования. – 2013. – № 1. – С. 18–30.

2. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 62. Д. 11.

3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 202.

4. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 540.

5. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 2.

6. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И417. Оп. 2. Д. 2456.

7. Архивный отдел администрации Муромцевского муниципального района. Ф. 94. Оп. 3. Д. 2.

8. Государственный архив Томской области. Ф. 239. Оп. 16. Д. 189.

П. П. Шинкевич

Омск, государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В СИБИРЬ)

В статье автор на примере изучения столыпинских аграрных переселений в Сибирь рассматривает процесс актуализации этнической идентичности переселенцев. Рассмотрены различные факторы, которые влияют на него: политика местной администрации, взаимоотношения со старожильческим населением, общеисторический контекст.

Ключевые слова: переселения, этническая идентичность, столыпинские переселения, население Сибири.

Процесс переселения тесно связан как со смешением различных групп населения, так и с появлением новых, сформированных под влиянием новой культурной среды, групп. На разных этапах и в разное время принадлежность к определенной группе может объявляться открыто, в ряде других случаев скрывается.

Потеря актуальности этногрупповой принадлежности в процессе переселений находит свое подтверждение в словоупотреблении административного аппарата. В документах периода столыпинской

реформы четко существуют две группы населения: первая – старожилы и инородцы, вторая – новоселы. Эти группы формируются в разные периоды времени, имеют разные юридические и социальные статусы, отличаются способами хозяйствования и экологическими традициями, различны в религиозной сфере. По большей части на почве описанных различий происходят столкновения и конфликты внутри сельского общества. Многим переселенцам приходится подселаться к своим соплеменникам, прибывшим в Сибирь на более ранних этапах, декларируя свою этническую принадлежность. Многие объединяются именно на этой почве для более комфортного существования в условиях иноэтничного окружения. В период более поздних переселений юридический и социальный статус переселенцев и старожилов уравнивается, способы хозяйствования и экологические традиции диктуются административным ресурсом и максимально унифицируются, а религиозные различия не проявляются.

Большую роль в сложении и последующем декларировании этногрупповой принадлежности играет и масштабная агитационно-пропагандистская работа. В период переселений начала XX в. периодическая печать всячески приукрашивала условия проживания в Сибири, описывая крестьян-сибиряков как зажиточных и успешных хозяев. Кажется, что преуспеть в столь благодатном крае легко, достаточно только приехать. Когда переселенцы сталкивались с суровыми условиями проживания и их ожидания не оправдывались, свои неудачи они старались объяснить противодействием более успешных групп, прежде всего старожильческих. Они, как подчеркивали переселенцы, занимают лучшие земли, имеют скот, средства производства. Это приводило к еще большему разделению на две противопоставленные группы.

Напротив, в период советских плановых переселений агитационная работа была направлена не только на потенциальных переселенцев, которым также расписывали благодатные условия жизни в Сибири, но и на крестьян принимающих районов: в газетах публиковались материалы собраний сибирских крестьян разных областей, которые приглашают рабочие руки из европейской части страны для совместного освоения земель. Такие публикации прививали сибирякам мысль о необходимости содействия переселенцам, полезности их прибытия для развития сельскохозяйственного производства. Показательная публикация неудач в организации процесса переселения и действий государства для их дальнейшего предотвращения морально готовила переселенцев к возможным тяготам, связанным с переездом.

Память об группах русских, сформированных под влиянием переселений начала XX в., сохранялась у населения Западной Сибири до последнего времени. В 1998–2000 гг. этнографами Омского государственного университета было проведено анкетирование русских сибиряков трех западносибирских областей: Новосибирской, Омской и Тюменской [1]. Всего в опросе приняли участие 424 человека из 43 населенных пунктов. Были опрошены люди разных возрастов. Возрастная выборка: 1900–1910 гг. рождения – 76 человек (17,9 %), 1920–1930 гг. – 258 человек (60,9 %), 1940–1950 гг. – 61 человек (14,4 %), 1960 и позднее – 29 человек (6,8 %). Одним из вопросов опросного листа касался этнического самосознания опрошенных. Результаты опроса представлены в таблице 3.

Таблица 1

Этническая идентичность русского населения Западной Сибири

Этнические группы	Год рождения	% от общего числа опрошенных	% от общего числа опрошенных
		1900–1970 гг. рождения	1940–1970 гг. рождения
Только русские		26,4	31,7
Чалдоны		31,5	34,9
Сибиряки		21,7	20,7
Российские		12,6	7,9
Другие		7,8	4,8
Итого		100	100

Составлено по: *Бережнова М. Л.* Заметки об этногрупповой принадлежности русских крестьян Западной Сибири в конце XX века // Кафедра этнографии и музееведения ОмГУ. – URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=814> (дата обращения: 21.08.2016)

По данным таблицы, в конце XX в. относили себя к тем или иным этническим группам 73,6 % русского населения Западной Сибири 1900–1970 гг. рождения. При этом даже у респондентов, родившихся в период, когда этногрупповая идентичность потеряла актуальность и уступила место принадлежности к этническим образованиям более высокого ранга (о чем свидетельствует рост количества ответов респондентов, называющих себя только русскими), память об отнесении предков к этим группам сохраняется. Это свидетельствует о том, что ранее данный вид идентичности был крайне актуален. Увеличение числа респондентов, относящих себя только к русским среди более молодых людей, указывает на постепенное снижение актуальности идентичности локальных групп.

Конфликты при поземельном устройстве в период столыпинской реформы между старожилами и новоселами, делали важным срок землепользования каждым участком. Льготы со стороны государства, а также поиск группы для совместного природопользования также повышали актуальность этногрупповой идентичности. Поздние переселенцы старались приобрести черты, свойственные той или иной группы для более эффективной и мягкой адаптации. Значимость этногрупповой принадлежности отражается и в официальных государственных документах: прямо называются старожильческие группы, фиксируется разделение между старожилами и переселенцами. Этот факт не только фиксирует наличие такого разделение, но и усугубляет его, подчеркивая важность такой принадлежности.

В более поздних переселениях советского периода этногрупповая принадлежность переселенцев и старожильческого населения утрачивает свое значение, сохраняясь лишь в сфере традиционной-бытовой культуры. Государственная политика уравнила в правах, доступе к социальным благам, как старожилов, так и переселенцев. Предшествующая политика раскулачивания и раскрестьянивания привела к тому, что значительные земельные фонды оставались необработанными, большое количество построек в заселяемых районах пустовало. Колхозной системе в сельском хозяйстве сопутствовала агитационная работа, направленная на повышении заинтересованности крестьян в результатах общего труда, увеличении количества трудоспособных членов колхоза, прежде всего за счет закрепления кадров в сельском хозяйстве. При таком подходе к организации жизни на селе этничность перестала быть фактором, влияющем на социальную структуру сельских общностей.

Таким образом, этническое самосознание в условиях построения метаэтнической общности деактуализируется и отходит на второй план, уступая место новому конструкту, создаваемому государством. А актуализация этногрупповой принадлежности в рассматриваемые периоды переселенческой политики зависит от социально-экономической обстановки, культурных, юридических и психологических различий.

1. *Бережнова М. Л.* Заметки об этногрупповой принадлежности русских крестьян Западной Сибири в конце XX века // Кафедра этнографии и музееведения ОмГУ. – URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=814> (дата обращения: 21.10.2016).

Е. В. Щетинина

Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Иртыш»

К ВОПРОСУ О БЫТОВАНИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассмотрены формы бытования этнических стереотипов в русскоязычном сегменте сети Интернет как элемента межэтнической и межличностной коммуникации. Показано, что Интернет не только формирует новые или актуализирует уже существующие этнические стереотипы, но и распространяет их дальше – в печатные СМИ, на телевидение и радио. В зависимости типа интернет-ресурсов различается частотность использования отдельных видов этнических стереотипов (позитивные, негативные, автостереотипы, гетеростереотипы), а также различается степень доверия к ним.

Ключевые слова: этнические стереотипы, Интернет, социальные сети, интернет-сообщества, межэтническая коммуникация.

Этнические стереотипы являются важным элементом межэтнической коммуникации, причем как помогая ей (позитивные этнические стереотипы выстраивают положительный шаблон первичного впечатления и конструктивную схему развития беседы, основанной на взаимоуважении), так и мешая ей (в случаях, когда шаблон и схема вступают в конфликт с индивидуальными особенностями личности собеседника, а также при использовании негативных этнических стереотипов). Это один из основных факторов, определяющих характер межэтнической коммуникации: на основе этнических стереотипов и с их помощью формируются ключевые для нее образы «Свой», «Иной», «Другой», «Чужой», «Враг». Как и традиции, обычаи, ритуалы, фольклор и т. д., этнические стереотипы – часть духовной культуры общества, отражающая его основные социальные и нравственные ценности и нормы.

Интернет на данный момент является средством массовой информации с самой большой аудиторией. Причем это касается как прямой передачи информации «интернет-ресурс – пользователь», так и опосредованной: редакции подавляющего большинства СМИ проводят мониторинг групп в социальных сетях в поисках местных новостей или тем для обсуждений, а затем, после авторской обработки, преподносят их своей аудитории (как правило, потом эта новость возвращается обратно в сеть, где обсуждается повторно с использованием новых фактов или общественного резонанса).

Нередко этнические стереотипы успешно интегрируются в состав так называемых «фейковых новостей» или любого другого фальшивого контента. Проблема фальсификации в Интернете стоит довольно остро, и западные медиа сообщества даже проводят конкурсы на лучший алгоритм вычисления фейковой новости и организуют тематические семинары. Так, были выявлены четыре основных элемента успешной фейковой новости:

- 1) эмоциональная привлекательность;
- 2) обращение к авторитетам: история ссылается на данные, якобы полученные в результате утечки информации, или на якобы произошедшие события;
- 3) эффективная интеграция в онлайн-пространство;
- 4) использование успешной сети для распространения информации (например, Twitter или Facebook).

По словам специалистов, успешным сюжетам фейковых новостей присущи одновременно все четыре вышеперечисленных признака [1]. Подобную закономерность можно особенно отметить в контенте, использующем этнические образы, – он ярок, эмоционально насыщен и даже агрессивен, нередко использует визуальную поддержку (фотографии, карикатуры или инфографику) и быстро распространяется по сети с помощью репостов, пересказов, призывов обсудить или «подписать петицию».

Негативные этнические стереотипы, входящие в состав подобных новостей, наиболее деструктивны, поскольку в процессе массового обсуждения пользователями проникают в самые разные интернет-

сообщества. Они являются важным и действенным механизмом в конструировании политизированных статей, новостей и обсуждений. Эмоциональная привлекательность, присутствующая в них, апеллирует к уже имеющимся у данной целевой аудитории установкам и образам, акцентируя или чувство сострадания / сопричастности к происходящему / герою, или чувство негодования / осуждения. Как правило, первые же комментарии к этим новостям являются настолько эмоционально насыщенными, что влияя на остальное обсуждение, не давая возможности критически осмыслить информацию (в тех случаях, где существует техническая возможность как-то маркировать «качество» комментариев – «лайки», «благодарности» и т. д. – легко заметить, что именно эмоциональные реплики вызывают наибольшее одобрение пользователей, рациональные же рассуждения, как правило, остаются практически незамеченными).

Любопытен тот факт, что фейковые новости с использованием позитивных этнических автостереотипов встречаются очень редко и вызывают меньший отклик. Часто их принимают за пропаганду и реагируют со скепсисом или встречными примерами негативных стереотипов.

Для ряда интернет-сообществ характерна коллективная идентичность, которая основывается на принадлежности к данной группе, что отражается на самоназваниях: «пикабушники», «прокаженные», «насыкомые» (именно так, через «И») и т. д. Чем более закрыто данное сообщество, тем более элитарным оно считается и тем ярче выражено противопоставление «мы – они», где «они» – пользователи, не имеющие доступа (наиболее показателен в этом плане Leprosorium.ru, которых долгое время считался «кузницей интернет-контента»). Маркеры «Свой», «Иной», «Чужой» здесь определяются по степени соответствия правилам и традициям данного сообщества, а этнические стереотипы оказываются лишь темой для обсуждений или эмоциональными триггерами.

Но чем более эмоционально то или иное сообщество, тем чаще можно встретить в нем этнические стереотипы и тем более деструктивными они являются. Так, на ряде зоозащитных форумов (как правило, неофициальных, не связанных ни с какой конкретной организацией) культивируется шаблонный и довольно устаревший в обычной жизни этнический стереотип «корейцы едят собак». Его используют в вариантах: «мы не отдаем собак людям с азиатской внешностью / азиатской фамилией, они корейцы, они съедят»; «мы не отдаем собак людям, которые отказываются предоставить нам данные паспорта – они скупщики собак для корейских ресторанов»; «стая бездомных собак, которая жила в таком-то дворе, пропала – ее украли и съели корейцы». В результате образ корейца для данной общественной группы приобретает вполне конкретные черты не просто Чужака, но и Врага.

Любое околополитическое сообщество будет педалировать ассоциативную цепочку «титутельная нация = правящий строй / политическая ситуация в государстве» и наоборот, причем это касается как стереотипов о собственной стране, так и о загранице. В зависимости от отношения к политической линии того или иного государства, продвигаются позитивные или негативные стереотипы, связанные с этничностью его граждан. Как правило, эти стереотипы достаточно грубо сформированы, охватывают сразу крупную группу и основываются на примитивном понимании «хорошо» и «плохо» – для того, чтобы вызвать эмоциональный отклик у большего числа пользователей. Используемые в данном контексте этнические стереотипы не только имеют деструктивную функцию, но и сами искажаются в процессе употребления, превращаясь в инструмент формирования общественного мнения и подогревания массовой истерии.

Еще один центр культивации стереотипов, в том числе и этнических – интернет-энциклопедии. В их ряду можно выделить три наиболее авторитетные для массового пользователя, но при этом и наиболее недостоверные (по причине того, что их статьи доступны для редактирования всем, нередко даже так называемые «войны правок», когда текст меняется каждые несколько часов в зависимости от того, какой точки зрения придерживается тот или иной активный пользователь). Это Wikipedia, Lurkmore и Posmotre.li. Первая – классическая энциклопедия; вторая – энциклопедия интернет-мемов, явлений современного сетевого фольклора (чуть реже – городского), и наиболее ярких элементов массовой культуры; третья – энциклопедия литературных штампов, идей, персонажей и так далее (в большей своей части, калька с аналогичной зарубежной TV Tropes). Наиболее благодатной для формирования и распространения этнических (в ряду других) стереотипов является Lurkmore. Она апеллирует к массовому пользователю, который считает себя частью элитарной группы, приобщившейся к Lurkmore (этому способствует самопротивопоставление данной энциклопедии классическому образцу Wikipedia – особая манера изложения, которая именуется «луркоязыком», отсутствие пиетета перед

знаковыми фигурами или явлениями массовой культуры, а также периодическое запрещение Lurkmore в Рунете). В отличие от Wikipedia, которую чаще всего используют в Интернете для «пруфов» (подтверждения фактов) или как основу для «оригинального контента» (нередко просто пересказанные своими словами статьи), Lurkmore моделирует отношение пользователей к чему-либо. Упомянутая псевдо-элитарность Lurkmore придает озвученному в статьях анонимному мнению авторитетность и распространяет его, подобно вирусному контенту, далее.

Еще одна область Интернета, где присутствуют этнические стереотипы (и более того, влияют на характер межличностной коммуникации), – интернациональные сайты знакомств [2]. Здесь наиболее активны гендерные этнические стереотипы, актуализирующиеся задолго до начала коммуникации – в виде предпочтений по национальному признаку и требований к потенциальному партнеру. Данная область максимально безобидна с точки зрения влияния этнических стереотипов на массового пользователя – здесь не генерируются новые схемы и образы, а старые и устоявшиеся не имеют эмоционально-дискуссионной окраски. Этнические стереотипы здесь являются исключительно паттернами общения.

Идеальная же площадка для распространения этнических стереотипов – социальные сети. Это определяется тесной связью сетей со СМИ, достаточной степенью анонимности и отсутствием верификации предлагаемой пользователю информации. Этнические стереотипы поступают в социальные сети извне и распространяются там посредством перепоста (копирования или повторного копирования. – *Е. Ш.*) информации с потерей при этом отсылок к автору. Кроме того, здесь активно используется система межличностных связей и подсознательного доверия – поступившая от друзей и знакомых информация или мнение, как правило, не проверяются пользователем и рассылаются им дальше. Именно на этом принципе и базируется стремительное распространение вирусного контента и того, что называется «сетевой вброс» (агрессивно-эмоциональная информация, вызывающая горячее обсуждение, споры с переходом на личности и даже панику, требующая потом официального опровержения).

При попытке деконструкции этнических стереотипов можно обнаружить, что они представляют собой сложную многоэлементную систему: в составе общего этнического стереотипа можно выявить этническо-гендерный стереотип, этническо-социальный, этническо-возрастной и даже этническо-профессиональный. Поэтому степень популярности, распространения, поддержки или отрицания того или иного этнического стереотипа зависит и от специфики аудитории того или иного тематического интернет-сообщества. Выявив подобную закономерность, а также проведя глубокий и систематизирующий анализ особенностей формирования и ретрансляции этнических стереотипов в разных областях Интернета, можно с успехом моделировать локальное общественное мнение, используя этнические стереотипы как важный и действенный инструмент манипуляции массовым сознанием.

1. *Owen, Laura Hazard.* Четыре простых шага к разоблачению фейковых новостей // *ijnet* : международная журналистская сеть. – URL: <http://ijnet.org/ru/blog/4-простых-шага-к-разоблачению-фейковых-новостей?platform=hootsuite> (дата обращения: 02.06.2017).

2. *Шилова Т. А.* Миф о русской женщине на страницах Интернета: к вопросу о гендерном аспекте этнической стереотипизации // *Женщина в российском обществе.* – 2001. – № 3–4. – С. 61–65.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Г. Н. Белоглазова, Г. И. Витовтова

*Барнаул, Алтайский государственный институт культуры,
Томск, областной краеведческий музей*

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье дается оценка значимости дневниковых записей времен Великой Отечественной войны, освещается информационный потенциал трех дневников, которые раскрывают неизвестные страницы быта солдат, их моральные устои. В статье поднимается вопрос о введении в научный оборот дневниковых записей для извлечения информационного потенциала данного исторического источника.

Ключевые слова: источники личностного происхождения, дневники, информационный потенциал, введение в научный оборот.

Дневники и мемуары являются специфическим жанром литературы, несут в себе записи личного, научного, общественного характера. Личные дневники ведутся с определенной периодичностью, отражают события, очевидцем и участником которых является сам автор записей, отличаются от мемуаров тем, что записи в них фиксируются непосредственно после того или иного события. Дневники времен Великой Отечественной войны относятся к категории источников личного происхождения, которые можно подразделить на две категории – это дневниковые записи, описывающие происходящие с автором события, и записи, отражающие своеобразную форму художественного творчества владельца дневника. Дневники военного времени способны восстановить множество фактов истории, которые не были отражены в других видах источников.

В 2007 г. вышел в свет сборник писем и воспоминаний военных лет «Письма с фронта любимым...» [1], составленный по материалам, собранным на территории Алтайского края. Один из авторов данной статьи является составителем-редактором указанного сборника. Помимо писем и воспоминаний участников войны, жителей Алтайского края, в нем представлены воспоминания их современников, дневники, стихи, фотографии. В работе описываются и анализируются различные эпистолярные источники, систематизированные в группах, отражающих ту или иную информацию [1, с. 188–191]. В данной работе авторы предлагают описание и анализ дневников, выдержки из которых фрагментарно вошли в книгу «Письма с фронта любимым...» [2, с. 65, 98, 272]. В распоряжении исследователей было три дневника: дневник узника Бухенвальда [3], дневники участников войны М. С. Цимбалея [4] и Д. М. Кожуховского [5].

Дневник узника Бухенвальда представляет собой самодельную книжечку размером 10,5 × 13,8 см. Листы ее сделаны из среднеплотной без разлиновки бумаги, сшиты нитками. Картонная обложка переплетена полоской черной плотной ткани. Сохранилось 18 страниц текста, они пронумерованы, номера проставлены в верхнем правом углу на развороте страниц. Края книжечки сильно обтрепаны, первый листок порван. Нижние углы лицевой и задней обложки обломаны. На каждой странице каллиграфическим, красивым почерком написаны стихи на русском языке. Некоторые страницы украшены незамысловатыми рисунками в виде пятиконечной звезды с расходящимися от центра лучами; маленькими звездочками; на одной странице перед названием стихотворения нарисован пейзаж с деревьями, цветами, летящими в небе птицами; некоторые страницы украшены вензелями. Рисунки и тексты стихов выполнены фиолетовыми и зелеными чернилами. Наряду с призывными патриотическими стихами, прославляющими Родину, присутствуют красивые лирические стихи о любви к девушке. В стихотворении «Раздумье. К матери» [3, с. 6] автор описывает свой двадцатый день рождения, который он

встречает в застенках тюрьмы, просит прощения у матери за то, что ее сыновья погибли, защищая свою Родину. Стихотворение «Прости нам, Родина», посвященное празднику Великого Октября, имеет пометку автора: «стихотворение прочитано в 6 блоке перед аудиторией заключенных вечером 7 ноября 1944 года». Последнее стихотворение в дневнике вновь о дне рождения. В нем поэт отмечает, что «...в лагерях фашистских за оградой, где враги свободу нам сожгли, три весны в костюме полотом, безотрадно, холодно прошли...» [3, с. 16]. Судьба владельца дневника неизвестна, но хочется надеяться, что он не сгорел в печах крематория концлагеря, и для него наступило долгожданное освобождение в апреле 1945 г.

Дневник узника Бухенвальда был передан в литературно-краеведческий музей гимназии № 27 города Барнаула алтайским писателем И. П. Кудиновым в декабре 1987 г. Работая с этим историческим источником, авторы статьи вначале выразили сомнение по поводу ведения дневника именно в концлагере, смущало использование цветных чернил и не верилось в саму возможность этого факта. После посещения музея при концлагере Бухенвальд в 2014 г. сомнения развеялись. В экспозиции музея выставлена страница тетрадного листа со стихами русского заключенного, общая тетрадь с рисунками, выполненными цветными чернилами (рис. 1; 2). Заключенные концлагеря Бухенвальд были задействованы на всевозможных работах, видимо, были и такие, у которых имелся доступ к письменным принадлежностям. В экспозиции музея демонстрируются самодельные шахматы, шашки, проволочно-деревянные весы, почти до основания вышарканные бритвенные помазки, зубные щетки, расчески с почти полностью обломанными зубцами, маленький деревянный, без одной ноги силуэт коника и многое другое. Увиденное поразило стойкостью заключенных, их борьбой за человеческий облик и достоинством в условиях концлагеря.

После расформирования музея гимназии № 27 экспонат «Дневник из Бухенвальда» за фондовым номером «АКМ ОФ 3235» был передан в Государственный музей литературы и искусства Алтайского края.

Дневниковых записей военных лет сохранилось мало, в армии запрещалось делать какие-либо записи, это делалось тайком и тщательно скрывалось от посторонних глаз. Даже спустя годы их авторы опасались оглашать дневниковые записи. Дневник Матвея Семеновича Цимбалея [4] для опубликования в книге «Письма с фронта любимым...» был предоставлен музеем военной истории при школе № 84, инвентарный номер ОФ 283. В школьный музей дневник подарен в конце 1990-х гг. лично его автором. Это была копия фронтового дневника, переписанная Цимбалеем в обычную ученическую тетрадь, листы не пронумерованы, на титульном листе тетради портрет К. Г. Паустовского, на последней странице сделана приписка Матвеем Семеновичем «Воспоминания об участии 87 кавалерийской дивизии в Великой Отечественной войне с 1941 года. Из личного дневника...» [4].

Несмотря на возраст (на момент начала войны Цимбалею было за 40 лет), Матвея Семеновича призвали в армию сразу, как только была объявлена мобилизация. Он стал участником 87-й кавалерийской дивизии, которая формировалась в Барнауле с августа 1941 г. Благодаря своему ровному, красивому почерку он был назначен писарем, и в ноябре М. С. Цимбалея в составе дивизии был уже в пути на фронт. Первая запись дневника датируется 11 декабря 1941 года. Матвей Семенович лаконично описывает продвижение дивизии через Вологду на Волховский фронт: «...Здесь мы впервые встретили следы войны. Станция и другие постройки сожжены, подвижной состав и железнодорожные пути разрушены...» [4]. Записи в дневнике с декабря 1941 г. по 24 апреля 1943 г., производись не ежедневно, через 3–6 дней, иногда следовали перерывы в 3 месяца. В дневнике присутствует описание боя за населенный пункт Новая деревня по направлению Чудово – Новгород. Автор дневника часто указывает населенные пункты, перечисляет добытые в боях трофеи, но в записях ни разу не упоминаются фамилии: «17 июля 1942 года. Часть получила пополнение и переименовалась в 327 стрелковую пехотную дивизию, личный состав которой погиб в болотах и попал в плен к врагу... Название ж/д станции у Волхова «Местный бор». Распространилось (среди солдат – ред. авторов статьи) псевдоним название территории – «Мясной бор». Это соответствовало (больше), так как трудно назвать количество похороненных солдат и офицеров в этом бору...» [4].

Дневниковые записи Цимбалея – это короткие сводки, отчеты дивизии, в которой он служил. Встречаются крайне лаконичные записи: «1 февраля 1942 года. Целый день идет сильный бой за Кривино» [4]. Предполагается, что при переписывании дневниковые записи автором были сокращены. Судьба полных текстов дневника неизвестна.

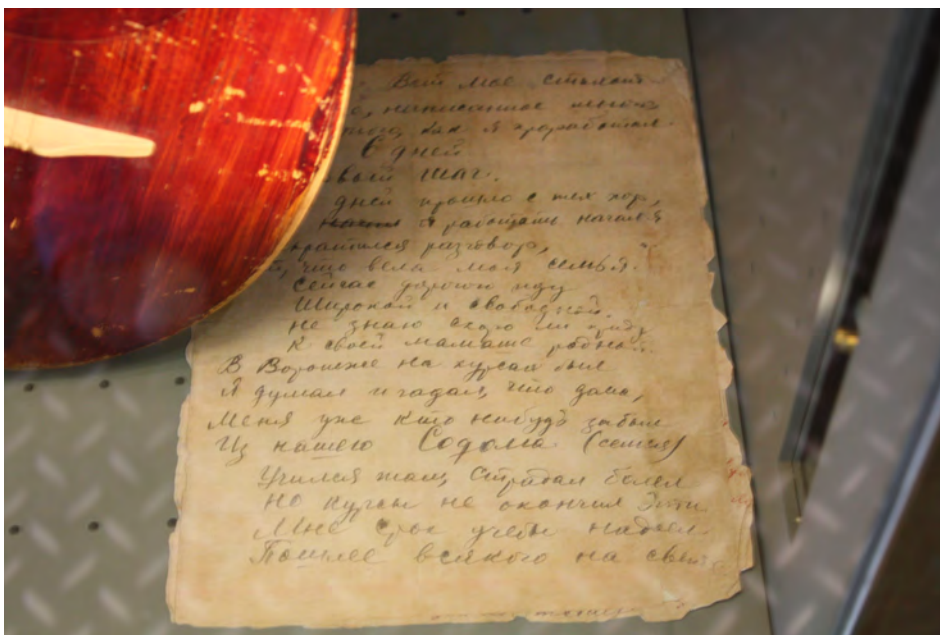

Рис. 1. Тетрадный лист со стихами русского заключенного на экспозиции музея концлагеря Бухенвальд. Фото Г. Н. Белоглазовой, 2014 г.

Рис. 2. Общая тетрадь с рисунками, выполненными цветными чернилами, на экспозиции музея концлагеря Бухенвальд. Фото Г. Н. Белоглазовой, 2014 г.

Дневниковые записи Деонида Матвеевича Кожуховского [5] являются полной противоположностью записям М. С. Цимбалея. Проявилась поэтическая натура грамотного человека с огромным чувством юмора. Перед войной, после окончания 7 классов, Кожуховский поступил в горнопромышленное училище и получил специальность «шахтовый электрослесарь». В армию был призван в сентябре 1939 года, демобилизовался осенью 1945 года. Свирская стрелковая Краснознаменная дивизия, в которой воевал Деонид Матвеевич, держала оборону по реке Свирь между Онежским и Ладожским озером, а затем ей выпало долгое «стояние» на границе с Норвегией. Дивизия с весны 1945 г. в боевых действиях уже не участвовала, у солдат было больше свободного времени, а для Деонида Матвеевича появилась возможность писать. О запрете на ведение записей автору дневника не напоминали (рис. 3).

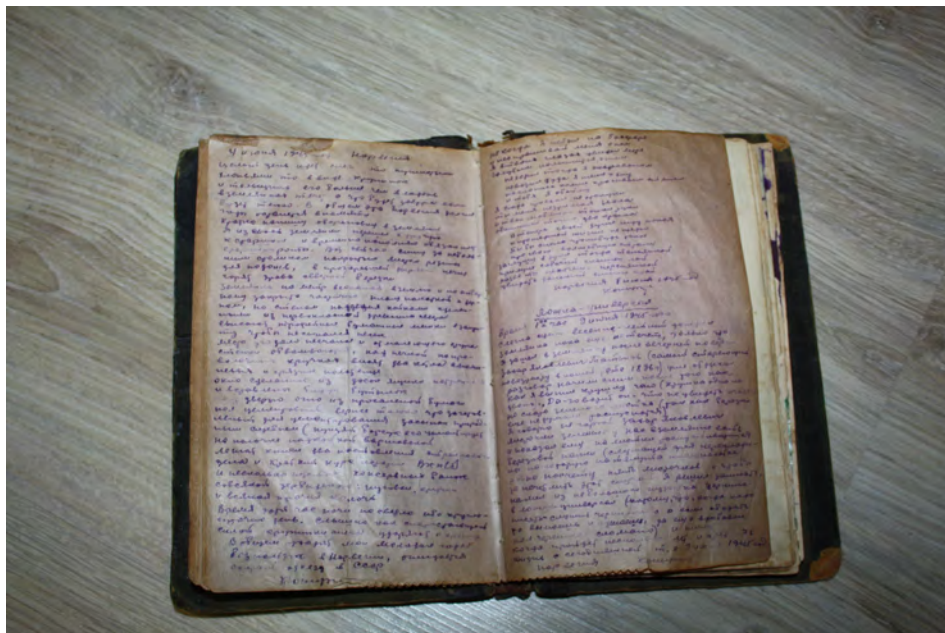

Рис. 3. Дневник Д. М. Кожуховского. Фото Г. Н. Белоглазовой, 2017 г.

Результатом его труда стали две самодельные книги формата А5, с обложками из толстого плотного картона, с листами, сшитыми в тетради. Книжные страницы сделаны из бумажных мешков из-под продуктов немецкого производства (боевой трофеей). В настоящее время сложно выяснить, какое количество страниц было в каждой книге. Одну книгу Деомид Матвеевич передал на хранение в музей школы № 50 и о сохранности этого музейного экспоната в настоящее время ничего не известно. В книге «Письма с фронта любимым...» фрагментарно представлены записи из 1-ой книги дневника. В дневнике в большом количестве отсутствуют страницы, в свое время они были вырезаны бритвой самим Деомидом Матвеевичем, страницы он раздавал на встречах со школьниками. В дневнике страницы не пронумерованы.

Сохранившийся материал представляет собой листы, исписанные мелким бисерным почерком. Начало записей датируется мартом 1945 г. Деомид Матвеевич с присущим ему юмором описывает местечко, где проходит его служба, подробно описывает устройство землянок, быт солдат, местное население, отношение к местному населению русских солдат: «20.08.45 г. <...> Вечером ходил на танцевальную площадку, много было норвежек. Посмотрел на них, как баран на новые ворота, поговорили с одной на пальцах. Дал определение такое, что она по-русски плакать не умеет, и разговора с ней не может быть никакого...» [5]. Помимо ежедневных записей, встречаются записи-воспоминания, где он описывает тяжелые бои под Кировом: «Август 1941 г. <...> Записано коротко, но переносить было очень трудно и томительно. По четверо суток не пили и не ели, на морозе, мокрые, а пережили. Все ели дохлятину конскую и в мешках молотили рожь и парили в котлах. Многие помирились от дизентерии и обмораживались» [5].

Значительное место в дневниковых записях Деомид Матвеевича занимает солдатский фольклор, стихи, популярные песни военного времени. Встречаются переделанные песни, например, запись «На мотив Синий платочек», а далее следуют слова песни местного поэта. В дневник переписано несколько писем от девушки. В последние дни службы Кожуховского в дневнике появляются записи его однополчан, с пожеланиями встретиться в мирной жизни и записями адресов. Деомиду Матвеевичу в настоящее время 97 лет, в его домашнем хозяйстве полный порядок, помимо активной ветеранской деятельности в последние годы он собирает миниатюрные конструкции в бутылках и флаконах из-под духов.

Дневниковые записи военного времени находятся в плачевном состоянии. Они несут в себе информацию от первого лица участника событий военного времени, раскрывают неизвестные страницы быта солдат, их моральные устои, раскрывают межличностные отношения сослуживцев. Чтобы извлечь весь информационный потенциал данного исторического источника, в настоящее время необходимо ввести его в научный оборот, сделать его доступным для исследователей.

1. Белоглазова Г. Н. Письма с фронта как исторический источник времен Великой Отечественной войны // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2 (39). – С. 188–191.
2. Письма с фронта любимым... : сборник писем и воспоминаний военных лет. – Барнаул, 2007.
3. Архивный отдел литературно-краеведческого музея гимназии № 27 г. Барнаула. ОФ 3235.
4. Архивный отдел музея школы № 84 г. Барнаула. ОФ 283.
5. Личный архив автора. Документальный комплекс Д. М. Кожуховского № 105.

Н. А. Герасимова, М. В. Чухрай

Барнаул, Алтайский государственный институт культуры

ТРАДИЦИОННЫЕ УЛИЧНЫЕ ИГРЫ НАСЕЛЕНИЯ СОЛОНЕШЕНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Статья посвящена описанию наиболее распространенных традиционных уличных игр, записанных в ходе экспедиции 2016 г. в Солонешенский район Алтайского края. Приводится классификация собранного материала по нескольким основаниям: полу, наличию предмета, подвижности, возрасту.

Ключевые слова: традиция, уличные игры, классификация, подвижность.

Международная фольклорно-этнографическая экспедиция в с. Солонешное и Солонешенский район Алтайского края была организована Алтайским государственным институтом культуры с 25 июня по 5 июля 2016 г. В ее состав вошли ученые, преподаватели-практики и студенты России и Казахстана [1].

Главным объектом изучения стала культура старообрядческого и старожильческого населения района в целом. Основная цель экспедиции – собрать как можно больше материала по различным направлениям: календарно-обрядовые действия, свадьба, крещение, похороны, танцы, песни, игры, отношения в семье, кухня и др. Поэтому «в зону внимания участников экспедиции попали почти все села заявленного района: Н. А. Герасимовой (руководителем экспедиции) была разработана методика своеобразного «прочесывания» населенных пунктов на предмет обнаружения объектов и носителей культуры староверов. Вся экспедиция в составе 17 человек была разделена на 2 большие группы, базировавшиеся в селах Солонешное и Топольное – культурных центрах района. В течение 10 дней обе группы, в свою очередь разделенные на подгруппы, выезжали в различных направлениях, занимались сбором и первичной обработкой материала. Эта же методика позволила наметить и перспективы работы по изучению старообрядческой культуры в данном районе» [1, с. 251].

Уличные игры стали наиболее упоминаемым видом игр, описываемых информаторами, в связи с чем привлекли наше внимание. Целью данной статьи является обобщение первичной информации об уличных играх, собранной в ходе экспедиции.

Рассказы об уличных играх содержатся в интервью Галины Поликарповны Нигматулиной (1955 г. р., пос. Ануйский), Татьяны Ивановны Прибытковой (1937 г. р., пос. Ануйский), Николая Федотовича Лихачева, (1939 г. р., с. Березовка), Надежды Филипповны Черепановой (1932 г. р., с. Сибирячиха).

Наиболее упоминаемыми стали игры «Ремень», «Чижик», «Бить-бежать», «Лапта», но полного описания этих игр, к сожалению, получить не удалось. Далее приводятся самые полные описания игр, полученные от информаторов.

1. Информатор: Лихачев Николай Федотович с. Березовка. Игра «Столбы». Играла молодежь с целью знакомства.

Правила: Парни с девушками становятся парами на полянке. Расстояние между парами 50 м. Выбирается один парень, который начинает игру. Он заходит в коридор из пар и спокойным шагом доходит до своей девушки, хлопает по плечу ее партнера и становится на его место. Парень, который стоял с ней в паре, уступает место и также, двигаясь спокойным шагом, ищет себе девушку. Играть молодежь могла долго, пока кто-нибудь не устанет. Игра заканчивалась тем, что все находили себе пару.

Комментарий информатора: Пока одни парни шли по коридору, другие, стоя в парах, знакомились и общались с девушками.

2. Информатор: Галина Нигматулина, поселок Ануйский. Игра «Стеколочки».

Перед началом игры все девочки находят себе разные красивые стеклочки (стеклышки). Мелом чертится пронумерованное поле с квадратами от 1-го до 10-ти, как в игре «Классики».

Правила: Первый игрок начинает игру, стоя лицом к игровому полю, и кидает стеклочку на первый квадрат. Игрок должен пропрыгать все поле от 1 до 10 и на обратном пути поднять стеклочку, удержав равновесие. Там, где один квадрат, нужно прыгнуть на одну ногу, а где два – на две ноги, и так по очереди. Каждый раз игрок кидает стеклочку на последующий квадрат поля. После успешного прохождения игроком всех уровней игра для него заканчивается. Если стеклочка не попадает в нужный квадрат, игра переходит к другому игроку, а промазавший начинает ее сначала. Выигрывает тот игрок, который первым пройдет все десять уровней.

3. Информатор: Прибыткова Татьяна Ивановна, поселок Ануйский. Прятки «12 палочек».

Для игры нужно двенадцать палочек, которые будут помечены для игроков, дощечка, на которую кладутся палочки, и большая площадка.

Правила: Выбирается водящий, который будет заниматься поиском игроков. Перед игрой делается своеобразная катапульта с помощью дощечки и камня. На один из концов «катапульти» кладутся палочки, а по другому бьет кто-то и игроков. После того, как палочки разлетелись, игроки должны разбежаться в разные стороны и спрятаться. Очень быстро водящий должен собрать палочки и положить их на дощечку, затем начать искать игроков.

Если он находит кого-либо, они очень быстро наперегонки бегут к дощечке «застукаться». Если повезет игроку, то он запустит палочки в воздух, водящим остается тем же. Но если оказывается первым водящий, то водить начинает найденный игрок. Он начинает собирать палочки, а остальные игроки должны перепрятаться.

4. Информатор: Прибыткова Татьяна Ивановна, поселок Ануйский. «Глухой телефон».

Играть может любое количество человек. Рядышком все игроки садятся на скамейке и шепотом по цепочке передают слова.

Правила: Выбирается водящий, который придумывает слово и очень быстро шепчет его первому игроку. Когда это слово услышит самый последний игрок, он встает и произносит его. Если слово правильное, то игра начинается с начала и ведущим остается тот же игрок. Если же слово неверно, то начинают искать игрока, первым сказавшим неверное слово. Этот игрок становится водящим, а предыдущий водящий садится на его место и игра начинается заново.

5. Информатор: Прибыткова Татьяна Ивановна, поселок Ануйский. «Разлука».

В игре играют как можно больше мальчиков и девочек подросткового возраста.

Правила: Все игроки становятся в пары, желательно мальчик-девочка. Выбирается один водящий, который стоит в начале коридора из пар. Он заходит в этот коридор и начинает бежать. Выбирает себе пару, задевает ее по руке и выбегает из коридора. Когда пара соединилась, она становится в конце коридора. Освободившийся партнер идет в начало коридора и игра начинается заново. Желательно играть без остановок, так будет веселее.

Комментарий: Татьяна Ивановна рассказывала, что под конец игры оставалось совсем мало пар, потому что в пары выбирали возлюбленных, и когда они убегали, то уже не возвращались в игру, чтобы побыть наедине и пообщаться.

6. Информатор: Лихачев Николай Федотович, с. Березовка. «Шаровки».

Для игры вытесывали шар из березового корневища, и рядом с местом подающего делалась лунка для этого шара. Также для игры делали шаровки (подобие биты). Еще требовалась большая и свободная площадка.

Правила: Игроки делятся на 2 команды по 7–10 человек. Одни уходят в поле, другие водят. Задача водящих игроков попасть шаровкой по шару, который подкидывает игрок из другой команды. После удара по мячу бывший игрок бежит до конца поля – до «сало» (помеченная линия).

Задача игроков в поле поймать мяч и как можно быстрее передать его своему подающему игроку для того, чтобы шар оказался в лунке. Если игрок успевае добежать до «сало», до того, как мяч окажется в лунке, то бьет следующий игрок из его команды. Если же мяч оказывается в лунке раньше, чем игрок добежал, то команды меняются местами.

Комментарий: Николай Федотович, рассказывая об игре, упомянул, что в игру играли «все мужики от малого до велика».

А информант из Топольного говорил, что в игру играли только мужики. Потому что шар для игры очень тяжелый и может травмировать, что для детей очень опасно.

7. Информатор: Лихачев Николай Федотович, с. Березовка. «Бабки».

Игра на зимнем льду. У каждого игрока должен быть свой биток и мешочек с «бабками» – косточками животных из коленного сустава или копыта.

Правила: Все игроки на расстоянии 5–10 см в линию ставят по одной «бабке». Затем отходят на расстояние 5–10 м и начинают игру. Из игроков выбирают того, кто будет первым метать биток. Если он выбивает «бабку», то забирает ее и мечет биток заново. Если же игрок промазал, то забирает биток и доставляет еще одну «бабку». Начинает метает следующий игрок. Выигрывает тот, кто выбил больше всех «бабок».

Безусловно, материалы фольклорно-этнографической экспедиции требуют более тщательного изучения, но уже на данном этапе, просматривая все вышеназванные игры, их можно классифицировать по различным принципам.

1. Классификация по полу: для девочек («Стеколочки»), для мальчиков («Чехарда-езда», «Шаровки») и общие игры («Глухой телефон», прятки «12 палочек», «Разлука», «Бить-бежать», «Ремень»).

2. Классификация по наличию предмета: с предметом («Шаровки», «Стеколочки», прятки «12 палочек», «Бабки») и без предмета («Глухой телефон»).

3. Классификация по подвижности: сидячие («Глухой телефон») и подвижные («Чехарда-езда», «Шаровки», «Стеколочки»).

4. Классификация по возрасту: для детей и подростков («Стеколочки», прятки «12 палочек», «Глухой телефон») и для молодежи («Разлука», «Шаровки», «Столбы»).

В заключение хотелось бы отметить, что последние 5-10 лет дети перестали играть на улице и стали зависимыми от различных гаджетов. Тем важнее изучать и сохранять традиционные игры как часть культурного наследия, которая может быть утрачена безвозвратно.

1. Губина Н. В., Первушина О. В. Международная фольклорно-этнографическая экспедиция как эффективная форма работы по изучению и сохранению народной художественной культуры Большого Алтая // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 2016. – № 2 (20). – С. 246–253.

Н. В. Губина, С. А. Афанасьева

Барнаул, Алтайский государственный институт культуры

РОЖДЕНИЕ И КРЕЩЕНИЕ РЕБЕНКА В СИСТЕМЕ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ СТАРОЖИЛОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СОЛОНЕШЕНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В данной статье изучены и рассмотрены материалы, непосредственно связанные с семейными обрядами, а именно с обрядами рождения и крещения ребенка в Солонешенском районе Алтайского края. Приводятся сведения, полученные в ходе фольклорно-этнографической экспедиции Алтайского государственного института культуры (2016 г.). Отмечаются черты общерусской традиции и особенности обряда рождения и крещения ребенка, характерные для данной местности.

Ключевые слова: семейные обряды, роженица, ребенок, крещение, погружение.

Обряды, связанные с рождением ребенка, традиционно относятся к семейному циклу обрядов и требуют тщательного изучения, для того чтобы выявить и осмыслить процессы, с помощью которых поддерживался традиционный семейный уклад.

В статье представлены результаты международной фольклорно-этнографической экспедиции в Солонешенский район Алтайского края, которая была организована Алтайским государственным институтом культуры совместно с Павлодарским государственным университетом в июне – июле 2016 г. и стала частью реализации большого международного проекта по изучению и сохранению культуры народов Большого Алтая [1].

Цель данной работы – на основе собранных и расшифрованных текстов проследить особенности родильной обрядовости в среде старожилов и переселенцев Алтайского края Солонешенского района.

Рождение ребенка – это великое таинство, во время которого актуализируются все представления, связанные с важнейшими жизненными процессами, оно окружено множеством правил, примет, поверий, требующих неукоснительного их соблюдения.

В ходе экспедиции получены сведения об обряде рождения, наиболее ценные сведения нам удалось получить от жителей с. Березовка. Материал анализировался нами по следующей структуре: обряды, приметы, правила, связанные с беременностью и непосредственно с самим процессом родов; послеродовые обряды; крестильные обряды.

Издrevле в общерусской традиции «протекающие в организме женщины физиологические процессы преобразовывались ритуалом в маркеры состояния и статуса. Говорили, что беременная живет в особом мире, между своим и чужим миром, между жизнью и смертью. На поведение будущей матери налагали множество ограничений. Табуирование очерчивало границу ее пространства, как особо уязвимое воздействию злых сил» [2, с. 3]. Приметы, поверья и правила старожилов и переселенцев Солонешенского района Алтайского края в этом смысле унаследовали общерусскую традицию. Считалось, что беременной можно смотреть только на красивое и нельзя – на уродливое, особенно на безобразных людей, иначе таким же родится и ребенок. Запрещалось смотреть на пожар, на падаль, расчесывать волосы (особенно по пятницам), переступать через коромысло, веревку, выплескивать воду через порог, пить прямо из ведра. Нарушение любого из запретов могло неблагоприятным образом воздействовать на ребенка (приписывались болезни, мучения от изжоги, рвоты, удушья, вшивость, нарывы – вплоть до летального исхода). Никаких запретов отцу будущего ребенка не было предусмотрено, зато мать рассматривалась как сосуд, носящий будущую жизнь и будущего больного или здорового, нравственного или безнравственного человека.

Существовали приметы, позволяющие «определить» пол будущего ребенка. Чтобы зачать мальчика, женщина после сокоупления должна была лечь на правый бок, девочку – на левый. Если беременная худела лицом или у нее был острый живот, или выдавался правый бок – ждали мальчика. Полнота лица, широкий живот, выдававшийся левый бок служили указанием на девочку.

Часть запретов и предписаний была рациональна. Беременную ограничивали в подъеме тяжестей, за нее старались выполнить работы, требовавшие больших физических нагрузок. Относились к ней предусмотрительнее, чем обычно, «кусочек послаще всегда ей отдавали» (слова Тюшковой Федосьи Егоровны, 1935 г. р., с. Березовка, Солонешенский район).

Особую актуализацию имело место родов. Его отмеченность, выделенность были обусловлены маргинальностью положения роженицы, находившейся между обычным и потусторонним миром. Часто местом для родов выбирались баня, клеть, хлев, отдаленные помещения в доме, место родов имело сакральный смысл. Зимой роды нередко проходили в прохладе (в сенях). Принимала роды обладавшая соответствующими учениями женщина – повитуха, лишь ей (помимо родной матери) дозволялось находиться в особом пространстве роженицы без вреда для нее. Вот почему женщины часто уходили рожать первого ребенка в родительский дом.

Когда таинственная процедура родов заканчивается, на крышу на шесте вывешивают рубашку роженицы, в которой женщина была во время родов. Этим знаком семья давала знать соседкам, что на свет появился ребенок, нужно прийти поприветовать роженицу; такое посещение называется «наведы». Приходят только замужние женщины, причем не с пустыми руками; они приносят домашние лакомства, пироги, блинчики и т. п., и называется это «на зубок» для роженицы, т. е. ей несут закуски для возбуждения аппетита. То, что принесли женщине в подарок, ее мужу есть не разрешалось, но дети могли лакомиться.

Также после рождения ребенка обязательно топят баню три дня подряд. Повитуха первая шла и мыла ребенка, она смотрела его и правила: «После родов всегда баню топили, она этого ребеночка

всего обшарит, если головка не так, она все поправит, ножки, ручки и пальчики и все-все. Никакого врача не надо» (Тюшкова Федосья Егоровна, 1935 г. р., с. Березовка, Солонешенский район).

После она шла мыть саму роженицу, мыла также с заботой, лечила и правила. «Она единственная топила баню три дня подряд. А меня всегда с костыльчиком водила, чтобы сглазу не было, а то люди на тебя подивуются, а тебе потом плохо будет. И вот баню истопит, сначала ребеночка всего посмотрит, чтобы здоров был, а потом меня: «Доченька, все жилочки напрягались, все жилочки напрягались», вот она и меня посмотрит, и если что, и живот поправит, и спину, ну, как ребенка меня моет. Вот три дня меня проводит и тогда уже благославит. Приходит проводить тебя, одаришь ее, что дома есть: то платок, то денег дашь, то яичек, кто мед даст, ну, в общем, что у самих дома было» (Аудзявичус Татьяна Павловна, 1938 г. р., с. Березовка, Солонешенский район).

Крестила (погружала) ребенка бабушка, знающая крестильные молитвы, которая получила благословение батюшки. Женщина должна был благочестивая, порядочная, не должна вовсе пить. Перед погружением бабушка три раза крестила воду распятием в обыкновенном тазу. Крестная мама (кума) должна была обязательно сшить сама шапочку и нательную рубашку для ребенка. Погружая ребенка в воду, бабушка читала молитву, после чего ребенка окутывали в простынку. «Молитву читала бабушка, я не читала, я просто присутствовала там. Она как-то воду покрестит распятием и молитвочку творила. Ну, они не крещеные, крестит-то батюшка, а это они погруженные были. Я спрашивала у батюшки, есть ли разница в этом, он сказал, что молитвы есть одинаковые, но там есть какие-то расхождения» (Аудзявичус Татьяна Павловна, 1938 г. р., с. Березовка, Солонешенский район).

На крестины приглашали все село, все должны были присутствовать при погружении. А гостей распределяли в такой очередности: за первым столом стояла бабушка – крестильница, рядом с ней стояли кум с кумой (крестные родители ребенка), дальше соседи и друзья. Родители ребенка стояли поодаль от толпы. «Ну, я сама крестила или погружала, раньше погружали. Ну, как молитву какую бабушка потворит, бабушку за первый стол, там приглашаешь соседей, друзей, куму. Ну, там простыночку дадут для ребенка, окупнут его в тазике и крестная обязательно ребенку, хоть мальчику хоть девочке, шапочку сошьет и что-то нательное, от того, что дома сколупают, из того и шьют» (Аудзявичус Татьяна Павловна, 1938 г. р., с. Березовка, Солонешенский район).

В заключение хотелось бы отметить, что при всех переменах, произошедших в быту современных селян, большая часть родильной обрядности сохраняется до сих пор. Конечно, современные жительницы Солонешенского района теперь во время родов обращаются не к повитухам, а в больницу, но система поверий, примет достаточно устойчива, пусть в несколько измененном виде, но сохраняется традиция наведов, крещения ребенка.

1. Губина Н. В., Первушина О. В. Международная фольклорно-этнографическая экспедиция как эффективная форма работы по изучению и сохранению народной художественной культуры Большого Алтая // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 2016. – № 2 (20). – С. 246–253.

2. Мухина З. З., Пушкарева Н. Л. Дородовой период и роды в жизни крестьянки пореформенной России (преимущественно центральных губерний) // Белгородский государственный университет. – URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/10817/1/Mythina_Dorodovy_i_12.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

А. А. Дорошенко

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

БАНЯ В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ СИБИРСКОЙ ТЫЛОВОЙ ДЕРЕВНИ 1940-Х ГОДОВ*

В данной статье рассмотрено значение бани в жизни сельской семьи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в Алтайском крае. Проанализированы вновь введенные в научный оборот устные источники о месте бани в системе жизнеобеспечения и адаптационных практиках сельского населения и ее роли в семейной санитарно-бытовой культуре.

Ключевые слова: баня, Великая Отечественная война, Алтайский край, сельская семья.

Баня традиционно занимала ведущее место в личной гигиене, но одновременно выполняла целый комплекс задач, связанных с санитарией [1]. Во время Великой Отечественной войны уровень жизни для тылового населения понизился, санитарно-гигиенические условия ухудшились [2]. В магазинах отсутствовали средства гигиены [3; 4]. Большое значение приобрел крестьянский опыт борьбы с антисанитарией и болезнями. При изучении этого вопроса нельзя обойтись без применения устных методов исследования и создаваемых с их помощью устных исторических источников, как «взгляда снизу» [5].

Как известно, под санитарной культурой понимается «совокупность специфических форм человеческой деятельности, направленных на сохранение здоровья, предупреждение распространения болезней..., сформировавшаяся на основе постепенного накопления функционально-полезных норм и ценностей и закрепившаяся в общественной практике и сознании общества» [6, с. 11]. В нее входит личная гигиена, изготовление моющих средств, борьба с инфекциями и их переносчиками, гигиена жилища и др. [2; 7].

Данная проблема не осталась без внимания, в разное время ее изучением занимались сибирские исследователи В. А. Зверев, О. Н. Шелегина, Т. К. Щеглова и др. [2–4; 7–10]. В своих работах историки рассматривают и сравнивают традиции поддержания чистоты старожилов и переселенцев, описывают санитарно-гигиенический опыт сельского населения в экстремальных и повседневных условиях, используя нарративные источники, архивные документы, а также полевые материалы.

Цель данной статьи – выявить традиции использования и значение бани в жизни сельской семьи в военные годы 1941–1945 гг. в Алтайском крае на основе новых полевых устноисторических и этнографических источников.

Об экологии и строительстве крестьянских бань относительно начального этапа социалистической модернизации сельского общества на протяжении 1930–1960-х гг. известно, что они мало отличались от предыдущего опыта крестьянской семьи. Как правило, способы поддержания чистоты являлись чисто семейным делом. Хотя с 1920-х гг. в новых типах поселений (коммуны, фермы и др.) стали появляться общественные бани. Советское государство проводило большую пропагандистскую кампанию по приобщению к мылу и его изготовлению, чистке зубов и т. п. [2]. Однако война прервала процесс «просвещения», а так как государство, ограничившись пропагандой и агитацией, не создало промышленной базы по производству средств личной гигиены и санитарии, население вынуждено было самостоятельно решать эти проблемы [3; 4]. В комплексе средств большое значение занимали бани.

Полевые материалы 2015–2016 гг. показывают, что особенностью банной практики военного времени являлось то, что бани топились по-черному, как и раньше [11, с. 298–311; 12]. Соблюдались и другие традиции, в частности, деревянные срубы старались поставить подальше от жилых домов, чтобы избежать пожара [11, с. 242–254]. В районах, где не было леса для строительства, они, как и жилые дома,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (руководитель д-р ист. наук Т. К. Щеглова).

© Дорошенко А. А., 2017

«мазались» из глины – и для старожилов, и для переселенцев в годы войны это был самый доступный материал [11, с. 22–29, 140–147, 330–342; 13; 14]. В таком случае небольшие по размеру бани делали из прутьев или камыша, которые сверху покрывали раствором с глиной. Г. С. Сухова вспоминает: «Баня у нас была своя, вот тут вот, под речкой, частично выкопанная в земле... в косогорчике, была оплетена плетнем и обмазана глиной, коровяком. Она покрывалась хворостом, палками. Печка была по-черному. Она делалась из кирпича, если был... Ну, полук был, где мылись, и прилавочек – лавочка, кто на эту лавочку садился. Предбанник тоже выкопан, и заложен» [11, с. 330–342]. Такие бани в описании респондентов были небольшими, поэтому потолок часто «головой задевали» [11, с. 330–342].

Традиционным местоположением семейных бань являлось их приближение к водному источнику, как в целях безопасности, так и в целях обеспечения водой. Информанты сообщают: «Мазанная... по-черному топилась... У нас над речкой была» [14], «Рядом с баней озеро было, из бани все выбегали и в озеро прыгали, ополаскивались» [11, с. 140–147]. Если не было возможности построить баню у реки или озера, рядом выкапывали колодец, чаще всего, с «журавлем» [11, с. 311–314, 353–356]. Качество воды в природных и искусственных водоемах отличалось: по мнению респондентов, колодезная вода была более жесткой, чем речная, и ее смягчали золой (щелоком) [12]. После мытья ополаскивались озерной или речной водой, или отдыхали в предбаннике [11, с. 298–311, 395–398].

Зола, как основа щелока, в годы войны массово заменила мыло, которого не хватало, как в стирке, так и в личной гигиене [4]. В анализируемых полевых материалах часть населения использовала древесную золу, ее разводили водой и получали щелок – мыльную жидкость, которая хорошо справлялась с загрязнениями [11, с. 298–311; 14]. М. Н. Бурматова вспоминает, что золу использовали «деревянную, только самое главное – с березы» [11, с. 298–311]. Иногда в качестве сырья для изготовления золы использовали сухие стебли растений, например, подсолнуха, многие считали, что из нее щелок получится лучше: «Отдельно топим когда баню, и отдельно с подсолнухов ботву, обязательно, хорошая была зола. Ее выгортали, в ящичках сохраняли, и вот такая у нас была кадушечка, обвязывает мама тряпкой, и насыпает туда мама золы, а потом льет кипятком, и получался щелок... Вот возьмешь эту водичку, а она на ощупь как шелк. Вот этим мыли» [13]. Информанты утверждают, что такая вода обладала свойствами, которых нет ни у одного современного мыла или шампуня: хорошо помогала от перхоти и делала волосы мягкими и пушистыми; они хорошо росли [11, с. 430–432; 14]. Кроме того, для мытья и стирки использовали комки белой глины.

Мыло варили из внутренностей животных [11, с. 353–356, 368–371, 417–419; 13]. В одном из описаний информанта, изготовление мыла велось в домашних условиях традиционным путем: «...Скот забивали. Кишки, отходы – в чугунок. В ямку под чугунок подкладаешь дров, кипит. Сода [крестьянами добавлялась каустическая сода] кишки переедает. Когда переест, в корыто вываливаем. Охлаждаем, нарезаем кусками» [11, с. 353–356, 417–419].

При мытье в бане использовались самодельные вехотки [11, с. 395–398]. Средством мытья являлись и веники, чаще всего, березовые [11, с. 229–239, 395–398, 417–419]. Их заготавливали в каждой семье, поэтому все респонденты рассказывают об этом: «Венички готовили заранее. Летом привозили из колку березу, вязали и вешали их на гардинку на горницу. Вдругорядь веников до весны не хватает, ежели мало их заготовишь» [11, с. 395–398]. Веники имели и лечебное название, с этой целью при отдельных болезнях использовали крапиву – как в вениках, так и запариванием [11, с. 193–195]. Основными емкостями для мытья в годы войны служили деревянные корыта или лохани, в которых мылись сами и стирали белье [11, с. 140–147, 402–405, 409–420]. Частью банной, в т. ч. лечебной процедуры являлась послебанная чайная церемония. Чай чаще всего заваривали на полевых травах, иногда добавляли молоко [11, с. 330–342, 395–398].

Баня имела большое место и в борьбе с паразитами, особенно вшами, борьба с которыми велась постоянно [11, с. 97–100; 13–14]. Информация по этому вопросу повторяется из интервью в интервью. Например, Ф. Ф. Молчанова рассказывала: «...Вот снимем эту рубашку холщевую в бане, тогда же мама пряла и они сами ткали, вот с этого шили, грубые такие вещи... И вот по этим рубцам такие были вши, страшно. Вот в баню повесишь, чтобы они прожарились и пропали» [13].

Кроме того, баня использовалась и в производственных процессах домашних промыслов. В частности, в годы войны зафиксированы случаи обработки льна и конопли в банях, используемые в домашнем ткачестве для прядения и тканья [11, с. 419–420]. В теплой бане конопляное или льняное сырье сушили и в банях мяли на мялках в холодное время.

Наконец, значение бани не ограничивалось бытовыми потребностями: она сохраняла свои функции в семейной, календарной обрядности, в крестьянской мифологии. В полевых исследованиях записаны различные поверья и традиции, связанные с представлениями о бане, как объекте культуры с мистическими свойствами. Так, несмотря на войну, в Рождество и Крещение в банях гадали девушки. М. Я. Сидякина рассказывает: «Мы с девочками гадали. Пойдем в баню, вытаскивали угли из бани и бегом в речку, утонут – плохо это» [11, с. 96–97]. Меньше в годы войны фиксируется использование бани в свадебных обрядах. Немногочисленные свидетельства показывают, что старались в эти годы соблюдать обряд бани в последние дни девичества, когда подруги мыли невесту, расплетали ей косу, пели, «причитали», особенно в переселенческой среде: «...А подруги убягуть ды не пускають ее у баню. Она стоит, кричить: «Милый все мои подруженьки, а пустите вы меня в теплу баню, я свою девичью красу буду смывать!» [11, с. 27–35].

Таким образом, культура санитарии и гигиены крестьянской семьи в годы Великой Отечественной войны была тесно связана с баней. Из-за тяжелых экономических условий бань в селах было немного – чаще всего, одна на несколько семей. Мылись тоже не часто (один-два раза в неделю, а во время тяжелых летних работ – и раз в месяц), используя традиционные средства (щелок, белая глина, домашнее мыло, банные веники и др.). По воспоминаниям информантов, зачастую этого не хватало в борьбе с паразитами, однако тяжелые заразные болезни не были распространенным явлением в тыловой сибирской деревни. Во многом, благодаря тому, что баня оставалась символом чистоты и здоровья.

1. *Щеглова Т. К.* Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, замещающие технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г.: археология, этнография, устная история : материалы X междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2015. – С. 248–262.

2. *Щеглова Т. К.* Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2003. – Вып. 5. – С. 154–163.

3. *Щеглова Т. К.* «Интимные» вопросы культуры жизнеобеспечения женщин сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны: взаимодействие гендерной и устной истории в исследовании гигиены и санитарии // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур : материалы Девятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. – М., 2016. – Т. 2. – С. 253–258.

4. *Щеглова Т. К.* Моющие средства в системе жизнеобеспечения сельского населения сибирской тыловой деревни в условиях войны 1941–1945 гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и повседневность (к 100-летию русской революции). – СПб., 2017. – С. 263–270.

5. *Щеглова Т. К.* Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны : науч. и метод. материалы. – Барнаул, 2015.

6. *Прохоров Б. Б.* Экология человека: Понятийно-терминологический словарь. – Ростов-на-Дону, 2005.

7. *Щеглова Т. К.* Внутреннее убранство избы алтайских крестьян в первой половине XX века: по полевым исследованиям 1993–1995 гг. // Этнография Алтая : материалы второй науч.-практ. конф. – Барнаул, 1996. – С. 93–105.

8. *Зверев В. А., Караваева Е. В.* Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной Церкви в деревне Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 1. – С. 59–64.

9. *Шелегина О. Н.* Историко-этнографические аспекты адаптации русского населения в условиях освоения новых территорий // Историческое познание: традиции и новации : материалы Междунар. теоретической конф. – Ижевск, 1996. – Ч. 1. – С. 113–119.

10. *Щеглова Т. К.* Мир времени истории в памяти поколений XX столетия: жизненные стратегии в военных условиях 1941–1945 гг. сельского населения Сибири // Калейдоскоп времени: ускорение,

инверсия, нелинейность, многообразие : сб. ст. по материалам Междунар. междисциплинар. конф. – Саратов, 2015. – С. 148–158.

11. Алтайская деревня в рассказах ее жителей. – Барнаул, 2012.

12. Архив Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (далее – ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ). Ф. 1. Материалы историко-этнографической экспедиции (далее – ИЭЭ) 2004 г.: Алтайский край, Бийский район, с. Ключи. Плотникова А. Г., 1925 г. р.

13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Благовещенка. Молчанова Ф. Ф., 1936 г. р.

14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, п. Метеор. Аношкина П. К., 1926 г. р.

Д. В. Емельянов

Барнаул, Алтайский государственный университет

ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ (50-60-Е ГОДЫ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА): ВОСПОМИНАНИЯ, ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В настоящей работе на основе новых полевых материалов рассматривается важнейший компонент жизнеобеспечения коренного населения Северного Алтая – охотничий промысел. Автор дает описание охоты во второй половине XX в. и современное состояние охотничьего промысла. Сопоставление этапов развития позволяет определить уровень сохранности традиционных черт в хозяйстве и материальной культуре малочисленных народов Алтая.

Ключевые слова: охота, северные алтайцы, промысел, кумандинцы, традиционная культура.

Природно-географические условия Северного Алтая обусловили охотничий промысел как одно из приоритетных направлений в жизнеобеспечении таежного населения. Археологические источники свидетельствуют о давней (со времен палеолита – неолита) значимости охоты на зверя в хозяйственной жизни северных алтайцев [1, с. 16]. Имея многовековую историю и практику, рассматриваемая форма жизнеобеспечения в северных горно-таежных районах Алтая вплоть до середины XX столетия не переставала играть главенствующую роль в экономическом обеспечении населения. Однако во второй половине XX – начале XXI вв. происходит переориентация способов и источников экономического оснащения.

В качестве основных источников для настоящей работы выступили полевые собрания автора, выполненные в рамках реализации проекта «Тропой миссионера В. И. Вербицкого: народы Северного Алтая и Горной Шории в XXI веке (Первая этнографическая экспедиция студентов и молодых исследователей)». Собранные нами сведения в районах проживания кумандинцев (Краногорский район Алтайского края), тубаларов, челканцев (Турочакский район, Республика Алтай) и шорцев (Таштыпский район, Республика Хакасия) показали, что среди пожилого населения данных районов отчетливо прослеживается восприятие охоты, как традиционного промысла, являвшегося важнейшим источником пищи, одежды и средств для проживания.

В ходе полевых работ в Турочакском районе Республики Алтай удалось зафиксировать воспоминания участников охотничьего промысла 50–70-х гг. XX в., времени постепенного изменения роли, форм и материального обеспечения промысла. Эти перемены по нашему мнению были вызваны рядом факторов: экономико-политический, ассимиляция, изменение материальной культуры и пр. [2, с. 186].

По словам информатора, в 1950–1960-е гг. охота имела два вида: коллективную и индивидуальную. Преимущественно была распространена коллективная форма, когда охотники, разбившись на

артели, уходили на промысел. Однако по сообщениям Л. П. Потапова на рассматриваемой территории к середине столетия индивидуальная охота уже имела значительное преимущество над коллективной, что свидетельствует о сохранившихся реликтах традиционного этапа экономической деятельности коренного населения Алтая в более современное время [3, с. 37].

Главным правилом на промысле среди челканцев п. Турочак со слов информатора являлось: «Не бери больше, чем тебе нужно». Однако это свидетельство по нашему мнению является изрядно идеализированным, и его выполнение не проявлялось среди большинства охотников. При отправлении на охоту промысловик проводил обряд, направленный на задабривание духов тайги, с целью благоприятного хода охоты, хорошей добычи и здорового возвращения домой. Накануне отправления в тайгу охотник подкармливал свой домашний огонь алкоголем или едой. У каждого рода (сеок) были и общие духи, в т. ч. духи гор (хозяин горы) и духи тайги, которым поклонялись охотники перед промыслом. Также охотник мог взять с собой некоторое количество толкана и угостить им, размешанным в воде, духов тайги или гор, окропив дерево или камень жидкостью. Сохраняются также и обычаи, повсеместно распространенных в конце XIX – начале XX в.: перед охотой и вовремя промысла не разрешалось шуметь дома, женщине нельзя было прибираться дома (полы не мелись и не мылись), чтобы «след не замести», а также было дурным предзнаменованием встретить женщину при отправлении на охоту.

Несмотря на то, что издревле охота считалась преимущественно мужским занятием (даже существовала дурная примета – встретить женщину перед охотой), то уже к середине XX в. и после женщины стали активными участницами этого промысла. На охоту могли брать и детей. Так, например, наш информатор участвовал в промысле с 8-летнего возраста. Однако в случае многоснежья детей не брали с собой на охоту.

Отправляясь на охоту, промысловик в случае непогоды или иных причин мог переждать или переночевать в избушке, которые, как правило, располагались около рудника или ручья. Их обычно не запирали, оставляя открытыми, чтобы ими могли воспользоваться не только охотники, но просто заблудившиеся люди. В избушке постоянно имелись необходимые продукты, чтобы утолить голод и согреться – спички, соль, крупы. Площадь такой избушки составляла 3–9 кв. м. В ней имелась печка буржуйка, нары, лавка и стол. Однако, если ночь застигала охотника вдалеке от избушки, то ночевать приходилось где доведется. В этом случае охотник разбивал костер из сухостоя, укутывался в верхнюю одежду и грелся около огня.

Объектами пушной охоты у северных алтайцев являлись соболь, норка, белка, заяц, лица и колоннок. Мясная охота ориентирована была на добычу медведя, марала, оленя, дикого козла. Шкуры добытых зверей сдавались в заготовительные организации [1, с. 80].

Обязательным сопроводительным орудием у охотника являлись лыжи, служащие ему средством передвижения и способом транспортировки добычи обратно домой. Лыжи были обшиты камусом, жестковолосная часть шкуры нижней части ног оленя или лошади [4, с. 44]. Их изготовлением занимались не только представители коренного населения, но и русские, частично перенявшие местную культуру. По оценке информатора лыжи могли прослужить до 20 лет, в зависимости от ухода за ними. Спутником охотника на промысле была собака, преимущественно лайка.

Транспортировали добычу либо на лыжах, связав их носочки между собой, создав импровизированную нарту. Этот способ был распространен в труднопроходимых местах, там, где не смог бы пройти конь, который и являлся основным средством транспортировки добычи даже в зимнее время. Помимо этого, если добыча была не многочисленна и не сильно тяжела, охотник мог ее либо навьючить на себя, либо тащить волоком.

На современном этапе (конец XX – начало XXI вв.) охотничий промысел потерял свою приоритетную направленность в жизнеобеспечении северных алтайцев. Наши информаторы отмечают, что среди местного населения, где они проживают, охота становится любительским занятием. Молодое поколение все реже «ходит в тайгу», предпочитая иные способы экономического обеспечения себя и семьи. Это отчасти связано с усложнением процесса подготовки к охоте: необходимость приобретения разрешения на промысел, лицензии на оружие и т. п. Однако не для всех эти условия становятся затруднительными, и люди продолжают традиции своих предков. На современном этапе среди северных алтайцев превалирует индивидуальная охота. Встречается и коллективная охота, когда охотники объединяются для отправления на промысел на более дальние расстояния, либо на продолжительный срок. Участниками промысла может быть каждый, не взирая на пол. Жены

некоторых наших респондентов неоднократно самостоятельно уходили на охоту в тайгу расставлять ловушки и т. п.

Бытовавшие ранее обычаи и обряды перед занятием охотничьим промыслом сохраняются не в полной силе, поскольку некоторые утрачены или позабыты, или охотники не видят необходимости их проведения. Из встречавшихся нам свидетельств сохранившихся обрядов – это подкармливание духов тайги алкоголем (самогоном) и запрет на уборку в доме. Подкармливание осуществляется окроплением огня печки дома алкоголем. Сохранившиеся обряды предстают перед нами в качестве реликтов традиционного мировоззрения коренного населения Северного Алтая. Дальнейший процесс утраты традиционных знаний в области природопользования не только отрицательно сказывается на преемственности поколений, но и негативно влияет на окружающую среду (правило «не бери больше, чем тебе нужно» уже не имеет того важного значения для современного охотника, как раньше).

Необходимо отметить, что и сегодня сохраняется материальная культура северных алтайцев в виде средств транспорта – лыжи. Их изготовлением занимаются не только коренные народы, но и русские, перенявшие у них эти знания. Отличием могут служить некоторые конструктивные параметры или способы их изготовления [5].

Подводя итог, можно сказать, что охотничий промысел предстает перед нами как источник для рассмотрения эволюции культурно-мировоззренческих особенностей северных алтайцев. Существовавшие обычаи, обряды и традиции рассматриваемого промысла были нераздельно связаны с жизнедеятельностью общества, являлись ориентиром и основой для последующих поколений. Однако активная трансформация традиционной культуры у южно-сибирских тюрков привела к потере связи поколений, миропонимания и мировоззрения, подрывая устои традиционного общества. Их фиксация является одним из приоритетных инструментов для налаживания диалога не только между поколениями, но и в целом между культурами нашей многонациональной страны.

1. Назаров И. И. Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования : информационно-методический справочник. – Барнаул, 2009.

2. Емельянов Д. В. Традиционные средства передвижения коренного населения северного Алтая: материальная культура как проявление этнической интеграции // Гражданская идентичность и социальная интеграция этнических сообществ в полиэтничной среде приграничных регионов России. – Барнаул, 2015. – С. 185–188.

3. Потапов Л. П. Охотничий промысел алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). – СПб., 2001.

4. Назаров И. И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура : монография. – Барнаул, 2013.

5. Емельянов Д. В. Традиционная транспортная культура кумандинцев (по материалам полевых этнографических исследований) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история : материалы X междунар. науч.-практич. конф. – Барнаул, 2015. – Вып. 10. – С. 112–115.

А. А. Игнатенко

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

ПИЩА И ПИТАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

В статье рассматривается проблема обеспечения продуктами питания населения алтайской деревни в период Великой Отечественной войны. Автор пытается определить роль огородничества и собирательства в культуре жизнеобеспечения сельского русского населения Алтайского края.

Ключевые слова: культура жизнеобеспечения, огородничество, Великая Отечественная война, русское крестьянство, промыслы.

Изучение Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. всегда находилось в поле зрения российских исследователей. Как отмечает Т. К. Щеглова, основное внимание исследователей уделялось событиям на фронте, но в значительно меньшей степени уделялось внимание тыловой деревне, а именно повседневной жизни сельского населения, их адаптационной практике в борьбе с голодом [1, с. 3–4]. Целью данного исследования является выявление изменений в системе питания крестьян тыловой деревни, которые были связаны с нехваткой продуктов питания. Это было вызвано тем, что значительное количество производимых крестьянской семьей и колхозными производственными коллективами продуктов в соответствии с плановыми сборами отправлялись на фронт.

Ухудшение положения крестьянской семьи выразилось в сокращении выдачи зерна на трудодень. По сравнению с 1941 г. на одного работника средний размер выдаваемого зерна на 1 трудодень в 1942–1943 гг. упал в два раза (с 1,21 до 0,42 кг на трудодень), а по сравнению с 1939 г. – в целых четыре раза (с 2,04 до 0,42 кг на трудодень). В 1943 г. свыше 56 % колхозов Алтайского края выдавало работнику на трудодень не более 300 граммов зерновых и 25,4 % колхозов – от 301 до 500 граммов [2, с. 228].

Продовольственный вопрос стал для жителей села жизненно важным. Необходим был поиск новых способов добычи продуктов питания. В результате, как считают некоторые исследователи, проблема нехватки продуктов питания была решена путем увеличения роли огородничества [3, с. 306], а также путем возвращения к традиционным способам добычи продуктов питания, т. е. освоением кормящего ландшафта, развитием собирательства и промыслов [4, с. 175].

В связи с этим актуальным является вопрос по выявлению значения для системы жизнеобеспечения продуктов питания, произведенных собственными силами и добытых жителями села путем освоения кормящего ландшафта. Для его решения использовались материалы интервью, собранные в ходе историко-этнографических экспедиций под руководством Т. К. Щегловой в Залесовском, Первомайском, Краснощековском, Усть-Пристанском, Благовещенском районах Алтайского края в 2015–2016 гг. [5, с. 25–26; 6, с. 74–75].

Питание жителей села в большей степени зависело от времени года. Основную долю продуктов питания в годы войны составляли продукты растительного происхождения. В пищу употребляли как дикорастущие растения, а также плодово-овощные культуры, выращенные на собственном огороде. Важным моментом в системе жизнеобеспечения крестьян являлись конкретные природно-географические условия района, которые определяли возможность использования в пищу тех или иных продуктов питания.

Наиболее универсальным продуктом питания в годы войны являлся выращенный картофель: «На огородах садили по гектару этой картошки, потому что одной картошкой жили, хлеба ведь нет» [7]; «Ну в основном картошку вырастишь» [8]; «У нас на первом месте была картошка» [9]; «Картошки много насаживали» [10]. В Алтайском крае и Новосибирской области вместе взятых, по данным налогового учета, доля картофеля в приусадебном посеве в 1945 г. составляла 84,5 %. Овощи и бахчевые занимали 11,4 % посевов, зерновые – 4,1 % [11, с. 249].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (руководитель д-р ист. наук Т. К. Щеглова).

Из картофеля в этот период делали большое количество блюд, так как он был главным ингредиентом: «Драники стряпали, хлеб с картошкой, картошку вареную и печеную» [12]; «Крутили, крахмал делали, кисель варили и жарили, и парили, и тушили и всяко-всяко мы ее ели» [10]; «Сыпнет туда пшенички, картошки вот и хлебали суп» [13]. Тертый картофель часто использовали при приготовлении хлеба, «побольше картошки в тесто добавляли... все это через сито процеживали, лишь бы только по больше булок было» [9]. Широкое использование картофеля в военные годы обуславливается тем, что он не требовал особых условий для его выращивания и хранения.

Кроме картофеля выращивали и другие овощные культуры, которые употребляли в пищу как в свежем виде, так и в виде заготовок на зиму.

На степных территориях Алтайского края в Благовещенском, Усть-Пристанском районах активно развивалось бахчеводство: «Арбузов много засаливали, тыква была» [10]; «Тыква росла и дыни росли, арбузы росли, все это заготавливали на зиму» [7]. Некоторые респонденты, особенно западных степных районов, ставили тыкву в один ряд с картофелем: «Жили картошкой и тыквой» [10]. Это обуславливается тем, что тыква, как и картофель не нуждается в особых условиях хранения, а это в свою очередь облегчает ее заготовку на зиму.

Менее благоприятным для огородничества являлись таежный Залесовский и предгорный Краснощековский районы, в которых не вызревали бахчевые. В отличие от степных районов на их территории больше выращивали «фасоль, горох, ... помидоры» [9], «огурцы... морковь... капусту» [14], которые засаливали на зиму в большом объеме.

Таким образом, мы видим, что для системы жизнеобеспечения сельских жителей развитие огородничества способствовало решению проблемы нехватки продуктов питания. Огород в этот период стал частью подсобного хозяйства, где основным продуктом, выращиваемым крестьянами и употребляемым в пищу в течении года, являлся картофель.

В тяжелых условиях военного времени к продуктам растительного происхождения, употребляемым в пищу, также относились дикорастущие растения и плоды. Они в военное время служили дополнением к основному рациону питания. Как отмечают исследователи, травы играли роль подстраховщика [15, с. 249] не только в случае, когда заканчивались основные запасы продовольствия, но и являлись существенным дополнением в приготовлении блюд, в том числе заменяли некоторые земледельческие культуры.

По материалам полевых исследований, в пищу употребляли дикорастущие растения, которые можно разделить на две группы. К первой группе относятся клубневые растения, которые были распространены в приречных, приозерных и приболотистых территориях: «Калачики ели, чеснок. На речке вот камыш, рогоза. Пучки растут от рогозы такие. Вот ее вытаскиваешь, моешь в речке и ешь сидишь. Водяной лук, в болотах рвали» [16]. Другую группу составляли растения со съедобным стеблем или верхней частью, если судить по воспоминаниям Е. К. Коровиной, проживающей в селе Залесово, которое относится к лесистой местности: «Лебеду ели, крапиву ели» [14]; «Крапива, такая длинная растет, ели» [9].

Так же как и картофель, дикорастущие растения использовали для приготовления некоторых блюд: «В суп кидали, варили, в хлеб толкали, во все на свете, сушили. Картошку трешь и туда лебеды, туда и зелени какой-нибудь, какая лишь бы мягкая и не горькая, и все» [7]. Таким образом, в условиях нехватки продовольствия происходило замещение дикорастущими травами основных продуктов питания.

Другой группой дикорастущих продуктов были ягоды. Согласно воспоминаниям Е. И. Давыдовой, было развито собирательство ягод: «ягоду собирала: клубнику, черемуху» [12]. Также согласно Ф. В. Нечаевой, помимо этих ягод, собирали землянику и боярку [7]. Кроме того, что свежие ягоды употребляли в пищу, их также заготавливали на зиму: «Сушили ягоду, сахару не было. В русской печке, протопят ее, и там лист ягод стоит на целый день сушится» [17]. Немаловажным фактором системы жизнеобеспечения также было собирательство грибов и заготовки их на зиму. По воспоминаниям Ф. Ф. Молчановой: «Грибы «печерицы» и шампиньоны, ходили, собирали свинухи» [13]. Занимались собирательством груздей, «белянок», рыжиков. В зимний период времени из них готовили различные похлебки и супы. Если говорить о способе заготовки, то использовали как засолку, так и сушку грибов [12].

Таким образом, собирательство сыграло значительную роль в системе питания сельских жителей, так как в военные годы дикорастущие травы, плоды ягод и грибов являлись неотъемлемыми ингредиентами питания сельчан.

В результате, можно сделать вывод, что для системы жизнеобеспечения жителей села продукты питания, произведенные собственными силами и добытые жителями села путем освоения кормящего ландшафта, играли огромную роль в условиях военного времени. Но на основе устных свидетельств [6, с. 74], можно прийти к выводу, что решающее значение в продовольственном вопросе играли продукты, выращенные на огороде, так как в течении года в пищу в основном употребляли картофель. Продукты, собранные путем освоения кормящего ландшафта, играли уже подстраховывающую роль.

1. Щеглова Т. К. Повседневные адаптационные практики и культура жизнеобеспечения русского сельского населения юга Западной Сибири как фактор победы в Великой Отечественной войне: новые подходы и источники в исторических исследованиях // Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны : науч. и метод. материалы. – Барнаул, 2015. – С. 3–16.
2. Рыков А. В. Питание колхозных крестьян в условиях полеводческих и тракторных бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. – Барнаул, 2014. – С. 228–231.
3. Алекса Д. В., Рыков А. В. Огородничество в системе жизнеобеспечения сельского русского населения Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2014. – С. 306–311.
4. Щеглова Т. К. Собирачество как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941–1945 годов (по устным историческим источникам) // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – № 35 (1). – С. 175.
5. Щеглова Т. К. Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. и источ. – Барнаул, 2016. – С. 22–39.
6. Щеглова Т. К. Стратегии выживания и адаптации земледельческого населения Сибири в контексте исторических событий XX столетия: ответ устной истории на антропологические вызовы // Антропология в поисках нового языка описания : тез. – Томск, 2016. – С. 74–75.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Алтайский край, Усть-Пристанский район, с. Коробейниково. Нечаева Ф. В., 1926 г. р.
8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Первомайский район, с. Березовка. Колмаков И. П., 1929 г. р.
9. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Краснощековский район, с. Маралиха. Коротких Е. И., 1932 г. р.
10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Благовещенка. Овчарова А. Ф., 1924 г. р.
11. Рыков А. В. Социальное, правовое и материальное положение колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны: на материалах Алтайского края // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. и источников. – Барнаул, 2016. – С. 9–22.
12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Залесовский район, с. Залесово. Давыдова Е. И., 1931 г. р.
13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Благовещенка. Молчанова Ф. Ф., 1936 г. р.
14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Залесовский район, с. Залесово. Коровина Е. К., 1937 г. р.
15. Щеглова Т. К. Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, заместительные технологии и жизненные стратегии // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. – Барнаул, 2015. – С. 248–262.

16. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Благовещенка. Штанько М. М., 1930 г. р.

17. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Благовещенка. Шинкевич Н. А., 1925 г. р.

Н. В. Кабакова

Омск, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ)

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ: ИЗМЕНЕНИЯ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ)***

Характеризуется повседневность западносибирской деревни накануне и во время Великой Отечественной войны. Выясняются изменения, происшедшие в жизнедеятельности сельского населения на данном историческом отрезке. Рассматриваются обстоятельства, обусловившие эти перемены. Исследование осуществлено по материалам устных источников.

Ключевые слова: повседневность, предвоенный период, Великая Отечественная война, западносибирская деревня, устная история.

Изучение повседневности в настоящее время является актуальным трендом современной отечественной науки [1–3]. Подобное внимание к жизнедеятельности «маленьких», ничем не примечательных людей позволяет оценить полновесность прошлого, поскольку ориентирует исследователей на рассмотрение всей разноплановой внутренней мозаичности обыденности на фоне «большой истории», традиционно освещающей глобальные процессы, судьбоносные события. Востребованность данного подхода проявляется при изучении так называемой экстремальной повседневности, т.е. периодов войн, революций, которыми так богата история нашей Родины в XX в., поскольку героика этих лет, достаточно полно описанная в художественной литературе, отраженная в научных трудах, мемуарах и воспоминаниях политических и военных деятелей, представителей культуры, пополняется оценками рядовых граждан [4–6]. В рамках данной статьи определим ее целью сравнение повседневности западносибирской деревни предвоенного десятилетия и времени Великой Отечественной войны в восприятии поколения того времени.

Освещение данной тематики стало возможно на основе многочисленных материалов, накопленных в рамках реализации проекта «История семьи в истории Отечества»: студенты Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета, изучающие историю, пишут мемораты о собственных семьях. Тематика данных работ чрезвычайно широка, но важное место среди подобных исследований занимают рассказы родных (чаще – бабушек или дедушек) о собственном прошлом, воспоминания о событиях, очевидцами и участниками которых являлись предки нынешнего юного поколения. Записанные сведения представляют бесценный материал для изучения именно потому, что они носят частный характер, естественны, в них свободно формулируются мысли информантов, их впечатления о былом.

В основу десятков студенческих меморатов положены воспоминания предков – жителей деревень, проживавших в Западной Сибири на протяжении ряда поколений: «Дедушка Иван Захарович Горский (1928 г. р.) вырос в деревне Малоогоильное (ныне – Любинский район Омской области)» [7, с. 123], «прадед Иван Иванович Захарченко родился в 1918 г. в селе Новоцарицыно (ныне Москаленский район Омской области) в семье крестьянина» [8, с. 104]. В других случаях родственники авторов работ являлись в прошлом мигрантами, сравнительно недавно (в течение примерно десятка

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 17-11-55006 «Повседневная жизнь в Западной Сибири накануне и во время Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.)».

© Кабакова Н. В., 2017

лет, в довоенный период) перебравшимися в этот край в силу различных обстоятельств: «Мои предки – эстонцы – прибыли в Омскую область в Большеречье», ими двигало «стремление к лучшей жизни в стране, где обещали льготы, помощь в развитии хозяйства и прочие привлекающие условия в малоосвоенных землях» [9, с. 98], «предки приехали в Сибирь из Тульской губернии в начале XX в., остановились в Кабаклах (Новосибирская обл.)» [10, с. 57], «прибыли в Сибирь после постройки Транссиба, обосновались в с. Чудесное Тевризского района Омской области» [11, с. 16], «семью прабабушки Александры Васильевой Селезневой (1921 г. рожд.), где она была одной из шестерых детей, сослани в Омск из деревни Могилево Владимирской области в 1937 г.» [12, с. 138].

Многие из рассказчиков в предвоенное десятилетие, в 1930-е гг., были еще детьми, и лишь в редких случаях информация, полученная студентами, предоставлялась им респондентами, уже достигшими в то время зрелого возраста. Таким образом, все больше сказывается увеличивающаяся удаленность нас от изучаемого временного отрезка, а потому с каждым годом сокращается число подлинных очевидцев событий тех лет, способных предоставить собственное видение и оценку событий прожитой жизни.

Несомненно, необходимо учитывать свойства человеческой памяти в оценке данных воспоминаний: в сознании пожилых людей, переживших взросление в экстремальное историческое время, отложились картины трудностей окружающей и своей собственной жизни, вычленились самые яркие ее эпизоды. Потому сходной чертой практически всех мемуаров стали рассказы о тяжелом труде, участниками которого были в те годы и взрослые, и дети: «Прабабушка стала трудиться в колхозе телятницей, хотя ей едва исполнилось 12 лет. За выполненную работу предоставляли трудодни, за которые ставили “палочки”. На каждую телятницу приходилось по 30 голов. Кормили они телят два раза в день, корм нужно было разносить огромными ведрами вручную, к тому же отсутствовал водопровод, и воду возили с речки. Вставала прабабушка в 4 утра и только поздно ночью возвращалась домой» [11, с. 17]; «Жизнь не баловала. Семья была большая, дети начинали работать рано. В 1920 году в селе образовалась коммуна “Красный флаг”, там работали родители: жили с бригадой в пяти километрах от дома, приходили только по субботам» [8, с. 105]; «Я с отцом ходил в поле, ухаживал за лошадьми. В десять лет я уже греб на граблях» [7, с. 125].

В мемуаратах подчеркивается, что именно в таких условиях формировалось отношение детей к труду, их ответственность за своих близких: «Прабабушка росла в многодетной семье. Отец ее умер от ран, полученных на войне с Финляндией. Нужно было помогать матери по хозяйству, нянчиться с младшими братьями и сестрами, поэтому учиться в школе ей пришлось один год» [11, с. 17]; «Мне пришлось бросить школу, я был старший теперь из мужчин в семье, надо было помогать» [7, с. 124].

В рассказах о прошлом информанты сравнивали условия жизни своих семей, изменившиеся под влиянием проводимой в стране коллективизации: «Хорошо прабабушка запомнила время коллективизации, когда они отдали лошадь, корову, свиней в колхоз. Семья была оставлена без хозяйства, по сути, была разорена» [11, с. 18]; «В 1920-е гг. хозяйство было большое. Но в 1929–1930 гг. началась коллективизация. Прадедуска в колхоз не пошел, но пришлось сдать лошадь и двух коров. К тому же семью обложили большим налогом, в результате чего к 1936 г. оказалось нечем рассчитываться. <...> Остались дом и конюшня, да старая молотилка с косилкой» [10, с. 62]; «Помню, как в 1933 г. отец, вступив в колхоз, отдал две лошади и двух коров, <...> остались мы ни с чем. Бывало, наведут нам с сестричкой Любой водички с сахаром (если был), а мы макали туда хлеб» [7, с. 127]. Но, не смотря на ухудшение экономического положения, репрессии, которым подвергались крестьянские семьи в 1930-е гг., в устных рассказах о том времени отмечаются и положительные перемены, происходившие в повседневной жизни сельских жителей: «В колхозе запустили мельницу, еще до войны установили электростанцию, которая была построена на речке Ова, вытекавшей из болота. А до этого дома освещались керосиновыми лампами» [11, с. 18]; «В 1935 году в деревне впервые была пущена в эксплуатацию электростанция. В каждом доме загорелись электролампочки. Дедушка пошел в школу» [10, с. 62].

Именно социокультурный фактор приобрел знаковую роль для предвоенного поколения, что подчеркнула в своем повествовании правнучке Минодора Ефимовна Крысаченко: «Крестьянские дети впервые получили возможность учиться, стать образованными людьми», поскольку «на хуторе впервые открылась семилетняя школа, построен клуб, где демонстрировали кино – сначала немое, потом – звуковое. Для взрослых работали курсы ликбеза, можно было заниматься художественной самодеятельностью» [13, с. 84]. Именно эти видимые позитивные изменения вкупе с мощной идеологической государствен-

ной пропагандой с ее установкой на неизбежность построения светлого будущего, во многом определили отношение населения страны в целом, и ее деревенских жителей, в частности, к войне с гитлеровской Германией. Для них это была война со страшным врагом, борьба, в которой требовалось победить ради собственного «счастливого завтра». Поэтому в изложениях очевидцев о переменах, которые произошли в период военной экстремальности, речь идет о многочисленных невзгодах и трудностях, о непосильном труде, который, с одной стороны, был тяжелым бременем, но воспринимался как неотъемлемое условие грядущей Победы. В рассказе М. А. Бондарь (1920 г. р.) о войне отражены суровые обстоятельства бытования деревенских жителей: «Жизнь в это время была нелегкая. Все мысли и цели были тогда направлены на победу. Летом уезжали на месяц косить сено, потом нас отправляли жать рожь, вязать снопы, после этого отправлялись сдавать зерно в с. Утьму. Зимой днем работала телятницей, а ночью сторожила телят. Скот гоняли поить на реку, и работницам приходилось очищать ото льда полыньи. Коней в колхозе не осталось, и женщины на быках вывозили сено и дрова из леса. Везти же нужно было 10 км по лесу. Пахать тоже приходилось на быках. Плохо в военное лихолетье обстояло дело и с одеждой. Обувь делали сами себе. Во время сенокоса надевали лапти, а каждый день носили “чирки” – самодельную обувь из выделанной свиной кожи» [11, с. 19]. А вот повествование Ивана Захаровича Горскина, которому в первый военный год исполнилось 13 лет: «В апреле, как сходил снег, со сверстниками выезжали “на табор”, где жили все лето. В 5 утра вставали, ели, запрягали лошадей и пахали до 10–11 вечера. За день по полю надо пройти 50 км, да еще и держать тяжелый плуг, управляя им и лошадьми. А не пройдешь – не получишь пайку – килограмм хлеба. <...> Уставали до того, что с утра ты держишь плуг, а вечером сам за него держишься, чтобы не упасть... Так и работали всю войну» [7, с. 127]. Встретились в меморатах описания трудовых мобилизаций, которыми были охвачены подростки из сельской местности: «В 1941 г., после начала войны, в деревне жить становилось все трудней. Школу закрыли – ее стали использовать под госпиталь, а 14-летнего дедушку мобилизовали в новосибирское ФЗО. Там с месяц поучили и поставили к станкам работать. Дед рассказывал, как на холоде он и такие же мальчишки точили на токарных станках – кто что. Уже потом, в армии, он увидел болты, что делал, на задней броне танка Т-34» [10, с. 60].

В условиях и без того несътой жизни, питание в военные годы стало еще более скудным, поскольку многое из производимого самими крестьянскими семьями и колхозами отправлялось на фронт: «По словам моего дедушки, было трудно с продовольствием (хлеба давали его матери 500 г, ему – 300 г в день, жиров не было)» [14, с. 14]; «Голодали... Тем, кто работал в колхозе, выдавали по 0,5 кг овсяной муки. Рядом был лес, но сходить по грибы, да по ягоды не было времени» [11, с. 18]; «Однажды дед сильно простыл, месяц пролежал в больнице. Потом его отправили домой, на поправку. А чем дома было поправляться? У мамы трое детей, а хлеба всего на всех давали 500 г, правда, было свое молоко, картошка, но очень мало» [10, с. 64].

На провинциального человека, жителя западносибирской деревни, безусловно, повлияла изменившаяся вокруг него обстановка в тылу в период войны, стали иными и его представления, психология в целом, возможно, возросло ощущение собственной значимости. Думается, что на этом фоне действительность довоенных лет «обычными» людьми ощущалась как трудное, но и счастливое время. Подобный взгляд в значительной степени затенен для их потомков, воспринимающими 1930-е гг. исключительно как годы лишений, ассоциирующиеся зачастую с коллективизацией и ужасами репрессий. В связи с этим реконструкция субъективного восприятия предвоенного и военного времени приобретает особую роль и требует дальнейших научных разработок.

1. Кабакова Н. В. Партийно-государственные постановления в повседневной жизни Сибирского автомобильно-дорожного института: 1940 год // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. – Омск, 2014. – С. 32–42.

2. Чащухин А. В. Эвакуированные или депортированные? Образы чужаков и стратегии повседневности в отчетах партийных руководителей Прикамья // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – № 1 (28). – С. 228–235.

3. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны : Научные и методические материалы. – Барнаул, 2015.

4. Кабакова Н. В. Повседневность экстремального времени: условия труда преподавателей СиБАДИ в начальный период Великой Отечественной войны (1941 год) // Архитектурно-строительный и дорожно-транспортный комплексы: проблемы, перспективы, новации : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 2016. – С. 1131–1136.
5. Кузнецов А. С. Устные воспоминания ветеранов как источник по изучению истории Великой Отечественной войны // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2013. – С. 173–177.
6. Щеглова Т. К. Gathering Edible as a Survival Strategy and Life Support System of the Siberian Rearward Village in Wartime Daily Living 1941–1945 on the Oral Historical Sources // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – № 35 (1). – С. 174–184.
7. Новикова О. Эх, вспомним, братцы, старину, как мы работали в войну! // История семьи в истории Отечества : сб. студ. работ. – Омск, 2012. – С. 123–128.
8. Захарченко С. Солдат Победы Захарченко Иван Иванович // История семьи в истории Отечества : сб. студ. работ. – Омск, 2012. – С. 104–108.
9. Ткачева С. Из прошлого моей семьи // История семьи в истории Отечества : сб. студ. работ. – Омск, 2012. – С. 98–99.
10. Баннова Н. Воспоминания моего дедушки Баннова Владимира Семеновича // История семьи в истории Отечества : сб. студ. работ. – Омск, 2012. – С. 57–66.
11. Козловский К. Моя прабабушка // История семьи в истории Отечества : сб. студ. работ. – Омск, 2012. – С. 15–20.
12. Свердлов А. История из жизни прабабушки Свердловой Александры // История семьи в истории Отечества : сб. студ. работ. – Омск, 2012. – С. 138–139.
13. Ланг С. Корнями дерево сильно! // История семьи в истории Отечества : сб. студ. работ. – Омск, 2012. – С. 78–85.
14. Каврижгин Е. Мой дедушка // История семьи в истории Отечества : сб. студ. работ. – Омск, 2012. – С. 13–14.

Д. Н. Коровникова

Барнаул, Алтайский государственный институт культуры

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ НАСЕЛЕНИЯ СОЛОНЕШЕНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ: СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

В статье рассматривается материал, связанный с бытованием семейных обрядов в Солонешенском районе Алтайского края, отмечаются особенности свадебного обряда, характерного для этого региона, а также приводятся сведения, полученные в ходе фольклорно-этнографической экспедиции (2016 г.).

Ключевые слова: семейный обряд, традиция, структура обряда, экспедиция, старожилы.

Традиционно в системе семейной обрядовости выделяются следующие составляющие: свадебный обряд, похоронный обряд и обряды, связанные с рождением ребенка. Каждый из них имеет свою уникальность и свои особенности, в том числе региональные.

Статья основывается на материалах фольклорно-этнографической экспедиции в Солонешенский район Алтайского края (2016 г.) [1], где исторически закрепились культура старообрядцев различных толков и русских переселенцев (с. Туманово, с. Ануйское, с. Сибирячиха и др.).

Основной целью данной статьи является обобщение информации о свадебных обрядах (как части семейной обрядности), собранной в ходе экспедиции. Задачи работы: изучить материал по семей-

ным (свадебным) обрядам и выявить, насколько сохраняется традиционная структура обрядов, какие элементы видоизменяются с течением времени и сохраняется ли представление о первоначальном их значении.

Информантами во время экспедиции становились потомки старожилов (старообрядцев) и переселенцев, которые еще помнят исполнение обрядов. Основное описание свадебного обряда удалось получить в сибирячихинском музее. Представительницы коллектива дома культуры продемонстрировали реконструкцию основной части свадебного обряда – дня свадьбы. В составе фольклорного коллектива: Валентина Павловна Калигина (1947 г. р.), Любовь Петровна Эпова (1947 г. р.), Надежда Тимофеевна Довыдова (1939 г. р.), Галина Яковлевна Ефимова (1947 г. р.), Надежда Васильевна Жулинова (1951 г. р.), Надежда Александровна Еремина (1964 г. р., руководитель коллектива).

«Когда молодые с церкви приезжают, гости суетятся и кричат: “Поезжане едут!” и поют песню: “Все кони под коврами...”, далее идет благословление родителей. Родители встречают либо на крыльце, либо в доме, у матери – хлеб с солью, а у отца – икона. Паренек спрашивает: “Благослови, батюшка!”, а батюшка говорит: “Бог благословит божью милостью, святой иконой и хлебом и солью”. Невеста клонится матери и причитает: “Да разлюбезная матушка, да не плести мне трубчатую косу больше. Да разлюбезные подруженьки, да не водить мне с вами хороводы”. Невеста снимает свои бусы и раздаривает подружкам на память. Тут невесту уводят в куть, а пока жених с отцом разговаривают о жизни, как они будут жить. А невесту тем временем перекрывают шалью, чтобы никто не видел, переодевают полностью, снимают с нее все, потому что она побывала в церкви, а здесь сейчас начнется другая жизнь. Гости тем временем поют: “Не трубите трубочки рано на заре, плакала девчоночка по русой косе...”. После подходил жених, они обменивались подарками. Невеста клонится и говорит: “Да разлюбезный друг мой Иванушка, подарю тебе опояску, чтобы были связаны нитью всю жизнь”. Жених забирает. Стопочку они выпивают, и жених также дарит ей туфельки и тоже выпивает стопочку и денежку сверху кладет. Это они друг перед другом, кто богаче, невеста или жених. Гости опять же таки поют: “Отставала лебедь белая...”. А теперь они брались заручник, за каравай и матушка их вела к столу, а хлеб-соль ставят на стол, который на протяжении всей свадьбы стоит. Гости поют: “Погнулись сени...”».

А теперь дружки, сватки припевают, чтобы подарочки гости дарили:

“У нас дружечка был богатой, Ох, был богатой...”».

Денежки, подарочки собрали. Жених батюшке в ноженьки клонится и говорит: “Тятенька, разреши конюшку запречь?”. Тятенька разрешает, они с этими подарочками, с водной, с едой и по деревне кататься, им веревкой перегораживают путь и требуют заплатить. А гости тем временем пьют, гуляют, песни поют. Когда молодые накатались, приехали. К вечеру, как устанут молодые, их уводили спать, дружка есть специальный, который за ними слеживает, он их уводит, укладывает. Сильно это не афишировалось, и простынь не вывешивалась, а просто ставилась бутылка, красная или белая ставилась на стол. Если красная, то девка, если белая, то уже была с кем-то. Молодых проводили, а гости продолжают гулять.

В первый день гуляли у жениха, второй день гуляли у невесты. Невестин день: окручивали невесту, блины продают, если захочешь похлебать уху, выкупали ложку, ссор разбрасывали, невеста должна в печь забросить и все смотрели, куда она понесет, проверка невесты. Курник: ставился таз на стол, пирог стоял рядом, и вот сторона жениха, и сторона невесты начинали мелочь кидать, по очереди. Длинно растягивалась эта процедура, жених копейку, невеста копейку, Кому надоест кидать, тот перекрывает крупной купюрой, и курник выкупался, в таз могли ложиться ткань, шаль либо, и пирог разрезают молодые, и раздают этот пирог. Еще на свадьбу специально шили рушники длинные и объединяли всю семью ими, потом хранили в сундуке их. На столах были скатерти свадебные. На улице разводился костер, и туда кидали деньги. Бывало, что свекровь надевала плащ-дождевик, и она тушила, как бы каталась туда-сюда. Расходились, когда уже все нагулялись, и пора на работу было уже». (Записано у М. Н. Сигаревой, с. Сибирячиха, Солонешенского района).

В этом же селе была опрошена Черепанова Надежда Филипповна (1932 г. р.). К сожалению, ее слова свидетельствуют об утрате многих элементов традиционного свадебного обряда: «Некоторые старинные обряды соблюдались, это например, как косу расплетали, заплетали две и надевали платок наверх, свататься приходили с добрым словом: “Ваш товар, наш купец” и так договаривались». По рассказу информанта «свадьба была без особых традиций, и многое что из памяти вышло».

Но более точное и ценное описание старинного обряда, особенно в части сватовства и подготовки ко дню свадьбы, удалось записать в селе Туманово. Информанты: Пушкарева Мария Александровна, 1928 г. р., и Зинаида Ермолаевна Жиликова (Архипова), 1925 г. р. По их свидетельству, обряд происходил таким образом: «Свататься приходили не один день, могли неделю ходить, пока невеста не согласится и отец разрешения не даст. Как договорятся, так невеста неделю в девках сидит и готовится к свадьбе вместе с подружками: шили полотенца, постель налаживали. После был день, который называли девичником, когда невесту подружки водили в баню, мыли ее и песни пели. Когда наступал день свадьбы, жених приезжал за невестой. Но не просто так отдавали невесту, а еще шутили: снаряжали девку, и когда жених заходил, к нему невеста выходила и говорила: “Твоя ряженая, твоя суженая”, а он подходит и говорит: “Это не моя ряженая, не моя суженая”, а потом настоящую выводили».

Элементы обряда окручивания сохранились в их памяти в таком виде: «Встанут сватки, с невестининой стороны и с жениха, голову вычешут, и заплетают косы сторона невестина, и сторона жениха. И торопятся, кто вперед заплетет, тот командовать, распоряжаться будет. А подружки держали шаль. Обряд происходил около стола. Свашки, когда заплетут косы, одевали шашмуру, свекровка давала».

Для проведения свадьбы звался специальный дружка, который знал и умел проводить свадьбу. Заканчивали свадьбу сжиганием соломы. Но было, что невесту садили в карету и говорили, что будут сжигать невесту, брали немного соломы и жгли ее.

Со временем обряд видоизменяется, если в старину было обязательно сватовство, венчание, окручивание невесты, то в советское, современное время этого уже не наблюдается. Происходит постепенное исчезновение старинного обряда не только в бытовании, но и в памяти.

Подводя итоги, хочется отметить, что изучение традиционной культуры старообрядцев – одна из самых сложных работ этнографа. Особенность старообрядческой культуры в том, что она изолирована и закрыта, поэтому работу с информантом это во многом усложняет. В семейных обрядах есть элементы, которые очень тщательно скрываются от постороннего взгляда. Тем ценнее свидетельства носителей этой уникальной культуры в части основных семейно-бытовых традиций и тем важнее изучать и сохранять ее самобытность.

1. Губина Н. В., Первушина О. В. Международная фольклорно-этнографическая экспедиция как эффективная форма работы по изучению и сохранению народной художественной культуры Большого Алтая // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 2016. – № 2 (20). – С. 246–253.

С. Н. Корусенко

Омск, филиал Института археологии и этнографии СО РАН

«СЕЛО ЯЛАНКУЛЬ И ЕГО ЖИТЕЛИ. ШАДЖАРА»: РУКОПИСЬ СИБИРСКОЙ БУХАРКИ КАК УСТНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Сделан анализ рукописи М. Х. Шиховой, являющейся потомком элитного бухарского рода Шиховых. Центральной нитью ее повествования являются родословные («шаджара»). Автор рукописи создал коллективный портрет потомков переселившегося в Сибирь из Средней Азии Авазбаки Шихова. Доказано, что письменный характер источника не исключает рассмотрения его в русле устноисторической традиции.

Ключевые слова: бухарцы, Сибирь, генеалогия, устноисторический источник.

XX век – время глобальных изменений в нашей стране, затронувший многие слои общества и отразившийся на судьбах многих людей. Изменения, произошедшие после революционных событий 1917 г. в политической и социально-экономической жизни России, оказали влияние в целом на мно-

гие структуры общества, включая социальную и этническую. Так, в результате нацистроительства в годы советской власти «исчезли» расселенные среди татар юга Западной Сибири бухарцы (этнословная группа, формирование которой происходило в конце XVI – XVIII вв. из выходцев из Средней Азии [1]), ставшие составной частью татар Сибири. Изменилось социальное положение представителей известных бухарских родов Айтбагиных-Имьяминовых, Кульмаметьевых, Кармышаковых, Шабабиных, Шиховых и др., составлявших землевладельческую, мусульманскую и торговую элиту бухарского общества Сибири. Представители этих родов частично были репрессированы, частично покинули Сибирь и обосновались в Средней Азии и Турции (в Турции – еще до революции, в начале XX в.). Большая же часть вписалась в советский образ жизни, что можно отчасти объяснить различием в социально-экономическом положении представителей этих родов, среди которых встречались и безземельные, и неимущие, и простые труженики-крестьяне.

До революции в документах царской администрации они фигурировали как бухарцы, как и определяли себя в своих прошениях, как называли их исследователи конца XIX – начала XX в. В 1920-е гг. представители советской власти при обследовании национальных меньшинств Сибири называли их татарами-бухарцами и отличали их от татар-туземцев [2, с. 93]. В переписи 1926 г. бухарцы были включены в перечень народов. Начиная с переписи 1939 г. их стали записывать татарами, что стало одной из причин ассимиляции бухарцев. В собранных в середине 1970-х гг. родословных в татарских деревнях Большереченского района Омской области, основанных бухарцами, часть их потомков определили себя как бухарские татары или указали на свое происхождение от бухарцев. В начале XXI в. по материалам этнографических экспедиций также прослеживается сохранение этногенетической памяти современного населения этих деревень.

Целью работы является анализ рукописного источника с точки зрения устной истории. «Село Яланкуль и его жители. Шаджара» – это рукопись Манвии Хусаиновны Шиховой (1929–2009 гг.), законченная 6 ноября 2006 г., но так и не напечатанная при жизни автора. Ко мне обратилась ее племянница Залифа Абдрахимовна Рахмангулова с просьбой дать оценку воспоминаниям, подправить текст и помочь напечатать. Именно поэтому в моих руках оказался данный труд, о котором я слышала не раз. Мое знакомство с М. Х. Шиховой произошло в 2000 г., когда Татарский этнографический отряд Омского государственного университета работал в с. Уленкуль и окрестных татарских деревнях Большереченского района Омской области. Данный куст поселений (Казатово, Кумуслы, Уленкуль, Яланкуль, Аубаткан, Черналы, Каракуль и др.) был основан бухарцами, переехавшими с правобережья Иртыша, а также из г. Тары, исходя из архивных документов, в конце XVIII – начале XIX вв., [3, с. 48–50]. Данный момент выяснился позже, уже после работ в архивах Омска и Тобольска. Однако землю в этих местах на левобережье Иртыша бухарцы стали приобретать еще во второй половине XVII в. для занятия хлебопашеством и сенокошением. А тогда, в 2000 г., жители рассказывали нам, что их деревни основаны очень давно, еще при Кучуме, а может быть, раньше. Об основателе рода Шиховых Авазбаки говорили, что он пришел в Сибирь в 1572 г. В краеведческом музее Уленкульской средней школы в виде схемы представлена родословная (шаджара) Шиховых [3, с. 50], составленная М. Х. Шиховой и ведущая свое начало от Авазбаки и его четырех сыновей – Фэйзе-шык, Ашкы-шык, Баба-шык и Алем-шык. Род бухарцев Шиховых действительно являлся знатным, а его представители составляли в XVIII–XIX вв. землевладельческую и мусульманскую элиту [4]. Учитывая тот факт, что фамилии закрепились у татар и бухарцев большей частью в конце XIX – первой трети XX вв., сейчас потомками Шиховых являются представители самых разных фамилий.

Несколько слов об авторе рукописи. М. Х. Шихова родилась в Яланкуле и прожила там до 15 лет. В 1944 г. для продолжения обучения (в Яланкуле была только семилетняя – неполная средняя школа) она фактически сбежала из колхоза в Уленкуль для продолжения обучения, где и закончила 10 классов. Именно с Уленкулем и связана была вся дальнейшая ее жизнь, т. к. после окончания Учительского института она по распределению вернулась в Уленкуль, где и проработала много лет школьным учителем истории. Связей со своей родной деревней М. Х. Шихова никогда не теряла, как и с другими соседними татарскими деревнями, в которых проживают многочисленные потомки Шиховых, являющиеся родственниками различных степеней. Именно своей малой родине – Яланкулю и его жителям, посвятила она свою работу. В то же время в работе встречаются описания соседних деревень и упоминания их жителей. Исследовательский подход к изучению родного края проявился у М. Х. Шиховой еще во время работы в школе, когда она организовывала походы для своих учеников, вела опросы

среди жителей разных деревень о росте благосостояния народа, о получении высшего образования татарами, об экономическом положении колхозов и совхозов. Все эти данные сохранились и переданы в настоящее время в созданный после смерти автора школьный музей памяти М. Х. Шиховой.

Что же подвигло автора на создание этой рукописи, какие материалы она использовала? Фактически ответ на этот вопрос и подводит нас к мысли об устноисторическом характере этого письменного источника. В предисловии к книге М. Х. Шихова пишет о цели своей работы – показать достижения яланкульцев, которые в большинстве своем являются потомками Авазбаки-шейха, который в свою очередь являлся потомком пророка Мухаммеда по линии его дочери Фатимы от первой жены Хадиджи (Хадичи у М. Х. Шиховой). Далее автор отмечает, что она начала писать историю Яланкуля «по просьбе некоторых жителей моей первой малой родины на основе личных воспоминаний» (с. 4 рукописи). Казалось бы, данное произведение относится к такому жанру, как мемуары, а не к устной истории. Для определения данной работы как устноисторического источника обратимся к исследованию Л. А. Чвырь, которая провела текстологический анализ опубликованных мемуаров татарки и показала ориентированность текста прежде всего на устную традицию [5].

Л. А. Чвырь выделяет ряд характеристик, которые отличают данное издание от мемуарной литературы, и делает вывод о том, что эта работа представляет письменный вариант устной традиции, несмотря на то, что мемуарный жанр указан в названии самой книги [6]:

1) в мемуарах «в большей или меньшей мере присутствует личность и образ автора [5, с. 44], в работе Кармышевой главным героем является «коллективное действующее лицо, а присущая типичным мемуарам актуализированная роль автора в этой книге категорически отсутствует» [5, с. 45];

2) «авторский выбор тематики воспоминаний и сама структура описания», т. к. и после редакторской правки «текст книги по-прежнему состоял из цепочки небольших рассказов или просто упоминаний» [5, с. 45], что напомнило исследователю-полевiku бессистемные рассказы информаторов;

3) постоянно присутствующие в тексте сообщения о микрособытиях, фактически не связанных между собой;

4) описание «обыденной жизни с ее простым, размеренным ритмом» [5, с. 45];

5) «периодически встречающиеся перечисления имен (например, пришедших на проводы или на свадьбу людей)» [5, с. 46], о которых в дальнейшем ничего не написано;

6) «почти полное отсутствие оценочных авторских суждений» [5, с. 46];

7) «обращение автора со временем», т. е. «не соблюдается строгая хронологическая последовательность описываемых эпизодов», «может последовать “воспоминание в воспоминании”», «время как бы остается в тени, не акцентируется» [5, с. 46].

Попробуем проанализировать рукопись М. Х. Шиховой с точки зрения выделенных характеристик. Поставленная М. Х. Шиховой цель работы – «показать достижения яланкульцев» – уже подводит к мысли о том, что прежде всего речь пойдет о многих людях. Свое повествование автор начинает с истории возникновения Яланкуля и соседних деревень, основанных бухарцами, приводит генеалогию рода с пророка Мухаммеда и доводит до себя и своих братьев, сестер, племянников и внучатых племянников. По словам Манвии Хусаиновны, она со слов отца записала родословную, которая не сохранилась в письменном виде, т. к. в годы советской власти опасно было ее хранить. Письменный вариант родословной она увидела и зафиксировала, когда в 1990-е гг. побывала в Турции и повстречалась со своими дальними родственниками – потомками переселенцев из Яланкуля начала XX в. Вот как она описывает это событие:

«Наши предки были уверены в том, что действительно принадлежали сеидам, все имели родословную, т. е. шаджара. Но в период Советской власти боялись афишировать свое происхождение. В 1990 году в Турции наконец-то удалось увидеть родословную Шиховых, которая сохранилась у потомков Шихова Шаихмансура (приблизительно 1887 года рождения) – ученого человека, родом из нашего Яланкуля. Наш отец о нем всегда говорил с уважением как о много знающем человеке. Также говорил, что родословную Шиховых увезли в Турцию родственники Шаихмансура, это подтвердилось» (с. 5 рукописи).

Вынесенное в название «шаджара» (родословная, букв. в переводе с араб. – дерево) подвигло автора к особому построению текста: рассказывая о каком-либо человеке, М. Х. Шихова излагает его

родословную. То есть фактически шаджара является основой всей рукописи, и через эти родословные схемы автор создает «коллективный портрет». Всего в рассматриваемом источнике 37 родословных списков, все они имеют общую линию вплоть до 40 поколения от пророка Мухаммеда – приехавшего в Сибирь Авазбаки. Однако родословную каждого конкретного человека автор начинает с 36 поколения – саида Кучкар-шейха. В основном все шаджара содержат до 50 поколений, сама Манвия Хусаиновна принадлежит к 47 поколению. В качестве примера приведем отрывок из раздела «Медицинское обслуживание», где автор рассказывает о том, кто лечил людей до становления официальной медицины и о фельдшерах советского периода:

«После окончания медучилища в 1936 г. должна была работать Рахмангулова (Шихова) Рауфа Хамзеевна, уроженка Яланкуля. Но ее тянуло ко второй малой родине – Уленкулю. Там жил мой дядя Шихов Хамза Мухамадьярович со своей семьей: сыном и дочерьми. С того времени до выхода на пенсию Рауфа Хамзеевна жила и работала в Уленкуле. Работала хорошо, имеет медали за самоотверженный труд. Умерла в 2007 году на 91 году жизни.

Родословная Рахмангуловой Р. Х.

1. Саид Кучкар-шейх; 2. Саид Хызыр-Баки; 3. Саид Авазбаки-шейх; 4. Саид Файзулла; 5. Саид Авазбаки-шейх; 6. Файзе-шык (шейх); 7. Мирза-шык (шейх); 8. Мухамматрахим Шихов; 9. Суюцбаки-шык (шейх); 10. Мухаммадьяр Шихов; 11. Хамза Шихов; 12. Рауфа Шихова; 13. Филюра Рахмангулова; 14. Лилия Чумарова; 15. Эмиль Мирмаматов» (с. 49 рукописи).

М. Х. Шихова не только доводит родословную до описываемого ею человека, но и включает в нее следующие поколения: детей, внуков и правнуков.

Изредка на страницах рукописи появляется и сам автор, чаще всего это небольшие эпизоды, связанные с описанием событий, о которых идет речь в том или ином разделе. Автор просто вписывает себя в создаваемый им коллективный портрет потомков Авазбаки:

«Когда о нас, Шиховых, говорят что-то хорошее, мы гордимся, т. к. было много учителей, музыкантов, художников, кузнецов, оружейных дел мастеров, рукодельниц. Наш отец играл на курае, брат Мифхат мастерски играл на мандолине, гармошке, скрипке, пианино. Факия апа вязала спицами и крючком, Мунджия апа тоже вяжет, играет на мандолине < ... > А вот прямой потомок Мухамадьяра Шихова и Шихова Хасанбабы, выходцев из бухарских татар, Шихов Артур Рифхатович играет на гармошке, на курае, на старинном музыкальном инструменте сибирских татар – кубысе. За керамические изделия, вазы по древнегреческим мотивам он награжден серебряной медалью ВДНХ < ... > Меня тоже не обошли стороной таланты предков, я тоже вязала, вышивала. Мой ковер “Кремль” тоже попал на ВДНХ, но через 1,5 года по моей просьбе, настоятельному требованию ковер “Кремль” был возвращен из Москвы или из Омска. Сама я не видела, но Артур Шихов утверждал, что мой “Кремль” показали из Москвы. Я была награждена за вязаные вещи дипломом “Мастер Золотые руки”. 20 с лишним лет мои вязаные, вышитые вещи постоянно выставлялись в школьных мероприятиях, районных выставках и в Омске.

Получилось так похоже на хвастовство, извините великодушно, дорогие мои земляки!».

Что касается тематики и структуры текста, то автор рукописи попыталась выстроить некую хронологическую последовательность при построении книги. Так, первые разделы книги посвящены прошлому: история возникновения деревень; описание озер, пашен, лугов и т. п. с указанием местных названий, частично связанных с конкретными людьми; занятия и обычаи местных жителей. Далее следуют разделы, посвященные происходящим в советское время изменениям – коллективизации, репрессиям, становлению медицины, появлению школ и изб-читален, библиотек, клубов, пионерской, комсомольской и партийной организации, Великой отечественной войне и жизни в тылу. В действительности, при чтении текста возникает ощущение «перепрыгивания» с одного временного отрезка на другой. Так, в разделе «Озера», где перечисляются почти все озера данной местности с приведением некоторых легендарных сведений, описываются пашни, получившие названия по имени их владельцев XIX в., вдруг появляются сюжеты времен 1930-х – 1940-х гг., например, о том, как встречались

с одноклассниками на культурном стане колхоза «Красный путь» и как к ним иногда «присоединялись Аминова Шархия, Шихова Мунджия, Яминова Мутахара и другие. Это были выбившиеся в служащих (по нашему “слушащайлар”) учителя, счетоводы, ученики, секретари и др.» (с. 14 рукописи). Здесь же идет рассказ о сестре, которая в годы войны была учетчиком тракторной бригады и за керосином и бензином должна была ездить в Ингалинскую МТС, а это было опасно не только в связи со стаями волков, но и в связи с прячущимися в лесах дезертирами. Фактически каждый раздел состоит из небольших рассказов, часто не связанных между собой, присутствуют отступления о микрособытиях. В работе есть разделы, которые не имеют временных рамок: «История Яланкуля богата на разные события: от убийств, проституции до чистой любви», «Любовь на всю жизнь», «Торговля», «Знатные люди, родившиеся в селениях, и их потомки» и др.

М. Х. Шихова часто описывает повседневную жизнь: что ели и из чего готовили, как взрослые устраивали скачки на замершем озере, как лечили, как оказывалась взаимопомощь в обществе и т. п. Интересны сюжеты об общении русских и татар, когда изъяснялись друг с другом на «ломанном русско-татарском языке», что приводило частенько к путанице, а сами ситуации пересказывались как анекдот. Например, «старуха, бухарская татарка, вместе с мужем сидят в гостях у своего “дружка” русского. Жена “дружка” потчует ее свининой и говорит: “Кушайте, бабушка, кушайте”». «Кош» по-татарски птица, поэтому бабушка стала с удовольствием есть. «Так, она сама не зная, что кушает свинину, взяла на себя великий грех» (с. 24 рукописи).

При описании тех или иных событий автор часто перечисляет много имен, но родословную приводит обычно для одного. Заслужкой Манвии Хусаиновны является ее работа, начатая еще в 1965 г., а именно сбор сведений об участвовавших в Вов уроженцах Яланкуля. Это сейчас созданы книги памяти, сайты с информацией о погибших, пропавших без вести, награжденных. В рукопись включены несколько списков:

- список погибших в Великой Отечественной войне, включающий 151 человека;
- список вернувшихся с войны (89 человек);
- отдельный список по семьям, где погибло 2 и более человек;
- список погибших казахов из соседних аулов Большереченского и Саргатского районов Омской области, с которыми татары много лет контактировали;
- сведения о наградах яланкульцев.

Одной из характеристик воспоминаний Г. Ш. Кармышевой является «почти полное отсутствие оценочных авторских суждений» [5, с. 46], что не скажешь о работе М. Х. Шиховой. В ряде сюжетов Манвия Хусаиновна очень эмоционально выражает свое отношение к тем или иным событиям и поступкам людей. Особенно заметно проявились осуждающие оценочные характеристики в сюжетах о подвергшихся репрессиям жителях Яланкуля и участии в этом процессе руководства колхозов и комсомольских лидеров:

«Да! Эти годы были для татар Яланкульского сельсовета одновременно и душераздирающими годами слез и горя, и навечно незабываемыми годами, черными пятнами, для людей, которые покрыли себя позором. Позором покрыли себя не осужденные, «враги народа», а те, кто донес на них. Действительно, в Яланкуле, больше, чем в других деревнях было «перевыполнено» задание, данное по линии НКВД, Омской области» (с. 43 рукописи). Далее автор пишет: « Кто же был виноват, что в Яланкульском сельсовете было очень много «врагов народа»? Люди старшего поколения во всеуслышание обвиняли председателя колхоза «Кзыл Юл» Мавлютова Хамита и председателя Яланкульского сельсовета Губайдуллина Шамардана. А вот о своих « коммунистах и комсомольцах» отмалчивались, хотя обо всех виновниках – доносчиках догадывались. Почти все они были родственниками тех, кого предавали. Они тоже умерли с большим грузом греха, проклятые безвинно убиенными и их родными! Мавлютов и Губайдуллин вдвоем агитировали комсомольцев и коммунистов бороться с «кулаками», заставляли подписывать заранее заполненные бумаги об «антисоветской деятельности» рядовых колхозников, бывших учеников медресе...

Чего только не придумывали, чтобы «разоблачить их»? Что есть у этих людей кожевенный завод, торговые магазины, много батраков и т. д. Многие молодые люди, сами того не замечая, не желая, а может, и с желанием подписывали приготовленные бумаги Губайдуллиным

и Мавлютовым. Они брали на себя большой грех на душу, отправляя безвинных людей на гибель, на смерть! Рука не подымается писать имена этих нелюдей, потому что живы их дети, родственники, не хочется, чтобы они мазались их грязью!!!» (с. 44 рукописи).

Через почти двадцать страниц в разделе «Пионерская, комсомольская и партийная организации» автор рассказывает о первых коммунистах, комсомольцах и пионерах Яланкуля и опять возвращается к теме репрессий и фактически обвиняя виновных в арестах односельчан:

«Однако в дальнейшем эти новоиспеченные комсомольцы и коммунисты стали орудием в руках Мавлютова Хамида – председателя колхоза «Кзыл – Юл» и Губайдуллина Шамартана – председателя Яланкульского сельсовета. Из всех татарских деревень и сел именно в Яланкульском сельском совете «выполнили» задание по раскулачиванию, лучше «ловили врагов народа», отправляли их «за болота»» (с. 60 рукописи).

В данном отрывке, как мне кажется, фраза «эти новоиспеченные комсомольцы и коммунисты» имеет несколько презрительный оттенок. Оценочные суждения проявляются и в разделе о соблюдении обычаев:

«Молодые люди для девочек и девушек были хранителями их чести и достоинства. Пьянкой они не занимались. Я имею в виду молодых людей времен войны и послевоенного времени. (Сейчас не то...)» (с. 20 рукописи). Здесь можно отметить и факт идеализации «того, давнего» времени по сравнению с современным поколением, что, в общем-то, характерно для большинства пожилых людей. Описывая, как были воспитаны дети 1930-х – 1940-х гг., в основном в положительных тонах, автор отмечает, что «конечно, среди детей были разные мальчишки и девочки. Некоторые отличались сквернословием, матерились, но больше по-русски, а по-татарски матерились редко» (с. 20 рукописи).

Здесь автор не категоричен в своих оценках и достаточно мягко пишет об использовании матов. В этом случае мне вспоминаются слова моих информаторов конца XX – начала XXI вв., что материться по-русски можно – все равно аллах не понимает, а вот по-татарски – это плохо.

Анализ рукописи М. Х. Шиховой действительно подводит к мысли об устноисторическом характере данного источника. Есть и еще ряд моментов, которые усиливают данный тезис. В предисловии к работе автор пишет о том, что помимо личных воспоминаний, ею были использованы устные воспоминания отца, матери, братьев, сестер и других родственников – уроженцев Яланкуля. Также использованы и данные дневника, который Манвия Шихова вела с 14 лет (т. е. с 1943 г.).

В заключение хотелось бы отметить, что чтение рукописи напоминает беседу с информатором, когда перемешиваются воспоминания, идет перескакивание с сюжета на сюжет без привязки ко времени (как бы исследователь ни пытался собирать информацию по заданной теме или структурированному опроснику!), повтор, отсылка к предкам и т. п. Все это еще раз подчеркивает устноисторический характер рукописи М. Х. Шиховой. А заканчивается рукопись обращением к своим односельчанам-яланкульцам:

«Опять начинаю с извинений перед односельчанами, что не охватила всех людей (хотя многих все равно не знаю, ведь жила в родном селе до 15 лет, а 60 с лишним лет живу в Уленкуле), живших и живущих бывшего Яланкульского с/совета.

Работу заканчиваю и с трепетом жду “книжку”, сбудется ли моя мечта??

Спасибо всем, записями которых воспользовалась, и информаторам: и живым, и мертвым!

Пусть мертвым земля будет пухом!!!

Ну, а тем, кто отнесся придирчиво-критически к моей работе, пусть их рассудит Великий Аллах! Я их прощаю!».

1. Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. – Омск, 2011.

2. Корусенко С. Н. Советская власть и национальные меньшинства в середине 1920-х гг. (на примере Тарского округа Сибирского края) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2014. – № 4. – С. 91–102.

3. Корусенко С. Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск, 2006.
4. Бустанов А. К., Корусенко С. Н. Родословные сибирских бухарцев: Шиховы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60). – С. 136–145.
5. Чвырь Л. А. Устная традиция в письменном тексте (о книге воспоминаний Г. Ш. кызы Кармышевой) // Восток (Oriens). – 2015. – № 1. – С. 42–52.
6. Кармышева Г. Ш. кызы. К истории татарской интеллигенции (1890-е – 1930-е годы) : Мемуары. – М., 2004.

А. В. Красникова

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

ДЕПОРТИРОВАННЫЕ КАЛМЫКИ ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОЙ ДЕРЕВНИ: МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ*

В статье автор исследует восприятие жителями алтайской деревни депортированных калмыков по устным историческим источникам, анализирует процесс адаптации калмыков на Алтае, взаимодействие культур местного земледельческого населения и калмыков.

Ключевые слова: депортация, калмыки, алтайская деревня, адаптация.

Алтайская деревня в годы войны стала местом насильственного переселения людей разной этнической принадлежности: молдаван, поляков, немцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, калмыков, украинцев, литовцев, балкарцев, греков, евреев, татар, армян [1, с. 346; 2, с. 97–107]. Такой пестрый в этническом плане состав населения края оставил свой след в экономических, культурных и социальных отношениях [3].

Исследователи большое внимание уделяют вопросам определения причин, методов и форм проведения политики насильственного переселения по отношению к народам, ее последствий, правового положения депортированных народов. Среди них Н. Ф. Бугай [4], В. Б. Убушаев [5]. К осмыслению последствий депортации для сибирской деревни обращаются устные историки, этнологи. Т. К. Щеглова, рассматривая жизнь алтайской деревни и крестьянства в XX в., обращает внимание на необходимость исследования взаимоотношений депортантов и местных жителей, привлекая для этого материалы устных источников [1; 3, с. 38–46; 6, с. 155–156]. Антропологический подход развивает Э.-Б. М. Гучинова [7]. Тем не менее этнокультурные аспекты депортации еще нуждаются в исследованиях [3; 6; 8].

Особенно представляет интерес история депортации калмыков, которая на сегодняшний день остается малоисследованной. В данной публикации ставится цель – проанализировать отражение депортации калмыков в памяти жителей алтайской деревни, взаимоотношения местных народов с депортантами, восприятие местным населением калмыков, их традиций, хозяйственной практики, а также проблемы адаптации депортированных калмыков на территории Алтайского края.

Современная отечественная историография этнических депортаций в целом, и по депортациям калмыков в частности, расширила свою исследовательскую проблематику за счет привлечения ранее неопубликованных источников, в частности материалов интервью участников и свидетелей депортации [8]. Используемый по этой проблеме круг устных исторических источников, полученных в ходе историко-этнографических экспедиций Центра устной истории и этнографии АлтГПУ (руководитель Т. К. Щеглова), базируется на оценке происходящих событий принимающей стороной, то есть мест-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (руководитель д-р ист. наук Т. К. Щеглова).

ным населением Алтайского края [3]. Это связано с тем, что после восстановления в 1956 г. Калмыцкой АССР основная масса депортированных калмыков вернулась к себе на родину, поэтому во время полевых исследований основными носителями информации являлись местные жители.

Как известно, начало депортации калмыков, продолжавшейся тринадцать лет (1943–1956 гг.), положил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе СССР». На местах председатели крайисполкомов обязаны были организовать прием, проживание, обеспечить одеждой, жильем прибывающих калмыков, но не всегда так получалось. По воспоминаниям бывшего начальника финансового отдела Топчихинского района П. А. Метелева, о прибытии калмыков на станцию Топчиха в июне 1944 г. предупредили за день, в результате Топчихинский район Алтайского края не был готов разместить более 800 человек депортированных [9, с. 144]. Принудительные расселения стали неожиданностью для местных органов власти, народов.

Как показывают устные исторические источники, калмыки, в отличие от других депортированных народов, например немцев, в основном селились изолированно и на протяжении всего времени жили обособленно. Ввиду нерешенности жилищных проблем калмыки, как и многие другие депортированные, строились сами, сооружали себе землянки. Местные жители пос. Урожайный вспоминают, что «в 44-м приехали калмыки. Их выселили оттуда... Строили землянки, кто как мог, так и строили...» [1, с. 361]. По воспоминаниям А. В. Ретиной: «Жили тут на горе, землянки копали из земли и жили там... К русским на квартиру никто их не пускал. Они были... Они ничего не понимают по-русски. Идет, идет среди улицы, сядет и оправляется...» [10]. Гораздо меньше есть свидетельств о подселении калмыков к местным семьям. Жительница с. Благовещенка, Ф. Ф. Молчанова, отмечает, что «... размещали так же кто примет, там и жили. Да, а где ж тогда, все вот эти избушки заняты [11]».

Полевые материалы показывают, что калмыки, по сравнению с другими депортированными народами, меньше смогли приспособиться к новым условиям жизни – природно-климатическим, хозяйственным, культурным. Это связано, во-первых, с тем, что традиционным занятием калмыков, как представителей степного кочевого народа, является скотоводство. Вместе с тем большее количество калмыков расселяли в лесостепной, предгорной местностях Алтайского края: в 1950 г. в основном они проживали в Поспелихинском, Павловском, Рубцовском, Шипуновском, Алейском, Зональном, а также в горах Третьяковского, Чарышского районов [12, с. 54–64]. Это осложняло адаптацию в непривычных для них условиях и приводило к массовой гибели людей по разным обстоятельствам. Например, в Топчихинском районе при заготовке леса калмыки часто погибали от травм (падающих деревьев) [9, с. 144]. Можно предположить, что это связано с тем, что калмыцкая степь относится к числу почти безлесных местностей, поэтому, как правило, дерево завозилось из соседних районов. Вследствие этого калмыки не имели навыков по заготовке леса.

О высокой смертности среди калмыков говорят многие респонденты из жителей деревень Алтайского края: «Бог их знает, где их страна-то, я не знаю. Привозили, они че-то, побирались с голоду, жили тут на горе, землянки копали из земли и жили там. Люди мучились, помирали...» [10]. В Заринском районе жители вспоминают: «...Калмык два раза привозили, все поумерли: не климат. Очень мало их оставалось. Потом, когда это все выяснили, некоторые живы остались – уехали... Их тогда очень много привозили, но большинство пожилые люди были, умирали люди, а молодежь крепче были намного» [13]. Устные свидетельства показывают, что местные жители помогали депортированным едой и одеждой, но, тем не менее, по тем же свидетельствам многие из них умерли от голода и холода [14].

На адаптацию калмыков влияло и отношение местного населения к депортированным народам, для которого важными признаками «своих» и «чужих» являлись трудовые традиции, хозяйственная деятельность, культура и уровень образования прибывших депортантов. Так, во взаимоотношениях русских и немцев традиционные для тех и других навыки работы в поле, на усадьбе приводили к сплочению местных жителей и депортированных, тогда как в отношениях к калмыкам негативную роль играл фактор отсутствия у них земледельческих навыков. Рассказчики из местных жителей так и говорили: «Немцы вообще люди рабочие. И девчонки... они работали в звене с нами... И никакой разницы не было... А вот калмыки так себе...» [1, с. 366]. Такое восприятие местным населением Алтая калмыков отражало контрастность культур – земледельческой и скотоводческой. Это особенно проявляется в следующем отрывке из материалов интервью И. Я. Горшкова: «Они [калмыки] не знали,

не умели ничего делать по огороду, ни картошку выращивать, ни тем более овощи. Они знали только вот коня, они могли ухаживать за конем, за овцами, и все. Привезли их зимой, и были они очень бедные. Если немцы были побогаче нас, местных, то эти были, наоборот, нищие практически, вот у них шуба – и больше ничего нету. Шуба, малахай на голове, обувь какая-то, даже ни пимы, ни валенки, а что-то пошитое, и они очень бедные и голодные были...» [15, с. 139].

Кроме того, в устных свидетельствах подчеркивается, что приезжие калмыки отличались малограмотностью [12, с. 25], что ограничивало их возможности трудоустройства на месте и, как следствие, затрудняло адаптацию среди местного населения. Т. П. Койнова подтверждает факт о том, что имелись проблемы с устройством на работу у калмыков: «Ну, какие там – мед, огород. На работу их вообще не брали...» [13].

По мере совместного проживания изменяло отношение к калмыкам то, что в их среде было развито ремесленное дело: обработка шерсти, кожи и металла, валяние войлока, резьба по дереву, вышивка. На Алтае, по устным свидетельствам, особенно слыли ценностью специальные мастера по изготовлению деревянных кроватей, сундуков, шкафов и сосудов: кадки различных размеров для кумыса, хранения воды, домбо (кувшин) для чая и ведра [16]. Знание ремесленного дела являлось источником заработка на новых территориях, способствовало процессу адаптации калмыков на Алтае: «Делали, делали в бочке, делали специально люди были, делали и большие, и маленькие, вот этот под воду с такими пробками. И это делали, это специально старичок делал, этим делом занимался... Колхозу, они там лагуны и бочки эти все, это колхозу, ну и продавали, конечно... а там какие-то копейки отдать... Ну кто как! Кто, например, брал продуктами... например, мясо. [Делали] грабли, вилы, так специально человек сидел, делал для колхоза, они там специально трудодень, это сейчас копейки, а раньше трудодень... Хомуты шили...» [13].

Однако преувеличивать отсутствие образованности у калмыков не стоит. Есть воспоминания респондентов о задействованности депортированных калмыков и в сфере образования, и в сфере культуры, и в финансовой деятельности. Н. А. Шинкевич вспоминает: «...вот в Благовещенку кода мы переехали, тут были и учитель рисования был калмык, а потом все-таки он уехал на родину, как вот уже кончилась война. Но он еще задержался. Я в 46-м году приехала сюда... Некоторые поженились на бабках, калмыки жили и тут умерли, а тот молодой уехал. Был учитель по рисованию» [17]. По рассказам Т. П. Койновой: «А потом там очень долго жили, дети ихние в школе учились, поколение пошло ихнее. Один остался бухгалтер, Борисом звали его, он даже года не прожил, умер, грамотный был человек...» [13].

По устным историческим исследованиям, конфликтов или острых противоречий между калмыками и местным населением не возникало. Но стоит отметить, что до депортации у этих народов был разный образ жизни, различные ценности, они представляли разные религии. Эти факторы не могли не сказаться на их отношениях, восприятии друг друга. Житель Кытмановского района вспоминает: «Ну, у них две семьи там и одна была. Мы жили в это время все как свои. Даром, что они были присланные. Ну, одна семья была. Мужик работал. Никто их не обижал. Как-то я с ними зерно возила сдавать. Так что не было в Черкасове такого, чтобы их били» [18]. В частности, Е. Е. Гамм вспоминает: «...Калмыков хорошо помню, мы их страшно боялись. Ну, потому что другая нация, как говорится... Но они оказались вежливые, гостеприимные» [19].

Интересным источником о калмыках являются материалы интервью депортированных на Алтай немцев, которые сами находились в тяжелом положении еще и вследствие мобилизации в трудармию. В их описаниях содержится сочувствие к положению калмыков. Е. Е. Гамм вспоминал, что «они к нам часто приходили, просили: “Мать, вскипяти нам ведро воды!”. У них и чай, и хлеб, и сахар был, а что у нас, у нас – ничего не было, мы все от голода опухали. Нас пять детей было. Девчата были в трудармии. И вот, когда они придут к нам чай пить, попьют и нас напоят, а со стола никогда ничего не возьмут, оставят нам. Они уйдут, а мать говорит: “Давайте, ешьте!”. Кто мог – вставал, если уже не опух от голода. И мы все доедали. И мы ждали, когда они придут, чтобы воду вскипятить...» [19].

Устные свидетельства показывают, что сочувствие к оказавшимся в тяжелом положении проявлялось в помощи местных жителей депортированным. Ф. Ф. Молчанова вспоминает: «Потом у нас уже много было калмыков. Да. Даже у нас по соседству, было, придешь к ним, мама говорила: “Иди молока им отнеси!”» [11].

Совместное проживание народов с различной культурой, образом жизни, традициями приводило к взаимопознанию. Жители алтайских деревень часто вспоминают калмыцкий чай, который отличался по вкусовым качествам, в него добавляли соль, молоко, масло. Такой чай, по мнению степных кочевых народов, имел целебные свойства, придавал бодрость, а также утолял голод. Жительница Павловского района вспоминает: «Выпьешь-то чаю! Ну а я-то знаю... Я пивнула, он соленый. Со сливками еще... С маслом... Меня чуть не вырвало. Вот у них такой чай, ну, а не выпьешь – они обижаются» [20]. Ф. Ф. Молчанова также рассказывает: «Ну пойдешь, они: “Садись с нами чай пить!” Ну они по-русски разговаривали. Ну я помню, что у них лица круглые были, жирные, и все масло они ложили в чай: “На, чаю с нами попей”» [11]. Кроме чая, местные респонденты отмечали, что калмыки готовили лепешки. Е. В. Шилова припоминает: «Калмыки-то там... Валька-то, маленькая была, пойдет, а они лепешки на... Пряма на коленях, на голых вот этих голяшках... И в печку... Ну вот она ела. Баба Женя-то зашла, как увидела, что они вот здесь-то вот это: “Ты что ешь?” – “Ой, мама! Они вкусные”» [20].

Сравнивая культуру местного, преимущественно земледельческого населения и депортированных калмыков, представителей кочевого народа, респонденты из местного населения особенно рассказывали о похоронных традициях. Так, Т. П. Койнова вспоминает: «Очень безобразно у них, если один человек умер, они: “Алала, алала!” Завернут, снег выкопают и в снег посадят его, до весны вытаивает, а там столько воронья, вот их стали пресекать за эти вещи. Замотают там одеждой, веревками обмотают, поставят чашку, водку, а снег-то тает, вообще с ними горе» [13]. Их удивляло отсутствие кладбищ, как это принято у местных жителей. Жители Тальменского района так описывали: «А хоронили... У них такой закон: одеют, у всех шубы были. Летом в шубах и зимой в шубах. Шубы одеют, могилу выкопают и туда бросают... Ну ни одного туды. Все яма стоит раскрыта, помирили заследом, опять туда торкнут, а потом закопают. А тут уж пожилы, оставались, уже стали по-русски хоронить, гроба делать. А то так... У нас ведь покойник помрет, так мы плачем же, а у них наоборот... Умер – это хорошо, а какой родится – они плачут: родился на горе! Да! Мож у каждого своя нация, так каждый по-своему» [10].

Таким образом, депортированные калмыки на Алтае встретились с рядом проблем, обусловленных, в т. ч. различиями в культуре, традициях, хозяйственной практике, которые зачастую создавали трудности для адаптации калмыков, представителей скотоводческой культуры, на территории с преимущественно земледельческим укладом. Контрастность в этническом отношении этих народов оказала прямое влияние на восприятие алтайскими жителями калмыков, складыванию ложных стереотипов, которые отражали непонимание и незнание культурных особенностей калмыцкого народа. Несмотря на эти обстоятельства, местные жители оказывали материальную поддержку депортантам: обеспечивали продуктами питания, одеждой, жилищем. Устные свидетельства местных жителей алтайской деревни показывают, что некоторые калмыцкие семьи, расположившиеся в предгорных и горных районах Алтая, смогли приспособиться к местным условиям и не вернулись на территорию восстановленной Калмыцкой АССР.

1. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. – Барнаул, 2008.

2. Щеглова Т. К. Народы Алтая в прошлом и настоящем: численность, размещение, этнокультурный состав, этноконтактные зоны // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2015. – № 23. – С. 97–107.

3. Щеглова Т. К. Формирование новых локусов в ходе репрессий и депортаций в тыловой деревне и особенности коммуникаций в локальном пространстве // Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны : науч. и метод. материалы. – Барнаул, 2015. – С. 38–46.

4. Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». – Элиста, 1991.

5. Убушаев В. Б. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение: 1943–1959 гг. – Элиста, 2007.

6. Щеглова Т. К. «Свой» и «чужой»: взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // Российские немцы. От истоков к современности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2012. – С. 155–165.

7. Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть: Антропология депортационной травмы калмыков. – Штутгарт, 2005.
8. Щеглова Т. К. Краеведение, музееведение и устная история – источники, методы и формы взаимодействия в отечественной практике в контексте государственной политики в XX – начале XXI века // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России : сб. науч. тр. – Омск, 2016. – С. 308–313.
9. Изосимова В. Из истории депортации калмыков в Топчихинский район (1944–1956) // Родная сторона: сборник по истории и культуре Топчихинского района. – Барнаул, 2011. – С. 142–149.
10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГУ. Материалы ИЭЭ 1996 г.: Алтайский край, Тальменский район, с. Забродино. Ретина А. В., 1928 г. р.
11. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Благовещенка. Молчанова Ф. Ф., 1936 г. р.
12. Сыщенко А. Г. Немцы в Сибири: по документам НКВД, МГБ, МГБ СССР, 1943–1956 гг. Спецпоселенцы. Военнопленные. Эшелонные списки. Картотека. Военнопленные японцы : сб. документов. – Барнаул, 2007.
13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГУ. Материалы ИЭЭ 1999 г.: Алтайский край, Заринский район, с. Нозыряново. Койнова Т. П., 1930 г. р.
14. Муравлев А. Друг степей – калмык: [калмык на Алтае] // Алтайская правда : краевая массовая газета. – 2009. – 5 июня. – № 166–168. – С. 20.
15. Алтайская деревня в рассказах ее жителей. – Барнаул, 2012.
16. Эрдниева У. Э. Калмыки : Историко-этнографические очерки. – Элиста, 1985.
17. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, с. Благовещенка. Шинкевич Н. А., 1925 г. р.
18. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГУ. Материалы ИЭЭ 2001 г.: Алтайский край, Кытмановский район, п. Черкасово. Поршнева А. С., 1927 г. р.
19. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГУ. Материалы ИЭЭ 1998 г.: Алтайский край, Немецкий национальный район, с. Гальбштадт. Гамм Е. Е., 1931 г. р.
20. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГУ. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Алтайский край, Павловский район, с. Елунино. Шилова В. Е., 1928 г. р.

Ю. С. Лацис

Омск, государственный педагогический университет

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О ПОКОЙНИКАХ: ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА И СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ

В данной статье анализируются устные рассказы о покойниках, зафиксированные во время полевых фольклористических исследований в 2013–2016 гг. от жителей Омской области. Выявляется жанровое и сюжетное разнообразие суеверных меморатов, анализируются устные рассказы о вещих снах и апотропеических обрядах.

Ключевые слова: мифологическая проза, устный рассказ, суеверный меморат, локальная традиция, былички, апотропеический обряд.

Во время полевой практики 2016 г. студентам филологического факультета Омского педагогического университета удалось собрать разножанровый материал по народной прозе. Особое место в этой коллекции занимают рассказы о покойниках. В устных рассказах прослеживаются традиционные представления о смерти, покойниках, похоронных ритуалах. Сначала в 2013 г. я выступила в качестве информанта – носителя подобных текстов, а затем попробовала себя в роли собирателя. В результате заметила схожесть мотивов и сюжетов, известных мне и записанных во время экспедиции. Поэтому

в статье анализируются записи текстов несказочной прозы 2013–2015 гг. от жителей Оконешниковского и Москаленского районов, а также материал, зафиксированный во время полевой фольклорной практики 2016 г. в Горьковском и Любинском районах Омской области.

Цель работы – выявить жанровое и сюжетное своеобразие устных рассказов о покойниках. Представления о покойниках отражены в разных жанрах фольклора (в приметах, запретах, быличках), но их можно встретить и в слабоструктурированных формах, которые не имеют четких жанровых особенностей (например, описания похоронного обряда, рассказы о вещих снах).

В фольклористике наиболее изучены мотивы и сюжеты о покойниках, которые бытуют в быличках.

Сюжетный состав быличек достаточно полно представлен в работах В. П. Зиновьева и Н. А. Гордеевой. «Указатель» В. П. Зиновьева был составлен на основе материалов, собранных в Сибири [1]. «Указатель» Н. А. Гордеевой представляет собой систематизацию материала, собранного в результате студенческих фольклорных практик по Омской области (1978–1984 гг.), при его подготовке составитель ориентировалась на работы С. Г. Айвазян и В. П. Зиновьева [2]. В своем «Указателе» в разделе «Покойник» она добавила два новых, ранее не встречавшихся, сюжета-мотива: 1) вещи, которыми угощает покойник, оказываются камнями, мхом; 2) умерший оживает.

Нами проанализировано 13 текстов, в некоторых присутствует сразу несколько сюжетов-мотивов. Не все сюжеты-мотивы, представленные в данных «Указателях», встречаются в наших материалах. Приведем те, которые зафиксированы в нашей коллекции:

1) покойник ходит после смерти, приходит домой, навещает родных: ходит по дому (по двору), разговаривает с родными (встречается во всех проанализированных быличках);

2) в доме, где недавно умер человек, слышатся шаги (шорох, стук в дверь) (в двух текстах: *«кто-то ходит по комнате»*);

3) приход покойника с просьбой (*«не обижай сына», «помой мне голову», «передай мою любимую кофту»*);

4) приход покойника с предупреждением, с целью защиты близкого (*«остерегайся ступенек»*);

5) умерший оживает (*«его уже и в гроб положили, а он глаза открыл»*);

6) покойник увлекает за собой родных: *«К моей прабабушке дед покойный приходил, за собой звал на тот свет. Бывает, сидит она на кровати и разговаривает с кем-то. Мы ее спрашиваем: «С кем ты разговариваешь? А она отвечает, что дед приходил, да за собой звал. Вещи, говорил, чтобы она собрала. Так она соберет свои вещи в узелок, да стоит у калитки, ждет. Так могла полдня простоять. Потом домой вернется, говорит: «Наверное, завтра придет он за мной». На следующий день ее не стало»* (записано в с. Элита Москаленского р-на Омской обл. от А. Н. Ляликовой (Моськиной) 84 лет).

Помимо сюжетов, выделенных В. П. Зиновьевым и Н. А. Гордеевой, нами зафиксированы и новые сюжеты. Так, например, один из информантов поведал нам о *«звонке с того света»*: *«у мальчика умерла мама, он положил к ней в гроб ее мобильный телефон и сказал, чтобы та звонила ему в любое время. Телефон был выключенный. На следующий день, когда он пришел к другу (нашему информанту), тот показал ему три входящих вызова от мамы. Мальчики набрали номер покойницы, тот был занят. Через время они еще раз набрали номер, но он снова был занят. Больше звонки не повторялись»* (записано в п. Москаленки Омской обл. от С. А. Лашкина 22 лет).

Сюжеты, встречающиеся в быличках, в редуцированной форме могут появляться и в других формах. Среди наших текстов, помимо быличек, также есть рассказы о вещих снах, в которых звучат мотивы, выделенные в «Указателях». Проблему толкования вещих снов рассмотрел М. Л. Лурье. Он отметил, что «практически все запоминающиеся <...> сновидения обретают в традиционной культуре статус вещих» [3, с. 28]. Михаил Лазаревич писал, что одну из основ корпуса пересказов вещих снов составляют сны, в которых сновидец общается с умершими родственниками или знакомыми. Так, умершие родственники просят помянуть, положить в могилу необходимый на том свете предмет, предупреждают об опасности – именно эти сюжеты-мотивы встречаются и в наших текстах: *«Бабушка Галя рассказывала, что к ней ее муж покойный во снах приходил, разговаривал с ней и пророчил будущее. Однажды сказал ей, чтобы была она сегодня осторожна, и чтобы избегала крылец и ступенек. И действительно, в тот же день бабушка упала, поскользнулась на крыльце и сильно ногу ушибла. Один раз приснилось ей, как муж говорит: «Ты не беспокойся, но сын со мной будет, ему будет хорошо». И вскоре сын ее погиб. По поводу другой женщины (подруги) предупреждал. А подруга завистницей оказалась, клевету наводила»* (записано в г. Омске от Ю. С. Лацис 20 лет).

Помимо вещих снов, в наших материалах есть описания апотропеических обрядов. Приход покойника наяву или во сне – это вещь недопустимая. Покойник должен существовать в своем мире, а человек в своем. Поэтому бытуют следующие способы защиты от покойников: обматерить покойника, насыпать мак на все подоконники и пороги, положить топор под кровать. Применяются либо все обереги сразу, либо отдельные из них: *«В нашем поселении, недалеко от нас, жили бабушка и дедушка. Они прожили долгую и счастливую жизнь, вырастили сына, они очень любили друг друга, но вскоре дедушка тяжело заболел и умер. Бабушка стала сильно тосковать по своему покойному мужу. И каждую ночь он стал приходить к ней в дом. Он заходил к ней в спальню и стоял около кровати. Она очень боялась ночи, перестала есть и пить. На глазах она начала увядать. Когда у нее спросили, что с ней не так, она объяснила, что каждую ночь ее беспокоит покойный муж. Одна женщина дала ей старинный совет: что на ночь нужно положить топор под кровать. Бабушка так и сделала, и это действительно помогло. Все хождения мужа прекратились»* (записано в с. Элита Москаленского р-на Омской обл. от А. В. Черновой 87 лет).

Способом защиты является также завешивание всех зеркал в доме либо их отсутствие. Считается, что зеркало – это портал между нашим миром и миром мертвых. И если этот портал не закрыть, то душа долго не сможет обрести покой и покинуть свой дом: *«Мой одноклассник, Андрей, рассказывал мне, что когда умерла его бабушка, с ним произошла странная история. Все зеркала в доме они завешивали. Он спросил у своей матери, зачем они это делают, на что та ответила: «Так положено. Когда человек умирает, он не сразу отправляется на тот свет, и его душа обитает возле тела. А зеркала – это вещь опасная, душа может перепутать миры и навсегда остаться в зеркале». Андрей вообще человек не суеверный, и он не поверил в это, и не стал в своей комнате зеркала завешивать. Всю ночь он не мог уснуть, ворочался. Примерно в час ночи он встал с кровати, чтобы попить воды. Когда он уже встал, то случайно взглянул в зеркало и ужаснулся. В зеркале он увидел расплывчатый образ своей покойной бабушки. Образ становился все яснее и отчетливее. Он отчетливо увидел ее лицо, она улыбалась. Андрей побежал в комнату к своей маме и разбудил ее, рассказав все. Затем они вместе вернулись в его комнату, но в зеркале уже ничего не было, и они его завесили* (записано в г. Сургут от А. А. Кравцова 21 года).

В народной традиции различаются покойники, умершие своей смертью, и те, кто умер неестественной смертью. Последних Д. К. Зеленин назвал заложными покойниками [4]. По определению Л. Н. Виноградовой, «Заложные покойники – “нечистые”, особенно вредоносные умершие. По народным представлениям, к ним относились умершие насильственной и преждевременной смертью: убитые; погибшие в результате несчастного случая; самоубийцы; умершие в молодом возрасте, т. е. “не дожившие своего века”; те, кого при жизни прокляли родители; те, кто вступил в контакт с нечистой силой (колдуны, ведьмы)» [5, с. 186–188]. Как правило, еще при жизни им сложно покинуть этот мир: *«– [А у вас тут говорят ведьма жила?]. – Жила, пару лет назад померла. Да только помереть не могла. Три дня умирала, мучилась. Потом сама попросила, чтобы крышу разобрали в ее комнатухе. Как сделали, так сразу пошла на тот свет* (записано в с. Новоархангелка Любинского р-на Омской обл. от Е. Н. Савицкой 63 лет). В данном тексте крыша как врата в загробный мир, разбор крыши – это открытие врат.

Таким образом, в жанровом отношении покойники в большей степени встречаются в быличках, но существуют слабо структурированные тексты (рассказы о вещих снах, о сбывшихся приметах). Материалы, зафиксированные в Омской области в 2013–2016 гг., показали, что наиболее распространенным сюжетом в региональной традиции является приход покойника домой и его общение с родным. Появление новых сюжетов связано с развитием техники, компьютеризацией современного общества.

1. *Зиновьев В. П.* Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Ruthenia – гуманитарный проект. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm> (дата обращения: 20.06.2017).

2. *Гордеева Н. А.* Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978/1984 гг.) // Ruthenia – гуманитарный проект. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gordeeva1.htm> (дата обращения: 20.06.2017).

3. *Лурье М. Л.* Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения в народной культуре. – М., 2002. – С. 26–42.

4. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. – М., 1995.

5. Виноградова Л. Н. Заложные покойники // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 186–188.

В. А. Леонова

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

ТРУД И ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ВОЙНЫ: НА ПРИМЕРЕ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО И ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА*

В статье рассматриваются изменения в трудовых традициях детей школьного возраста и подростков алтайской деревни в годы Великой Отечественной войны с опорой на устный исторический источник – воспоминания (интервью) жителей алтайской тыловой деревни. Автор делает попытку определить роль детей в домашнем хозяйстве и колхозном производстве. Быстрое включение детей и подростков в трудовые процессы стало возможным благодаря передаче навыков труда со стороны старшего поколения.

Ключевые слова: сельское население, тыловая деревня, Великая Отечественная война, культура жизнеобеспечения, труд, трудовые традиции, школьники, подростки, устная история.

Победа в Великой Отечественной войне стала одним из важнейших событий для нашей истории. Едва ли можно переоценить героические усилия советского народа в борьбе с врагом. Победа ковалась не только на фронтах, свой огромный вклад в общее дело внес и тыл. Алтайский край – тыловой регион, из которого было мобилизовано более 600 тыс. человек [1, с. 150], – стал также одной из основных житниц России. Это было бы невозможно без трудового героизма жителей края. Формирование системы преодоления трудностей с опорой на традиционную культуру позволило деревне в годы войны не просто выжить без помощи государства, сосредоточившего все внимание на боевых событиях, но и стать важнейшим фактором победы, базой для существования и города, и фронта, что во многом решило исход военных сражений [2, с. 149–150]. Но этот фактор остался не оцененным. Воздав должное боевому и трудовому подвигу тылового населения, нужно акцентировать внимание общества на культуре жизнеобеспечения, адаптационных практиках сельского населения, благодаря чему выстояли и фронт, и город. В общественно-гражданском отношении «детям войны» также еще не воздали должное и не вознаградили адекватно их вклад в Великую Победу [3, с. 3–4]. В данной статье рассматривается организация труда и трудовых традиций Алтайской деревни в годы Великой Отечественной войны на примере детей школьного возраста и подростков. Целью работы является выявление изменений в трудовых традициях детей и подростков в годы Великой Отечественной войны.

Исследование опирается на устные исторические источники, созданные в ходе этнографических экспедиций студентов и преподавателей АлтГПУ в районах Алтайского края. Кроме того, нами были использованы уже опубликованные интервью в издании «Алтайская деревня в рассказах ее жителей» [4]. Эта тема уже находила многократное отражение в трудах этнографов, в частности темой системы жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны занимается профессор Т. К. Щеглова, поэтому в данном исследовании мы опираемся на этот опыт.

Первое заметное изменение труда связано с мобилизацией мужского населения, тяжелая работа легла на плечи женщин, стариков и детей. Это отмечается во всех устных исторических источниках.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (руководитель д-р ист. наук Т. К. Щеглова).

Меняется система трудовых отношений, отцы уходят на фронт, а женщины становятся опорой колхозного хозяйства. Например, П. Е. Лысенкова (1929 г. р.) отмечает, что до войны отец был механизатором, а мать работала в животноводстве дояркой. С началом войны ситуация изменилась: «А во время войны мать стала председателем колхоза. Руководила. Ушли все на фронт. Бабы остались, дети. Работали все» [5].

Дети в годы войны помогали в домашнем хозяйстве, включались в колхозную работу наравне со взрослыми. Исследователи отмечают, что в семейном трудовом коллективе во время войны происходит перераспределение трудовых обязанностей, при активном включении в работу детей [6, с. 369]. Анализ нарративов показал, что участие детей в работе, их приобщение к трудовым традициям начиналось примерно с 9–10 лет. Раннее приобщение к труду было характерно для земледельческого населения края. Но с началом Великой Отечественной войны это было вызвано также объективными условиями военного времени. Анализ устных воспоминаний позволил нам выделить несколько трудовых сфер, в которые были включены дети школьного возраста и подростки: трудовые обязанности по дому; трудовые обязанности по подворью; трудовые традиции на приусадебном участке; труд в колхозном производстве.

Возраст в условиях войны не освобождал от ответственности и работы. Установлено, что неблагоприятные демографические условия вели к формированию жизненных стратегий нетрудоспособных членов семьи с опорой на традиционные модели хозяйствования [7, с. 251]. Родители были заняты на колхозных работах, ответственность за домашнее хозяйство ложилась на детей. В обязанности детей входил присмотр за самыми младшими братьями и сестрами, уход за хозяйством, прополка огородов, полив. А. Ф. Овчарова (1924 г. р.) вспоминает: «А когда она [мама] работала? Они же выезжали на работу не так, как мы. Они попозже. Она вставала в четыре, ложилась она в двенадцать. А на обеде они там отдыхали. Час. А час поспать – это большое дело, я знаю. Сама, сама. А, два мальчишки были, тоже пололи, маленькие. Ну какие маленькие, по 10 лет, там 10–12» [8].

Физический труд становился необходимостью для всех категорий населения, даже для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Ф. Ф. Молчанова (1936 г. р.), которой к началу войны было всего 5 лет, отмечала: «Огороды тогда же садили – капусту, там овощи все. И колодца – были просто ямка выкопана, там доска такая, вот подходишь, мы ходили ей помогать поливать, дают там каждому сотку или полторы, чтобы ты ее поливал, и полол, и все там делал, не знаю, поскольку там давали. Ну, она как с утра уйдет, и до вечера. Вот пойдешь с ней... Достает, тогда хоть были колодца – журавль, такой опускаешь бадью, потом вытаскиваешь, а это просто на веревке таскали, тяжело очень было» [9].

Начиная с 10–12 лет дети становились особенно востребованы для колхозных работ. Это были уже не дети, но еще не взрослые. Их привлекали для разных видов работ – копать, косить, пахать. П. Е. Лысенкова (1929 г. р.) вспоминает: «Работала все работы, в яслях работала, и телят посла и на комбайне, и на прицепе тракторист, пахалаа я на плугу сидела. Трактористка рулила. И все боялась, что я упаду с этого. Ты пой песни, вот я на весь голос песни, че перестала? Да все песни перепела, снова начинай. Все помню, пережили. Все работали, все до маленького» [5].

Война ускорила трудовое обучение детей. Учителями стали взрослые, которые передавали знания и опыт детям и подросткам. Быстро повзрослевшие дети часто освобождались от обучения в школе для работы на полях и в колхозном производстве. М. Ф. Вознюк (1928 г. р.) так говорит о включении детей в колхозную работу: «Привлекали это, в поля пшеницу рвать и эту, траву. Привлекали. Ну какие там школьники, ну 4 класс там, 5-й. Тогда мало кто кончал большие школы. Я дак 4, а девки мои, Шурка, да Настя по 3. Какая школа? Голы, босы» [10]. И. П. Калмыков (1929 г. р.) в интервью говорит о том, что в военные годы он уже ощущал себя взрослым: «...если взрослый я сено метал, если маленький, вот они, посколь лет, по десять, наверное. Копна возили на коне. А женщины накладывали на волокушу и подкребщик еще, молодые девки, подгребали» [11]. Обстоятельства военного времени делали приобщение к труду, в том числе и тяжелому физическому, естественным процессом. А. Ф. Овчарова (1924 г. р.): «8 лет, они уже траву рвут. Делали, делали, приучали матеря, кто не хотел, матеря били их. Но это не у каждого. Которые непослушные. Но балованных детей мало было, баловаться нечем, полуголодные» [8].

Особую роль в воспитании трудовых традиций играли бабушки и дедушки, которые в силу своего возраста и опыта, имели возможность научить школьников и подростков разным работам. Т. Г. Осо-

кина (Белоногова) (1930 г. р.): «Уборка началась, зерно жали серпами, затем ложили в скирды, возили на коровах, на быках. Все убирали, все убирали. В сентябре вообще не учились. С 20 мая получали мобилизационный лист, были как бы тружениками. И вперед вместе с бабками и дедами. Спасибо им, что они нас научили косить, грести и все такое» [12].

Начиная с 15–17-летнего возраста происходило уже полное включение в трудовое производство колхоза, подростки были заняты во всех видах колхозных работ. Осваивали технику (трактора, комбайны), пахали землю, участвовали в уборке и заготовке. З. Н. Нагайцева (1925 г. р.): «...Зимой 1943 года, нас, девчонок, учили водить трактора, курсы были организованы в совхозе. А весной отправили в Тальменку на курсы комбайнеров. Я освоила две мужских специальности. На комбайне работала штурвальным». На протяжении всей войны подростки трудились наравне со взрослыми в колхозном строительстве и помощи фронту [4, с. 45]. М. Н. Бурматова (1926 г. р.) вспоминает: «Када началась война... меня как раз в бригаду увязли. Я тогда все года все военные сорок первого и по сорок пятый год в бригаде работала» [4, с. 308]. Стоит отметить тот факт, что сами подростки осознавали себя взрослыми и полноправными членами трудового коллектива. Война не делала различий для подростков на женский и мужской труд, работали там, где это было необходимо. М. Ф. Вознюк (1928 г. р.): «Когда на быках работала, уже, наверное, 15-й год был. Ну, а че? Я была маленькая, худенькая. А там надо пару быков. Не подымешь» [10]. А. Ф. Овчарова (1924 г. р.): «Мы страдали, молодежь, 16 мне же было, больше. А там такие были молоденькие пацанята. По 14, по 13. Они на лошадях лучше, чем мы, старшие» [8].

По воспоминаниям респондентов, техника была, но чаще всего ее не хватало, лошадей увезли на фронт, они были редкостью для хозяйства, поэтому пахать приходилось на коровах и быках. Такая ситуация наблюдалась повсеместно. Такой недостаток технического оснащения требовал больших физических усилий, в том числе и от детей. А. Ф. Овчарова (1924 г. р.): «А тракторов-то не было. А, коровами своими первое время. Корову запрягаем и пошел. А они дохли, как попашет, так сдыхает. ...Это уже под конец войны быками. Ой, как вспомню, страшно, я ж взрослая была. 17 лет, это ж уже бери больше, кидай дальше. Потому что вот такие со мной кидали деточки» [8].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что трудовые традиции семьи алтайской деревни, заложенные крестьянской культурой, в годы Великой Отечественной войны оказались востребованы. Среди них изменение возраста, с которого дети приобщались к труду. Начиная с 9–10 лет трудовые обязанности у детей были не только в семье, но и на общественном производстве. Раннее привлечение детей к труду способствовало адаптации сельского населения к изменившимся условиям сельскохозяйственного труда в годы Великой Отечественной войны. Быстрое включение детей и подростков в трудовые процессы стало возможным благодаря передаче навыков труда со стороны старшего поколения. Активное включение детей в производство и расширение детских трудовых обязанностей позволяют говорить о трудовом героизме жителей алтайской деревни в годы Великой Отечественной войны.

1. Гаврилов Н. С. Алтай в годы Великой Отечественной войны // Энциклопедия Алтайского края : в 2 т. – Барнаул, 1995. – Т. 1. – С. 150–158.

2. Щеглова Т. К. Мир времени истории в памяти поколений XX столетия: жизненные стратегии в военных условиях 1941–1945 гг. сельского населения Сибири // Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие : сб. ст. по материалам междунар. междисциплинар. конф. – Саратов, 2015. – С. 148–158.

3. Щеглова Т. К. Состав и группы русского сельского населения как фактор адаптационных механизмов в семейных повседневных практиках военного времени в контексте государственной политики // Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны : науч. и метод. материалы. – Барнаул, 2015. – С. 17–57.

4. Алтайская деревня в рассказах ее жителей. – Барнаул, 2012.

5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, п. Благовещенка. Лысенкова П. Е., 1929 г. р.

6. Щеглова Т. К. Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках

войны 1941–1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф. – Барнаул, 2015. – Вып. 9. – С. 366–378.

7. Щеглова Т. К. Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, заместительные технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г.: археология, этнография, устная история : материалы X междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2015. – С. 248–262.

8. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, п. Благовещенка. Овчарова А. Ф., 1924 г. р.

9. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, п. Благовещенка. Молчанова Ф. Ф., 1936 г. р.

10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, п. Благовещенка. Вознюк М. Ф., 1928 г. р.

11. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Первомайский район, с. Березовка. Калмаков И. П., 1929 г. р.

12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Залесовский район, д. Костыли. Осокина (Белоногова) Т. Г., 1930 г. р.

К. П. Лобчикова

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

ЖИЛИЩЕ И ОТОПЛЕНИЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ: ПОВСЕДНЕВНАЯ БОРЬБА С ХОЛОДОМ*

Данная статья посвящена анализу некоторых практик крестьянства по борьбе с холодом в годы Великой Отечественной войны. Основной акцент автором сделан на рассмотрении содержания и отопления жилища в годы войны.

Ключевые слова: жилище, отопление, холод, Великая Отечественная война.

Спустя несколько десятилетий после окончания Великой Отечественной войны исследователи не остаются равнодушными к проблемам военного времени. Участники боевых операций не единственные, кто внес огромный вклад в Великую Победу. Жители тыловой деревни сумели приспособиться к тяжелым условиям жизни во время войны. До сих пор остается открытым вопрос о том, как жители тыловой деревни сумели преодолеть все трудности войны [1, с. 148–158; 2, с. 22–40].

Одной из самых больших проблем жителей сибирских деревень в годы войны был холод. Длинная зима и морозы заставляли крестьян изыскивать новые способы и совершенствовать старые, для того чтобы поддерживать экологию крестьянского жилища. В данной работе рассматриваются некоторые вопросы повседневной борьбы с холодом в домашних условиях в тыловой деревне с опорой на устные свидетельства участников исторических событий. Содержащаяся в них антропологическая информация позволяет рассматривать вопросы бытовой культуры [3, с. 74–75]. Автором использованы материалы архива центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения кафедры отечественной истории (ЦУИиЭ ЛИК) Алтайского государственного педагогического университета. Применение устных источников обусловлено тем, что «вопросы питания, обеспечения жилищем, одеждой, топливом мало или совсем не отражаются в документах государственных фондохранилищ. Эта информация хранится в коллективной и индивидуальной памяти очевидцев военной поры» [4, с. 593].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (руководитель д-р ист. наук Т. К. Щеглова).

© Лобчикова К. П., 2017

Проблемами в годы войны стало обеспечение и содержание жилища. Как свидетельствуют устные источники, «с ремонтом жилья все необычайно осложнилось. Не то что перекрыть крышу или починить печной дымоход, но и вставить обычное оконное стекло, даже когда оно было, заменить сломавшееся топориче или насадить косу оборачивалось для женщины-крестьянки непосильным делом» [5, с. 148]. Эти факторы отразились на внешнем облике деревенских домов в военное время. «Потускнели некрашенные наличники, покосились заборы, появились новые заколоченные рамы. Вместо цветов под окнами разместились картошка, овощи, табак» [5, с. 149].

Что касалось жилищного строительства, то анализ мемуаров подтверждает замеченный исследователями повсеместный отказ в этот период от традиционного срубного строительства, преобладавшего в предыдущие годы [4, с. 586–599; 6, с. 67–70; 7, с. 163–174]. В условиях отсутствия возможности заготовки или приобретения традиционного для сибирского крестьянства лесного срубного материала [8, с. 222–231] и мобилизации главных строителей – мужчин востребованным оказался крестьянский опыт строительства из «сподручных средств», с использованием глины, камыша, соломы, хвороста, нестройовой чащи и т. п.» [9, с. 255]. В строительстве военного времени использовались разнообразные заместительные технологии. Так, Т. К. Щеглова пишет: «В обустройстве жилой среды строевой лес заменяется дерном, глиной, соломой, камышом, валежником, чашей и другими подручными материалами, а срубное строительство – земляным, дерновым, плетневым, глинобитным и другими архаичными технологиями» [9, с. 256]. Этот опыт формировался в периоды экстремальных или трудных условий жизнедеятельности, которые сопровождали крестьянскую семью в периоды многочисленных исторических переустройств и преобразований, в т. ч. в советское время [10, с. 17–56].

В связи с возникшими в войну трудностями вновь сооружаемые с помощью дерна, глины или камыша жилища отличались небольшими размерами. Так, М. Ф. Вознюк вспоминает: «Мы жили сперва <...> в пластянке. Потом <...> купили мы саманную, в саманной жили <...> Только две комнаты и все. Хоть какая семья, а две комнаты» [11]. И. П. Колмаков прямо указывает: «[Дом] был деревянный. Три на три» [12].

Тепло в жилищах достигалось топкой печи, в т. ч. широко распространена была русская печь: «Печка русская была <...> вот так стояла и обогревала всех» [13]. Она использовалась многофункционально: служила плитой, для приготовления пищи для всей семьи; постелью, на которой спали дети и старики. В качестве постельных принадлежностей использовались домотканые или самокатные вещи: «У нас на печке всегда был потник из шерсти скатанной. <...> Когда семья сильно большая, на полу спали люди. <...> Положат на пол этот потник, подушки, и никогда человек не мерз. Тепло на нем лежать, хорошо» [14]. Печь также использовалась для сушки зерна, овощей и одежды и т. д.

Для ежедневного поддержания тепла в жилище требовался большой объем отопительного материала, особенно в морозные зимы. Устные свидетельства показывают, что в войну трудности с топливом возникли повсеместно: «Я помню, мама встанет, в углах везде снег, окна доверху замерзшие <...>. Вначале надо было хлеб стряпать, потом уже камелек топить, чтобы было тепло» [5, с. 156]. По словам М. В. Барановой, «угля не было, дров <...> я никогда не видела» [5, с. 86]. Усугубляли ситуацию запреты государства на вырубку леса: «Рубить в колках дрова не разрешали, поэтому – чем топить? Делали кизяки <...> или солому прямо в дом заносили, топили соломой, со двора заносили объедья, что скотина не доела <...>. Иногда разрешали собирать хворост <...>» [5, с. 178].

В борьбе с холодом сформировались заместительные технологии – «замена дров иными природными материалами, которые путем собирательства мобилизовались из окружающего усадьбу и сельское поселение природного мира» [15, с. 563]. В степных районах, по словам А. А. Бочаровой, «<...> с бабушкой ездили собирать глизы коровьи, ими топили, не было же ни угля, ни дров, не лесополос» [11, с. 168]. В предгорных районах «<...> в забоке рубили собачник <...>, кустарник такой. Калину ту рвут, а собачник, у него ягода, она не съедобная. Ну, он горит жарко, собачник этот <...>» [16]. Повсеместно использовали кизяк: «Наработаешься, идешь домой и горе – чем печь топить? Кизяком да соломой немного тепла добудешь, приходилось ходить в лес за березняком» [11, с. 16].

Таким образом, применение новых подходов к изучению проблемы, введение в оборот новых исторических источников позволяют расширить рамки исследования истории Великой Отечественной войны и по-новому оценить вклад различных категорий советского общества в Великую Победу.

1. Щеглова Т. К. Мир времени в памяти поколений XX столетия: жизненные стратегии в военных условиях 1941–1945 гг. сельского населения Сибири // Сб. ст. по материалам междунар. междисциплинар. конф. – Саратов, 2015. – С. 148–158
2. Щеглова Т. К. Устная история (Oral history) как метод и источник этнографических исследований сельского населения в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. и источ. – Барнаул, 2016. – С. 22–40.
3. Щеглова Т. К. Стратегии выживания и адаптации земледельческого населения Сибири в контексте исторических событий XX столетия: ответ устной истории на антропологические вызовы // Антропология в поисках нового языка описания : тез. – Томск, 2016. – С. 74–75.
4. Щеглова Т. К. Повседневные практики и система жизнеобеспечения сельского населения в борьбе с холодом и голодом в тыловой деревне Сибири как фактор победы в Великой Отечественной войне: новые подходы и источники в историографических исследованиях // Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление : материалы Междунар. науч.-практич. конф. – Усть-Каменогорск, 2015. – С. 586–599.
5. Алтайская деревня в рассказах ее жителей. – Барнаул, 2012.
6. Щеглова Т. К. Адаптационные возможности крестьянской переселенческой культуры в селах западного степного и лесостепного Алтая: традиции и новации в 1930–1950-е годы на примере каркасного жилища // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : материалы Всерос. науч. конф. – Барнаул, 2013. – С. 67–70.
7. Щеглова Т. К. Традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения юга Западной Сибири в контексте исторического развития (1860–1980 гг.) // Традиционная культура. – 2016. – № 1. – С. 163–174.
8. Щеглова Т. К. Представления о «здоровом жилище» в повседневных практиках 1880–1920-х гг. и возможности крестьянского юга Западной Сибири в выборе и заготовке «избенного леса»: «ферменты» устной истории в «старых документах» и новые устные исторические источники // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах : материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Новосибирск, 2014. – С. 222–231.
9. Щеглова Т. К. Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, замещающие технологии и жизненные стратегии // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. – Барнаул, 2015. – С. 248–262.
10. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны : Научные и методические материалы. – Барнаул, 2015.
11. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Суевский район, с. Анисимовка. Вознюк Матрена Федоровна, 1928 г. р.
12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ: Первомайский район, с. Березовка. Калмаков Иван Петрович, 1929 г. р.
13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Первомайский район, с. Березовка. Усов Анатолий Андреевич, 1935 г. р.
14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Краснощековский район. Кудрявцева Мария Сергеевна, 1927 г. р.
15. Щеглова Т. К. Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920–1940-х гг.: материал, технологии и типы по устным историческим источникам // Материалы междунар. науч.-практич. конф. «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20 – начале 50-х годов XX века». – Усть-Каменогорск, 2014. – С. 554–571.
16. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Краснощековский район, с. Маралиха. Коротких Е. И., 1932 г. р.

А. А. Мазырина, А. В. Рыков

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

ПРИСВОЕНИЕ ЗЕРНА КАК АДАПТАЦИОННАЯ ПРАКТИКА РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА АЛТАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Данная статья посвящена рассмотрению присвоения зерна как способа выживания крестьянства в годы войны. В статье авторы рассматривают два основных способа присвоения зерна: сбор колосков и кража зерна. Авторы приходят к выводу, что в годы войны крестьянство, поставленное в крайне тяжелые материальные условия, было вынуждено прибегать к присвоению продуктов, являющихся государственной собственностью.

Ключевые слова: зерно, колоски, кража, культура жизнеобеспечения, адаптационные практики, заместительные технологии, Алтайский край, Великая Отечественная война.

В начале войны крестьянство оказалось в крайне тяжелых материальных условиях. Снижение выдачи продовольствия на трудодень, а также увеличение реквизиций продовольствия на фронт и увеличение налогов привели к началу голода в колхозных семьях. В данных условиях крестьянство пыталось решить проблему различными способами.

Одним из подходов, позволяющих шире раскрыть проблему решения нехватки продовольствия, является рассмотрение ее через призму культуры жизнеобеспечения в трудных условиях войны. Данный подход разрабатывается в работах Т. К. Щегловой [1–4]. Выдвинутое в ее работах положение о заместительных технологиях в питании как части адаптационных практик позволяет рассмотреть способы борьбы с нехваткой продовольствия на ряде примеров. Заместительные технологии в годы войны отразились в основных элементах системы жизнеобеспечения, в частности это коснулось питания. В этом контексте было проанализировано использование в пищу сусликов, яиц диких птиц и ряда других. Помимо этого, одним из вынужденных способов получения продовольствия стало присвоение общественной продукции.

В данной статье на основе устных источников будут рассмотрены основные способы присвоения общественной продукции русским крестьянством в годы войны на примере разных способов добычи и присвоения зерна. В целом продукция колхозов и совхозов считалась социалистической (то есть государственной) собственностью. Поэтому наказания за ее присвоение являлись значительными. Хищения социалистической собственности в исследуемый период квалифицировались по ст. 162 п. «в» и «г», «е» УК РСФСР, а также по Закону от 7 августа 1932 г. (хищение в особо крупных размерах). По этому закону за хищение собственности колхозов грозила смертная казнь, а при наличии смягчающих обстоятельств – как минимум 10 лет лишения свободы. В годы войны он стал применяться не только при крупных, организованных и систематических расхищениях, как ранее, но даже при сравнительно небольших хищениях социалистической собственности [5, с. 234].

Общей чертой воспоминаний о правонарушениях такого рода является то, что существовал страх не только перед содеянным, но и за одну лишь возможность совершить кражу с колхозного поля или склада [5, с. 233]. М. Т. Дворянкина (1933 г. р.): «Тогда было очень строго, хотя голодные были. Можно было пшенички пойти насыпать или что, если только заметили кто-то в карман или чего – все, судили и увозили, поэтому люди боялись и никакого воровства не было» [6].

При этом, как отмечает Т. К. Щеглова, во время войны в условиях нехватки традиционных источников продовольствия крестьянство часто стало относиться к колхозному имуществу как к одному из источников существования. Доказательством служит тот факт, что расхищались в основном продукты питания и корм для скота [7, с. 312]. Это подтверждают и объемы хищений – как правило, крайне небольшие.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (руководитель д-р ист. наук Т. К. Щеглова).

Системное изучение характера и динамики подобного рода «преступлений» непросто из-за их специфичности, которая делала возможным его выявление только вследствие «случайностей» (приезд уполномоченного, рассказ соседа и т. п.). Устные источники позволяют рассмотреть основные тенденции в данных «преступлениях» [5, с. 233].

Одним из основных способов присвоения общественной продукции являлся сбор урожая или его остатков с полей, в частности, наиболее распространенным являлся сбор оставшихся на полях колосьев зерна.

В условиях войны государство старалось минимизировать потери урожая. С этой целью официально вводился сбор колосков и сдача их в колхоз. В частности, секретным решением № 273с Исполкома Алтайского краевого совета депутатов трудящихся от 29 марта 1943 г. «О весеннем сборе и обмолоте неубранного в 1942 г. хлеба и колосьев зерновых культур» устанавливалось, что в связи «с большими потерями зерна немедленно после освобождения полей и токов от снега организовать сбор неубранного с осени хлеба» [8, л. 282]. В данной работе активно принимали участие школьники. В частности, в колхозе им. Владимира Ильича учительница Петрова организовала бригаду из 22 школьников, которая на площади 168 гектаров собрала 25 центнеров зерна [9].

Сбор колосков в личных целях считался преступлением. Это было связано, во-первых, с тем, что оно считалось колхозным, а по сути государственным имуществом. Во-вторых, запрет на сбор зерна был связан с тем, что зерно, собираемое после зимы, могло привести к заболеванию, в частности септической ангине.

Данный способ присвоения был самым распространенным вследствие его простоты, но при этом, как правило, он не давал большого результата. Колоски собирали либо поздней осенью, либо ранней весной. Ф. В. Нечаева (1926 г. р.): «Ходили колоски собирали. Это после комбайна, когда все уберут поля, потом ходишь, колоски собирали, это особенно весной, глядишь: все вышли, еще снег кое-где, а мы уже колоски собираем» [10].

Основным способом борьбы со сбором зерна со стороны руководства колхоза являлись объезды. Крестьяне по-разному пытались осуществлять незаметный сбор зерна, но нередко они попадались объездчикам. Н. И. Ларионов (1930 г. р.): «Гоняли. Едет, как увидит, объездной называли, гнал нас, как уехал, мы повернули, снова собираем. Гоняли нас. Подсолнухи тоже, как говорится, заходим, втихаря наколотим или один сорвем со шляпой, вот там шулупу отломили вот такой вот, а второй берем, срезаем шляпу и бьем, бьем, а потом, значит, их потихоньку-потихоньку и ушли. Таскали» [11]. В. Т. Ильинов (1932 г. р.): «Тут километров пятнадцать село, там осталось хлеба, под эту в зиму много и кинулись туда все, собирать колоски. Идем [домой с зерном], базарим и слышим ласковые слова, извините, бога мать там, матерится, за нами бежит. Мы мешки побросали и бежать, а он все равно догнал. И я вот как щас вот, почему отразилось в сознании, Гоша Бурлаков вот так вот руки поставил, а тот ему бичом, ну и отобрал мешки, мы идем плачем» [12].

Из воспоминаний опрошенных можно сделать вывод о том, что некоторые руководители давали разрешение на сбор колосков: «А вот здесь запрещают, а через косогор это уже никто не запрещал, его инициатива была. Конечно, конечно, его инициатива, ну, сколько собрали, набрал он, домой себе увезет, да и все» [12].

Еще одним способом присвоения общественной продукции являлись кражи зерна из мест его хранения. Основными категориями крестьян, занимавшихся воровством зерна, являлись те, кто был связан с обработкой или охраной зерна. Как правило, объемы краж также были небольшими, но уже большими, чем при сборе колосков. При этом за данные случаи реальное наказание следовало гораздо чаще и нередко было несоразмерным совершенному правонарушению. Вспоминает А. А. Усов (1935 г. р.): «Пришла с работы мать, у нее двое ребятишек. Она работала на зерне. Подсушивала лопатой там. Ну, вольно или не вольно, немножко зернишки в карман и попало, она пришла и это, раньше были алюминиевые чашки, и в эту чашку собрала. И заезжает бригадир: «Ааа, Дарья, ты что?» И Дарья как не бывало. Закон был строжайший. За колоски. Вот такой был закон, чтобы никто не брал нигде» [13]. Часто, по воспоминаниям респондентов, проводились облавы, в результате которых находились запасы зерна. Н. Ф. Грачева (1930 г. р.): «Поймали двух женщин, что они в карман насыпали себе пшеницы. Кто-то поймал, я не знаю кто – с района приезжали. А к этой старухе пришли... они сильно бедно жили, у них ничего не было... проверить, как они живут. Пришли, а ей та, ну сколько? Ну, может ведро, может меньше, не знаю сколько, пшеницы из-под комбайна насыпано.

А он говорит: “А где вы взяли эту пшеницу?” А она глупая была старушка, глухая вот такая, еще глушей меня: “Да, Танька принесла”. А Танька работала на комбайне. Ее, миленький, посадили, забыла: то ли 3, то ли 4 года дали» [14].

Следует отметить, что большое значение относительно дальнейшего наказания по данным преступлениям в годы войны приобретало отношение к ним местных руководителей. Т. К. Щеглова, делая свой вывод на основе интерпретации устных исторических источников, отмечает, что крестьяне с благодарностью вспоминают тех председателей и уполномоченных, которые пытались, в том числе обманым путем, защитить своих колхозников от государства, когда те скрывали хлеб и не сдавали его государству, тайно засеивали неучтенные полосы земли, тайно раздавали хлеб семьям колхозников [7, с. 383]. Плохими руководителями, по мнению крестьян, были те, кто не учитывал сложившуюся крайне тяжелую ситуацию, устраивал репрессии и старался выслужиться за их счет. П. Е. Лысенкова (1929 г. р.): «У нас через дом соседи жили: десять детей. Она в кармане с тока унесла пшеницу. У нее такая шуба была, она так уработалась, в карманах насыпала. И у нас плохой был председатель, такой, то на всех доносил, милиции. И вот донес в милицию. Милиция нагрянула. А они кушают, ребятишки сидят. И арестовали и посадили на десять лет. А десять детей остались. Мал мала меньше» [15].

Таким образом, в годы войны крестьянство, поставленное в крайне тяжелые материальные условия, было вынуждено прибегать к присвоению продуктов, являющихся государственной собственностью. Прежде всего это касалось зерна. Существовали два основных способа присвоения: сбор колосков с полей и кража зерна с мест хранения. Размеры хищений, как правило, были небольшими, но наказания за них следовали часто значительные. Большое значение в возможном наказании играла позиция местных руководителей, которые либо относились к данным правонарушениям с пониманием, либо старались жестко бороться с ними.

1. Щеглова Т. К. Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов : сб. ст. – Казань, 2015. – С. 379–389.

2. Щеглова Т. К. Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, заместительные технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г.: археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2015. – С. 248–262.

3. Щеглова Т. К. Собирательство как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941–1945 годов по устным историческим источникам // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – № 35. – С. 174–184.

4. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны : науч. и метод. материалы. – Барнаул, 2015.

5. Рыков А. В. «Правонарушения» колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: по устным историческим источникам // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае, 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2013. – С. 233–237.

6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, п. Майский. Дворянкина М. Т., 1933 г. р.

7. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. – Барнаул, 2008.

8. Государственный архив Алтайского края. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 151.

9. Алтайская правда. – 1943. – 17 сент.

10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Алтайский край, Усть-Пристанский район, с. Усть-Чарышская Пристань. Нечаева Ф. В., 1926 г. р.

11. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Алтайский край, Усть-Пристанский район, с. Усть-Чарышская Пристань. Ларионов Н. И., 1930 г. р.
12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Алтайский край, Ельцовский район, с. Ельцовка. Ильинов В. Т., 1932 г. р.
13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Краснощековский район, с. Краснощеково. Усов А. А., 1935 г. р.
14. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2011 г.: Алтайский край, Волчихинский район, с. Селиверстово. Грачева Н. Ф., 1930 г. р.
15. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, п. Благовещенка. Лысенкова П. Е., 1929 г. р.

А. А. Мазырина, А. Н. Малахова, А. В. Рыков

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

ДОБЫВАЮЩИЕ ПРОМЫСЛЫ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА АЛТАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО И РОМАНОВСКОГО РАЙОНОВ)*

Данная статья посвящена рассмотрению основных добывающих промыслов в степных районах Алтая в годы Великой Отечественной войны. Авторы раскрывают данную проблему на примере Благовещенского и Романовского районов. Авторы приходят к выводу, что в этих районах, помимо промыслов, встречающихся повсеместно, существовали промыслы, которые являлись основой хозяйственно-экономического уклада. В целом добывающие промыслы способствовали адаптации жителей тыловой деревни к крайне неустойчивой социально-экономической ситуации.

Ключевые слова: добывающие промыслы, степная зона, культура жизнеобеспечения, русское крестьянство, Алтай, Великая Отечественная война.

Одной из главных проблем для русского крестьянства Алтая в годы Великой Отечественной войны являлась нехватка питания. Основная причина – сокращение традиционных источников питания вследствие сокращения оплаты труда и повышения уровня налогообложения.

В сложившейся ситуации крестьянство было вынуждено прибегать к альтернативным способам обеспечения продовольствием. В частности, одним из таких способов стало расширение добывающих промыслов. Данную проблему авторы рассматривают в рамках концепции Т. К. Щегловой, которая определяет переход к добывающим промыслам в годы войны как одну из заместительных технологий для выживания крестьянства [1; 2; 3]. Согласно Т. К. Щегловой, «поворот от производящего к присваивающему хозяйству являлся для русского сельского сообщества не чем-то кардинально новым, а проявлением традиционной сбалансированности крестьянской экономики с «кормящим ландшафтом» и заместительными технологиями традиционной системы преодоления трудностей» [4, с. 153]. Роль некоторых промыслов в системе жизнеобеспечения русского крестьянства в годы войны была рассмотрена в ряде работ [5–7].

Цель данной статьи – исследовать особенности добывающих промыслов в степных районах Алтая как элемента культуры жизнеобеспечения сельского русского населения тыловой деревни в условиях войны. Основными источниками для статьи стали интервью, собранные в рамках двух полевых экспедиций 2014–2015 гг. в Благовещенском и Романовском районах Алтайского края, а также воспоминания жителей Благовещенского и Романовского районов из архивных и опубликованных сборников.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (руководитель д-р ист. наук Т. К. Щеглова).

© Мазырина А. А., Малахова А. Н., Рыков А. В., 2017

В годы Великой Отечественной войны одну из основ экономики алтайской тыловой деревни стали составлять добывающие промыслы. В зависимости от природно-географических условий, а также профессионально-этнических особенностей расселения в различных районах Алтайского края промыслы отличались друг от друга. Однако такие промыслы, как охота, рыболовство, бортничество, встречались повсеместно и являлись основой жизнеобеспечения семей, сельского общества в целом.

В данной статье на примере сел Благовещенского и Романовского районов авторы более подробно рассматривают и сопоставляют разновидности добывающих промыслов алтайской тыловой деревни. Природно-климатические условия рассматриваемых районов очень схожи. Благовещенский и Романовский районы расположены в западной части Алтайского края в степной зоне, в пределах Кулундинской равнины. Рельеф обоих районов – равнинный.

По воспоминаниям респондентов, одним из самых распространенных промыслов в данных районах являлось собирательство. Крестьяне активно занимались сбором дикорастущих трав, грибов и ягод. Н. И. Балаба: «Рано весной мы гурьбой ходили за щавелем, гусиным луком. В окошках рвали борщевку, коренья разные» [8, с. 11]. В. Т. Шахторов (1931 г. р.): «Еду добывали сами. Грибы, лук-слизун, сосновые почки собирали в бору, шиповник сушили, из степной ягоды пекли лепешки, варили борщ из лебеды» [9].

Также одним из самых распространенных добывающих промыслов в данных районах в годы войны являлись рыболовство и охота. Следует отметить, что данные промыслы повсеместно были распространены до войны среди мужского населения деревни. Важной особенностью в годы войны стало то, что вследствие значительных мобилизаций мужчин на фронт и промышленные предприятия данные промыслы либо были заброшены, либо ими стали заниматься свободные от работы члены семьи. В частности, согласно воспоминаниям респондентов, в годы войны встречались семьи, которые этими промыслами не занимались. А. А. Стациенко (1924 г. р.): «Какая рыбалка и охота, кому охотиться, мужики-то все на фронте» [10]. Но такие случаи не являлись частым явлением в сельской местности. Многие женщины и дети самостоятельно обучались особенностям данных промыслов и активно занимались ими. П. К. Аношкина (1926 г. р.): «...Я сама сети вязала, сама садила их. У нас рыбы много было. Я уже, когда они [дети] укладутся, я пойду, поставлю сети. А утром разденуся, стою, стою. Хоп, как сяду, искупнуся, тогда поплыву на ту сторону речки, отвяжу эту сеть и притяну, и рыба, пожалуйста, есть...» [11]. Также очень часто охотой и рыболовством занимались престарелые члены семьи, у которых был опыт подобных промыслов и имелось на них время. П. Е. Лысенкова (1929 г. р.): «У нас дед был охотник. Волков стрелял. Девчонки, идите, посмотрите, какого я завалил волка. Мы в сарай идем. На бричке лежит. Зайцев, лис ловил. И соседям кусочек даст, и себе. Много было зверей...» [12].

Важной особенностью Благовещенского и Романовского районов являлось наличие большого числа степных территорий. Данное обстоятельство делало возможным широкое распространение промысла по ловле сусликов. Во время войны ловля сусликов стала важной частью семейной крестьянской экономики. Они позволяли обеспечивать членов семьи необходимым белком, а также быть источником дохода. Фактически в это время суслики превратились из «губителей» в «спасителей». Н. К. Левченко (1933 г. р.): «Летом нас спасали суслики. Мы выливали их из норок, а потом жарили туши – это просто объеденье...» [9]. И. В. Крымских (1931 г. р.): «Большим подспорьем в питании стали суслики. Ловили их чаще выливанием воды в норы. На полевом стане была большая общественная баня. Котел в ней стоял огромный и мог вместить десятки тушек сусликов для жарки. Словом, летом можно было жить...» [9].

Еще одной особенностью Благовещенского и Романовского районов является наличие большого количества соленых озер, что делало возможным развитие такого добывающего промысла, как добыча поваренной соли. В годы войны она способствовала не только удовлетворению личных нужд, но и позволяла осуществлять денежную и меновую торговлю. Это было связано с тем, что поваренная соль являлась редким товаром, на который был большой спрос населения. Соседние села осуществляли обмен товарами между собой на предметы, которые отсутствовали друг у друга [2, с. 211]. Т. К. Лапутина (1921 г. р.): «И едем с мамой на корове к соленому озеру. Набираем соли. Она промывается и белая-белая, набираем в ведра и посуду и увозим домой. А дома мама запрягает корову, и едем в поселок, и продает ее. А продавали за все что угодно. Можно за овощи, у кого что есть. И мы это брали, а им соль нужна» [13].

Рассмотрев на примере сел Романовского и Благовещенского районов добывающие промыслы тыловой деревни во время войны, можно сделать вывод, что данные промыслы были очень схожи, так как природно-климатические условия и потребности людей совпадали. В этих районах, помимо промыслов, встречающихся повсеместно (сбор грибов, ягод, охота, рыболовство и т. д.), существовали промыслы, которые являлись основой хозяйственно-экономического уклада, например добыча поваренной соли, которую жители не только использовали в приготовлении и хранении продуктов питания, но и в качестве продукта обмена. Несмотря на трудности и лишения военного времени, жители тыловой деревни научились с помощью добывающих промыслов обеспечивать свой быт и сумели адаптироваться к крайне неустойчивой социально-экономической ситуации.

1. *Щеглова Т. К.* Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, замещающие технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2014 г.: археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2015. – С. 248–262.

2. *Щеглова Т. К.* Собирательство как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941–1945 годов по устным историческим источникам // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – № 35. – С. 174–184.

3. *Щеглова Т. К.* Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны : науч. и метод. материалы. – Барнаул, 2015.

4. *Щеглова Т. К.* Сусличьи промыслы и система питания колхозной семьи русского населения в годы Великой Отечественной войны: участники, способы, орудия ловли // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история. – Павлодар, 2016. – Вып. 11. – С. 152–163.

5. *Кузнецов А. С., Мазырина А. А.* Рыболовство как часть системы питания русского сельского населения Алтая в годы Великой Отечественной войны // Тобольск : научный вестник. – 2016. – С. 229–232.

6. *Щеглова Т. К.* Мобилизационная экономика крестьянской семьи в годы Великой Отечественной войны: ловчие промыслы на сусликов и собирательство яиц дикой птицы в системе жизнеобеспечения тылового сельского общества Сибири // Сибирь в Великой Отечественной войне : сб. материалов всерос. науч. конф. – Новосибирск, 2015. – С. 72–81.

7. *Щеглова Т. К.* Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов : сб. ст. – Казань, 2015. – С. 379–389.

8. Алтайская деревня в рассказах ее жителей. – Барнаул, 2012.

9. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1 : Женщина и война. Ч. 2 : Дети войны : рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

10. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, п. Благовещенка. Стациенко А. А., 1924 г. р.

11. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, п. Благовещенка. Аношкина П. К., 1926 г. р.

12. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, п. Благовещенка. Лысенкова П. Е., 1929 г. р.

13. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Благовещенский район, п. Благовещенка. Лапутина Т. К., 1921 г. р.

В. В. Подолько

Омск, государственный университет им. Ф. М. Достоевского

РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАЗАЧЬИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье сделан сравнительный анализ деятельности казачьих объединений Алтайского края Российской Федерации и Акмолинской области Республики Казахстан. Показана роль казачества в социально-экономической и политической сферах на постсоветском пространстве. Особое внимание уделено разобщению казачьих организаций. Основными источниками исследования стали тематические интервью, делопроизводственные документы, материалы СМИ.

Ключевые слова: казачество, Алтайский край, Северный Казахстан.

В 1990-е гг. тема казачества приобретает широкое общественно-политическое звучание. Начинают проводиться научные конференции, публикуются периодические издания о казаках. На постсоветском пространстве появляется ряд общественных объединений, направленных на возрождение историко-культурного наследия казачества. Однако появляется и ряд дискуссионных проблем. Наиболее актуальным является вопрос о статусе современных казаков. Какова роль казачества в социально-экономической и политической жизни страны? Также актуален вопрос о перспективах казачества.

В ситуации развития современных реалий этнографической науки увеличивается необходимость введения методов устной истории. Особенным образом данная ситуация отражается в изучении казачества, когда необходимо зафиксировать представления и ценности, жизненные стратегии и ожидаемые перспективы казачьих объединений.

Основными источниками для написания статьи послужили тематические интервью, делопроизводственные документы, материалы СМИ. В ходе исследования были изучены казачьи объединения Крутихинского и Каменского районов Алтайского края РФ и Бурабайского района Акмолинской области Республики Казахстан. Исследовательское интервью базировалось на следующих принципах устной истории:

- в первую очередь, феномен казачества рассматривался в оценках рядовых участников казачьих объединений («история снизу»);
- во-вторых, возрождение и развитие казачества на постсоветском пространстве интерпретировалось участниками и очевидцами данного явления («история изнутри»).

В возрождении казачества Алтая выделяют три периода:

- 1) 1990–1996 гг. – культурное возрождение, воссоздание исторической памяти казачьих войск России;
- 2) 1997–2005 гг. – законодательное оформление казачества, а именно – создание и развитие государственной реестровой казачьей организации сибирских казаков и ряда общественных организаций;
- 3) 2007 г. – по настоящее время – выполняются меры по закреплению за казаками прав и возможности несения государственной и иной службы [1].

Сегодня на территории края, помимо Алтайского отдельского казачьего общества, зарегистрировано и действует 21 первичное казачье общество (20 из них – реестровые). Здесь также функционируют восемь общественных организаций, которые называют себя «нереестровыми» казачьими обществами [2].

Возрождение и развитие казачества на территории Республики Казахстан можно разделить на два основных периода:

- 1) 1990-е гг. – 2005 г. Данный период характеризуется возрастающим интересом общества к феномену казачества и созданием казачьих объединений;
- 2) второй период: 2005 г. – по наст. время – ознаменовался созданием в 2005 г. Координационного совета (КС) русских, казачьих и славянских организаций, председателем которого является Юрий Филиппович Захаров. КС был создан с целью поддержки кандидатуры Н. А. Назарбаева на очередных

выборах. К тому же в 2006 г. Нурсултан Абишевич был избран почетным верховным атаманом Единого казачьего союза Казахстана и принял все символы казачьей власти – булаву, папаху, нагайку, шашку и коня. Сам же Ю. Ф. Захаров с 2013 г. является верховным атаманом международной неправительственной организации «Всемирный Союз казачьих атаманов», которая была зарегистрирована в г. Астане в 2012 г. [3, с. 3]. И вновь мы видим уже несколько казачьих объединений на государственном уровне – Координационный совет, Единый казачий союз Казахстана, но также на указанной территории действуют Степной край, Сибирское казачье войско и т. д.

Подробную информацию о казачьих организациях Крутихинского и Каменского районов Алтайского края нам предоставил Владимир Михайлович Приезжих (1949 г. р., пос. Ключи, Каменский район, Алтайский край; в 1986 г. переехал в с. Буян Крутихинского района по работе). Среди предков Владимира Михайловича есть уральские и донские казаки, а сам он состоит в общественной казачьей организации – Союзе казаков и воинов России и зарубежья (СКВРиЗ) – в подразделении Каменского района Алтайского края. Это объединение появилось сравнительно недавно – в начале 2000-х гг., а каменское отделение – в 2012 г. Штаб-квартира расположена в г. Камне-на-Оби, где проживает и атаман подразделения – казачий полковник Владимир Степанов [4].

В. М. Приезжих ранее состоял в реестровом войске. Но со временем часть казаков, в том числе и Владимир Михайлович, вышли из объединения, т. к. посчитали, что атаман Каменского станичного казачьего общества, урядник Л. Тимаков, повел неправильную политику. Сейчас отношения с реестровыми, как говорит В. М. Приезжих, «на ножах» [4]. Связано это отчасти с тем, что реестровые «кого попало понабирали, там даже казаков в родословной у многих нет» [4]. Таким образом, важным критерием для попадания в СКВРиЗ Каменского района является наличие казачьих корней в родословной [4].

Каменский отдел СКВРиЗ включает 34 человека (данные на июль 2016 г.). В основном это жители г. Камня-на-Оби (30 человек) и с. Буян Крутихинского района (4 человека). Каменский отдел реестрового войска включает 33 человека. Внутри казачьих организаций наблюдается разлад. К примеру, казак В. П. Липовцев был исключен из каменского отдела реестрового войска. В. П. Липовцев является автором нескольких книг о казачестве, и причиной исключения, по мнению В. М. Приезжих, стал тот факт, что данные книги – «плагиат чистой воды, который не понравился атаману, за что он Липовцева из объединения выгнал» [4]. В. П. Липовцев планировал создать свою организацию, пока не удалось. Крутихинское общество казаков создал казак, который ранее находился в каменском отделе СКВРиЗ, а затем отделился и, как отмечает Владимир Михайлович, «кого попало берет, главное численность увеличить» [4].

Казачьи объединения проводят различные мероприятия. Ежегодно в Белокурихе проводится фестиваль казачьей песни. Здесь собираются реестровые казаки, СКВРиЗ, Союз казаков России. В основном приезжают представители казачьих организаций Алтайского края, но иногда здесь бывают и казаки из Омской области и Республики Казахстан. Фестиваль длится 3 дня. Насыщенная культурная программа позволяет насладиться традиционными казачьими развлечениями. В г. Камне-на-Оби есть ансамбль казачьей песни (реестрового войска). Каждый год в конце июля данный ансамбль проводит фестиваль в с. Рыбном (40 км от г. Камня-на-Оби). Казаки СКВРиЗ этот фестиваль не посещают, потому что, как уже отмечалось, отношения с реестровыми сложились далеко не идеальные [4].

В с. Буян Крутихинского района казаки СКВРиЗ стараются обеспечивать общественный порядок, т. к. участковый проживает в соседнем населенном пункте – с. Заковряшино. Поэтому, если проводятся мероприятия в с. Буян, казаки регулярно дежурят, следят за тем, чтобы строго соблюдали «комендантский» час. Были и случаи исключения из казачества. Вот что рассказывает В. М. Приезжих на эту тему: «У нас я лично выгнал двух человек из казачества. Собираем всех казаков. Предлагаю: “Так, ребята, надо исключить. Пьют, на дежурства не являются, гоняют жен”. Решаем, что делать. На первый раз били нагайкой. Не помогло – на второй круг. Удостоверение на стол – забираем удостоверение, и все» [4].

Возрождение казачества в Северном Казахстане мы рассмотрим на примере казаков с. Катарколь Бурабайского района Акмолинской области. Это бывшая станица Котуркульская, которая была основана в 1849 г. Основатели станицы – крестьяне-переселенцы из Оренбургской и Саратовской губерний – были зачислены в 10-й Сибирский казачий полк, переименованный в дальнейшем в Сибирский линейный казачий конный полк № 1. Так они вступили в казачье сословие. Фамилии первых переселенцев

в селе можно встретить и сегодня. К примеру, из переселенцев Оренбургской губернии – Астафьев, Васильев, Игнатьев, Никифоров, Прокопьев, Трифонов, Федоров, Филатов, Филипов; из Саратовской губернии – Бердник, Боргуль, Габченко, Гумен, Дараган, Коморный, Корниенко, Мельник, Пивин, Подолько, Полиенко, Романико, Хомулло, Черненко [5, с. 37–73]. Согласно данным Национальной переписи населения РК, население с. Катарколь в 2009 г. составляло 2 854 человека [6, с. 91].

С конца 1990-х гг. прошлого столетия начинается возрождение казачества в с. Катарколь. С 2011 г. атаманом является Андрей Михайлович Боровиков. Важным вкладом катаркольских казаков в историю села можно считать возведение церкви в 2011–2015 гг. На выбранном месте находилась прежняя церковь во имя Св. Николая Чудотворца, 1855 г. постройки, деревянная, однопрестольная. В советское время в здании церкви располагался сельский клуб, затем – склад. Во второй половине XX в. сооружение было разобрано [7, л. 3]. Открытие новой церкви во им. Св. Николая Чудотворца состоялось 19 декабря 2015 г. [7, л. 4]. На территории церкви также располагается казачья управа. Сооружения возводились на пожертвования.

С 3 по 8 августа 2015 г. в окрестностях с. Катарколь прошел семинар по традиционной физической культуре казаков и Казачьему Спасу. Мероприятие было организовано школой рукопашного боя «Радуга Семиречья» при поддержке верховного атамана Ю. Ф. Захарова. В семинаре приняли участие более пятидесяти казаков со всех регионов Казахстана. В программу семинара входили ежедневные лекции и многочасовые тренировки. Казаки изучали и осваивали приемы рукопашного боя, владение шашкой и нагайкой, групповую работу [8].

С одной стороны, современное казачество приносит пользу: военно-патриотическое воспитание молодежи, культурно-оздоровительные мероприятия, пропаганда идеалов крепкой семьи – несомненно, все это необходимо обществу. Но с другой стороны, внутри самого казачества нет согласия. Отсутствуют организации, объединяющие всех казаков страны. Подобная ситуация наблюдается и в России, и в Казахстане. В России с 1995 г. мы видим деление на реестровых и общественников. Причем если в числе реестровых могут находиться люди, не имеющие казачьих корней, но изъявившие желание служить государству, то общественники в большинстве случаев принимают лишь тех, в чьей родословной были казаки. Таким образом, отсутствуют и общие критерии для вступления в казачество. Это ведет к тому, что в небольших городах и районных центрах как минимум по 2–3 казачьих объединения, в крупных городах насчитываются десятки подобных организаций. Атаман с. Катарколь А. М. Боровиков охарактеризовал данную ситуацию следующим образом: «Мания величия у них идет, каждый хочет атаманом быть» [7, л. 6]. Таким образом, разобщенность казачьих организаций, их противостояние дискредитируют казачьи объединения в глазах общества. Общество не воспринимает казаков всерьез. Возрождение традиций для некоторых кажется показательным. Мероприятия, проводимые казаками, получают разную интерпретацию, разные отзывы, порой негативные.

В результате возникает ряд сложностей на пути возрождающегося казачества. Историко-культурное наследие казачества несет в себе огромный потенциал. Но казачью культуру, элементы старого уклада необходимо адаптировать к сегодняшним реалиям, сделать их актуальными и востребованными.

1. Алтайское отдельское казачье общество // Официальный сайт Сибирского казачьего войска. – URL: <http://казакисибери.рф/?sid=4567> (дата обращения: 13.02.2016).

2. Как и чем живут казаки в Алтайском крае // Алтайская правда : Информационный портал. – URL: <http://www.ap22.ru/paper/Как-i-chem-zhivut-kazaki-v-Altayskom-krae.html> (дата обращения: 12.02.2016).

3. Захаров Ю. Ф. Доклад Председателя Координационного Совета русских, казачьих и славянских организаций Казахстана Ю. Ф. Захарова на Внеочередном Съезде КС // Казачий курьер. – 2015. – № 3 (119). – С. 3–6.

4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2016 г.: Алтайский край, Крутихинский р-н, с. Буян. Приезжих В. М., 1949 г. р.

5. Гусак (Подолько) Н. П. Переселение в станицу Котуркульскую (1849–1850 гг.). История в документах. – Омск, 2015.

6. Население Республики Казахстан. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года : стат. сб. – Астана, 2011. – Т. 1.
7. Архив Музея народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН. Ф. VII–2. Д. Р–1.
8. *Соколов А.* Постигая казачью науку // Союз казаков Семиречья. – URL: <https://www.сскс.kz/novosti/4-postigaya-kazachyu-nauku.html> (дата обращения: 11.02.2016).

Е. М. Скурыдина, А. А. Петер

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

ИСТОРИЯ БАРНАУЛЬСКОЙ ПОМОРСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ (ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ)

Статья посвящена истории Барнаульской поморской старообрядческой общины. Впервые перечислены все наставники общины XX в. Исследования основаны на письменных источниках и устной истории.

Ключевые слова: старообрядчество, поморцы, наставничество, устная история.

Старообрядчество в Западной Сибири и в частности на Алтае широко распространено было со времен освоения рудных богатств Алтая А. Демидовым [1–4]. Среди первых русских поселенцев на Алтае были старoverы-поморцы, которые принимали непосредственное участие в основании г. Барнаула и Колывано-Вознесенских заводов. Одним из первых приказчиков при строительстве заводов был Иван Семенов сын Украинцев, родной брат Выговского киновиарха Никифора Семенова. Также на Алтае некоторое время находился известный основатель центра уральского старообрядчества поморского согласия рудознатец Гаврила Семенов (брат Ивана) сын Украинцев, который оставил на Алтае яркий след своей необычной полемикой с католиком по вероисповеданию начальником Колывано-Вознесенских заводов бригадиром Беером [4, с. 23].

Во второй половине XIX в. усилилось распространение старообрядцев поморского согласия [1, с. 2–3] на территории Алтая и, в частности, в районе города Барнаула. Точно сказать о численности общин очень сложно, так как представители старообрядчества поморского согласия крестили своих детей в «никопянских»^{*} церквях и сразу же «окрещали» в поморских моленных^{**} [1, с. 2–3], что очень затрудняло работу миссионеров «никопянских» церквей. Государственная регистрация старообрядческих общин последовала после следующих Высочайших указов 17 апреля 1905 г. о религиозной свободе и равноправии и 17 октября 1906 г. об образовании старообрядческих общин [5, с. 417–418]. Барнаульская поморская старообрядческая община была зарегистрирована 14 марта 1907 года № 525 [6, с. 1352]. Моленный дом находился на даче А. Г. Морозова [7, с. 1123].

14 сентября 1910 года в г. Барнауле была совершена закладка храма во имя Воздвижения Честнаго Креста старообрядцами поморцами брачного согласия. Местная городская дума уступила бесплатно место для постройки храма [7, с. 1123] на ул. Мало-Змеевской, 3 (ныне Гвардейская). 8 июля 1911 года храм был освящен, настоятелем был Гурий Кокорин [8, с. 946–947]. Целью данной публикации является выявление всех имен последующих настоятелей барнаульской общины старообрядцев поморцев брачного согласия в XX столетии, поскольку в силу известных

^{*} «Никопяне» – последователи патриарха Никона (1605–1681 гг.), реформировавшего Русскую православную церковь по образцу византийской с введением ее норм, уставов, обрядов и книг.

^{**} Моленная – в России (особенно у старообрядцев) помещение для совершения богослужения, домашняя церковь. Не имеет алтаря и не предназначена для совершения литургии. В моленных обычно читали Часы, а также совершали праздничные богослужения и некоторые из церковных таинств. Богослужения в моленных совершаются как священнослужителями, так и мирянами (в объеме, разрешенном церковным уставом). У поморских могла располагаться в отдельном здании, имеющем вид часовни, или в отдельной комнате. [URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Моленная>].

объективных причин письменные документы об истории этого согласия не дошли до наших дней.

Для статьи информация о наставниках и духовных отцах Барнаульской поморской общины была собрана благодаря проведенным опросам среди старейших членов общины и обнаружена в письмах, хранящихся у респондентов в их семейных архивах. Выявленные источники впервые вводятся в научный оборот. Главной причиной, по которой информация о наставниках поморского согласия в XX в. как в Барнауле, так и на Алтае в целом не является доступной для общественности, является закрытость общин в прошлом веке, их стремление оградиться от какого-либо стороннего вмешательства. Этот принцип выдерживался и в предыдущие столетия. Так же, как и перманентные репрессии против приверженцев древнего православия в XVII–XIX вв., XX век не был исключением. Только в 1930-е гг. было раскулачено и репрессировано более сотни семей. Точно пока не представляется возможным сказать, так как создаваемая членами общины база репрессированных старообрядцев поморцев брачного согласия постоянно пополняется на основе выявления семейных историй. По этим причинам представители общин поморского согласия Алтай закрывали всю информацию и о членах общины, о ее наставниках и духовных отцах вплоть до конца XX в.

Работа с членами общины показала, что многие записи и фотографии были сожжены, чтобы при репрессировании одних представителей общин представители власти не могли узнать о других членах общины, а тем более о наставниках. Устная история в данном случае является основным методом восстановления информации о наставничестве на Алтае. Сложность восстановления данных состояла в том, что опрашиваемые респонденты являлись людьми преклонного возраста (от 70 лет до 101 года). В результате работа по интервьюированию и выявлению семейных архивов заняла много времени. Полная картина наставничества составлялась подобно мозаике, по кусочкам: одни респонденты указывали имя, другие респонденты указывали время наставничества этого наставника.

Во многих случаях последнюю точку ставили письма, которые случайным образом были найдены. Так, например, крайне ценные письма из Литвы, написанные барнаульскими наставниками в разное время и чудесным образом сохранившиеся в семье одного из видных наставников середины XX в., были получены авторами случайно, благодаря сложившимся обстоятельствам. Даже старейшие представители общины не имели информации о переписке наставников. Большой находкой стал выход на бывшую прихожанку Барнаульской поморской общины, проживающую в Санкт-Петербурге, – Ирину Феокистовну Малахевич (Шашину), 1914 г. р. Интервью с ней явилось отправной точкой в поисках новой информации. В дальнейшем представители общины в ответ на ее воспоминания стали находить фотографии, письма, а также воспоминания детей о своих родителях. В результате было опрошено более десятка респондентов и сделаны записи.

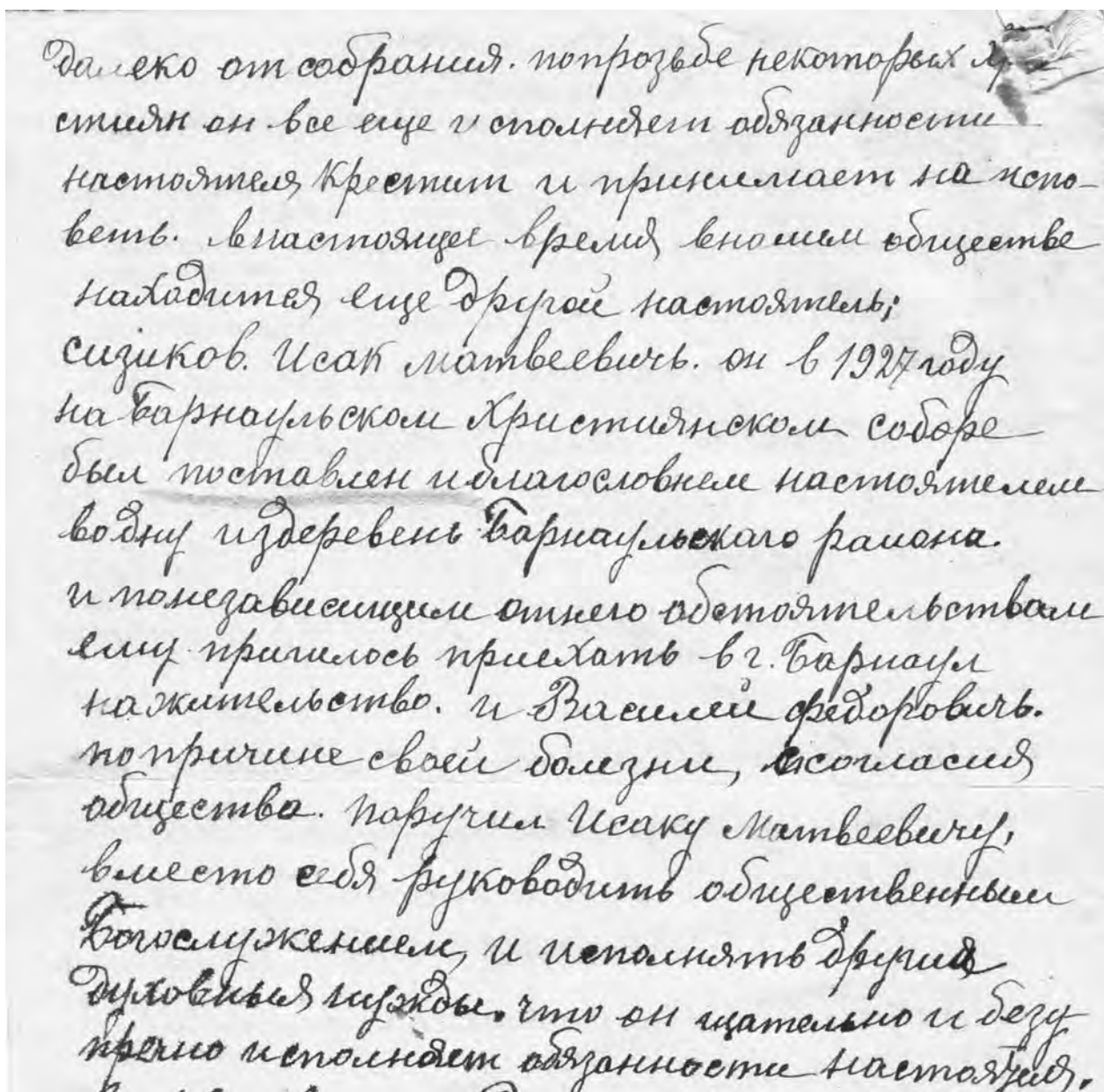
В интервью (ноябрь 2015 г.) Ирина Феокистовна упоминала Зотей Ивановича Углева как одного из наставников: «А Углев, он тоже наставником был. Он рядом с нами жил. Его сын был мой крестный... Вот не помню, как звали, но сын был Аврам». Восстановить имя и отчество позволило письмо Степана Аврамовича Углева, где он писал: «Отец (Аврам Зотеевич) не захотел идти в колхоз, и нас раскулачили... Дед, отец моего отца Углев Зотей Иванович. Помню, он был сух, высок ростом, с темно-русскими волосами, подстриженными под горшок...».

О местонахождении храма Ирина Феокистовна сказала: «Моленная была у нас на горе Морозовская. Поднимались по лестнице в моленную. Народу ходило много, полная церковь, молодежи много, сверху на галерке вся молодежь была». В своем интервью ранее Ирина Феокистовна упоминала, что «уехали из Барнаула в 1929 г. Ее отец Шашов Феокист Петрович (умер в 1956 г.) учил нотному крюковому пению в 1924 г. в дер. (заимке) Лебяжье в 12 км от Барнаула (ныне село Лебяжье). С 1924 по 1929 гг. служил в Барнауле. Моленная (“Морозовская”) стояла на горе, поднимались по лестницам с остановками. Рядом было кладбище. В 1929 г. уехали несколько деревень [старообрядцев поморского согласия] на Васюган».

Из писем, переданных Манефой Никитиной из Литвы, было установлено имя и отчество следующего наставника Барнаульской поморской общины. С 1928 г. до начала 1950-х гг. настоятелем и духовным отцом был Василий Федорович, приблизительно 1861 г. р. В 1938 г. храм был отобран у поморской общины, и ее члены молились уже по домам (рис. 1; 2).

г. Барнаул 5 ноября 1951г.
 Уважаемый и честный друг.
 Иосиф Иванович. примите наш
 Христианский привет, спожеланиями
 вам от Господа телесного и душевного
 здоровья. Настоящее письмо пишу вам
 не только лично от себя но и по просьбе наших
 братьев по вере. цель письма, познакомить
 вас в известность о положении дел в
 нашем обществе. наше Христианское
 общество законобразно по лаврскому соглашению,
 существует в г. Барнауле с 1907г. в настоящее
 время наше общество, собирает на общину
 (молитву) молитву в частности даже с разрешения
 местной власти каждую воскресенье
 и праздники. Настоятели в нашем
 обществе с 1928 года и по сей день находится
 отец Василий Федорович. Ему уже около
 90 лет. он уже несколько лет страдает
 хроническим ревматизмом согнутые
 в пояс этой болезнью. и без костылей двинуться
 не может. и по причине этой тяжелой
 болезни не участвует в нашей общей
 молитве. живет он на окраине города

Рис. 1. Письмо в Литву к наставнику И. И. Никитину от члена Барнаульской поморской общины
 А. А. Хлюпина, первый лист

далеко от собраний. по проезде некоторых
 стийн он все еще в состоянии обязанности
 настоятеля, крестит и принимает на по-
 весть. В настоящее время вношии обществе
 находится еще другой настоятель;
 сизиков. Исаак матвеевич. он в 1927 году
 на Барнаульском Христианском соборе
 был поставлен и благословлен настоятелем
 водну из деревень Барнаульского района.
 и по независимости от него в отдаленности
 ему пришлось приехать в г. Барнаул
 на жительство. и Василии Федорович.
 по причине своей болезни, в составе
 общества. парубки Исааку Матвеевичу,
 вместе себя руководит общественными
 богослужениями, и исполняет другие
 духовные службы. что он щательно и безу-
 пречно исполняет обязанности настоятеля.

Рис. 2. Письмо в Литву к наставнику И. И. Никитину от члена Барнаульской поморской общины А. А. Хлюпина, второй лист

С начала 1950-х гг. настоятелем Барнаульской поморской общины стал сначала как исполняющий обязанности, а затем и действующим настоятелем Исаак Матвеевич Сизиков. Ранее Исаак Матвеевич был настоятелем в общине одной из деревень Барнаульского округа. Исаака Матвеевича упоминали многие опрошенные. Ю. М. Немыкина, С. А. Ложкина говорили, что «Сизиков Исаак Матвеевич (1892 г. р.) с 1950-х гг. до 1966 г. укреплял и объединял общину». Он был одним из активных членов сообщества поморского согласия Алтая. В 1909 г. Исаак Матвеевич был на Первом Всероссийском Соборе [9, с. 42]. «Во время сталинских репрессий Исаак Матвеевич пострадал за слова: «Зачем разрушаете храмы?» и в 1930 г. был осужден на 10 лет с конфискацией имущества и сослан на Дальний Восток с женой и двумя маленькими детьми» [9, с. 42]. Только в 1938 г. было ему дано разрешение на возвращение и проживание в Барнауле.

В 1955 г. духовным отцом был избран Матфей Андреевич Устюгов (1897 г. р.) и до 1970 г. пребывал им. Про него стало известно, что он в начале 1940-х гг. переехал на Алтай, «постоянно посещал церковные богослужения в Барнаульской поморской общине. В 1955 г. был выбран общиной духовным отцом и пребывал им до конца жизни» [3, с. 15–16]. В воспоминаниях прихожан упоминаются его чтения, которые брали за душу, и многие плакали.

В 1965 г. духовным отцом был избран Ваила Львович Мартемьянов и до 1991 г. пребывал им. Духовными наставниками общины были Агап Иосифович Савеных, Авдей Семенович Кукушкин, Анфилохий Леонтьевич Юпатов, Александра Гавриловна Мартемьянова. Фамилии некоторых наставников восстановлены благодаря письмам в Литву. И вот уже около 18 лет исполняет обязанности духовного наставника старшая служительница Анна Вавиловна Мозолева.

На сегодня Барнаульская поморская община является одной из крупных в Сибири. А с освещением и воздвижением в сентябре 2004 г. основного креста с главком над куполом барнаульского храма у общины появилось постоянное место собрания на общее моление. Сам храм был освещен духовным наставником Московской старообрядческой поморской общины С. И. Корсаковым 4 ноября 2005 г. С этого времени в новом храме начались постоянные моления.

Таким образом, в результате проведенного исследования истории Барнаульской поморской общины были установлены все наставники общины в XX в. Даже имена тех, о которых в настоящее время община не помнит. На этом работа не заканчивается, предстоит ликвидировать белые пятна в биографиях и истории наставничества, например, о З. И. Углеве. А про Василия Федоровича пока подтвержден письмами только факт его наставничества, фамилию же наставника пока не удалось установить. Также благодаря письмам из Литвы были восстановлены фамилии двух наставников: Савеных и Юпатов. Но опрошенные респонденты знали только имена-отчества указанных наставников, информацию об их жизни только предстоит найти. Таким образом, проделана уникальная работа в данном направлении, но она является только отправной точкой для последующих изысканий.

1. *Беликов Д. Н.* Томский раскол (Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы). – Томск, 1901.
2. *Беликов Д. Н.* Раскол в Сибири и в Томске // Известия Императорского Томского университета. – 1905. – Кн. XXV.
3. *Борзых Т. И.* Матфей Андреевич Устюгов (Духовный наставник Барнаульской поморской общины) // Сибирское слово. – 2011. – № 5.
4. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. – Новосибирск, 1974.
5. Официальный отдел // Церковь. – 1908. – № 12.
6. Перечень зарегистрированных старообрядческих общин (продолжение) // Церковь. – 1908. – № 44.
7. Барнаул (От нашего корреспондента) // Церковь. – 1910. – № 45.
8. Барнаул (От нашего корреспондента) // Церковь. – 1911. – № 39.
9. Исаак Матвеевич Сизиков (Из воспоминаний его дочери Федосьи Исааковны Тагильцевой) // Сибирское слово. – 2010. – № 3.

А. Д. Цветкова

Павлодар, государственный университет им. С. Торайгырова

РОДИНЫ В РАССКАЗАХ-ВОСПОМИНАНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СОЛОНЕШЕНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2016 ГОДА)

В статье анализируются устные рассказы-мемораты о родинах, записанные в селах Солонешенского района Алтайского края в 2016 году, выявляются устойчивые ритуальные действия и их семантика.

Ключевые слова: родины, повитухи, традиционные представления, обряд, ритуал.

По справедливому замечанию современных исследователей, «беременность и роды с точки зрения традиционной культуры никогда не были чисто биологическим явлением, а всегда представляли собой явление социальное и культурное» [1, с. 38]. В настоящее время родовспоможение окончательно

но перешло в сферу официальной медицины, однако в памяти носителей фольклорной традиции сохраняются устойчивые рудименты весьма значимого для крестьянского социума обряда.

Данное исследование предпринято на материалах, собранных в ходе фольклорной экспедиции Алтайского государственного института культуры (Россия) и Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова (Казахстан) в селах Солонешенского района Алтайского края в 2016 г. Обследованные села неоднородны по этнографическому составу, в них проживают как представители официального православия, так и потомки старообрядцев различных толков и согласий. К анализу привлекается 11 мемуаров непосредственных участниц или свидетелей родильных обрядов, женщин в возрасте от 59 до 88 лет.

В многолетних селах алтайских старожилов институт повитушества был распространен вплоть до 70-х гг. XX в. и функционировал параллельно с официальным акушерством. Одной из причин обращения к повитухам, по словам информантов, была удаленность и труднодоступность сел. Однако даже при возможности медицинской помощи, следуя устоявшимся традициям, было принято рожать дома с повитухами: «Вот и кто знает, как, мои милые, и всяко хорошо. Конечно, вот в больницах спасают, а мы вот сколько раз говорили прямо: “Ох, что-то заболело. Надо позвать бабку Феклу”. А в больнице, помилуй Бог, не была, не рожала в больнице, не знаю, там как. Бог давал мне, я легко рожала. Есть трудно рожают. Вот есть и в больнице до тех пор мучаются! Вот, как-то говорят, не расходится это там, так и кесарят, через живот доставают. А мне Бог дал, я вот трех рожала, и, Бог давал, хорошо» [2].

Повитухами были женщины среднего и старшего возраста, имеющие детей. Ритуальное мастерство, как правило, передавалось в семье по женской линии: «В каждом селе есть специальная бабушка, и роды принимает. У меня, примерно, здесь была бабушка, трех детей роды принимала. Немолодая она уже была. Были внуки, были и дети. Вдова уже была. Наверное, обучались они, старшие-то тоже были» [3]. Сельские повитухи не только принимали роды, но нередко были еще и знахарками, лечившими от разных болезней. Существует представление, что способность к повитушеству и лечению также может быть получена свыше, чудесным образом, и дается это только достойному человеку: «Мама молилась. Утром вставала – молилась и вечером ложилась – молилась. И знала она все молитвы, и лечила от всякой проказы она. Она и от сибирки лечила, и от змеи лечила, от красной рожи лечила, и руки вставляла, и роды принимала. В общем, бабка-повитуха была. Я ее спрашиваю: “Мама, ну сколько ты молитв знаешь! Как тебя научили?” А она говорит: “Я во сне научилась”» [4]. Если в селе проживали представители разных конфессиональных групп, у каждой группы была своя повитуха.

Поскольку повитуха выступала в роли посредника между «своим» и «чужим», ей приписывали магические способности, которые, в соответствии с традиционными представлениями, были причиной ее трудной смерти: «Она тяжело у нас умирала, ее как бы парализовало. У нее было столько силы, она лежала, ее никуда не пускали. Она рвала пододеяльники. Оденем новый пододеяльник, и на мелкие-мелкие полосочки рвала его. И она помирала, наверное, неделю» [5].

Несмотря на то, что анализируемый обряд находится в пассивной памяти информантов и в настоящее время не воспроизводится, в рассказах-воспоминаниях сохраняются его наиболее значимые и концептуальные элементы. При этом «смысл действий не объясняется, а только декларируется необходимость их совершения» [1, с. 37].

С повитухой договаривались заранее, однако приглашали к роженице, когда роды уже начинались. Старообрядцы-поляки рожали в бане, «периферийное положение которой согласуется с пограничным состоянием роженицы (между жизнью и смертью) и посреднической ролью повитухи, осуществляющей связь между этими сферами» [6, с. 8]: «Рожала она меня одну с акушеркой, а этих всех дома рожала, ни больниц никаких. Вот с этой теткой. Она у меня сестру рожала в бане. Мне она сказала только: “Беги за бабкой Марьей”. Я еще в школе не училась. Я сбегала, бабка Марья пришла. А она уже со своей золовкой родила. Как начнется, так и звали» [7].

Исповедующие официальное православие, а также старообрядцы-часовенные рожали дома. Однако роженица находилась либо также на периферии домашнего пространства, либо изолировалась путем удаления из дома членов семьи, либо сознательно оставалась одна, тем самым «отдаляясь» от своего мира: «Мама прямо у порога родила. Мы зашли – ребенок ревет. И отец заходит. <...> Она одна так и родила. Сейчас в больницах рожают и ухаживают, а это – под порогом, на голом полу. Она вот при мне двоих родила. Вот младше меня 38-го года сестра. Эту на печке родила, тоже одна, никого не было» [8].

Круг участвующих в родинах лиц был предельно узок, чаще всего это повитуха и свекровь. Мужа роженицы отправляли из дома, как и других членов семьи, и оповещали только после родоразрешения: «Мы вот – свекровка да я. И повитуха. А мужа не было, то ли ушел куда. Не было его. Он куда-то ушел, Михаил, его выгнали» [9].

В памяти сохраняется представление о необходимости распускания волос как еще одном способе приближения к естественному состоянию и тем самым – удаления от своего мира. Пограничное состояние роженицы отражается и на состоянии членов ее семьи, особенно детей, которые воспринимают происходящее как реальную смерть: «Мне было ровно 4 года, в мой день рождения родился мой брат. Вызвали тетю Марину. Я помню, нас всех загнали на русскую печку, а мы в дырочку смотрели. Там она велела согреть воду. Потом тряпки какие-то на пеленки были. Раньше же шибко не было. А мы все смотрели тайком. Мы не понимаем, что рожает. Потом, значит, это, положила на кровать. И тут я вижу, что раз – и ребенок. Я первый раз в жизни роды видела... и последний. Я как зарыдала, заорала, что мама умирает!» [10].

При трудных родах повитуха звала мужа и заставляла его перешагивать через ноги лежащей жены. В традиционных представлениях цель переступания мужа через ноги роженицы – «отворить путь» [11, с. 69]: «Ну вот говорили эти старые люди, рассказывали, что бывае плохо роды. А раньше больниц не было, рожали дома. Так вот мужа и звали. Так вот она ляжит, вытянется, а он шагае вот тут через ноги, чтобы расхотилося тамо. Кто знае, все пригадывали. Она ляжит, вот вытянется, а он вот подойди и перешагни. Вот обойди кругом – три раза надо» [2].

Устойчивые представления о вертикальности пути ребенка, предполагающей связь верха и низа [12, с. 17], отражаются и в привязывании к потолку веревки, за которую держалась женщина при трудных родах: «Потом она повесила веревку вот так вот и сказала: “Держись за веревку, тужься, тужься!” Ну, че-то говорила, я уже не помню. Мне было странно, че это она делает-то? И она все – то за веревку, то ляжет. Обычная веревка. А раньше ведь крючки были, там зыбки вешали, вот на ей и висела. А зыбка же обычно около кровати» [10].

В записанных рассказах упоминается и вызывание рвоты у роженицы, как традиционный способ ускорить роды [6, с. 8]: «Они ведь че, повитухи, чтобы послед родился, она говорит: “Ну, теперь, Зинонька, давай в рот волосья толкать, блевать, чтобы послед родился”. А я говорю: “Кирилловна, ты че, хочешь, чтоб послед родился? Он счас без этого родится!”» [9].

В старообрядческой среде в связи с представлением о «нечистоте» роженицы и ее лиминальном положении запрещалось принимать участие в родинах женщинам, соприкасающимся с предметами религиозного культа: «Я рожала Колю и Сашу в больнице, а Надю дома. А мне принимала свекровка сестра. Она сидела. Я ее так легко родила прямо, а пуп не режет: “Мне тогда нельзя свечи скать”. Да послали, тут еще была сношельница моя. А я стою, и ребенок голый лежит. Я говорю: “Так ребенок-то замерз!” Я его в ноябре родила, на полу. Да платок с головы – накрыла. Когда Нюся пришла, пуп отрезала. Видишь, как пришлось, тетка тоже – сидит, ни за че не берется. Нельзя пуп резать – потом свечи нельзя катать» [13].

Повитуха оставалась в доме роженицы в течение трех дней. В каждый из этих дней топилась баня, в которой женщина проходила ритуальное воскрешение, а новорожденный «обретал статус человеческого существа» [6, с. 7]: «Баню затопят сразу, ведут в баню. Хоть Паска, хоть че. Три раза, три бани. Правит живот, знат, как оно все выправить. Три бани прошло. Она там себе потихонечку что-то шепчет. Ребеночка тоже носили в баню, сама она помое, принесут там кто» [9]. После бани роженице давали спиртной напиток: «Да из бани приведе, да стопочку налье и подаст» [2]. На следующий после родов день мать угощали медом.

Окончательное очищение всех участвующих в родинах проходило после трех бань в результате «размывания рук», в завершение которого принято было одаривать повитуху: «Когда она третью баню отмыла, все. Потом, значит, я должна – печатка мыла, новое, хорошее, полотенец, я потом – полушалонок еще кладу, чулки, кто как. И вот тогда этим мылом, я уж теперь даже слова не помню. Что-то она говорит мне, я вот так помоюся. Я как вроде маленько помоюся, и она. Потом она опять передает мне. Вот слова ни единого не скажу, не знаю. Мыло передает, я помоюся и вытираюся, и она опять. Три раз переменимся. Тазик, водички – и вот таким путем поменяемся. И потом этот полотенец и это вся я ей отдаю. И мыло это она возьмет. А там потом кто-то подают. У меня мама такая была – носки, чулки положишь. А полотенец чтобы новый был, не будешь же старым полотенцем. Все это берет. Потом

чай попьём. А чтобы кто-то там – Михаил да еще люди – не было» [9]. «Деньги не брали – спасибо и все! Пошли, Господь здоровья!» [14].

После «размывания рук» родственникам разрешалось навещать роженицу и младенца: «На родины приходят. Вот я родила, а ты вот мне сестра или племянница, или тетка, хресная у меня была. Они тогда приходят. Напекают этих постряпушек, приносят: “Ну, че там у тебе, ну-ка я погляжу, кто там у тебе?”. Они придут, например, родила или в праздник как раз какой-нибудь. Тогда трое-пятеро придут. И мы их покормим» [2].

Таким образом, несмотря на то, что традиционный родильный обряд вышел из бытования, в рассказах-воспоминаниях сохраняется его структура, отражающая устойчивые представления и верования, связанные с переходным характером обрядового действия.

1. Добровольская В. Е. Суеверия родильно-крестильного комплекса в мировоззрении современного горожанина // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч. конф. – М., 2004. – Вып. 6. – С. 36–46.

2. Материалы экспедиции 2016 г. с. Юртное, Солонешенский р-н, Алтайский край. Лопатина Анна Константиновна, 1930 г. р.

3. Материалы экспедиции 2016 г. с. Первомайское, Солонешенский р-н, Алтайский край. Паутова Анна Ивановна, 1936 г. р.

4. Материалы экспедиции 2016 г. с. Степное, Солонешенский р-н, Алтайский край. Панина Раиса Васильевна, 1934 г. р.

5. Материалы экспедиции 2016 г. с. Топольное, Солонешенский р-н, Алтайский край. Афанасьева Пелагея Ивановна, 1947 г. р.

6. Байбурун А. К. Родинный обряд у славян и его место в жизненном цикле // Живая старина. – 1997. – № 2. – С. 7–9.

7. Материалы экспедиции 2016 г. с. Топольное, Солонешенский р-н, Алтайский край. Маслова Зинаида Поликарповна, 1957 г. р.

8. Материалы экспедиции 2016 г. с. Степное, Солонешенский р-н, Алтайский край. Паутова Александра Григорьевна, 1929 г. р.

9. Материалы экспедиции 2016 г. с. Туманово, Солонешенский р-н, Алтайский край. Данилова Зинаида Степановна, 1932 г. р.

10. Материалы экспедиции 2016 г. с. Демино, Солонешенский р-н, Алтайский край. Зяблицкая Нина Ивановна, 1949 г. р.

11. Власкина Т. Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М., 2001. – С. 61–78.

12. Баранов Д. А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М., 2001. – С. 9–30.

13. Материалы экспедиции 2016 г. с. Искра, Солонешенский р-н, Алтайский край. Бердюгина Валентина Ивановна, 1929 г. р.

14. Материалы экспедиции 2016 г. с. Искра, Солонешенский р-н, Алтайский край. Федотова Мария Митрофановна, 1937 г. р.

Т. К. Щеглова

Барнаул, Алтайский государственный педагогический университет

ТРАДИЦИИ РОЗЖИГА ОГНЯ И СПОСОБЫ ОСВЕЩЕНИЯ ЖИЛИЩА В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ*

В статье рассматриваются семейные и деревенские традиции получения огня и освещения жилища в сибирской тыловой деревне в годы Великой Отечественной войны. На основе материалов устной истории и полевых исследований в ряде районов Алтайского края автором описываются несколько способов розжига, основанных на поддержании печных углей, выбивания искры и трения; используемые средства и материалы. Характеризуются детские, женские, мужские обязанности по обеспечению огнем. Констатируются причины возросших потребностей в вечернем освещении жилища и описываются способы, приспособления и приборы освещения. Выявляется роль семейного и деревенского общества в решении проблем получения огня и освещения жилища.

Ключевые слова: война, способы и средства получения огня, приборы освещения, семейные и деревенские традиции.

Жилищная экология зависела от факторов, тесно связанных с поддержкой тепла и освещения. Эти элементы входят в культуру жизнеобеспечения сельского населения. В 1930–1950-е гг. в неэлектрифицированной деревне отсутствовала система снабжения предметами первой необходимости (спички). Целью данного исследования является выявление способов получения огня, способы и приборы освещения жилища. Основные источники – полевые материалы исследований 2015–2016 гг. на территории ряда районов Алтайского края, а также опубликованные устные исторические источники.

Анализ полевых экспедиционных материалов показывает, что в решении этих вопросов сибирская деревня в годы войны опиралась на крестьянские традиции в условиях отсутствия средств розжига. Респонденты массово подтверждают, что в сибирской деревне в годы войны спичек не было; система обеспечения ими через торговую сеть формировалась к концу войны: «Электричества во время войны в домах не было, в домах берегли огонь, спички также были в дефиците» [1, с. 143]. Появление спичек в деревне оценивается очевидцами как событие в повседневной жизни, описываются разные виды спичек и коробков в обращении: «Спичек-то не было. А где-то кто-то разживется, <...> бумажка склеенная – черкушка, спички...» [2]. По другому описанию (Усть-Козлуха Краснощековского района), «спички были. Такая досточка была, и коробочка такая сделана была из этой <...> Сашка сейчас рубит дрова – березовая кора. С этой березовой коры сделана коробочка, и там спички. Как сейчас спички делаются из коробки, а тогда же ни бумаги, никого не было. Как-то там делали...» [3]. Одновременно появление спичек у семьи респондентами оценивалось как признак улучшения материального состояния. Рубежными годами между деревней без спичек и со спичками стал конец войны, когда появились в селах большие картонные ящики со спичками: «А потом появились такие огромные бумажные коробки, и там досточка. Ее почему-то называли дыр-досточка. А спички россыпью. И вот эти досточки и спички. Чиркнут, и все [зажглось быстро]! И пошло лучше» [4]. Однако коробки спичек поступали в совхозы, как государственные предприятия; колхозная деревня не имела денег для приобретения спичек и пользовалась народными способами еще в 1950-е гг.

Самым распространенным способом получения огня было поддержание тлеющих углей в русской печи. Для этого использовали устройство духового шкафа печи. Его объем был достаточным для выпекания и варки продуктов в нескольких «посудинах» – чугунах, сковородах, кастрюлях, на листах. Этот объем создавался за счет расширяющегося за устьем пространства. Боковины этого про-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (руководитель д-р ист. наук Т. К. Щеглова).

странства, закрытые от огнеопасной части избы, служили местом хранения тлеющих углей. Русская печь долго остывала, поддерживая в теплом состоянии приготовленную пищу, и тлеющие угольки могли долго продержаться в «закуточке», до следующего розжига. Особенно долго тлели угли кизяка, которые респонденты часто называют «тепляками». Вот как описывала использование тлеющих углей одна из респондентов: «Вот кизяками топили этот огонь. От кизяков долго [огонь] держался, а потом раскапывали эту золу. Зола получалась от этих кизяков. Мы эту золу разгребали, и вот там угольки были. И брали бумажку, если есть, или что, щепочку. И вот на этот уголек ложишь, и дули. Смотришь-то, бумажка загорится или щепочка. Вот там мы разжигали» [5].

Технология была проста в повседневных условиях – после топки «под» русской печи подметают и «заметают загнутой». Все, что там нагорает, – в одну кучку. Обычно... заслонка была, вот тут ход, и вот к этому ходу с одной сторонки вот эту загнетку заматают... Печка протопилась, дак вот здесь [слева] был уголок... и здесь с правой стороны уголок. Так вот туда золу сгребали, в этот уголок, горячую, чтобы, во-первых, держался жар дольше, а во-вторых, спичек-то не было, а угольки сохранялись. Чтобы утром растопить печь, лезут в загнетку, растопляют и потом начинают топить» [1, с. 156–157].

Второй способ был связан с традициями взаимопомощи и взаимовыручки в сельском обществе. Традиция преодоления трудностей «сообща» не была потеряна крестьянством во время раскрестьянивания 1930-х гг. и сохранялась в советском обществе длительное время, в т. ч. помогала поддерживать огонь уже не на уровне одной семьи, а на уровне всего сельского общества. Респонденты так говорят: «...А если у кого погаснет – значит, к соседям идут за угольком – не было спичек. Это была война, и после войны года два-три было еще так, спичек не было...» [1, с. 157] (Зональный район). Для респондентов взаимопомощь была нормой поведения сельского социума. Или «со спичками в войну проблема была. Вот у нас нет, например; смотришь – у кого-то дымится, и идешь, уголь берешь и разжигаешь» [6] (Краснощекровский район). Об этом же говорили в Залесовском районе: «Спичек не было, вот кто увидит, что вот печка топится, соседи бегут за угольком, берут уголек, домой несут, раздувают, печку растапливают...» [7] В Чарышском районе, по свидетельству респондентов, «иногда даже спичек не было. Мама утром смотрела в окно, у кого шел дым из трубы. Шла туда и просила тлеющий уголек, дома разжигала печь» [1, с. 69].

В переносе «угольков» сложились свои традиции. Во-первых, анализ полевых материалов показывает, что перенесение угольков не только от соседей, но и из соседней деревни в войну выполняли дети. Если за поддержанием огня в печи и сохранением угольков следили женщины и бабушки, то доставка углей стала обязанностью детей. Н. С. Изотов, который войну встретил в 11 лет, занимался этим регулярно: «Огонь разжигали, в основном, у кого утром, у кого дым идет. Котелки были такие, мать говорит: «Бери котелок и беги!» Прибегаешь: „Теть, дай угля!“ Она в этот котелок бросит парочку. Прибежал домой, мать в печку, раздует» [4].

Во-вторых, делали это часто бегом, чтобы уголек не погас: «...Ой, у кого дым пошел – бежишь. Берешь что-то и бежишь. И вот как только кто-то дымок пустил, спичек нет, не знаешь, чем зажигать. Вот идешь, у кого дым уголька, и приходишь, и разжигаешь» [2]. В-третьих, для защиты углей от ветра использовали разнообразную тару: главное, чтобы она сама была негорючей. В одних случаях это было ведро, как в семье из Троицкого района: «Вечером выглядывали, в каком доме загорится огонек, мама меня туда отправляла с ведром. На дне ведра береста и щепочки, несла и смотрела, чтоб ветром не задуло» [1, с. 143]. В других случаях – котелок: «Мы на Саватке жили, добьемся, что ни спичек, никого. Мы тогда через гору на другую деревню... Сколько раз я ходила через гору, котелок мне мама даст. Мне там дадут уголь или тепляк*. Я бегу бегом домой обратно <...> Мать потом в печке караулит, чтобы он не потух» [3]. Наконец, наряду с угольками и тепляками для переноса огня использовали зажженную бересту и лучину: «У кого баня задымилась, все шли за лучиной» [8, Бойко Валентина Дмитриевна, 1937 г. р.].

Третьим способом получения огня являлось традиционное для крестьянского общества использование кресала, которое часто называют «крысало». С его помощью высекали искры, от которых воспламенялся легко возгорающийся материал, которым служили солома, сено, сухой мох, изгреб или пачеси т. п. Высеканием искры кресалом, как правило, занимались мужчины, которых мало осталось в сельском обществе в годы войны. В полных семьях вспоминали, «когда отец был, камень о камень,

* Тлеющий кизяк или коровья лепешка.

как спички черканет, и он загорается» [6]. В большинстве семей вспоминали, что в войну их заменяли старшие мужчины непризывного возраста, которые помогали всей деревне: «У нас дед был... он все время этой искрой делал» [3].

Традиция использования кресала для высекания искры в довоенной и военной деревне поддерживалась традицией курения махорки. Респонденты так и говорят, что «крысало» имели «в основном курильщики...»: «Особенно вот прикуривали мужчины, которые курили... Мы добывали огонь. Спичек вообще в войну не было! Да и раньше их [до войны], спичек [не было]. Когда они уже, спички, пошли?! Так [кресалом] разжигали» [5].

Кресало использовали для розжига огня в печи и в зимнее, и в летнее время, и внесезонно для прикуривания. Кресало было удобно для розжига фитиля в осветительных приборах: «Когда дома был папа, он высекал искру на фитиль камнями, что это были за камни, я не знаю» [1, с. 143]. В годы войны овладели «выбиванием искры» и женщины, и дети. В устных свидетельствах фиксируется несколько вариантов кресала – из металла, из камня и комбинированное использование кресала из металла и из камня. При комбинированном использовании технология выглядела следующим образом, «Делали «крысало» – обточенную железку. О камень ударяли, и на ватку искры летели. И раздуваешь, добавляя бумажки и т. д.» [8, Бойко Валентина Дмитриевна, 1937 г. р.]. Каких-либо тенденций использования для кресала того или иного материала не выявлено, хотя не во всех природных зонах были нужные камни. Однако в годы войны возникли и проблемы с «железками».

Поэтому в устных материалах фиксируется использование и железа, и камней, независимо от территории, в горных или степных районах. Часто, особенно дети, делали это методом проб. Вот как описывает свой подростковый опыт из предгорного села в Краснощековском районе Мария Евдокимовна Харлова: «а то большинство камни выбивали... Просто находили какой камень, черкает-черкает, вот тут вот ватку пристроят или кого... Искрой, да [поджигали]» [3]. Та же технология высекания искры реконструирована в степном селе Романовского района: «Огонь разжигали... называлось „крысало“. Был какой-то камень такой... Я не знаю, с чего он сделан. Как-то, как вам рассказать, она не железная или железная, или чего, и вот так вот бьют об вот этот камень, искры летят, и вот подставляли бумажку, и вот если искр несколько попадет, может бумажка загораться» [5]. Единственным важным качеством камня респонденты называли его «сухость»: «высушивают вот эти камни, что на дорогах, серые... Кладешь его. Раз-раз... Все это загорелось. Потом бумажку или что раздуваешь, и пошло дело. И вата тоже загорается» [4].

Четвертым способом получения огня являлась сохранившаяся в военных повседневных практиках архаичная традиция извлечения огня с помощью трения. Для этого использовали каменный или металлический предмет и дерево с выдолбленным углублением. В основе технологии получения огня лежало трение: в углубление дерева клали легко возгорающиеся материалы, вертикально помещали продолговатый округлый металлический предмет концом в углубление и между ладонями вращали его до тех пор, пока не происходило воспламенение. По устным свидетельствам эти технологии особенно широко использовали на станах или в бригадах и при других выносных формах хозяйствования, для получения огня в общественных столовых. В такой ситуации часто брали сломанные детали сельхозтехники. В одном из описаний это были зубья сенокосилки («сенокоски»): «...их края обточат. И трут. Где-то в сосне у меня сейчас они есть». Далее респондент описывает, как добывали огонь для общественной столовой полевой бригады во время уборки хлеба: «Вот, его [дерево], значит, разрубывают [пополам]. В [углубление] этот самый [разрез размещали зубья сенокосилки] <...> кладешь его. Р-раз-раз, значит [вращали], и все это загорелось, потом бумажку или что, раздуваешь, и пошло дело. И вата тоже загорается» [4].

С розжигом было связано освещение жилища. От регионов Европейской России деревню Сибири отличало не только отсутствие электричества, но и редкое использование для освещения жилищ керосиновых ламп по разным причинам. Это отмечается респондентами из депортированных народов – немцев, литовцев, армян: «Эрик [из депортированной семьи поволжских немцев] жил по соседству с нами. Выполняя комсомольское поручение, мы общались, разговаривали, узнавали друг друга... Стал часто приходить к нему [брат]. Они подолгу разговаривали... Однажды он пришел к нам с керосиновой лампой. Мы часто сидели вечерами, учили уроки у печи. Разжигали лучины и с таким огоньком готовились к урокам. Керосина у нас не было... Эрик это увидел и стал приходить к нам с керосиновой лампой» [1, с. 69].

Так же, как и практика извлечения огня, повседневные практики освещения в годы войны опирались на народные традиции. Керосиновые лампы пришли в деревню из города в первые десятилетия XX в., но в Сибири лампы были далеко не в каждом доме. Между тем с 1930-х гг. возросла потребность освещения жилища. Одной из причин было введение всеобщего начального образования и ликвидация безграмотности. Зимой с коротким световым днем детям надо было готовить уроки.

Анализ материалов интервью показывает, что в центре системы освещения в годы войны находилась печь. Например, использование для приготовления домашнего задания отсветов огня из поддувала или из-под дверцы печей. Респонденты часто вспоминают, как выполняли домашнее задание у печи-голландки: «...Голанку затопят, все бабушка [заставляет]: “вот у голанки читай, а потом лампу зажжем”. К голанке с учебником сядешь, а в дверце в голанке дырочки, вот так вот. Учебник около дырочек держишь и читаешь...» [7].

Печные отсветы после протопки печи заменялись традиционными для крестьянской культуры архаичными и простыми приборами освещения – лучинами, жировиками, «коптюшками». Если в с. Чарышском традиционно «разжигали лучины и с таким огоньком готовились к урокам» [1, с. 69], то в других устных источниках чаще называли «коптушечки», или жировики. Они использовались в повседневных практиках издревле. В годы войны их техника изготовления была проста: требовались пустая емкость, жир и фитиль из любого волокнистого материала – конопляного жгута, скрученной полоски ткани и т. п. Принцип действия был основан на свойстве жира гореть и свойстве пропитанного жгута долго тлеть при подпитке жиром. Жгут помещали в емкость с жиром и поджигали. Такой светильник давал, кроме огня, черную копоть, отсюда и прозвище «коптюшка».

Жировики и «коптушечки» отличались материалом для емкости. Самым доступным материалом было использование овощей. На юге Западной Сибири зафиксировано использование тыквы и картофеля. Применение толстой кожуры тыквы общеизвестно в традиционной русской культуре. Как правило, для этого использовались паренки. Тыкву разрезали на две части и помещали на металлических или капустных листах в русскую печь, где она упаривалась. Мякоть выскребали деревянными ложками и съедали. Пареная тыква была сладким лакомством не только в годы войны. Выскобленные половинки во время войны использовались как посудные чашки и как емкости для «коптушек», в которые помещали фитиль и наливали жир. При изготовлении «коптушек» из картошки ее не варили: наоборот, у сырой картофелины срезали верхушку и выскабливали середину. Далее полученную емкость использовали так же, как и половинку тыквы.

О таких «коптушечках» рассказывали в ряде сельских регионов. «А разрезаешь картошку или тыкву. Сажали тыквы. И вот туда [в сформированную пустоту] накладешь, че есть [жир]. Тогда овечек стали держать, когда это масло, или кого [сало] набросаешь. Туда тряпки, мазанную, накрутишь... И туда ее положишь... И она горит так» [3]. При наличии использовали «бутылки». Встречались комбинированные «коптушечки» – из «бытылька» и овощей: «Молодежь, собираясь по хатам... Из картошки дырку [проковыряют], из ваты – фитиль. На флакон картошку, и горит» [8, Бойко Валентина Дмитриевна, 1937 г. р.]. Такая «коптюшка» была составной – емкостью являлся пузырек, на него надевали картофелину с отверстием, через которую в пузырек с жиром спускался фитиль. Такая конструкция гарантировала безопасность, так как прямого соприкосновения огня с жиром не было.

Лишь к концу войны в «коптюшках» стали использовать керосин вместо топленого сала и жира: «Вставлялся фитиль [в емкость], заливался керосин, и светили. А когда мы вот уже поженились*, и я работала в школе, надо было планы писать... Был такой пузырек, и такая вот шайбочка сделана. И здесь вставлялась, как трубочка, в эту трубочку вставлялся не фитиль, то ли ватка, я уже забыла, че... При этом свете и тетради проверяла» [5]. И лишь во второй половине 1950-х гг., по рассказу респондента, «стали появляться лампы. Мы купили лампу. Висячая называлась, подвешивалась там, вставлялась так и висячая была лампа. Это мы уже зажили... Представляете – с пузырьком писать, а потом, когда с лампой... Она хорошо, не дымит, ничего. Горит нормально, со стеклом надевается... Хорошо уже было со светом, с лампой со стеклом» [5].

Процесс замены «коптушечек» и лучин керосиновыми лампами затянулся на все послевоенные десятилетия. Использование и тех, и других фиксируется в материалах интервью до 1960-х гг., начала массовой электрификации деревни. Поэтому респонденты и говорили: «У кого-то лампа есть, у кого-то

* Начало 1950-х гг.

нету, то свечку, то лучинку жжешь» [4]. Особенно ценились не настольные, а именно висячие керосиновые лампы, равномерно освещающие все помещение. «В избе у нас лампа с керосином висела, тут вот она, посередь избы, и она светит. У нас и сейчас вон лампа есть» [5].

Таким образом, в решении вопросов получения огня и освещения жилища русское сельское население опиралось на традиции крестьянского мира: использовали дневной свет для основных работ, переходили на экономию в длинные зимние ночи. Основными источниками для создания приборов и приспособлений для освещения являлись субпродукты домашнего хозяйства – сало и жир от скотоводства, конопляные веревки от домашних промыслов и выращивания технических культур. Для получения огня использовались технологии трения и выбивания искры. Самым распространенным способом поддержания огня в семейном очаге было сохранение и использование тлеющих углей.

1. Алтайская деревня в рассказах ее жителей. – Барнаул, 2012.
2. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Краснощековский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Егоровна, 1933 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Краснощековский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Евдокимовна, 1936 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, п. Майский. Изотов Николай Степанович, 1930 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г.: Алтайский край, Романовский район, п. Майский. Дворянкина Мария Тихоновна, 1933 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Краснощековский район, с. Усть-Белое. Медведева Мария Павловна, 1930 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Алтайский край, Залесовский район, с. Залесово. Коровина Екатерина Крысановна, 1937 г. р.
8. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны : рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района Алтайского края. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.

О. С. Щербакова

Барнаул, Алтайский государственный институт культуры

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ БЫТОВАНИИ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА В ЭТНОКУЛЬТУРЕ СЕЛЯН: ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕЛАХ ЗЕРКАЛЫ И АНДРЕЕВКА ШИПУНОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается вопрос современного бытования песенного фольклора в этнокультуре сельских жителей на материале полевых исследований в селах Зеркалы и Андреевка Шипуновского района Алтайского края. Запись проведена автором статьи в сентябре 2016 г. Приводится анализ экспедиционных фольклорно-песенных материалов. Делается вывод об угасании традиционного крестьянского фольклорно-творчества и слабой сохранности песен позднего происхождения.

Ключевые слова: этнокультура, переселенцы Алтая, фольклор, песни позднего происхождения.

Проблема современного бытования фольклора и исполнительской сохранности песенных жанров – одна из значимых в исследовательском поле фольклористов-филологов, этномузыкологов, а также руководителей этнокультурных центров и творческих коллективов. Особый интерес (со слабой надеждой на определенную степень сохранности в этнокультуре селян традиционных песен) проявля-

ется исследователями к отдаленным от районных центров населенным пунктам. Именно с надеждой возможной фиксации неизвестных фольклорных образцов либо интересных вариантов автором настоящей статьи была организована экспедиция в северо-западную часть Шипуновского района – село Зеркалы и поселок Андреевка (входящий в Зеркальский сельский совет), которая состоялась 25 сентября 2016 г. В состав экспедиции, помимо руководителя О. С. Щербаковой, входили студенты Алтайского государственного института культуры и музыкального колледжа Анна Бабичева, Маргарита Ключкина, а также любитель фольклора Владимир Ветров.

Первым в маршрутном листе значилось село Зеркалы, расположенное в 45 км от районного центра Шипуново и раскинувшееся вдоль живописного соснового бора и озера Зеркального. Численность населения по состоянию на 01.01.2011 г. составляла 655 человек. На территории села имеется средняя школа, Дом культуры, библиотека, фельдшерско-акушерский пункт, почта, отделение Сбербанка, крестьянско-фермерское хозяйство Сухотерина [1, с. 137].

Село Зеркалы за время своего существования имело несколько названий: деревня Болвашкино (первоначальное название по фамилии первого поселенца Алексея Кузьмича Болвашкина), Зерцало, затем Зеркало. Первое упоминание о деревне Болвашкино Белоярской слободы Барнаульского уезда Кольванской волости датируется 1775 г. в материалах четвертой ревизии населения 1782 г. Первые поселенцы – семья Болвашкина и его земляков, прибывших из Тамбовской губернии (семьи Воякины, Пятаковы, Стреляевы, Кижины, Афанасьевы, Тумашевы, Харевы, Загайновы, Волковы). В конце XIX – начале XX вв. в село прибывали поздние российские переселенцы. По словам Марии Егоровны Назаренко (девичья фамилия Кижина, 1939 г. р., деда из Тамбовщины), переселенцев прозвали здесь «долбилкины», поскольку они «долбили корыты, а по деревне слышно было «долб, болб».

Основным занятием населения было земледелие, животноводство, рыболовство. В деревне было более десяти ветряных мельниц, маслозавод, две мануфактурные лавки, питейное заведение, работали местные гончары и обувщики, изготавливающие обувь. В селе была открыта подготовительная школа, в 1902 г. была построена православная семиглавая церковь Вознесения Господня с двенадцатью колоколами. В день открытия храма сход граждан принял решение о переименовании с. Болвашкино в Зеркалы – по названию озера [1, с. 135–137].

Историко-экономическое развитие села в XX в. происходило так же, как и в других регионах края и страны: жители села участвовали в Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войнах, организовывали коммуну (1921 г.), а затем колхозы (к 1930 г. были организованы коллективные хозяйства «Луч», «Солнце», «Заря Сибири», «Красные Зеркалы», а на базе поселка Андреевка, образованного в 1926 г., колхоз «Путь Ленина»), которые в 1957 г. образовали один укрупненный колхоз «Путь Ленина», на основе которого позже было создано ТОО им. Ленина (1993 г.), реорганизованное в СПК «Зеркальный» (1999 г.).

Таким образом, исторические факты свидетельствуют, что этнокультурное развитие села Зеркалы и поселка Андреевка связано с бытованием переселенческих разнообластных песенных традиций. Именно эту пестроту и представлял состав информаторов песенных групп нашей экспедиции. В с. Зеркалы это потомок первых поселенцев Мария Егоровна Назаренко (девичья фамилия Кижина, 1939 г. р.); внучки поздних переселенцев XIX – начала XX вв.: Евдокия Федоровна Гришина (Сафонова), 1941 г. р.; Валентина Павловна Коженевская (Гасай), 1942 г. р. (уроженка с. Урлапово, деда из Симбирской губ.); Людмила Ивановна Алейникова, 1943 г. р. (уроженка с. Урлапово, деда из Симбирской губ.); Анна Семеновна Кравченко (деда из Воронежской губ., бабушка из Пензы); переселенцы второй половины XX в.: Пелагея Васильевна Дударева (Шипилова), 1940 г. р., чувашка (приехала в Сибирь на целину из Чувашии); Надежда Ивановна Крюкова (Волох), 1939 г. р. (приехала в 1959 г. из Украины, г. Ковель); Любовь Васильевна Коченкова (Матвеева), 1948 г. р. (родилась в Оренбургской области, г. Новотроицк); Татьяна Сергеевна Козлова (Самойлова), 1950 г. р. (приехала из Казахстана, уроженка с. Новотимофеевка).

Интервьюирование показало, что в памяти информаторов исполнительского ансамбля, столь пестрого по исходной певческой традиции, нет ни одной свадебной песни, из календарных вспомнили лишь приуроченный к зимним поздравительным обходам на Рождество главный гимн православной церкви – тропарь Рождества «Рождество твое, Христе Боже наш». В активном репертуаре коллектива, небольшом по количественному составу песен, имеются в основном широко известные фольклористам лирические песни позднего происхождения общерегионального бытования, исполняемые на застольях: «Отец мой был природный пахарь», «Бедна, бедна девица, родилася на свет», «Калина-малина,

ягода моя», «Любила меня мать, уважала», «На небе месяц, на небе ясный». Исполнители с удовольствием поют воинские песни позднего происхождения, такие как «Скакал казак через долину», «Эс-минец на рейде у моря стоял», а также украинские песни в обрусевшей текстовой версии «Забелели снежки, забелели белы», «Ой, дождик идэ, до дэрэва лыпнэ».

Интересным для нас явилось воспоминание Анны Семеновны Кравченко, показавшей напев припева-рефрена к частушкам «под язык», который помнила от бабушки-пензячки: «Грабли-вилки, три метелки, два цапа. / Продал Ванька рожь-невейку за копейку».

В поселке Андреевка, расположенном недалеко от с. Зеркалы, певческая картина бытования фольклора оказалась аналогичной. Песенная группа в составе сестер Белевцовых – Лидии Федоровны Умриловой, 1952 г. р., и Татьяны Федоровны Елесиной, 1954 г. р. (деды и родители здешние), – и Любове Васильевны Клушиной, 1948 г. р. (дед из России), исполнила песни позднего происхождения: лирические романсового склада «На зеленой траве мы сидели, целовала Наташа меня» и «Я сидела да все мечтала у открытого окна», воинские «За лесом солнце засияло» и «Не вейтесь, чайки, над морем», современные «За грибами все девчонки дружно в лес пошли», «Ночь проходит, а я у порога», а также украинские песни «Ой, ты, коваль, коваль Коваленко» и «Ой, орел, ты орел, ты орел молодой, / Чи не был(ы) ты, орел, на Вкраине родной» [1, с. 5].

Но андреевцы напели необычный локальный текстовый вариант песни «Течет речка по песочку». В Сибири и Алтайском крае нами записаны варианты воинских песен «Течет речка по песочку» с текстом о казаке-воине. В андреевском варианте композиция песни, канва сюжета схожи, но здесь очевидно влияние поэтики тюремных песен: героем сюжета является молодой жульман (жулик, вор), сидящий в тюрьме; диалог жульмана и начальника тюрьмы с просьбой отпустить «до дому» происходит в тюрьме, а у сибирячки в песне названо имя – Рая. Для сравнения приведем два текстовых варианта: песню воинской тематики села Верх-Марушка Целинного р-на (записано автором в 1999 г.) [3, с. 164–166] и песню тюремной тематики, с. Андреевка.

Течет речка по песочку,
Берега обносит.
Эх, молодой солдат, молодешенький
Командира просит:
«Ты, командир, ты командир,
Отпусти до дому.
Эх, больно скучилась, больно смучилась
Милая моя зазноба».
– «Я бы рад бы отпустить бы,
Долго дома ты пробудешь.
Эх, ты напейся воды холодной,
Про свою жену забудешь».
– Пил я воду, пил холодну,
Пил не напивался.
Эх, полюбил солдат сибирячку,
Долго с нею знался.
Помер солдат, помер солдат,
Осталась его одежда,
Эх, и остался конь вороный,
Збруя золотая.
Коня ведут, его несут,
Конь головку клонит.
Эх, молода его сибирячка
Горьки слезы ронит [3, с. 164–166].

Течет речка по песочку,
Берега крутые.
А в тюрьме сидят жульманы,
Ребята молодые.
Тихо в камере теремной,
Лишь один жульман не спит.
Подзывает начальничка,
Сам тихонько говорит:
«Ой, начальник, злой начальник,
Отпусти до дому.
Больно скучилась, больно смучилась
Милая за мною».
– «Я бы рад бы, отпустил, да
Воровать ты будешь.
Ты напейся воды холодной,
Про любовь забудешь».
– Пил я воду, пил холодну,
Пил – не напивался.
Любил жульман сибирячку,
Ею любовался.
Умер жульман, умер жульман,
Осталася Рая,
И остался конь вороный,
Збруя золотая.
Гроб несут, коня ведут.
Конь головку клонит.
Молодая сибирячка
Жульмана хоронит.

Таким образом, анализ фольклорно-экспедиционных материалов, записанных в селах Зеркалы и Андреевка Шипуновского района Алтайского края, показал, что песенный фольклор в этнокультуре современных селян пока еще сохраняется и исполняется на праздничных застольях. Но его бытование характеризуется угасанием традиционного крестьянского фольклорного творчества, что, в свою очередь, связано с изменившимися экономическими и социально-культурными условиями жизни общества. Именно этим объясняется малочисленность певческих групп в современных селах, а также малочисленность «родительских» песен, находящихся в активной и пассивной памяти исполнителей (около 15–20 песен). В репертуаре певческих групп селян отсутствуют традиционные жанры (обрядовые песни, хороводно-игровые, плясовые, лирические протяжные), что объяснимо естественным уходом из жизни старейшего населения; песни позднего происхождения общерегионального бытования (песни романсового склада, воинской и тюремной тематик) находятся в слабой сохранности. Помимо русских песен, в певческих группах любимы и часто исполняемы украинские песни в обрусевших поэтических версиях.

1. *Плохих О. В.* 240 лет со времени первого документального упоминания с. Зеркалы Шипуновского района // Алтайский край, 2015 г. : календарь знаменательных и памятных дат. 2015 год. – Барнаул, 2014. – С 135–137.

2. *Харченко О. И.* Страницы истории села Андреевка (воспоминания старожилов). – Зеркалы, 2013. – На правах рукописи.

3. *Щербакова О. С.* Фольклорно-этнографические и песенные традиции русских Алтая : учеб. пособие : в 2 ч. – Барнаул, 2005. – Ч. 2 : Хрестоматия.

М. Л. Бережнова

Омск, государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева

ПОЛЕВЫЕ ПРАКТИКИ И КОРПУС ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ: ИЗМЕНЕНИЯ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Постепенно накапливающиеся изменения в исследовательских, в том числе собирательских, практиках не позволяют сразу заметить и охарактеризовать их. Но к настоящему времени эта динамика настолько значительна, что позволяет ставить вопрос об особенностях современных этнографических источников.

Ключевые слова: этнографические источники, полевые источники, визуальные источники, информаторы.

Этнография с момента ее зарождения рассматривалась как наука о народах и, используя современную терминологию, этнических группах. Долгое время в центре внимания ученых находилась традиционная культура. Еще в последней трети XIX века российские ученые разрешили, как оказалось, на 100 лет вперед, вопрос о том, где собирать этнографическую информацию, без которой наука о народах превращается в схоластические рассуждения. Решение этого вопроса дало ответ и на вопрос о том, какой слой общества является создателем и носителем этнической культуры. Начав научное разрешение вопроса с анализа этнографической значимости «захолустий и медвежьих углов» [4, с. 16] и кабаков [2, с. 54–56], ученые все-таки сумели обосновать интерес именно к деревенскому быту крупных народов с развитой социальной системой [см. анализ вопроса: 6, с. 302–305, 404–406]. Однако, по данным на 2015 год, более половины населения мира живет в городах [5]. По переписи 2010 года, в России 73,7 % населения – горожане [1, с. 27]. Тем не менее «по умолчанию» российские этнографы изучают сельское население как эталонное, а этнография города является всего лишь субдисциплиной.

Существенно изменились характеристики информаторов. В целом население России имеет достаточно высокий уровень образования, на 1 000 человек в возрасте 15 лет и более приходится лишь 3 неграмотных, а 546 человек имеют среднее и высшее образование [1, с. 85]. Практически полностью Россия покрывается сетью радио, телевидения и Интернета. Все это существенно изменяет проблему «сверхзнания» информаторов и делает необходимым ее учет в критике собранных этнографических источников. До начала информационной эпохи ученые практически не ставили под сомнение источники знаний своих информаторов, полагая все рассказанное личным или семейным опытом, а отдельные случаи передачи книжной информации рассматривали как своего рода анекдот. Сейчас вопрос, откуда черпают информаторы передаваемые ими сведения, является весьма актуальным. Более того, уровень компетенции значительной части информаторов таков, что они не просто пересказывают полученные ими из внешних источников сведения, а умело вплетают их в изложение своей личной истории, семейных преданий и легенд, местных традиций и обычаев.

Видимо, с этим смещением в головах людей достоверных фактов, разнообразных обрывочных сведений, научно обоснованных и ложных концепций, личного опыта, семейных и народных традиций связано формирование разнообразных вторичных форм культуры, которые при мощной поддержке современных информационных технологий становятся характерной чертой современной культуры. Типичный пример этого – всеобщее убеждение, что 40-летний юбилей отмечать нельзя. Способы изучения вторичных форм культуры в настоящее время начинают разрабатываться, но, видимо, эти сведения должны составить особый корпус этнографических источников, так как в значительном числе случаев при своевременном начале их изучения возможно выявление не только истоков, но и авторов новых традиций, а также методов их формирования и популяризации.

Затрагивая проблему использования уже устоявшихся в науке методов собирания источников, отметим и разрушительное действие на формируемые коллекции сведений запрет на использование в научных целях целого ряда документов: материалов ЗАГС (действует уже более двадцати лет), хозяйственных книг (их можно получить лишь на основании личной договоренности и особого расположения сотрудников сельских администраций) и т. п. Понятно, почему эти документы, содержащие персональные данные, были закрыты, но в определенной мере эти запреты являются фарисейством, так как на черном рынке разнообразные базы данных продаются по вполне умеренной цене. В итоге же современная этнографическая наука не может полноценно изучать проблемы межнациональных браков, стабильности этнических сообществ, современные формы хозяйствования и целый ряд других тем, которые имеют не только академическую, но и общественную значимость.

Целый ряд проблем этнографического источниковедения связан с развитием информационных технологий [3]. К ним можно отнести развитие «неконтактных» методов сбора информации, нарастающую визуализацию этнографических источников, использование новых методов негуманитарных наук.

Под «неконтактными» методами сбора материалов предлагаю понимать сбор сведений с использованием интернет-технологий без непосредственного контакта с информатором. Форм такой деятельности в Сети может быть очень много: от интернет-анкетирования и создания специализированных групп в социальных сетях, позволяющих получать интересующие исследователя материалы, до мониторинга форумов, живых журналов, групп в социальных сетях, где без участия исследователя обсуждаются интересующие его темы. Получаемые материалы по своей информативности часто бывают весьма ценными, охват респондентов – очень широким, но как проводить критику полученных источников, пока не ясно. В каждом конкретном случае исследователь полагается на свой здравый смысл и логику, выстраивая процедуру проверки полученных материалов. Самый простой путь здесь – использовать такого рода сведения как оценочные суждения, что также бывает важно для изучения системы стереотипов в общественном сознании, отношения людей к тем или иным чертам традиционной культуры и т. д.

Визуализация этнографии определяется стремительным накоплением фото-, аудио- и видеоматериалов самого разного происхождения. Во-первых, оцифрованы огромные объемы старых фотографий и даже аудио- и кинозаписей прошлого. Любители и исследователи, архивные и музейные работники собирают эти материалы в коллекции, которые выкладывают в сеть Интернет. Собираются гигантские коллекции аудиовизуальных материалов по современности, что связано с доступностью соответствующей техники и простотой технологий. В научном плане вопросы использования этого пласта ин-

формации не разработаны. И если фотографии часто используются как иллюстрации или собираются в специальные подборки, в том числе печатные альбомы, то совсем не ясно, что делать с видеоматериалами. При вербализации собранных материалов их информативность падает в разы. Однако современная наука пока не готова принять визуальный материал как равный печатному тексту.

Развитие разнообразных методов геолокации и картографирования уже сейчас широко используется при сборе полевой информации. Если еще 20–25 лет назад картографирование изучаемого локуса было сложной задачей, требовавшей специальных знаний, соответствующих приборов и инструментов, то сейчас широко распространяемые через Интернет карты позволяют решать эту задачу на совершенно ином уровне. Часто точность получаемых с различных интернет-ресурсов карт и схем в разы выше, чем это возможно при съемке, производящейся учеными-гуманитариями, а трудозатраты неизмеримо ниже.

Совершенно на иной уровень выводит этнографические исследования возможность получения оцифрованных архивных источников, как документальных, так и картографических. Российские архивы, правда, как открываются, так и закрываются неожиданно и без ясного юридического обоснования, однако то, что источники уже оцифрованы, дает надежду на разрешение проблемы их доступности. И если раньше только личное присутствие позволяло воспользоваться данными региональных архивных (добавим, и музейных) фондов, то теперь есть обоснованная надежда на гораздо более широкие рамки кросс-культурных исследований.

Казалось бы, описанная картина в целом сулит бурное развитие науки, особенно при разрешении описанных трудностей. Но за ней скрывается и целый ряд серьезных проблем. Отметим прежде всего то, что до наступления информационной эпохи этнографы, собирая материал, были готовы судить об истории и культуре целого сообщества. Теперь все чаще собранные материалы персонализируются: мнение отдельного информатора остается его мнением, основанным на личном опыте и знаниях, в том числе полученных извне. Собранные в «поле» персональные суждения о том или ином культурном явлении рассматриваются не как отражение достоверного факта, а как некое общественное мнение, более или менее распространенное. Эти реалии позволяют понять, почему современная гуманитарная наука, и этнография в том числе, склонна к изучению не конкретного прошлого, а его образов.

Даже если обратиться к этому сборнику материалов докладов Всероссийской научно-практической конференции «Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году (археология, этнография, устная история)», то очевидно, что указанные проблемы нашли отражение в представленных докладах. Конечно, большая часть докладов была подготовлена на основе источников, собранных традиционными для этнографии методами.

Однако ряд авторов указывает на применение GPS-навигаторов для проведения картографирования изучаемых памятников (Е. К. Абеуова, «К изучению культовых комплексов «Аулие» Павлодарского Прииртышья»), использование снимков, полученных с искусственных спутников Земли, как дополнительного исследовательского инструмента для сбора информации о планиграфии, процессе формирования и времени функционирования казахских некрополей (Г. Т. Джалдоксимова, «К изучению этапов формирования казахских некрополей степного Прииртышья»). Широко применяется изучение интернет-материалов как источника исследования (К. Ю. Гизиева, И. В. Межевикин, «От традиции к технологии: современный обряд погребения русских (по материалам Омска и Омской области)»; Ж. М. Молдагазина, «Программа трехязычия в Восточном Казахстане по опросам жителей региона в 2016 г.»; В. В. Подолько, «Роль и перспективы развития казахских объединений Алтайского края Российской Федерации и Акмолинской области Республики Казахстан»). При этом Ж. М. Молдагазина ссылается не только на текстовые материалы, но и на видеоролики, опубликованные на YouTube. Данные, размещенные в Сети, использованы в докладе Н. В. Губиной и С. А. Афанасьевой «Рождение и крещение ребенка в системе семейной обрядности старожилов и переселенцев Солонешенского района Алтайского края» для проведения сравнительного анализа собранных материалов. Конечно, и раньше использовался прием приведения аналогий для осмысления новых данных, но возможность поиска сравнительных материалов по ключевым словам дает современным исследователям значительные преимущества.

Новые, формирующиеся (или возрождающиеся) в наши дни явления культуры анализируются в докладах М. А. Жигуновой «День Сибири – возрождающийся праздник», И. А. Селезневой и А. Г. Селезнева «Этнографическое изучение новых экопоселений на территории Омской области

в 2016 году», Н. А. Тадиной и Т. С. Ябыштаева «О родовых “камнях” алтайцев», З. К. Сурагановой и С. Р. Сармановой «Саукеле: от предмета до обряда (реинтерпретация традиции в современной свадебной обрядности казахов Омского Прииртышья)». При публикации последнего доклада авторы включили в текст эпиграф, используя для него цитату из сочинения Пьера Нора: «...Мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому – действительному или воображаемому – с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью». Изучение «воображаемого прошлого» в этнографии все больше влияет на обновление тематики исследований.

Доклад С. Н. Корусенко «“Село Яланкуль и его жители. Шаджара”: рукопись сибирской бухарки как устный исторический источник» демонстрирует внимание современной науки к личной, индивидуальной точке зрения информатора. И, наконец, доклад Е. В. Щетининой «К вопросу о бытовании этнических стереотипов в современном интернет-пространстве» показывает, с одной стороны, возможности работы с разнородными интернет-материалами как этнографическим источником, а с другой, указывает на пути проникновения сгенерированных в Интернете коллективных представлений в печатные СМИ, на телевидение и радио.

Таким образом, для современной этнографии характерно обновление исследовательского поля за счет использования высокотехнологичных методов сбора материалов, постановки новых задач, связанных с анализом современных реалий жизни, поворота исследователей от изучения групп к изучению отдельных людей и их мнений. Все эти тренды развития науки были продемонстрированы на прошедшей конференции.

-
1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – М., 2013. – Т. 11 : Сводные итоги.
 2. Максимов С. В. Собрание сочинений : в 7 т. – М., 2010. – Т. 5 : На Востоке.
 3. Погорский Э. К. Особенности цифровых гуманитарных наук // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2014. – № 5 (сентябрь – октябрь). – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5/Pogorskiy_Digital-Humanities (дата обращения: 15.02.2017).
 4. Пытин А. Н. О задачах русской этнографии. – СПб., 1885. – (Отдел. оттиск. Печ. по: Известия Рус. географ. о-ва. – Т. 21. – С. 480–500).
 5. Рейтинг урбанизации стран мира. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2006–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index/info> (дата обращения: 15.02.2017).
 6. Токарев С. А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). – М., 1966.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет
ГБУТО «ГА в г. Тобольске» – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области
д. ж. п – души женского пола
д. м. п. – души мужского пола
ИЭЭ – историко-этнографическая экспедиция
КБО – комбинат бытового обслуживания
КМНС – коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации
ЛМИАЗиА АлтГУ – Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МНС ОФ ИАЭТ СО РАН – Музей народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
МЭП – материалы этнографической практики
МЭЭ ОмГУ – Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета
НКО – национально-культурные объединения
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ПМА – полевые материалы автора
р. п. – районный поселок
РГИА – Российский государственный исторический архив
СМИ – средства массовой информации
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ТГУ – Томский государственный университет
УрФУ – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ – Центр устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абеуова Енлик Кабыкенкызы – научный сотрудник Margulan Centre – регионального археологического центра Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан).

Афанасьева Светлана Александровна – студентка Алтайского государственного института культуры (Барнаул).

Ахметова Шолпан Камалидиновна – старший научный сотрудник сектора этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук.

Белоглазова Галина Николаевна – заведующая музеем истории Алтайского государственного института культуры (Барнаул).

Белоусов Роман Владимирович – преподаватель кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Бережнова Марина Леонидовна – доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, старший научный сотрудник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Омск), кандидат исторических наук, доцент.

Бойко Владимир Сергеевич – профессор кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), директор по направлению (экспертно-аналитическая работа) Азиатского экспертно-аналитического центра этнологии и международного образовательного сотрудничества, доктор исторических наук.

Борисов Виктор Александрович – старший научный сотрудник Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Кемерово), кандидат исторических наук.

Бородаев Вадим Борисович – ведущий специалист по учебно-методической работе учебной научно-исследовательской лаборатории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Витовтова Галина Ивановна – доцент кафедры музеологии и документоведения Алтайского государственного института культуры, кандидат исторических наук.

Герасимов Юрий Викторович – научный сотрудник сектора исторического музееведения Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук.

Герасимова Надежда Александровна – доцент кафедры хореографии Алтайского государственного института культуры (Барнаул).

Гизиева Ксения Юрьевна – младший научный сотрудник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Омск).

Головченко Николай Николаевич – ассистент кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), аспирант.

Горбунова Татьяна Александровна – доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук.

Губина Нина Валерьевна – старший научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы Алтайского государственного института культуры (Барнаул), кандидат филологических наук.

Дашковский Петр Константинович – заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор исторических наук, доцент.

Демин Михаил Александрович – декан исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), доктор исторических наук, профессор.

Джалдоксимова Гульзина Тураровна – научный сотрудник Margulan Centre – регионального археологического центра Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан).

Динкелакер Златамира Александровна – студентка филологического факультета Омского государственного педагогического университета.

Дорошенко Алена Александровна – магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Досмурзинов Рустем Куандыкулы – магистрант Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан), Новосибирского государственного университета.

Емельянов Дмитрий Владиславович – магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул).

Ерохина Елена Анатольевна – ведущий научный сотрудник сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (Новосибирск), доктор философских наук.

Жигунова Марина Александровна – старший научный сотрудник сектора этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук.

Золотова Татьяна Николаевна – заместитель директора Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, кандидат исторических наук.

Игнатенко Александр Александрович – магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Ильина Анна Александровна – научный сотрудник сектора этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук.

Илюшин Андрей Михайлович – профессор Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Кемерово), доктор исторических наук.

Кабакова Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общей экономики и права Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета (Омск).

Кассал Борис Юрьевич – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат ветеринарных наук, доцент.

Кимеев Валерий Макарович – профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, доктор исторических наук.

Кобелева Лилия Сергеевна – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), кандидат исторических наук.

Константинов Никита Александрович – заведующий музейным комплексом Горно-Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук.

Коровникова Диана Николаевна – студентка Алтайского государственного института культуры (Барнаул).

Корусенко Светлана Николаевна – ведущий научный сотрудник сектора этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук, доцент.

Красникова Арина Васильевна – магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Крих Анна Алексеевна – доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук, доцент.

Лампартер Эдуард Эдуардович – лаборант Margulan Centre – регионального археологического центра Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан).

Лацис Юлия Сергеевна – студентка филологического факультета Омского государственного педагогического университета.

Леонова Виктория Александровна – магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Лобчикова Кристина Павловна – магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Мазырина Анастасия Александровна – магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Малахова Анастасия Николаевна – магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Мадюкова Светлана Александровна – научный сотрудник сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (Новосибирск), кандидат философских наук.

Мамадаков Юрий Топасович – директор научного центра «Наследие» (Барнаул), кандидат исторических наук.

Мамонтова Оксана Сергеевна – заведующая экспозиционно-выставочным отделом Алтайского государственного краеведческого музея (Барнаул), кандидат исторических наук.

Межевикин Иван Владимирович – младший научный сотрудник отдела национальных культур и историко-культурного наследия Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, магистрант исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Молдагазина Жулдыз Маратовна – магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Молодин Вячеслав Иванович – заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), доктор исторических наук, академик РАН.

Москвина Вероника Анатольевна – доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук.

Мыльникова Людмила Николаевна – ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), доктор исторических наук.

Ожиганов Александр Николаевич – специалист по учебно-методической работе кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул).

Онищенко Сергей Степанович – доцент кафедры зоологии и экологии Кемеровского государственного университета, Институт биологии, экологии и природных ресурсов, кандидат биологических наук.

Павлов Дмитрий Николаевич – младший научный сотрудник сектора исторического музееведения Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

Персидская Ольга Алексеевна – младший научный сотрудник сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН (Новосибирск).

Петер Анна Анатольевна – студентка Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Подолько Валентина Владимировна – студентка Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Редников Антон Александрович – младший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул), старший научный сотрудник отдела археологии Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края (Барнаул).

Рыков Алексей Викторович – магистрант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

Сарманова Сулушаш Рахимжановна – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Омск), кандидат исторических наук.

Селезнев Александр Геннадьевич – заведующий сектором этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук.

Селезнева Ирина Александровна – директор Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук.

Сидельникова Алена Николаевна – стажер кафедры зоологии и экологии Кемеровского государственного университета, Институт биологии, экологии и природных ресурсов.

Скурыдина Елена Михайловна – доцент кафедры информационных технологий Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), кандидат технических наук.

Соенов Василий Иванович – руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук.

Сураганова Зубайда Кабиевна – ученый секретарь Национального музея Республики Казахстан (Астана), кандидат исторических наук.

Тадина Надежда Алексеевна – доцент кафедры археологии и всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук.

Татауров Сергей Филиппович – заведующий сектором археологии, ведущий научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук.

Тихомиров Константин Николаевич – старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук.

Тихомирова Марина Николаевна – научный сотрудник сектора исторического музееведения Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук.

Толпеко Ирина Васильевна – доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук.

Томилов Николай Аркадьевич – заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук, профессор.

Трифанова Сынару Вениаминовна – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук.

Турова Наталья Петровна – младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН.

Тушева Елена Константиновна – научный сотрудник Margulan Centre – регионального археологического центра Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан).

Урбушев Айдын Урматович – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов Горно-Алтайского государственного университета.

Ушницкий Василий Васильевич – старший научный сотрудник сектора этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), кандидат исторических наук.

Федорук Александр Сергеевич – старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул), старший научный сотрудник отдела археологии Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края (Барнаул), кандидат исторических наук.

Федорук Ольга Александровна – научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат исторических наук.

Цветкова Алевтина Дмитриевна – профессор кафедры русской филологии Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова (Казахстан), кандидат филологических наук.

Цыряпкина Юлия Николаевна – доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), кандидат исторических наук.

Чарина Ольга Иосифовна – старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), кандидат филологических наук.

Чернова Ирина Валерьевна – доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук.

Черниченко Анна Дмитриевна – стажер кафедры зоологии и экологии Кемеровского государственного университета, Институт биологии, экологии и природных ресурсов.

Чухрай Мария Викторовна – студентка Алтайского государственного института культуры (Барнаул).

Шалахов Евгений Геннадьевич – сотрудник музея Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева» (п. Юрино).

Шинкевич Павел Петрович – аспирант исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Шмидт Ирина Викторовна – доцент кафедры теологии и мировых культур, кандидат исторических наук.

Щеглова Татьяна Кирилловна – заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.

Щербакова Ольга Семеновна – заведующая кафедрой народного хорового пения Алтайского государственного института культуры (Барнаул), кандидат педагогических наук.

Щербинин Всеволод Владиславович – доцент кафедры радиофизики и теоретической физики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат физико-математических наук.

Щетинина Елена Витальевна – ведущая Государственной телевизионной и радиовещательной компании «Иртыш».

Эбель Александр Викторович – заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук.

Ябыштаев Тенгис Степанович – лаборант Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Республики Алтай (Горно-Алтайск).

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРИИРТЫШЬЕ,
ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ И НА АЛТАЕ
В 2016 Г.**

Археология, этнография, устная история

Выпуск 12

Материалы XII международной научно-практической конференции
Омск, 24–25 марта 2017 г.

Редактор *Е. Н. Завьялова*
Технический редактор *Е. А. Балова*

Подписано в печать 21.08.2017. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 29,5. Уч.-изд. л. 28,2.
Тираж 100 экз. Заказ Б-232

ООО «Издатель-Полиграфист»
Отпечатано в типографии ООО «Издатель-Полиграфист»,
Омск, ул. Герцена, 158, тел./факс: +7 (3812) 47-11-66